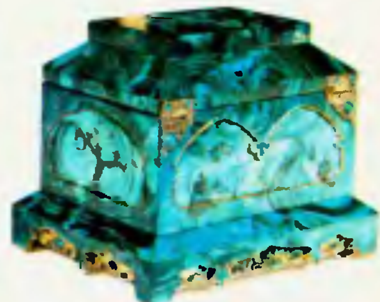
Индекс 70544
80 коп.

На обложках журнала вы видите работы участников выставки **Московского городского экспериментального творческого объединения художников и мастеров русского декоративно-прикладного и народного искусства России.** Материал об этом объединении читайте на с. 153.

Фото С. Майданюка

МГ

1990
3
ISSN 0131—2251

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ЕРШОВ
ПЕТР ПАВЛОВИЧ

К 175-летию со дня рождения

МГ

1990

3

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

Основан в 1922 году

Москва, ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

«Молодая гвардия», 1990, № 3, 1—288

Наш адрес:

125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: приемная — 285-56-90; отдел прозы — 285-80-15; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; секретариат — 285-80-16

БЫТЬ ВЕРНЫМИ СВОЕМУ ВЫБОРУ

В одном из информационных бюллетеней, который издается еврейским информационным центром в Москве, некая Г. Беликова написала: «Традиционно к антисемитской прессе относят «Наш современник», «Молодую гвардию», «Москву». В последнее время активность этих печатных органов усилилась: из грустной особенности своего характера, антисемитизма, они, можно сказать, сделали профессию: уже не то что номера нет без какой-нибудь антисемитской штучки, а, наоборот, много таких штучек в каждом номере».

Не сомневаемся, что читателям нашего журнала знакомо и выступление на сентябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС по национальному вопросу первого секретаря обкома КПСС Еврейской автономной области Б. Л. Корсунского, который также обвинил «Молодую гвардию» в антисемитизме.

С такой клеветнической оценкой материалов журнала не согласны многие читатели. Свое мнение они выразили в многочисленных письмах, направленных как в ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, другие общественные и государственные организации, так и в «Молодую гвардию». Выступление

Б. Л. Корсунского не оставило равнодушными и ряд народных депутатов СССР, в том числе и избранных от ВЛКСМ, которые обратились к первому секретарю ЦК ВЛКСМ В. И. Мироненко с просьбой дать принципиальную оценку необоснованной критике и злобным нападкам на журнал. Они также изъявили желание встретиться с работниками и авторским активом редакции, чтобы поближе познакомиться с деятельностью журнала, его планами, проблемами, с которыми сталкиваются в своей работе журналисты.

И такая встреча состоялась. В разговоре приняли участие народные депутаты Г. И. Шарый и А. В. Царевский, авторы журнала Ю. Бровко, В. Ждаков, Г. Назаров, работники редакции. Вел встречу главный редактор «Молодой гвардии» А. Иванов.

А. ИВАНОВ: «Молодая гвардия» — один из старейших журналов в нашей стране. Его первый номер вышел в мае 1922 года. Шла гражданская война, но в стране уже была развернута большая литературная работа, образован журнал для молодежи. Перед ним была поставлена задача — идеологическое, нравственное воспитание молодежи. Сегодня эти проблемы стоят не менее остро. Чуть ли не вокруг каждой вновь вышедшей публикации устраивается полемика. Журнал, как вы знаете, пытаются обвинить в консерватизме, в разжигании национальной розни, в антисемитизме. Коллектив же редакции, авторы журнала стремятся отстоять принципы ленинского социализма, борются с различного рода извращениями, негативными явлениями, которые появляются в стране. Как и прежде, журнал у читателей воспитывает гражданственность, любовь к своему Отечеству.

Сейчас мы подошли к такому рубежу, когда гласность должна быть полнейшая. Необходимо о всех событиях и явлениях говорить открыто. Только таким образом можно успешно решить обнажающиеся проблемы. В меру своих сил и возможностей журнал способствует и этому. Только вот такая гласность не всем по нраву. Есть у нас, оказывается, силы, которые хотят затушевать некоторые процессы, конфликты, замолчать или представить в «безобидной упаковке», сгладить острые углы.

Г. ШАРЫЙ: Вы правы. Сегодня нельзя без гласности, сегодня преступление скрывать что-либо от народа, рассказывать о том или ином событии в выгодном для кого-то свете. Чтобы успешно действовать, надо точно знать и оценивать обстановку. По сути, образно говоря, мы как в бою, а в нем каждая, казалось бы, мелочь может стать существенной, решающей.

И вот в этой-то обстановке даже мы, депутаты, как вы понимаете, знающие что к чему люди, и то иногда теряемся, когда читаем некоторые «объективные» материалы таких печатных органов, как «Московские новости», «Огонек», «Литературная газета». А что говорить о юношах и девушках, раздумывающих, с кого делать жизнь? Как им укрыться от порнографии, жестокости, нигилизма, насаждаемых упомянутыми изданиями?

Нравственное воспитание молодежи очень необходимо, и от того, как оно будет осуществляться, в судьбе страны будет зависеть немало. Наши идеологические противники хорошо понимают это. Потому и сделали сейчас ставку на молодежь. Растлевают ее, развращают, навязывают ей буржуазные ценности. Чуждая нам идеология проникает на телеэкран, в кино, искусство, литературу... Ее проводники злобно нападают на тех, кто противостоит им в

средствах массовой информации. Не потому ли и «Молодую гвардию» некоторые нынешние либералы принимают в штыки, навешивают на нее различные ярлыки? Ведь журнал прямо называет тех, кто у молодежи отбирает нравственность.

А. ИВАНОВ: Нас упрекают, дескать, мы не понимаем молодежь; вот, например, говорят, что мы против рока. Мы не против рока. Мы против одурманивания молодежи. Мы за то, чтобы юноши и девушки тянулись к прекрасному, чистому, доброму, вечному. Мы за искусство, в том числе и музыку, которое имеет национальные формы, национальную основу, способствует воспитанию нравственных ценностей. В ответ на нашу позицию раздаются опять-таки злобные выпады, ругань, угрозы. Нам угрожают даже физической расправой. Покритиковал, например, журнал В. Высоцкого, тут же: «Мы всю редколлегию вырежем!..» Мы, конечно, не боимся, но подобные послания заставляют о многом задуматься.

Г. ШАРЫЙ: Всем хорошо известно, что в Узбекистане, Закавказье, Молдавии в основном бесчинствовала молодежь. Почему пошла она на кровавые преступления? Складывается впечатление, что кто-то руководил ею, стоял за ее спиной. Эти «дирижеры» предпринимают сейчас отчаянные попытки расшатать существующую систему, дестабилизировать обстановку в обществе, подорвать авторитет Коммунистической партии, которая не дает раскрутиться маховику центробежных сил. В этом ряду и борьба за печатные органы. Наполеон как-то сказал, что несколько газет сделают то, что не сделает огромная армия. Это высказывание вспоминается, когда читаешь заполонившую все и вся самиздатовскую литературу, газеты, листовки, бюллетени, видишь, как отстаиваются в них интересы тех или иных групп. А кто изготовляет эту «печать», кто ее распространяет? Опять же молодежь!

А. ЦАРЕВСКИЙ: Наш народ пытаются одурачить. Кому это надо? Мое мнение: простому человеку не до того. Самое же страшное, что делается это под прикрытием перестройки, демократизации, гласности и плюрализма. Введенные в заблуждение люди отвлекаются таким образом от насущных проблем, распыляют силы.

В. ГОРБАЧЕВ, заместитель главного редактора: Проблем хоть пруд пруди. В прошлом году, например, начали бастовать горняки. Кстати, как вы расцениваете забастовку шахтеров в Воркуте? Ведь что получилось: с одной стороны, заявляли, что шахтеры ежедневно недодают уголь, растет их долг стране. В то же время рабочие, насколько нам известно, хотели разобраться, почему не выполняются данные им обещания, требовали, чтобы приехала правительственная комиссия. Но она к ним не спешила...

А. ЦАРЕВСКИЙ: Знаете, я пять дней возглавлял забастовочное движение в Донбассе, так что беды шахтерские мне известны хорошо. Требования шахтеров сводились к элементарному — улучшению условий труда, быта и отдыха. Многие из них живут в бараках, построенных еще в 30-е годы. А чем рубят уголь? Все тем же отбойным молотком, как во времена Стаханова. Шахтер вышел из шахты, ему, бывает, помыться негде. И с детьми нелады — мест в детских учреждениях нет...

Что касается забастовки, то шахтеры взяли ее проведение в свои руки. Они закрыли винные магазины, организовали стачечные комитеты. В это время, казалось, должны были сказать веское слово и партийные работники, и хозяйственные руководители,

и члены комиссии. Однако все они оказались в стороне. Вместо них к шахтерам приехали миссионеры из «Демократического союза», Украинского РУХа, польской «Солидарности». Они пытались подбить рабочих на экстремистские выходки. Однако горняки соблюдали, можно сказать, революционный порядок. А ведь среди шахтеров — большинство молодежь. И она не скатилась со своих классовых позиций. Все это говорит о том, что не так уж и просто подтолкнуть наш народ на неверный шаг. И еще наблюдение. Когда рабочий класс заявил о себе как о реальной силе, движущей силе перестройки, то тут, то там стали раздаваться голоса, осуждающие забастовку и забастовщиков. А Объединенный фронт трудящихся, например, как известно, назван даже — ни много ни мало — детищем аппарата. Видимо, за то, что поддержал бастующих.

И. ДЬЯКОВ, заведующий отделом очерка и публицистики: Судя по тем фактам, которыми мы располагаем, о которых сообщают нам наши читатели, невольно складывается впечатление, что у нас фактически существует скрытый центр реальной власти, цели которого не совпадают с целями власти «видимой». Почему не выполняются многие постановления правительства? В том числе и обещания, данные шахтерам? Отчего топчется на месте экономическая реформа? Не по вине ли теневой силы мы ходим по замкнутому кругу, из которого нет выхода? Почему, наконец, неясны мнения народных депутатов на очевидные проблемы?

Г. ШАРЫЙ: И тут есть предмет для разговора. Думаю, всем понятно, что депутат выражает мысли и защищает прежде всего ту социальную группу, к которой он относится, ту, которая его выдвинула и поддерживает. Нужен механизм, который бы позволил избирателям оценивать деятельность депутата, и если она идет вразрез с интересами простого народа, то отзывать его. А кроме того, депутату нужна поддержка. Он должен знать настроение людей, их нужды, причем не только посредством жалоб, необходимо постоянное общение с избирателями.

Ю. БРОВКО: В Москве создан депутатский клуб «Россия». Он поставил перед собой задачу — объединить патриотические силы, привлечь к своей работе народных депутатов. Задумано создать экспертную группу, которая бы изучала соответствующие материалы, альтернативные предложения по тем или иным проблемам. А то ведь у нас трудно обнародовать альтернативные экономические программы, материалы, касающиеся развития гидроэнергетики, атомной энергетики, экономики, проблем рынка и т. д. Так что избиратели пытаются делать многое, чтобы помочь депутатам лучше понять происходящие процессы. И не их вина, что депутаты плохо разбираются в той или иной проблеме.

Вот, скажем, во весь рост встал вопрос: как ликвидировать теневую экономику? Ряд экономистов и специалистов разработали свои предложения и попытались их опубликовать. Но где там! Ни один печатный орган не пошел нам навстречу. А тем временем через розничную торговлю «выплывают» и «выплывают» миллиарды рублей, которые «не проходили» официально через кассу. Если в 1972 году «выплыло» 6,5 миллиарда, то в 1986 году — 16,5, в 1987-м — 17,7.

Хотелось бы также обратить внимание на некоторые особенности нашей кадровой политики. Возьмем, например, директора Института США и Канады АН СССР (ИСКАН) академика Г. А. Арбатова. Он занимает 37 должностей, начиная с должности председателя кадровой комиссии ИСКАН и кончая должностью соруководителя советско-американского исследовательского проекта по вопросам стабильного существования. Понятно, что везде ему успеть трудно, а отказаться от должностей не может. Значит, нужно создать действенный механизм против того, чтобы люди — даже если они трижды академики — не могли занимать по 30 должностей.

В. ЖДАНОВ: Сегодняшний политический момент, на мой взгляд, надо понимать так: перестройка ставит цель разрушить бюрократический социализм, построить патриотический социализм. Но в период этого перехода к власти рвутся воротилы теневой экономики, иначе — советская буржуазия. И вот в этой борьбе журнал «Молодая гвардия» защищает интересы трудящихся, стремится показать, кто есть кто. У нас в Новосибирске немало друзей «Молодой гвардии». Они пропагандируют издание, создают определенное общественное мнение. Благодаря этой работе все больше и больше людей понимают, почему нападают на «Молодую гвардию», почему некоторые органы печати, в частности, такие, как «Огонек», «Знамя», «Юность», пытаются патриотизм выдать за национализм. Героями этих изданий становятся гомосексуалисты, проститутки, наркоманы, практически не говорится о рабочем классе, о становлении молодых людей. Может, у нас хорошие люди перевелись? Нет, конечно же! Значит, кому-то надо, чтобы на нас ежедневно лилась грязь, чтобы замутнялось наше сознание, тускнели наши идеалы...

А. ЦАРЕВСКИЙ: Действительно. Разве мы перестали работать? Ничего подобного! Ходим на службу, выпускаем продукцию. Не перевелись и передовики, те, кто свою работу делает с любовью, с душой. Так что некоторые издания, по-моему, искусственно нагнетают напряженность, лишают молодежь четких ориентиров, идейно-нравственных критериев.

Г. ШАРЫЙ: Нам всем подсовываются не наши ценности, насаждаются не наши взгляды, не наш образ жизни. Например, крестьян приневоливают заняться фермерством. Колхозы превращают в пугало. Но ведь русский крестьянин не сможет стать американским фермером, как бы этого ни хотел. Натура не та. Да и куда деть крупные машинные комплексы, комбайны? Уровень производительности труда на Украине в большинстве хозяйств очень высокий. Скажем, в нашем колхозе на одного механизатора приходится по 120—130 гектаров пашни. Это больше, чем у одного фермера США.

Другое дело — дать крестьянину вздохнуть полной грудью, пересмотреть ценовую политику в сельском хозяйстве. Нужно поднять и техническую вооруженность села. Это все не замедлит отразиться на потребительском рынке страны, потому что мы знаем: доля сельскохозяйственной продукции составляет 90 процентов потребительского рынка.

А. ЦАРЕВСКИЙ: Подобная картина и у шахтеров. В объединении «Стахановуголь» одна тонна топлива оценивается в 22 рубля. А если рассматривать тонну угля, учитывая, что он состоит из скандия, гелия, германия... Стоимость одного килограмма германия — 1200 долларов, гелия — 50 долларов, скандия — 10 тысяч долларов. Так что, учитывая стоимость редкого металла, который

можно извлечь из угля, одна тонна его будет стоить 178 рублей. Но это если распорядиться углем по-хозяйски. Мы же пока обращаемся с минералами по-варварски. Люди не заинтересованы у нас быть хозяевами. А как их заинтересовать — это вопрос.

Г. НАЗАРОВ: Кому-то на руку, чтобы люди безмолвствовали. И кому — определить не так и сложно. Когда «Молодая гвардия» говорит правду, на нее ощетиниваются, ее травят «Огонек», «Собеседник», «Известия», «Советская культура», «Московские новости»... И при этом никто, я имею в виду ЦК ВЛКСМ, ЦК КПСС, не пресекает эту практику.

Меня волнует и то, что перестройка в основном сопровождается критикой, причем огульной и безадресной, очень мало раздается сейчас голосов с конструктивными предложениями, с позитивной программой. В связи с этим у меня возник образ: все мы блуждаем в густом лесу каждый сам по себе. Особенно этим страдает молодежь, которая не имеет ни опыта, ни знаний, чтобы найти верную дорогу. И тут надо отдать должное «Молодой гвардии». Коллектив журнала пытается показать молодым верный путь. Только делать это надо в каждом номере, в каждом материале. Людей надо объединять высокой идеей. Такой идеей может стать возрождение России с ее традициями, моралью, нравственностью. И делать это надо как можно быстрее. А то ведь до чего дошло: 7 Ноября, в годовщину Октябрьской революции, в концертном зале, называющемся «Россия», народу показывали голых девиц и парней. Это же не только безнравственно, это ничем не прикрытое издевательство над памятью народа.

В. ЖДАНОВ: В связи с этим мне вспоминается роман Анатолия Иванова «Вечный зов», который увидел свет еще двадцать лет назад. Одну цитату из него я часто зачитываю слушателям университета трезвости, организованного в Новосибирске, где веду занятия. Герой Лахновский излагает программу разрушения и уничтожения нашей страны: будем разлагать, растлевать, ввергнем страну в хаос, в управлении создадим неразбериху, найдем способ оболгать честных людей, сделаем их отбросами общества, посмешищем...

Вы знаете, слушатели университета — простые люди. Познакомившись с отрывком из книги, они говорят: все так и получилось, как мечтал Лахновский. Некоторые прямо говорят: весь сегодняшний хаос у нас запланирован. По крайней мере, мы безошибочно можем это утверждать, глядя на наши деревни. Я сам из алтайского села, видел, как их уничтожали. А теперь новое поветрие — надо разукрупнять деревни, разделить людей, противопоставить друг другу, разогнать всех по хуторам. То есть провести еще одну операцию над нашим сельским населением и в конечном итоге оставить страну без хлеба, добиться того, чтобы народ с голода опух, чтобы вся перестройка этим кончилась.

А как расценивать очередное послабление в антиалкогольной политике? Неужели некоторые депутаты, утверждая на год 56 миллиардов «пьяных рублей», не понимают, что подписывают «смертный приговор» полутора миллионам соотечественников, главным образом русским? И экономика тут в прогаре. В 1921 году, после гражданской войны, разрухи, наш трезвый народ за четыре года практически восстановил все народное хозяйство. Трезвый народ победил фашизм. Трезвый народ за четыре послевоенных года поднял полстраны из руин. Мы же сейчас, образно говоря, в пьяном

болоте сидим, пятый год что-то перестраиваем и видим, что с каждым днем становится все хуже, хуже и хуже. Да и как может быть лучше, если только из-за пьянства мы несем убытки на сумму около 300 миллиардов рублей. Такова годовая плата за аварии, прогулы, больничные листы, брак — все последствия спаивания народа.

Правда, нельзя не радоваться тому, что народ начинает понимать, для чего его спаивают. Например, в Кузбассе, когда началась шахтерская забастовка, рабочие закрыли все винные магазины. Так было, судя по словам Царевского, и в Донбассе. Я разговаривал с горняками Кузбасса. Они сказали: вы знаете, что было бы, если бы мы оставили алкоголь? Нас бы довели до пьяных разбоев, как это было в Алма-Ате, в Тбилиси, в Фергане, а потом ввели бы в Кузбасс войска МВД, и они, имея на то полное право, нас расстреливали бы. И ничего мы не добились бы.

Рост самосознания рабочего класса пугает многих. Благодаря этому рушатся стереотипы власти. Ведь как у нас повелось: назначают кого-то на пост, скажем, председателя исполкома, директора и т. д. Достойную, допустим, нашли кандидатуру. И утвердили ее. И на том поставили точку. Никто не утверждает, не выбирает его замов, референтов, начальников отделов. Рабочие же, организовав стачкомы, стали гласно выдвигать в них всех членов. Думается, этот опыт заслуживает внимания. Надо поставить перед Верховным Советом СССР вопрос о том, что его дело не только назначить руководителя страны, но скомпоновать управляющие ядра аппарата. Иначе мы не сможем изменить политику государства. Такой подход, разумеется, тоже не всем понравится. Но что с того. Мы все должны руководствоваться интересами простого народа. И только!

Г. НАЗАРОВ. Да, руководить нами должны люди с горячими сердцами и с чистыми руками... Не очень давно я присутствовал на партконференции Ленинского района Москвы. Выступал на ней один из ответственных работников ЦК КПСС. Он говорил о том, сколько взяточников в Узбекистане, сколько там посадили секретарей райкомов. Я написал ему записку: хочу, мол, с вами встретиться. Встречаюсь. Передаю ему документы и акты проверки различных комиссий, в которых говорится о нечистоплотности некоторых работников Калининского райкома Москвы и местного комитета комсомола. И что же? После нашей встречи никого, несмотря на конкретные факты, ни к какой ответственности не привлекали. Зато на меня набросились: вы что — против перестройки? Вы за сталинские методы?

Бюрократы, люди нечистоплотные, сами не сдадут позиции. Поэтому я полностью согласен со Ждановым: нужен механизм формирования аппарата. Каким ему быть — надо думать.

В. ЕРОХИН, редактор отдела «Товарищ». В последнее время все более популярной становится идея пропорционального представительства каждой нации в аппаратах партии, государства, правительства, в сферах науки, культуры, средств массовой информации. Перекосы, которые заметны здесь, что называется, невооруженным глазом, — серьезнейший тормоз перестройки. Клановые, групповые интересы становятся важнее государственных, а нередко им противоречат. Никогда не поверю, чтобы государство было заинтересовано в сексуальной революции, происходящей на наших глазах. Но ведь ее развязало государственное телевидение —

с показа конкурсов красоты. Как по команде, к пропаганде эротики подключилась буквально вся печать, особенно комсомольская, театры, включая ТЮЗы, и, конечно же, кооперативы. Одна из задач ЦРУ: «разложите молодежь, и вы уничтожите нацию» — успешно реализуется под лозунгами плюрализма и свободы. А возможно это стало лишь благодаря засилью в аппаратах названных учреждений представителей «малого народа», «скованных одной цепью, связанных одной целью», по словам популярной рок-группы. Поставив под свой контроль важнейшие сферы государства и общества, эти силы могут повернуть перестройку в нужное для них русло. И поворачивают.

В. ГОРБАЧЕВ. Перестройка в стране необходима. Судьба ее будет зависеть от того, какая молодежь придет на смену, кто займет лидирующие позиции в руководстве страной, в руководстве предприятиями. Это всем понятно. Но читателям интересно знать: много ли шансов у молодежи занять в будущем достойное место в нашем государстве? Какова на сегодняшний день молодежная политика?

А. ЦАРЕВСКИЙ. Начиная с 1932 года вышло 1300 законодательных актов, в которых шла речь о молодежи. Вы представьте — 1300! Половина из них уже не нужна. И пора выносить на Верховный Совет вопрос об их «списании». Что же касается документов, которые бы защищали молодежь, то их нет. Не принят и проект Закона о молодежи. Она этот закон ждет... Есть пожелания и в адрес Комитета по делам молодежи Верховного Совета СССР. Он должен выражать интересы всей советской молодежи. Работать в тесном контакте с ЦК ВЛКСМ.

В 1987 году я был в Ленинграде на слете по патриотическому воспитанию молодежи. Помню, выступали десятки человек, но никто не сказал, как воспитывать молодежь. Все говорили о Сталине. Один аспирант целую речь толкнул на тему, что будем делать со Сталиным в будущем. Сколько же можно талдычить об одном и том же? Неужели у нас нет других проблем? Ну знаем мы, что много было наломано дров. Осмыслили, осудили, сделали выводы. Давайте теперь возьмемся за дело. Давайте с нынешних руководителей, ученых, инженеров спросим: в чем дело, товарищи, почему толчемся на месте? В угольной промышленности в науке работают 30 тысяч человек. Фонд заработной платы составляет 10 миллионов рублей в месяц. А какова отдача?

А. ИВАНОВ: Мы коснулись разных вопросов — политических, экономических, нравственных, литературных, межнациональных, которые так или иначе освещаются на страницах нашего журнала. Прозвучало немало дельных предложений и пожеланий. Я думаю, что редакция и авторы их учтут в своей дальнейшей работе. В свою очередь, скажу: наша позиция ясна. Суть ее — патриотическое, гражданское и нравственное воспитание молодежи, утверждение социалистических идеалов, демократического и гуманного социализма, правдивое освещение истории, борьба с навязыванием буржуазных ценностей и морали. Несмотря на многочисленные нападки, журнал будет верен этим принципам.

Стенограмму «круглого столе» подготовили к печати
В. ЗАБУРДАЕВ,
А. МАЛЫШЕВ

ПОЭЗИЯ

Виктор СМИРНОВ

СТЕЗЯ

* * *

Ах, как нас глубоко понимают!
Ах, какую нам славу поют!
Ах, как дешево нас покупают!
Ах, как дорого нас продают!

И опять с молотка самородок
За понюшку пошел табака...
На просторах родимых сторонок
Нету выхода из тупика.

Разбазарили, расплескали:
Глянешь — с горюшка заревешь.
Мы до бревнышка раскидали
Всю Россиюшку ни за грош.

Так не делали даже баре,
Чтобы мерить богатства — дежой! *
На всемирном придется базаре
Нам расплачиваться — душой...

* * *

И солнечный луч, озорной
и летучий,
Погас над раздольем речным.

* Кадка, в которой месят тесто.

И лица людские очерчены тучей,
Плывущей над краем родным.

И я озарен синевою откосной,
Текущей с ольховых ветвей.
При свете беды, очищающе-грозной,
Родимые лица видней.

Они ведь и прежде священно сияли
На вечной и тяжкой стезе.
Но сами собою торжественней стали,
Когда повернулись к грозе...

* * *

Вы поверьте, я слышал сам:
Окунувшись в глубокую думу,
Ходит конюх по небесам —
Он вчера лишь в деревне умер.

Ходит-бродит старик Корней,
Спотыкаясь о звезды больно:
Собирает в табун коней,
Что крестьяне свезли на бойню.

И оттуда, где вечность гудит,
В наши души, мерцая над пашней,
Конским глазом космос глядит,
Как в конюшню, где пусто и страшно...

* * *

Взгляни, о господи, коли не лень,
Своими родниковыми глазами,
Как душу распинают каждый день
Тяжелыми библейскими гвоздями.

Как можешь ты, весь мир в руке держа,
Молчать, на землю горькую взирая,
Когда кричит и корчится душа,
С тоской великой к небесам взывая?

* * *

Не суетись. Еще не грянул час,
Еще бревно не распилил на доски
Тот самый плотник, что глядит, лучась,
На каждого с той колокольни жесткой.

Не суетись. Еще летит пчела
В луга, где в бурю прятался за дуб я.
И, может, даже времени пила
О ту сосну переломает зубья.

Не суетись. Еще в печи горшка
С кутьею не лизнул огонь окольный.
Не суетись. Того гробовщика
Однажды вдруг обманет колокольня.

Еще судьба не сожжена моя.
И я в траву, где морды прячут кони,
Громадного, как вечность, муравья
Легко сдуваю со своей ладони...

* * *

Кто сыт одиночества спелым зерном?
Кто грудь твою медленно пашет?
Всю ночь не смолкает судьба за окном:
То плачет, то бешено пляшет.

И брешут собаки. И страсти кипят.
И черти там грешников жарят.
И молнии в небе, как змеи, кишат —
И жалят, и жалят, и жалят...

* * *

О, как она звонка, на ветке птаха,
Поющая под солнышком седым!
Я наклонился над столом, как пахарь
Над плугом наклоняется своим.

Иду сквозь мир походкою нелегкой —
Как будто падаю в голубизну.

А кто-то плуг моей судьбы нелегкой
На большую пускает глубину...

* * *

Ветер щеки остудит
Дуновеньем упругим.
Просыпаются люди,
Всходит солнце над лугом.

Звезд последних мерцанье
Над излукой речною.
И коровье дыханье
Над седою росою...

Не тебе ли случайно
Горький выпадет жребий:
Знать великую тайну
О земле и о небе?

* * *

Дразнят сердце и были, и небыли,
Жизнь любая — полету сродни.
Но, какими бы синими ни были,
Дни без матери — черные дни.

Видишь, как улыбаюсь угрюмо
Над твоим вдохновенным плечом,
Потому что о матери дума
Бьет из тьмы самым светлым лучом.

И когда ты болтаешь о горюшке,
Я лишь детскую вижу игру.
Слышишь, мама о горькой головушке
Тихо молится в красном углу...

* * *

Родного края зов тревожный
Угас среди речных излук.

И, дегтем вымазаны, вожжи
Скользят проклятием из рук.

Здесь — сиротливая поляна,
Там — брошенный крестьянский кров, —
Незаживающая рана,
Откуда тихо льется кровь...

Не оторвать седого взгляда
От красных и зеленых ос.
Вращает душу виновато
Слезами смазанная ось...

И, кажется, лучи косые
Кричат, немыслимо скорбя:
Землей пропахшая Россия,
Куда бежишь ты от себя?

Смоленск

ТРИБУНА ПУБЛИЦИСТА

МУЖЕСТВО ПОЗНАВАТЬ ПРАВДУ

Вячеслав ЕРОХИН

КТО ОСТАНОВИТ АГРЕССОРА?

«Жизнь показывает, что молодежь все чаще используют в своих интересах различные «фронты» и груллировки. Особую опасность, на мой взгляд, представлвют попытки вмешательства в наши внутренние дела антисоветских сил Запада. Ведь это лод их влиянием поввились у нас «Союз сионистов» и военизированная организация «Бейтар», куда входит молодежь. Чего добиваются создатели подобных формирований! Неужели они не понимают возможных последствий своей деятельности!»

Эти строки взяты из лисьма комсомольца С. Приходько, проживающего в Якутской АССР. Такие письма нередко встречаются в нашей почте. Свою озабоченность, тревогу высказывают люди разпичных возрастов и лрофессий. Как правило, они не критикуют молодежь зв те или иные ошибки, промахи, а предлагают разобраться, кому и длв чего это выгодно. В частности, что скрывается за попытками втянуть наших граждан в сионистские формирования.

Таких случаев, к сожалению, немало. Так, в октвбре 1989 года в нашей стране

прошла серия встреч сионистской организации «Объединенные советы в защиту советских евреев» с местными «активистами», среди которых оказалось немало молодежи.

Приводим фрагмент из статьи П. Коэн и М. Нафталина, президента и национального директора ОСЗСЕ, а также выдержку иэ письма американского сенатора Р. Симона. Эти и другие материалы были распространены среди участников встреч.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЕВРЕЙСКОЙ РЕЛИГИИ И КУЛЬТУРЫ

(Перевод с английского)

«...Сегодня в услоанях нестабнльной вкономики и межнациональной напряженности советские евреи находятся в особенно тяжелом положенни. Еслн мы будем пассивно ждать правительственных законоа об эмнгрецин и гражданских овободах, то столкнемся с откавом. Мы виднм, что президент Горбачев не включил проблему евреев в повестку дня Верховиого Совета и Пленума ЦК КПСС по межнациональным отнОшениям. Несмотря на тот факт, что около 200 народных депутатов побуждалн его сделать это. Несмотря на то, что эти депутаты присоединились к еврейским лндерам, добивающимся создания правнтельственной комиссии, которая должна рассмотреть вопрос о возросшем антисемиТизме. Так как это требование не пользуется достаточной поддержкой властей, ясно, что Советский Союз по-прежнему остается глубоко антисемнтским государством».

* * *

«Мои наилучшие пожелания по случаю втой историческoй встречк в Советском Союзе. Я хотел бы быть вместе с вами.

Пронсходящие в СССР изменення в сфере свободы слова набрали определенный темп. Новые сообщекия подтверждают вто. Большинство из них носит позитивный характер. Всё вы, однако, являетесь свидетелями реальной жизни в СССР. Вы знаете, почему происходят зтн изменения. Антисемнтизм находится на подъеме и является одной из скрытых форм деятельиости «Памяти».

Из письма американского сенатора Р. Снмона руководству ОСВСЕ по случаю поездки в Москву. 18 октября 1989 г.

* * *

Воскресным утром 22 октября 1989 года на притихшую после недельной суеты улицу 25-летия Октября въехали интуристские «Икарусы». «Что нужно им здесь в такой час?» — мог поинтересоваться разбуженный москвич. Думается, удивление его возросло бы, понаблюдай он за дальнейшим маршрутом группы, в которую входило около 70 человек. Их не привлекали ни аппетитные запахи «Славянского базара», ни древности Кремля. Пройдя по малолюдной улице, делегация внезапно свернула под арку и, миновав двор, оказалась у дверей Московского филиала Всесоюзного Географического общества. Двери не замедлили распахнуться. По всему было видно, что здесь все было готово к встрече. Рукопожатия, приветственные возгласы, и гостей пригласили в конференц-зал, украшенный эмблемой встречи, в основе которой шестиконечная звезда Давида...

Это незаметное на первый взгляд событие можно без натяжки назвать историческим. Впервые за 72 года Советской власти в Москве легально проходила встреча руководителей сионистской организации «Объединенные советы в защиту советских евреев» с «активом независимых еврейских организаций». Высокую оценку поездки ОСЗСЕ дал ряд американских сенаторов и членов конгресса.

К моменту встречи гости уже освоились в Москве. Прилетев в столицу в четверг, 19 октября, они уже успели поработать. В пятницу в помещении театра «Шалом» участвовали в симпозиуме Юридического семинара, неформальной организации, занимавшейся проблемами эмиграции советских евреев. В субботу встречались с женскими группами отказников, провели встречу с «научным семинаром отказников» и с «бедными родственниками», которые, желая эмигрировать, оставляют необеспеченных членов семей. Вечером того же дня гости и хозяева побывали в Московской хоральной синагоге.

Воскресенье обещало быть не менее насыщенным. Утром — встречи с «активистами», обед с народными депутатами СССР в «Славянском базаре»; в 15 часов — «круглый стол» «Права человека в эпоху перестройки, демократизации и гласности», после которого предстояла встреча с генеральным консулом США Максом Робинсоном. Вечером — обсуждение религиозных проблем советских евреев.

Да, дел предстояло много. Поэтому, не теряя времени, приступили к выполнению «повестки дня». Ведущая — президент ОСЗСЕ Памела Коэн поочередно предоставляла слово руководителям «независимых еврейских организаций»: Еврейской культурной ассоциации (ЕКА), московского еврейского культурно-просветительского общества (МЕКПО), «Союза сионистов», «Бейтар», «Обществу дружбы и культурных связей с Израилем»... Сразу стало ясно, кто здесь гости, а кто хозяева.

Как эмоциональны были выступления «независимых», сколько упований возлагали они на поддержку интернационалистов-сионистов! «Еврейский народ потерял все то, что мог потерять», — жаловался на положение советских евреев руководитель МЕКПО, член КПСС Ю. Сокол. Он говорил о духовном геноциде, перенесенном евреями, о том, что спустя 50 лет евреи получили возможность реализовать свои права. Не обошлось без заявления о плюрализме программы МЕКПО, представляющем, по словам Сокола, весь спектр мнений: от сионистских до... здесь выступающий замялся, но все же выдавил — антисионистских. Правда, тут же сделал существенную оговорку. Антисионистский комитет советской общественности не входит в эти рамки, так как он «разжигает антисемнтизм» (аплодисменты зала). «Позор, — продолжал Сокол, — выезжающие в Израиль должны оставлять здесь советские паспорта и еще платить 700 рублей». Завершая политическую часть своего выступления, Сокол призвал распустить АКСО и установить дипотношения с Израилем, что опять же было встречено аплодисментами.

Вот на трибуне представитель «Союза сионистов» И. Джадан. Больно и тяжело было видеть этого совсем еще молодого парня, зараженного сионистской идеологией. «Евреи в СССР начинают осознавать неспособность властей им помочь. Авторитет властей в глазах евреев упал до самого низкого уровня. Политический

СПИД, поразивший советское руководство, грозит перекинуться на те еврейские организации, которые заключают его в свои объятия». Вывод: максимально быстрая эмиграция в Израиль.

В этот момент один из присутствующих попытался возразить: дескать, не все хотят эмигрировать, есть и желающие остаться, а позиция «Союза сионистов» на руку «Памяти»... Ответ был таков: вспомните судьбу евреев в Германии: очередь в Освенцим была одна: и для тех, кто собирался уехать и кто хотел остаться (аплодисменты зала).

Еще один молодчик — из военизированной организации «Бейтар» — говорил о необходимости приобщать молодежь к идеям сионизма, готовить ее к жизни в Израиле. «В любой момент от нас могут отказаться», — убеждал он присутствующих, хотя этого вовсе не требовалось.

Представители «независимых организаций» словно старались перещеголять один другого в верноподданнических чувствах к «гостям». Ни один из них не назвал Советский Союз «нашей страной», только — «этой».

Встречи готовили с обеих сторон. «Там» — разрабатывали планы, «здесь» их реализовывали, ксерокопировали привезенные «оттуда» материалы, договаривались о помещениях и т. д.

Московские активисты и сами проявили инициативу. К примеру, группа Юридический семинар, возглавляемая Л. Стоновым, выпустила брошюру, рассказывающую об эмиграции советских евреев. Прикрываясь рассуждениями о концепции «общееврейского дома» и приоритете «общечеловеческих ценностей», ее авторы добиваются следующего. Цитирую: «Отказ в выезде работникам советской науки и промышленности может быть вообще исключен». «За эмиграцию не должно быть никакого наказания, в том числе и экономического, так как это отрицательно отражается на интеграции человека в новом обществе». «...Экономические аспекты таковы, что выезжающие из СССР являются, по сути дела, не эмигрантами, а беженцами».

В итоговом документе симпозиума Юридического семинара, проходившего в театре «Шалом», содержалось требование «немедленно опубликовать все имеющиеся проекты Закона о въезде и выезде для всенародного обсуждения». И вот удачное совпадение! Восемнадцатого октября, накануне приезда в нашу страну «Объединенных советов...», Верховный Совет СССР приступил к рассмотрению этого законопроекта. Комментируя этот факт, журналист «Известий» писал: «...Проект предусматривает, например, неприкосновенность всех прав, гарантированных советским законодательством, для тех, кто решит вновь вернуться на постоянное жительство в СССР».

«Права, права...» Сколько можно говорить о правах без обязанностей! Похоже, кое-кого больше беспокоят права «бывших», которые вдруг пожелают вернуться, а не жизненно необходимые требования шахтеров. А ведь из их среды — это уж точно — не найдется охотников поменять свою Родину. «Старомодно», — скажет либерал. «Не соответствует международным стандартам», — добавит «правозащитник». Спорить не буду. Каждый прав по-своему. В самом деле, ведь если у человека отсутствует чувство Родины и он, не скрывая, говорит об этом, — о чем спорить? В одном мог бы согласиться с «правозащитниками»: да, нужно провести всенародное обсуждение этого закона. Чтобы и шахтеры

Кузбасса, и металлурги Череповца, и колхозники Вологодчины могли высказать свое мнение. Только где его высказать? Представьте, что человеку, чей жизненный принцип: «С родной земли умри, а не сходи», — дадут возможность выступить в «Огоньке», «Московских новостях», «Юности», «Советской культуре», на Центральном телевидении? Выступить без подвохов комментаторов и непропорционально представленных взглядов оппонентов? Скажете, такое невозможно! А ведь это народный взгляд, завещанный нам предками, который не укладывается в так называемый «международный стандарт».

Но вернемся к «историческим встречам».

Наверное, у многих возник вопрос, как вообще стали возможны подобные мероприятия. Не в Брюсселе, не в Западном Берлине — в Москве, в двух шагах от Кремля. Для ответа на него нужно осветить некоторые подробности.

В мае 1987 года в Будапеште проходила сессия исполкома Всемирного еврейского конгресса, одной из главных международных сионистских организаций. На ней было решено способствовать созданию в СССР «независимого еврейского движения», действующего, разумеется, под контролем ВЕК. В качестве первого шага планировалось создать в Москве базовую организацию, способную возглавить все еврейское культурническое движение. Через год такая организация — Еврейская культурная ассоциация — была создана. Ее возглавил этнограф М. Членов, которому западные патроны немедленно начали «делать» имя.

Следующим шагом, по замыслу ВЕКа, должна была стать всесоюзная конференция еврейских культурных обществ. На ней предстояло создать координационный совет по подготовке к съезду еврейских организаций.

И вот результат. В мае 1989 года в Риге по инициативе ЕКА состоялась всесоюзная встреча «За «круглым столом» по проблемам советского еврейства. В итоговом документе говорилось: «Сегодня мы делаем первые шаги по консолидации независимого еврейского движения... Происходящее сейчас организационное оформление еще недавно разрозненного советского еврейства ставит на повестку дня организацию Координационного центра и необходимость созыва в 1989 году съезда еврейских организаций». Совет был создан и в полном соответствии с планами ВЕКа начал подготовку к съезду, который был проведен в Москве в декабре прошлого года. Проявляет активность и ВЕК. В ноябре 1988 года его президент Э. Бронфман посетил нашу страну и встретился с Э. А. Шеварднадзе.

Надо сказать, что у ВЕКа в Москве уже существует «опорная точка» — еврейский культурный центр С. Михоэлса. Наш журнал упоминал о беспрецедентном случае: на открытие центра не был допущен корреспондент ТАСС под «благовидным» предлогом: «советских не пускать». Но вот в апреле 1989 года на проходившей в Канаде международной встрече сионистов выступил вице-президент ВЕКа И. Либлер, который присутствовал на открытии центра в Москве. Либлер отметил, что директор центра М. Глуз обязался приглашать для выступлений в центре всех лекторов и артистов, отобранных ЕКА, и Михаил Глуз гарантировал выполнение им представленных ЕКА рекомендаций относительно культурной программы. «Ни одна из просьб, с которыми ЕКА обращалась к Глузу, пока еще не была отклонена...» Что касается лидера ЕКА

М. Членова, то он получает превосходную характеристику «шефа»: «Членов квалифицированно руководит различными культурными и религиозными организациями, он также устанавливает организационные основы национальной организации для всех советских евреев».

Как видно, планы ВЕКа, касающиеся создания подчиняющихся ему структур, успешно реализуются. Теперь обратимся к идеологическим установкам, которые дают лидеры международного сионизма нашим советским сионистам.

В конце 1988 года на проходившей в Иерусалиме международной конференции по «проблемам советских евреев» были выделены основные направления деятельности сионистов. Это требование от советских властей «свободы передвижения», культурно-национального развития и борьбы с так называемым государственным антисемитизмом. Последнему направлению идеологи сионизма придавали особое значение. «В той форме, в какой этот термин употребляется в последнее время, — писал об антисемитизме бывший член палаты представителей конгресса США П. Финдли, — он не имеет никакого отношения к этническому или религиозному происхождению, означая всего лишь отказ поддержать политические решения израильского правительства». «Наиболее активные сторонники Израиля обнаружили, — продолжает Финдли, — что достаточно обвинить кого-либо в антисемитизме, чтобы заставить его замолчать» *.

И еще одно компетентное мнение.

Анализируя причину широко распространенного обвинения в антисемитизме, известный ученый И. Шафаревич заключает: «Речь идет о том, чтобы не допустить даже как предположение, что действия каких-то еврейских групп, течений, личностей могли иметь отрицательные последствия для других». «Мы имеем дело с символом, знаком, функция которого — мобилизовать иррациональные эмоции, вызвать по сигналу прилив раздражения, возмущения и ненависти. Такие символы и штампы... — хорошо известный элемент управления массовым сознанием» **.

Идеологам сионизма все это, конечно же, известно. Поднятый на весь мир шум о якобы существующем в СССР антисемитизме быстро сформирует «общественное мнение», которое будет использовано для оказания давления на нашу страну.

С другой стороны, миф об антисемитизме всегда был выгоден сионизму для запугивания и на этой основе — консолидации евреев.

В упоминавшемся уже выступлении И. Либлера отмечалось, что «антисемитизм представляет собой единственный элемент, объединяющий советских евреев — еврейских активистов, ассимиляционистов и даже членов Антисионистского комитета». Либлеру принадлежит и другое высказывание: «Большинство советских евреев осознает свое еврейство только из-за антисемитизма».

Зная о крепких связях между советскими и зарубежными сионистами, нетрудно понять, кто развернул у нас в стране кампанию о «растущем», «государственном» антисемитизме. Сейчас мы переживаем пик этой истерии. Но началось все с западных радиоголосов. Еще в январе — марте 1988 года «Голос Израиля», «Го-

* Финдли П. Они осмеливаются высказываться. Людям и институтам противостоит израильское лобби. Коннектикут, 1985.

** Шафаревич И. «Русофобия». — «Наш современник», 1989, № 11.

лос Америки», «Свобода» возвещали о якобы готовящихся в Москве во время празднования 1000-летия Крещения Руси еврейских погромах. Слухи подхватывали и разносили по городам и весям «еврейские активисты», что не могло не вызвать беспокойства «ассимилированных», живущих обычной жизнью советских евреев. А именно этого и добивались сионисты. Но слухи, для стойкости, нужно было подкреплять «фактами». И их стали «находить». Все тот же Членов, узнав о смерти одного из москвичей еврейской национальности, который, будучи психически неуравновешенным, покончил жизнь самоубийством, пытался представить этот факт как зверское убийство, совершенное антисемитами. Пятого июля в самиздатовском журнале «Шалом», органе ЕКА, вышел анонимный материал о погромах в подмосковном поселке Малаховка. Сообщалось, что «некий погромщик принялся крушить ломом пустующую еврейскую квартиру». Как выяснилось, весь «погром» заключался в том, что один из жителей Люберец в пьяном виде пытался ограбить дачу.

Очень быстро подобные панические настроения стали проникать на страницы центральной печати, создавая нервозность в обществе. Сигнал был дан еще в середине 1987 года, когда на страницах «Огонька» (№ 30) сообщалось: «...редакция «Огонька» получила серию анонимных (тогда на них еще можно было ссылаться. — В. Е.) писем-ультиматумов, где от имени «истинно русских патриотов» от нас требовали публикации провокаторских «Протоколов сионских мудрецов...» В противном случае «истинные» угрожали расправой, уверяя, что «за нами дело не станет». «Никак началось?» — провокационно заключает «Огонек».

Но не разжигают ли такого рода измышления антисемитских настроений? Чем иначе объяснить беспрецедентную русофобскую вакханалию, охватившую многие печатные органы? Русофобия — не мода, не игра «перестроечного» рассудка. Это поистине всемирное явление, организованное силами, которые ненавидят Россию *. Проповедуя русофобию, они же одновременно кричат о растущем антисемитизме. В первом номере «Молодой гвардии» за этот год приводился такой пример: на одной полосе «Вестника еврейской советской культуры» мирно уживались сионистско-фашистская публикация, утверждавшая, что «Россия — это не страна славян и такой никогда не была», и «Обращение советских граждан к Верховному Совету СССР», в котором говорится, что «антиперестроечные силы используют демократизацию для разжигания антисемитских настроений» (подписали — С. Баруздин, М. Глуз, Т. Голенпольский, Е. Евтушенко, Т. Заславская, Я. Засурский, Е. Коган и другие) **.

Но что такое антисемитизм с точки зрения сионизма? Поскольку в соответствии с его доктриной евреи — особый, «исключительный», «избранный богом» народ, постольку «все народы, среди которых живут евреи, так или иначе — антисемиты; антисемитизм — явление «извечное» ***. Отнюдь не забота о «безопасности» советских евреев побуждает сионистских боссов направляться в Москву, а стремление усилить и по возможности легализировать свою «пятую колонну», действующую под руководством интерна-

* Это убедительно доказал И. Шафаревич в упоминавшемся трактате.

** «ВЕСК», 1989, № 13.

*** БСЭ, т. 23, с. 1323.

ционального сионизма. Все заявления лидеров мирового сионизма о защите советских евреев лицемерны и лживы. О месте евреев в нашем обществе написано немало, и многочисленные факты показывают их привилегированное положение. Как выразился один из публицистов, если евреям что и угрожает, так это превратиться в нацию профессоров.

Так какая еще защита нужна евреям? Удовлетворение их все растущих требований? Еще И. С. Аксаков в письме из Бессарабии, датированном 1848 годом, писал: «Фанатики-евреи хотят таких привилегий, которых нет даже у русского мужика в наших губерниях, грозя тем, что в противном случае многие уйдут за границу» *. И сегодня мы слышим все новые и новые заявления о «правах человека», то есть, конечно, евреев.

А что же зарубежные «защитники», обеспокоенные ростом в СССР антисемитизма? Почему-то подлинные, а не вымышленные факты антисемитизма в США не вызывают у них такой серьезной озабоченности. Между тем, как показали исследования американских социологов Г. Куинли и Ч. Глока, «более трети американцев могут быть отнесены к числу антисемитов» **. То, что антисемитизм служит всего лишь ширмой для реализации планов сионизма, подтверждают факты сближения руководства Американского еврейского комитета и Антидиффамационной лиги «Б'най Б'рит» с организацией «Моральное большинство», взглядам которой был всегда присущ антисемитизм. Причина проста: «Все эти силы активно поддерживали развитие «стратегического сотрудничества» между США и Израилем, составив, по существу, ударную силу «идеологического обеспечения» этого сотрудничества».

Ну и чтобы закончить с этой темой, сошлюсь на книгу Э. Фостера и Б. Эпстайна «Новый антисемитизм», выпущенную в 1974 году в Нью-Йорке. Ее авторы — тогдашние лидеры Антидиффамационной лиги, называли «врагами евреев» всех, кто не разделяет сионистские догмы и выступает с критикой агрессивной политики Израиля.

О раскладе политических сил США у нас написаны горы книг и статей. В том числе о влиянии произраильского лобби. Образцом для лобби, по словам «Нью-Йорк таймс», стал Комитет по американо-израильским общественным отношениям (АИПАК). Еще в 1974 году король Иордании Хусейн заявил: «США способны действовать лишь в рамках, установленных АИПАК и Израилем».

Трудно переоценить влияние сионистских организаций на исход президентских выборов. В июле 1987 года «Нью-Йорк таймс» сообщала, что почти все 13 кандидатов на пост президента уже встречались с руководством АИПАК. «А когда за два месяца до выборов Джордж Буш и Майкл Дукакис выступили перед членами «Б'най Б'рит», то лишь для того, чтобы осыпать друг друга упреками в недостаточно произраильских настроениях».

С началом перестройки в нашей стране сионизм стал выходить из подполья. Уже создан и неформально действует московский филиал «Б'най Б'рит» — его возглавляют сионисты Шмуклер, Батунский и Майсель. Только в Москве функционирует 19 сионистских и еврейских организаций. Не все они открыто заявляют о приверженности сионизму, но стоило Антисионистскому комитету опубликовать свое известное заявление, осуждающее «Союз сио-

* Аксаков И. С. Письма к родным. — «Наука», 1988, с. 418.

** Цит. по: Белая книга. М., «Юридическая литература», 1985.

нистов», как почти все крупнейшие еврейские организации выступили в защиту этого «Союза». Практика многих стран показывает, что сионисты могут работать под любыми вывесками, состоять в любых партиях и придерживаться, на словах, диаметрально противоположных взглядов. Так реализуется принцип «единство в многообразии». Нетрудно заметить, что и многие наши неформальные структуры: ДС, Московский и Российский народные фронты, «Мемориал» и другие — при всех различиях имеют русофобскую окраску.

Русофобия сейчас объединяет националистические фронты, все антинародные силы. В своей ненависти к русским, России они открыто подыгрывают сионизму. Так, на съезде украинского РУХа представитель Киевского общества еврейской культуры Бураковский обрушился на газету «Правда Украины» за критику сионизма. В то же время съезд РУХа принимает резолюцию по антисемитизму.

Лидеры Московского народного фронта В. Пономарев и А. Бабушкин на свердловской конференции представителей народных фронтов и общественных организаций «выступили против необоснованных нападок на Я. М. Свердлова и «Союз сионистов», о чем поспешил сообщить Информационный бюллетень по проблемам репатриации и еврейской культуры в специальном выпуске, приуроченном к декабрьскому съезду еврейских организаций и общин.

В том же выпуске помещено провокационное высказывание члена Верховного Совета СССР Г. Старовойтовой: «Сегодня можно говорить о возникновении русского фашизма. Русского нацизма». Но та же Старовойтова в платформе межрегиональной депутатской группы предлагает вывести Россию из состава РСФСР, что очень напоминает гитлеровские планы расчленить Россию на куски.

Консолидация антирусских сил особенно заметна в Прибалтике. Газета «Джерусалим пост» 1.12.1989 года привела факты сотрудничества литовского «Саюдиса», местной сионистской организации «Текума» и кооператоров. В 1989 году в Риге прошло совещание руководителей еврейских организаций просионистской ориентации с представителями народных фронтов республик Прибалтики, Украины, РСФСР, Грузии и Узбекистана для координации совместных действий. Происходит консолидация левых сил вокруг межрегиональной депутатской группы, открыто ведущей борьбу за власть. За этой борьбой пристально следят идеологи сионизма.

В центре по исследованию и документации восточноевропейского еврейства при Иерусалимском университете регулярно проводятся обзоры советских печатных органов, в которых отражается развернувшаяся в нашем обществе идеологическая борьба. Читаешь эти материалы, и становится понятно, на чьей стороне симпатии этих израильтян. Они любят апеллировать к «компетентному свидетельству профессора Ю. Афанасьева», авторам «Советской культуры», «Огонька».

На фоне значительной активизации сионизма в нашей прессе практически прекратилась антисионистская пропаганда, что с удовлетворением отметили сионистские круги. Наоборот, настоящей травле на страницах «Огонька», «Советской культуры» и ряда других изданий подверглись стойкие борцы с сионизмом — В. Бегун, Е. Евсеев, А. Романенко. Эти факты также не ускользнули от специалистов иерусалимского центра, вызвав их одобрение.

Вместе с тем «перестроечная» печать развернула настоящую русофобскую вакханалию, сопровождаемую криками о растущем антисемитизме, угрозе со стороны «Памяти». Поистине, не будь «Памяти», сионисты сами бы ее создали.

Вслед за этим стали раздаваться голоса о необходимости «как можно скорее легализировать сионизм и сделать все возможное для его пропагандирования» (В. Корецкий, ОДИКСИ). В Лужниках прошел несанкционированный митинг с требованием установить дипотношения с Израилем. Пробным камнем в попытке легализовать сионизм стало создание в Москве летом прошлого года «Союза сионистов», одним из членов-учредителей которого был «друг Израиля» В. Корецкий.

Укрепляют свои позиции и добиваются официальной регистрации ЕКА и «Общество дружбы и культурных связей с Израилем» (ОДИКСИ) — не прообраз ли Комитета по американо-израильским общественным отношениям? Издание Ассоциации деятелей и друзей еврейской советской культуры — «ВЕСК» после критики «Союза сионистов» быстро перешло в руки некоего Т. Голенпольского. Он прямо заявляет, что на первое место намерен ставить вопрос о гражданских правах евреев. (Это в газете, призванной информировать о новостях еврейской советской культуры!) Откровенно сионистские высказывания публикуются в прибалтийских газетах. Что стоит выступление народного депутата Г. Кановича в литовской газете «Комсомольская правда», с умилением взирающего на «только что проклюнувшийся, скорее символический, чем реально действующий «Союз сионистов».

Незадолго до этого латвийская газета «Советская молодежь» поместила интервью одного из учредителей «Союза сионистов» А. Золотаревского. «Сионистский комитет, — сказал он, — создан для того, чтобы сказать о сионизме правду. Долгие годы русские националисты боролись с тем, чего на самом деле в СССР не было. Теперь будет возможность сказать, что же такое сионизм на самом деле» *.

И здесь — симбиоз сионизма и русофобии **.

Наконец, В. Коротич развернул на страницах своего «Огонька» откровенную пропаганду Израиля, едва обмолвившись о его расистской идеологии ***.

Описывая цветущее государство, Коротич «забыл» пояснить, за чей счет оно процветает. Ведь США ежегодно выделяют Израилю более 3 миллиардов долларов в качестве безвозмездной помощи, что составляет 700 долларов на каждого израильтянина! И как мог Коротич, борец с антисемитизмом, не упомянуть о вопиющих фактах антисемитизма на Западном берегу реки Иордан? Ведь с тех пор, как началось палестинское восстание, от рук только «мирных» израильских поселенцев-колонистов погибло большое число арабов. Ну а если Коротич считает, что это не антисемитизм, если он, подобно всем сионистам, имеет в виду под этим понятием лишь антиеврейские выступления, то почему он не осветил в своем «Огоньке» факты «чистого» антисемитизма в самом Израиле? Процитировал бы антисемитское выступление члена кнессета А. Бурга, назвавшего линчевателей «еврейскими хулиганами и провокаторами», с которыми надо обращаться так же, как с арабами. Или

* «Советская молодежь», 1989, 30 августа.

** О каком «русском национализме» идет речь, когда десятилетиями у нас искоренялось буквально все, что могло напомнить человеку о его нации?

*** См. об этом в 11-м номере нашего журнала за 1989 г.

поместил бы выдержку — что он любит делать — из газеты «Маарив»: «Поселенцы — это погромщики, нападающие на арабские деревни. Они избивают, сжигают и ломают все без разбора». А ведь там, по словам В. Высоцкого, «на четверть бывший наш народ». Нет, молчит «рупор гласности». И будет молчать. Как будто не замечает ни визита «Объединенных советов...», ни создания сионистских структур в крупнейших городах страны. А может, по мнению «Огонька», это и есть перестроечные силы и их нужно поддержать? Впрочем, поддержка и так налицо. Почти одновременно с визитом американских сионистов «Огонек» (1989 г. № 46) публикует материалы об антисемитизме. Странно, что столь оперативное издание «проморгало» статью П. Коэн и М. Нафталина, выдержки из которой приведены выше. При единстве платформы была бы соблюдена и заповедь плюрализма. Ведь автор «Огонька» Лев Копелев в диссимиляции еврейской молодежи обвиняет безликий «административный рок». А ОСЗСЕ в распространенных материалах готов взять эту «вину» на себя: «Мы должны... возродить среди советских евреев еврейский дух». Пропагандистская работа по легализации сионизма уже начата. Пускаются в оборот проржавевшие ярлыки: «консерваторы», «бюрократы», люди, а то и народ, якобы зараженный антисемитизмом. Для усиления воздействия припоминается «дело врачей» и «борьба с космополитизмом». Сионистские установки проскальзывают во многих публикациях «борцов с антисемитизмом», которые, конечно же, всегда и во всем прогрессивны, выступают от имени сторонников демократии, гласности, кардинальных мер в экономике и которые-де борются с «партийно-бюрократическим аппаратом», разрушают «образ врага». За всей этой фразеологией угадывается позиция межрегиональной депутатской группы. Руководство этой группы в последнее время требует рассмотрения вопроса об антисемитизме. На что не без удовольствия ссылаются ОСЗСЕ в своих пропагандистских материалах. Особенно активно сионисты добиваются легализации двух ведущих формирований — ЕКА и ОДИКСИ. Этот вопрос под различными предлогами включается в повестки дня различных семинаров, симпозиумов и встреч с советскими представителями. Снова повторяется старый прием: решение любого вопроса увязывается с «правами человека», а фактически — с попытками создать сионистам в СССР режим наибольшего благоприятствования.

И уже не удивляет признание И. Фридмана, представителя иудаизма на Международной книжной ярмарке в Москве, что сотрудники таможенной службы даже не проверили его книги, заполнившие две тележки. «Здесь лучше, чем в Нью-Йорке», — заявил он корреспонденту АП.

Наверное, те же самые слова повторяли председатель исполкома Всемирной сионистской организации Симха Диниц, И. Либлер и многие другие руководители международных сионистских организаций, прибывшие в Москву на декабрьский съезд «еврейских организаций и общин СССР». Их не могло не радовать принятие резолюции по сионизму, который объявлялся одной «из форм еврейского национального самовыражения». Нет смысла подробно цитировать эту резолюцию, рассчитанную на людей, не имеющих понятия о сионизме. Да только ли резолюция! Так, сионистскую организацию «Б'най Б'рит» на съезде представили как культурно-просветительскую, а самого Симху Диница закамуфлировали под

председателя информационного агентства «Сохнут»! Хорошо еще не под руководителя благотворительно-миссионерского общества «Моссад»! *

Странные «совпадения» были в октябре. Скоординированными действиями показались они спустя два месяца. Накануне съезда в Москве, потребовавшего отменить резолюцию ООН, справедливо объявившую сионизм формой расизма, вице-президент США Дэн Куэйл высказал аналогичное намерение и даже назвал точный срок — 1990 год, Генеральная ассамблея ООН. В оставшееся время будут проводиться консультации по этому вопросу с разными странами.

Посол СССР в США Ю. Дубинин тем временем выступает на сессии исполкома Всемирного еврейского конгресса. С января этого года планируется открыть прямую воздушную линию между Москвой и Тель-Авивом. Слово «Израиль» не сходит со страниц упоминавшихся уже изданий, которые фактически превратились в рупоры межрегиональной депутатской группы. При содействии академика Велихова под эгидой Академии наук СССР организована подготовка раввинов.

В октябре прошлого года СССР впервые за последние годы на заседании Генеральной ассамблеи ООН не поддержал требование арабских государств лишить Израиль права быть членом этой организации. А через полгода, судя по всему, мы не постесняемся выступить за отмену известной антисионистской резолюции...

Думается, вряд ли мы сможем разобраться во всех наших прошлых и нынешних бедах, если не станем учитывать фактор сионизма. Взять, к примеру, Советский комитет защиты мира, организацию, превратившуюся в курьез после уничтожения «образа врага». Но «миролюбцы» из СКЗМ нашли себе работу. По сообщению еженедельника «Новое время» (1989, № 46), «В Советском Союзе будет проведена **независимая** (выделено мной. — **В. Е.**) Общественная экспертиза состояния военной опасности и деятельности Вооруженных Сил СССР». Это решение принял СКЗМ. В то же время комитет выражает готовность пригласить в Советский Союз высокопоставленных чиновников Израиля, с которым у нас нет дипотношений. Уж не для того ли, чтобы познакомить с выводами «независимой экспертизы»?

Вторжение без оружия принимает грандиозный размах, распространяется на все без исключения сферы деятельности. В экономике мы все больше поддаемся диктату западных монополий, которые стремятся превратить нашу страну в сырьевой придаток, в чем им порой небезуспешно помогают отечественные «спруты». В искусстве и культуре доминирует низкопробный масскульт, а в последнее время — секс и насилие. В политике лоббистские силы навязывают «польские» и «венгерские» варианты. Чему, по-видимому, должен способствовать и закон о выезде и въезде в СССР. В этой связи немалый интерес представляет неопубликованное в свое время интервью видного деятеля польской «Солидарности» Б. Геремека, которое он дал корреспонденту «Политики» Х. Кралю в конце 1981 года:

«Б. Геремек: Вы никогда и нигде об этом не расскажете — это глубочайшая тайна. В ближайшее время евреи вернутся в торговлю и в производство в Польше.

---

* «Моссад» — израильская разведывательная служба.

Х. Краль: Где вы столько возьмете евреев? Кто им предоставит предприятия?

Б. Геремек: Кто? А вы уже забыли о нашей «Солидарности»? Будут еще просить, чтобы евреи взяли предприятия.

Х. Краль: Мне еще трудно представить подобную ситуацию, но она меня чрезвычайно радует.

Б. Геремек: Есть закон об органах самоуправления на предприятиях? Есть. Он мог бы быть лучше для нас, однако и того достаточно. Предусматривает закон возможность создания частно-самоуправленческих и частногосударственных предприятий? Предусматривает. А что нужно для деятельности таких предприятий? Мы хорошо знаем, что нужны деньги. А у кого сегодня есть хорошие деньги для такого предпринимательства? Может, у поляков? Нет, я не вижу, чтобы поляки могли участвовать в таком бизнесе. Деньги дадут евреи. Головы для предпринимательства тоже дадут евреи. Вы спрашиваете меня, где взять столько евреев? К счастью для народа Израиля, они уже есть. За последние 38 лет население еврейского происхождения возродилось — в Израиле, в Западной Европе, в Советском Союзе. Как только мы примем закон о двойном гражданстве, о праве свободного выбора места жительства, а также о свободном въезде в Польшу и выезде из нее людей двойного гражданства, не будет никаких трудностей с кадрами для частной промышленности, ремесла и торговли. Немало пустующих рабочих мест. Нам удалось довести их до плачевного состояния. В таком виде нам будут отдавать их задаром и еще станут целовать руки, чтобы была работа для поляков и немного товаров для рынка.

Х. Краль: Почему «немного»?

Б. Геремек: Потому что эти предприятия будут работать на экспорт».

Но вспомним о делегации ОСЗСЕ. После московских встреч «гости» «Красной стрелой» отправились в Ленинград. Во Дворце культуры имени С. Кирова с их участием прошел семинар, посвященный антисемитизму. Статья П. Коэн и М. Нафталина специально предназначалась для данного семинара. Потом были встречи с «отказниками» и «еврейскими активистами», после чего, разбившись на группы, американские сионисты разъехались по разным городам: в Ригу, Вильнюс, Минск, Одессу, Львов, Киев, Харьков и Ташкент «для ознакомления на местах с положением в области еврейской жизни, встреч с «отказниками» и «еврейскими активистами». Нетрудно догадаться, что главным содержанием этих встреч была подготовка к декабрьскому съезду «еврейских культурных обществ».

Об этом съезде, конечно, должен быть особый разговор. Ведь его решения направлены на создание еврейского государства в государстве со своим советом — ВААДом и судом — Бет-дином. Что это, как не реанимация дореволюционной кагало-бетдинской системы, причинившей столько горя и самим евреям, и проживающим с ними народам?

И вновь предвижу вопрос, приведенный выше: как такое возможно, кто за это отвечает? Что касается второй части, то здесь вроде ясно: никто не отвечает. И вот почему. Готовясь к предстоящей поездке, руководство ОСЗСЕ представило МИДу ее программу, которая была отклонена. Тогда сионисты сделали вид что от нее отказались, и заявились к нам в качестве туристов.

А всю программу, запрещенную нашими властями, разработали и провели местные «еврейские активисты». Американские «туристы» были всего-навсего «гостями» их мероприятий. Так кто же должен нести ответственность: МИД? Он не принял программы. «Интурист»? А какое ему дело до всяких там встреч? КГБ? Но ведь у нас демократизация, гласность...

Что касается декабрьского съезда (не путать со съездом народных депутатов!), то здесь разобраться оказалось непросто. Одни приехали в качестве гостей, другие — туристами, третьи, как Симха Диниц, — под чужой личиной. Но в итоге все, кто стремился на съезд, на него попали.

И все же без неприятностей не обошлось. В день открытия съезда группа патриотов, в основном пожилого возраста, встретила гостей и участников сборища антисионистскими транспарантами. Они попытались пикетировать помещение киноцентра на Красной Пресне, где проходил съезд, но тут вмешалась милиция...

И еще одна неприятность поджидала участников съезда: через день у входа в киноцентр собралась группа палестинских студентов. Они тоже заявили протест против сионистской направленности съезда.

Вот, пожалуй, и все силы, противостоящие сионизму в его глобальных международных планах. Русские и палестинцы — те, кто, может быть, больше других страдал и страдает от политики этих реакционных сил, громче всех вещающих о прогрессе и перестройке.

●

ПОЭЗИЯ

Алла **КОРКИНА**

МУЗЫКА ВО МНЕ

* * *

Как я боялась потерять тебя,
средь ночи просыпалась —
обнимала,
ждала к обеду, фартук теребя,
от робости смиренно обмирала.

Как пробуют металлы на разрыв,
так жизнь и нас испытывает снова.
Ты холоден, слегка нетерпелив,
но вежлив так, что застывает слово.

* * *

Ты не кончаешься,
как музыка во мне!
Чудесная! Она рвалась из окон,
весна ее будила, словно кокон,
и вот, как звон потерянных монет,
она звенела в радужном дожде.

Томилась музыка век в темноте пластинки,
дождь зашумел, и вот она постигла
мелодию и вырвалась к звезде.
Так девочка,
пока еще мала,
но что-то в ней звенит, как дальний колокольчик,
она встает на луч, на самый кончик
и слышит — капает у вишенки смола.
О, музыка! Ты — стержень бытия!
И я перед тобой благоговею,
зову любовь я музыкой своею —
она гармонии счастливое дитя!

Кишинев

СТИХИ МОЛОДЫХ

Галина КИСЕЛЕВА

ТОЧКА ОПОРЫ

Тихая моя родина
Я ничего не забыл.

Н. Рубцов

* * *

Звездное небо, спокойные ели,
Мерзлые пашни в румянце
заката —
Вот что мы в детстве любили
когда-то,
Что в городах позабыть не сумели.

Часто, когда неприкаянно станет,
Сквозь суету, неудачи, раздоры
Встанет деревня в рассветном
тумане.
Тихая родина.
Точка опоры!

МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Для меня мое Отечество —
Деревенька средь полей;
А основа человечества —
Тетка Нюша, дед Андрей.

Дед учил: «Нас кормят руки.
Чтоб по свету не несло,
Ты мотай на ус науки,
Постигай, девк, ремесло».

Говорила тетя Нюша:
«Неумехе плохо жить...»
Мне леса шептали: «Слушай,
Песню пробуем сложить».

Отгорели годы детства,
Много я прошла дорог.
Но со мной мое наследство:
Деревенька, в поле стог,

Луг, который я косила,
Лес, где свищет соловей.
Да горючие могилы:
Тетка Нюша...
Дед Андрей.

* * *

Грачи улетели. Что в этом такого?
Но вдруг опустело пространство небес.
Без крика грачиного смотрит сурово
На стылом ветру остывающий лес.

Белеет мороз на забытой соломе,
Серы, как холсты, и безмолвны поля.
Вот так же тоскливо в родительском доме,
Когда покидают его сыновья.

Калининская обл.

Анатолий ВАСИЛЕВСКИЙ

Рассказ

Помню, тот солнечный февральский день был ослепительно ярок. За окнами сиял в снежных миражах город — струились, восходя, таяли в зыбком небе дымы, а от этих бесплотных, невесомых дымов ходили по снегам густые синие тени. Не терпелось, помню, выскочить на улицу, на сухой, обжигающий воздух, и вдыхать его ненасытно, как ненасытно пьют в жару ледяную воду.

Я надел полушубок, мохнатую шапку, распахнул входную дверь и увидел женщину-почтальона, поднимающуюся по лестнице, смотревшую на меня как-то странно.

Мы были знакомы, но женщина не поздоровалась, не произнесла, как обычно, с веселой укоризной: «Опять вам почты много!.. И пишут, и пишут...», протянула желтый листок бумаги, карандаш, сказала сердито:

— Распишитесь. Телеграмма.

Я был озадачен сердитостью, несвойственной этой приветливой женщине, и, получив телеграмму, прочитал машинально страшное, показавшееся нелепым сообщение.

— Ну, что там? — спросила жена, осматривая себя в зеркало и натягивая меховые перчатки. — Бежим быстрей на улицу! День какой! Видел деревья? Как из хрусталя — искрятся.

Я перечитал телеграмму о смерти брата, в которую поверить было нельзя.

— Ну, что, что там? — повторила жена нетерпеливо. — Бежим! Бежим! Все остальное потом.

Слово это «потом» как бы ударило меня и как бы заморозило во мне чувства и мысли, оставив одно непреложное требование: ехать! Надо немедленно ехать.

— Потом, потом! — торопила жена, протягивая руку за телеграммой, а я, застывший, как бы равнодушный, трезво обдумывал, что надо взять с собой: лекарства, все какие есть сердечные, теплое белье, шерстяные носки — хоронить зимой, холодно...

И тут осознал: хоронить! Кого! Младшего брата! И увидел круглые от ужаса глаза жены.

Я боялся, помню, опоздать. На вокзале торкался в кассы, искал дежурного, совал всем страшную свою телеграмму и везде чувствовал себя лишним, ненужным, изгоем, потому что среди всех, кто заполнял вокзал, приезжал, уезжал, не было больше человека, кого так же, как меня, касалось это «потом», за которым ничего никогда не бывает.

В вагоне, как сел, не раздеваясь, так и сидел, бесчувственный и слепой, и лишь когда бросились в глаза бегущие рядом с поездом кричащие, хохочущие лыжники, а от них — резкие тени на снегу, болью пронзила мысль о том, что брат уже ничего этого никогда не увидит — прихлынули слезы, я глотал их, сжав зубы, бессознательно цеплялся за другую мысль, спасительную: а может, какое недоразумение с этой телеграммой?.. Приеду, а брат жив?..

И, раня сознание, вставал перед глазами живой брат с той неожиданной на его строгом лице добродушной улыбкой, какая радовала обычно своей неожиданностью, и слышал я глуховатый его басок, в котором угадывались покровительственные нотки уверенного в себе и озабоченного твоей судьбой человека: «Что-то плохо выглядишь... Здоров, говоришь, может, по службе неприятности?.. Выкладывай-выкладывай, нужно, подам рапорт, вырвусь дня на три, поедем вместе... Я ведь знаю тебя, к начальству не умеешь подлаживаться, но мягок, а бюрократ, он силы боится, его бить надо».

Я всегда знал, помнил, что у меня есть брат, который поможет, выручит из любой беды, если только дойдет до него весть, что кому-то из близких плохо.

Был случай, я болел долго, никому не писал, стал поправляться — он позвонил, и голос мой показался ему

больным, он допытывался, что со мной... На другой день я поднялся с опостылевшей кровати и увидел внизу, под окном, на тротуаре брата — он курил, подняв голову к моим окнам. Заметив меня, отвернулся, докуривая, а я в неописуемой радости не подумал даже о том, как и почему он тут оказался, за тысячу верст от своего дома.

Чего он только не привез мне тогда! Мед, мумие, маточкино молочко, женьшень — все, что, сдавалось ему, должно вылечить.

И он умер?.. Да разве такое может быть?!

Мысль эта не оставляла — опять и опять душили слезы.

Брат был моложе нас, родных и двоюродных братьев, сестер, и мы не очень-то задумывались над тем, почему год от года у него прибавлялось в крутых завитках волос седины, на лице и на теле — рубцов, шрамов, а на парадном кителе с майорскими погонами — орденов.

За что ордена?

— Да так, — говорил брат нехотя. — Служба. Мало ли за что награждают.

Приезжая в гости, он редко надевал военную форму, и мы не удивились, когда явился он однажды, совсем неожиданно, в светлой шляпе и тонком сером костюме, элегантность которого заметно контрастировала с его твердой, вразвалку, походкой, с увесистыми, мосластыми руками, с темным грубым лицом, пересеченным наискосок шрамом, и хмурым взглядом прищуренных глаз.

— Отлетал, — сказал он без улыбки. — Отслужил, уволился из армии подчистую.

Его сообщение нас, конечно, озадачило — не могли понять, почему вдруг такой здоровый на вид, крепкий мужик оставил службу. Допытывались, чем намерен заняться — отвечал, как казалось, равнодушно:

— Отдыхать... Рыбачить, загорать, купаться. — Помолчав, добавил, как обрезал все дальнейшие расспросы: — Отдыхать и купаться до посинения, до икоты, до тошноты.

И тут вылилось наружу то, что жена его, видимо, постоянно в себе таила. Жена закричала срывающимся, плачущим голосом, в котором слышалось торжество:

— Хватит с нас, хватит! Сколько раз было, калечился — ну, все, думаю, отлетался! Нет, оклемается — опять летает. Хватит!

— Перестань, — прервал ее брат негромко, но жена умолкла. Всхлипнув, обняла брата. Помедлив, он сказал: — Задний мост что-то постукивает — пойду с водителями посоветуюсь.

Вышел, мы слышали, как хлопнула дверца машины, мотор заурчал, брат уехал — подступили к жене: что значит «калечился», где, когда?

Жена не отвечала, злилась — не отставали.

— А! — сказала она. — Что уж теперь. Прошло, что было. — И засмеялась. — Ведь не велел, строго-настрого запрещал писать, когда с ним что-нибудь случалось.

— А что, что случалось-то?

— Да разве обо всем расскажешь.

— А что все-таки, что?

— Ах! Ну что вы пристали? — сказала она, бледнея. — Легко, думаете, вспоминать, как боялась всю жизнь за него, дрожала! А покалечится — и узнавала не сразу, и мне сообщать запрещал... Выхаживаю, выхаживаю потом, пока на ноги встанет... Отстранят от полетов, на нелетную должность переведут — радуюсь: отлетал, думаю, поживем спокойно, а он, глядишь, опять на своем настоит — опять летает. И летал до последнего, пока мог.

Вдруг закричала, плача:

— И хватит с него! Хватит! С нас хватит! Поживем как все! Без страха! Сколько можно мне из-за него бояться, не спать? Поседела!.. То истребители новые осваивает в полевых, немыслимых каких-то условиях — зря, что ли, орден дали?.. То катапультироваться — орден, то откажется катапультироваться, нельзя над городом — орден!.. И хватит с нас, хватит!

После этих ее слов я подумал, помню, о себе, подумал, что мы, все родные, признаем над собой превосходство брата, его авторитет, а я почему-то всегда испытываю к нему непонятную, какую-то жалостливую нежность, как будто не я, в общем-то несобранный, рассеянный, порой безрассудный человек, а он, властный, решительный и трезвый, нуждается в моей опеке и защите.

Теперь я знаю, это все потому, что брат постоянно рисковал своей жизнью, а я, а мы все жили без риска...

Признаться, тогда я был рад перемене в жизни брата, и хоть понимал, что горько ему, ох, горько, расстаться навсегда с самолетами, с небом, но рад был, что жизнь его теперь вне опасности, что ему, самому молодому из нас, еще жить да жить, а он так любит жизнь!..

О службе своей он не рассказывал, спрашивали — отмахивался:

— Летаю... Нормально, у меня все нормально. — Смотрел вприщурку, чуть усмехаясь: дескать, жизнь должна быть нормальной и рассуждать об этом нет смысла. Разговор непременно переводил на другое: — Ты лучше послушай, какую матерую щучищу выволок я из озера. Видел бы ты эту бандитку: зубами щелкает — крокодил. А блесен пообрывала!.. — И потирал с наслаждением свои темные, по-крестьянски тяжелые руки.

Бывали случаи, жена сообщала родным о том, что год жила без мужа, измучилась, дождалась наконец, вернулся брат из командировки; где был, что делал, родные, сколько ни допытывались, узнать не могли; а тут приходило новое письмо: «Дождалась! Дождалась! Выписался из госпиталя! Правда, ослаб...» И снова родные гадали о случившемся. Ехал к ним кто-нибудь, встревоженный и находил брата бодрым, крепким, лишь чуть прихрамывающим. Брат беспечно рокотал глуховатым баском:

— Приземлился неудачно — пустяк. Давай-ка лучше сбегаем в лес. Места грибные знаю — столько боровиков ты не видывал.

Жена его при этом непонятно, многозначительно усмехалась, качала головой, кривилась, готовая заплакать, но сдерживалась.

Он был заядлым грибником, охотником, рыболовом. На реке, в лесу лицо его расправлялось, добрело, с детской какой-то усмешкой слушал он воркование горлицы или стук дятла, а видел белку — волнуется зверек, бьет хвостом, цокает — говорил, приглушая бас:

— Видали ее, хитрюгу? Сама испугалась — пугает... Будем возвращаться — грибов на суки понавешаем. Высушит, в дупло утащит. — И оборачивался, озабоченный. — Мать, значит, в гости ждет... Все некогда. Освобожусь — нагряну. Чем бы помочь ей, а?.. Деньгами? Купить чего?.. Дров, значит, запасли на зиму... Знаю-знаю, ранней весной, когда сок березовый пускают...

Перестав летать, отдыхал брат недолго. Вскоре жена сообщила, что у соседей утонула на реке девочка, что смерть эта потрясла их, и брат работает теперь на водно-спасательной станции. А еще через полгода из нового ее письма мы узнали, что за это время у них никто не тонул и безделье брату надоело, брат спит и видит, что перебрался жить ближе к нам, к родным, к матери, — бредит настоящей работой: валить лес, пахать, косить...

Мы стали вовсю обсуждать, готовили их переезд, говорили о том, как хорошо, как замечательно будет всем нам жить вместе с братом — и вот смерть.

Я ехал в поезде более суток. Город, где жил брат последнее время, встретил сильным морозом. Мне все еще казалось, что кто-то разыграл меня, подшутил по-идиотски; но видеть сверкающий, как бы ликующий день было больно, и я отчетливо представил себе, как войду сейчас в душную квартиру, увижу гроб, мертвое лицо брата. Я мысленно кинулся, припал к брату, в отчаянии стал вопрошать вслух: «Что же ты?! Как же ты?! Дружище!..» Перехватило дыхание — я испугался, что упаду, не увидев напоследок брата, и превозмог слабость.

К дому, куда стремился, с каким связывал еще жалкие надежды, встречи с которым боялся, подходил с дрожью. Издали всматривался в окна, в подъезд — никого, ничего. Вошел — тихо. Стал подниматься — первый этаж, второй, третий, а там — крышка гроба, обитая красным бархатом.

В квартире слышался плач, я постоял, справляясь с удушьем, и открыл незапертую дверь. Из-за спин людей, заполнявших гостиную, где были задернуты шторы и в узкие щели сквозили плоские лучи солнца, увидел гроб, знакомое и незнакомое лицо брата, застыл, опять бесчувственный, и услышал женский вскрик и болезненно обрадованный возглас:

— Братик приехал! Твой братик! — Увидел безумное горе в глазах постаревшей до неузнаваемости вдовы и от нового ее возгласа: — Посмотри, посмотри же на братика! — вновь почувствовал удушье, захлебнулся соленым, по лицу потекли слезы, и какое-то время я ничего не видел, с мукой слушая обращенную к брату мольбу взглянуть на меня хоть разочек, последний разочек.

У брата черты лица не изменились, я не сразу понял, что́ было другим, оказалось, с лица исчезло свойственное ему, как мне представлялось, постоянное выражение хмурой сосредоточенности. Почудилось даже на миг, что брат уснул после тяжкой работы и спит спокойным, глубоким сном, набирается сил и вот-вот, потревоженный, откроет глаза, проговорит, как обычно, грубовато-снисходительно: «Ну, что ревете? Сделал, что требовалось, лежу...»

Подошел к вдове, она упала ко мне на руки, дрожа, причитала без слез:

— Братик! Братик! Что же он сделал, твой братик?! Ушел... Бросил так неожиданно! За что?.. Жил бы да

жил — велено было ему, оказывается, нитроглицерин иметь под рукой... Велено, а он на себя понадеялся — уж такие боли вынес, сердечную пересилит... Меня, наверное, стеснялся, слабость свою выказать не хотел — в гараже лекарства прятал. Да если бы я знала! Ах!..

Она глянула на меня с пугающей надеждой, склонилась к гробу, заговорила укоризненно-мягко:

— Не пожаловался даже ни разу, ох, дурачок! Ну, зачем же ты, родненький?.. Неужто бы я не поняла? Неужто бы не сберегла? Все сам, сам, как и раньше, сам...

Осиротевшего племянника, рослого, плечистого мальчика, я нашел в спальне, он смотрел без слез и, как заметил я после, от всех прятался. Он стыдился, оказывается, свалившегося на них несчастья, стыдился слез и обращенной к ним жалости.

Приходили все новые люди, простившись с братом, уходили, а вдова сидела у гроба, не поднимаясь, и то вскрикивала, то нервно смеялась, то связно, то бессвязно без умолку говорила. Никто не догадывался о том, что горе пронзило ее, ушло вглубь, точит изнутри и неделю спустя сломит, свалит, отнимет речь — посторонним казалось, что смерть мужа она приняла легко, и ее осуждали за то, что она не бьется на его груди и не воет.

От родственников, близких и дальних, от родственниц, молодых и старых, повязанных черными шалями, я узнал, как умер брат. Собрался ночью неслышно, ушел на рыбалку, сел у дороги на ящичек свой в ожидании автобуса и уснул навечно.

Я обнял вдову, она задрожала, передернулась, захлюпала носом, но не заплакала. Склонилась к гробу, гладила по лицу брата, поправляла ему волосы и, приблизясь вплотную, что-то рассматривала на его лице.

— Лежит, молчит... Ведь думал о чем-то, когда больно стало... О чем? Что хотел сказать? О чем-то думал? Ведь было что-то невысказанное... Что? Скажи, ну, скажи!

Ко мне обращались разные люди, говорили, кому, за что и сколько надо платить, сообщали, что могила выкопана на хорошем месте, под соснами, в сухом песке, временный памятник сварен из нержавейки, поминки готовят в кафе, упоминали оркестр, автобус, катафалк, подушечки для наград, еловый лапник, веревки, гвозди, молоток...

Мне чудилось, брат слышит все это, даже может сказать и скажет: «Чего мечетесь, мельтешите? Я свое сделал — чего воете?»

Явился затянутый в портупеи офицер, ему указали на меня, он козырнул.

— Прибыли в ваше распоряжение — машина, оркестр, почетный караул.

Вдова очнулась.

— Прибыли, да? — И сама же ответила безучастно: — Прибыли — теперь все. Настало твое время, человек ты мой... Похоронят, похоронят. — Судорожно всхлипнула, нервно, горестно засмеялась: — Это он меня так успокаивал. Начну жаловаться на свои болячки, на то, что и похоронить его по-людски не смогу, скажет: «Обо мне не тужи — без тебя похоронят, я человек государственный, государству служил — похоронят».

Она склонилась к нему низко-низко, заговорила так, будто он не мог не услышать:

— Все-все, человек мой государственный, прибыли солдатики — все. Жизнь прожита и вся-вся известна, и ничего не исправишь, не переиначишь, и вижу я теперь, жить надо было мне как-то не так, чуть-чуть не так...

Я напрягся, вглядываясь в ресницы брата, ждал: дрогнут.

Ко мне подошел офицер.

— Вынос в тринадцать ноль-ноль?.. Пора!

...У подъезда толпы людей, солнечный, пронзительно-ослепляющий день, тягучий медный плач духового оркестра и стенания женщин, вереница людей, несущих красные подушечки с наградами, венки и замедленная поступь сопровождающих солдат с автоматами.

К кладбищу процессия двигается по мосту через реку. Внизу виден маленький заснеженный домик спасательной станции, где работал брат, тропа по снегу через реку, полынья ближе к мосту обозначена еловыми ветками.

Мужчина какой-то трогает меня за руку, показывает вниз.

— Его работа. Беспокоился о людях. Оберегал. — Помолчав, добавляет: — Ваш брат жил строго. Ни убавить, ни прибавить — вот так жил. Совестливый был человек.

Слова эти запомнились, я твердил их про себя, ища в них смысл и утешение и свыкаясь с мыслью, что брата больше нет, что ни слезы наши, ни горе, каким бы ни было оно неутешным, его не касаются больше, что все для него, вся жизнь, с ее заботами, с делами ее, каким

отдал он себя без остатка, — все для него в прошлом.

На кладбище над гробом произносили речи — военком, начальник спасательной станции, молодая учительница. О чем говорили, не помню. Занимал, помню, вопрос: почему выступает учительница? Кто она? Почему ей надо говорить над гробом?

Трижды целую брата в лоб, гляжу, как оттаскивают от него кричащую жену, поспешно накрывают гроб крышкой, заколачивают и медленно, осторожно опускают в могилу под вопль женщин, плач оркестра и залпы салюта.

А вот и холмик, закрытый венками из вощеных цветов, и металлический памятник со звездой, и оркестр играет марш, и солдаты, равняясь на могилу, отбивают строевой шаг.

Это последние воинские почести моему брату, военному летчику, государственному человеку.

г. Владимир

●

От редакции: Выдающийся русский писатель Всеволод Никанорович Иванов (1888—1971) — представитель мало изученной историками «восточной» эмиграции — известен исследователям литературы как автор романов «Черные люди», «Путь на Алмазной горе», «На Нижней Дебре», воспоминаний — «Юность и свобода», «Гул жизни». Он был не только прозаиком, но и поэтом, журналистом, публицистом; отступал с разгромленной колчаковской армией в Иркутск, Читу и Владивосток. В 1922 году эмигрировал в Китай. Решающее значение в его идейной эволюции имел разгром Советской Армией Германии и Японии. В 1945 году писатель вернулся на Родину и жил в Хабаровске.

Художественный очерк Вс. Н. Иванова о Столыпине привлекателен тем, что при его чтении возникает реальное ощущение того, как прошлое своими токами пронизывает наше сегодняшнее бытие, заставляя обратить внимание, с какой поразительной легкостью левые радикалы относятся к понятию *государственности* и как порой неутомимо безответственны в пылких речах о демократии, судьбах своего народа и уроках истории. Актуален очерк и в связи с появившимися в периодической печати полярными и взаимоисключающими суждениями о Столыпине и его реформах.

Вс. ИВАНОВ

СТОЛЫПИН

Живая власть для черни ненавистна,
Она любить умеет только мертвых.

Пушкин

Отлично помню этот осенний серый дождливый петербургский день, когда в ресторане Кутецкого на Васильевском острове за 40-копеечным обедом я прочел телеграмму, что убит в Киеве председатель Совета министров П. А. Столыпин. Бросив обед, я выскочил на Средний проспект, по-осеннему оживленный и мокрый. Все было по-обычному, и в то же время я ясно чувствовал, что случилось что-то такое непоправимое, чего я не мог понять.

А другие, оказывается, понимали. Видный эмигрантский писатель настоящего времени И. Ф. Наживин сознается теперь, что «он плясал, услыхав про смерть Столыпина», так он был ей рад! Уж поистине Бог отымает разум у тех, кого хочет наказать.

За Столыпиным охотились, как за зайцем — ужасная судьба русского государственного деятеля! Если мы ценим подвиги, совершаемые на войне, в обстановке известного массового аффекта, подтвержденного и обоснованного многовековой особой дисциплиной, то как мы должны преклоняться перед подвигом этого одинокого человека, который стоял один на своем крупном посту и был обстреливаем со всех сторон. Со стороны Государственной Думы Столыпин был обвиняем в нарушении «прерогатив» «народных избранников»; со стороны правых — в нарушении верховных прерогатив государя. А со стороны левых в него просто палили из револьверов и бросали бомбы. Взрыв на Аптекарском острове, разваливший его дачу, искалечил самого Столыпина.

Ни одной минуты Столыпин не мог оставаться спокойным за свою жизнь — ведь еще в бытность его саратовским губернатором у него была прострелена рука, которая потом действовала плохо. Он не боялся, однако, вызовов судьбы. И когда шт.-кап. Мацевич, один из первых русских летчиков, предложил в 1910 году ему полет на аэроплане, Столыпин, твердо посмотрев ему в глаза, согласился.

А между тем ему было известно, что шт.-кап. Мацевич принадлежит к партии социалистов-революционеров и будто бы был близок к террористическим кругам. Говорят, что он должен был «угробиться» вместе с председателем Совета министров, исполняя «задание».

Такое мужество государственного человека, мужество долга, мужество одинокое, необходимо поставить выше военного мужества.

* * *

В чем сила Столыпина, в чем залог исторической длительности его работы?

Конечно, в его идейности. Он был поэтом государственного дела и государственного пафоса.

Чиновник по землеустройству, гродненский и саратовский губернатор, он всегда прежде всего оставался сам собой, менее всего был чиновником, отбывающим свой номер. При волнениях в Саратовской губернии он первым кидался на самые опасные пункты, и дело часто улаживалось до прибытия войск и без кровопролития.

В этих улаживаниях Столыпин проявлял большое мужество и находчивость.

Так, рассказывают, что он укротил было большую толпу крестьян, причем оставался только один неугомонный бунтарь, никак не желавший успокоиться. Тогда Столыпин приказал ему принять с его плеч его губернаторское пальто и фуражку и носить за ним. И революционер стал смешон в этой роли и потерял свой наглый тон.

Но губернская деятельность была мелка по размаху для Столыпина. И приглашенный сперва на пост министра внутренних дел в Петербург, он становится затем председателем Совета министров, причем все это происходит в самое ответственное время.

После 1905 года и пронесшихся над Россией социалистических погромов народ находится в состоянии брожения. Нужны были коренные основательные реформы. Ни созыв народного представительства в лице 1-й Государственной Думы — «Думы народного гнева», как было принято ее называть, — ни другие полумеры не могли спасти Россию. Для того чтобы заложить фундамент прочного русского благосостояния, нужно было пройти до самого материка, до самой толщи крестьянства.

Образовать сильного собственника-крестьянина, сохранить настоящее прогрессивное народное представительство, способное к творческой работе, наконец, задушить дикую революцию — вот что было тремя китами политики Столыпина. И действительно, его работа была подлинным образцом государственной работы, которая шла по русским историческим путям, преобразуя прошлое, но не порывая с ним.

Освобождение крестьян, как известно, не доделало начатого дела. Вместо того, чтобы вольный крестьянин очутился на своей собственной земле и стал обрабатывать ее, реформа 1861 года отдала его в кабалу общины. Русская община стала синонимом косности, бесхозяйственности, отсутствия побудительной энергии к интенсивному ведению сельского хозяйства. Интересно, что за общину держались, однако, и левые, и правые. Для левых община была переходною ступенью к социализму, правые, в большом количестве земельные собственники, просто не хотели конкуренции с сильным мужиком, освобождаемым от забот о «бедных соседях по общине», и хотели иметь мужика — дешевого работника. Вот почему именно Госу-

дарственный Совет становится могилой разных намечаемых было преобразований в жизни крестьянства.

* * *

Против предпринятой Столыпиным этой основной реформы государственного состояния России объединились поголовно все слои тогдашнего русского общества. Левых эта реформа не устраивала, так как они удалялись с нею от близкого, как им казалось, социализма. Кадеты и либералы сетовали на то, что некоторая круговая порука общины выручает ее слабосильных членов, и что после столыпинских реформ увеличится количество бедных. Благодря этому столыпинские выступления в Государственной Думе проходили страшно бурно, он, естественник по образованию, засевший за юридические науки уже стоя на высших постах, был атаковываем блестящими научными именами. Я отчетливо помню тот номер газеты «Речь», где приводилась речь маститого профессора М. М. Ковалевского против Столыпина: достопочтенный профессор вдребезги раскатывал премьер-министра за его признание принципа государственного приоритета во вкусе немецкого теоретика государства Лабанда. Конечно, всем русским защитникам английского представительного образа правления подобные заявления о сильной власти были не по нутру...

Одним словом, даже цензовая 3-я Государственная Дума не пропустила бы закона о раскрепощении крестьянина, и потому Столыпин разыгрывает известный свой трюк «на строго парламентарных основаниях». Он намеренно в порядке ст. 87 проводит столь необходимо нужный для успокоения России закон, в промежуток между 1-й и 2-й Гос. Думами.

По всей России закипает новая, небывалая по интенсивности земельная работа. По закону 6 ноября 1906 года из общины на подворное владение с 1907 года вышло 88 972 десятины.

В 1908-м — 436 522 десятины.

В 1909-м — 1 222 444 десятины.

В 1910-м — 1 459 389 десятин.

Итого, за первые четыре года существования нового закона всего освободилось земли из общины и перешло на подворное владение 3 207 294 десятины, на коих было образовано новых собственнических дворов 319 148.

Эта реформа, столь тяжело и враждебно встречаемая

в России, была правильно оценена и учтена за границей. Известны слова Вильгельма, что с Россией надо кончать скорее, потому что через 10 лет она будет непобедима, как основанная на правильной форме хозяйства.

Эти меры Столыпина способствовали развитию сельского хозяйства. Урожай 1914 года дает цифры в 3 657 000 000 пудов. Россия в том же году имеет 52 миллиона голов скота и 35 000 000 лошадей. Одно производство сахара в 1914 году достигает 104 000 000 пудов.

* * *

— Государю было угодно даровать России представительный образ правления, — говорит Столыпин, — и мы должны его сохранить... — Конечно, он нисколько не сомневался в том, каким *должен* быть этот представительный образ правления. 1-я Государственная Дума была распущена после кратковременного своего существования, потому что она была настроена просто революционно. 2-ю Государственную Думу пришлось распустить из-за того, что социал-демократическая ее фракция, пользуясь депутатской неприкосновенностью, работала над поднятием военного восстания в Петербурге. Чины полиции захватили как раз такое заседание в тот момент, когда один из думских делегатов читал свой «мандат», командирующий его в воинские части на указанный предмет. Наконец цензовый барьер в 3-ю Думу был повышен еще более, настолько, что 300 депутатов из общего числа 400 фактически выбирались 30 тысячами крупных помещиков. И все-таки это обстоятельство не помешало 4-й Думе заниматься революционной работой.

Закон о земельной общине, закон о расширении сферы земского самоуправления — все это было проведено Столыпиным помимо Гос. Думы и Госуд. Совета — опять же в порядке ст. 87, распустив Гос. Думу на три дня.

Такие огромной важности законопроекты, как, например, о реформе полиции, лежали в Думе и не проходили годами. В своих речах Столыпин прямо бросал депутатам в лицо упреки в отсутствии государственной точки зрения в действиях, и в отсутствии патриотизма. Так, говоря по поводу запроса об Азефе, он бросил в лицо лидерам кадетов — Милюкову, Набокову и кн. Долгорукому участие их в заграничном съезде партии социал-революционеров.

Вообще Государственная Дума была напопасным вра-

гом Столыпина в его борьбе за Россию. «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия! — бросил он однажды в лицо этим людям. — Слушая здесь эти речи, — сказал Столыпин в другой раз, — которые зовут только к захвату власти, к анархии и которые грозят всем нам, мы только можем сказать: не запугаете!»

Вообще нужно сказать, что Государственная Дума была тем филиалом русской революции, который жил под охраной своей парламентской неприкосновенности и, наконец, сделал свое дело в достопамятные дни 1917 года. Столыпину нужно было бы для полного успеха своих дел перебороть это государственное сборище оппозиционеров, но этого он сделать не смог.

Тем успешнее, однако, боролся он с революцией.

* * *

Вплоть до своей смерти, то есть до сентября 1911 года. Столыпин неустанно боролся с «хвостом 1905 года», и надо отдать справедливость, он привносил в борьбу и страсть, и темперамент. К сожалению, он был связан в выборе средств, так как за ним все время зорко смотрел недружелюбно настроенный русский парламент.

Нужно прямо сказать, что по сравнению с теперешними московскими властителями Столыпин боролся в полруки. Уже одного того достаточно, что государь-император воспретил организацию политического сыска в войсках. Точно так же не было политического сыска и в средних учебных заведениях. Борьба с революцией шла не бессудно, но при помощи закономерной юстиции, причем многие юристы-праведники, типа покойного А. Ф. Кони, страшно протестовали. Можно сказать, что у огромного государства Российского были отняты средства обороны. Военно-полевая юстиция осуждалась, как дающая силу военным, между тем как при рассмотрении политических дел в обычных судах присяжных сплошь да рядом выносились оправдательные приговоры, причем все эти суды по политическим делам сословие адвокатов в своих речах превратило положительно в политическую трибуну. Каждый адвокат старался прежде всего заполучить такой громкий политический процесс, чтобы на нем выдвинуться, и посему адвокаты соперничали с тенорами по своей популярности и гонорарам.

Однако и с этим несовершенным орудием борьбы Столыпину удалось достичь очень многого. За три года со

времени манифеста 17 октября на политически преступную Россию было обрушено до 20 000 политических приговоров. Было закрыто до 950 повременных изданий. К смертной казни было осуждено 3000 и приведено приговоров в исполнение — 2000.

Пресса всего мира нападала на государя, на Россию, обвиняя правительство в несказанной жестокости и этим способствуя популярности революционеров.

Однако все эти обвинения, конечно, не соответствовали действительности и проистекали только из незнания обстановки, добросовестного или недобросовестного.

В 1909 году у Столыпина взял интервью некий французский журналист Гастон Дрю, два года проживавший в России. Он спросил министра, насколько справедливы слышанные им заявления о том, «что Россия тонет в произволе»...

Столыпин отвечал прямо:

— Да, я схватил революцию за глотку и кончу тем, что задушу ее, если... сам останусь жив. Правительство упрекают в репрессиях, но прежде чем мечтать об осуществлении во всей полноте и неприкосновенности реформ, обещанных манифестом 1905 года, надо вернуть России успокоение и восстановить порядок... Анархия далеко еще не изжита...

Революционеры обвиняют нас в жестокости, в неумолимости репрессий. Ссылаются на факты... И я сошлюсь на факты. Знаете ли вы, до какой цифры достигают в 1906-7-8 гг. проявления бандитизма и анархических покушений?

В 1906 году совершено 4742 покушения, в которых поплатились жизнью 738 должностных и 640 частных лиц. Ранено 972 должностных и 707 частных лиц. В 1907 году совершено 12 102 покушения, убито 1231 должностное лицо и 1284 ранено. Частных лиц убито 1768, а ранено 1734. Экспроприировано из казны и у частных лиц 2 771 000 рублей. В 1908 году состоялось 9424 покушения, убито 365 должностных лиц, ранено 571. Убито частных лиц 1349, ранено 1384, экспроприировано 2 200 000 рублей.

Итого: за три года —
покушений 26 268;
убито должностных и частных лиц — 6091;
ранено — больше 6000;
ограблено — больше 5 000 000 рублей.

И при всем том, — восклицает Столыпин, — от нас требуют парламентаризма на европейский абразец!.. Нет, наша программа — ни реакции, ни революции, поступательное движение вперед по пути экономики, среди порядка и законности, без которых немыслима никакая плодотворная деятельность.

Мы заботимся о расширении сети железных дорог, создании кредитных установлений для облегчения городам и земствам; осуществления общественной гигиены, устройства трамваев, местных железных дорог и так далее... *

И по поводу этого русского человека — Столыпина — съезд объединенного дворянства обращается к государю, прося его отозвать! Или то не было примером государственного ошаления правых?

И выстрел из браунинга Богрова положил конец этой кипучей творческой жизни...

Наживины плясали, чтобы потом плясать в изгнании за границей.

— Неблагодарность? — скажет читатель.

Если не ошибаюсь, Морис Палеолог рассказывает в своих воспоминаниях, что когда В. Н. Коковцев приехал к государю с докладом в Ливадию, заместив убитого Столыпина своей чиновничьей фигурой, государь ему сказал:

— Ну, я очень рад, что теперь не Петр Аркадьевич, а вы...

— Помилуйте, в. в., — сконфузился Коковцев, — ведь Петр Аркадьевич жизнь свою положил за вас!

— Да, это так, — сказал государь, — но он уж очень всюду показывался... Во всех газетах писали — председатель Совета министров сделал то-то... Сказал то-то... А я? Или я ничего не стою?

Столыпин же, опускаясь на кресло 1-го ряда киевского театра с пулей в груди, пробившей его Владимирский крест, осенил государя крестом, чтобы предстать на суд истории и опечаленной России.

Газета «Гун-Бао», Харбин, 1927.

Публикация Н. МИНОКИНА и С. ЯКИМОВОЙ

* Эти данные взяты из статьи Штейна «Истор. Вестн.», 1913, декабрь.

Виктор ИЛЬИН

ПРИКАЗ ЕСТЬ ПРИКАЗ

Документальная повесть

Весной 1943 года, после разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом, гитлеровское командование решило сорвать перевозку грузов по Волге. Вражеская авиация минировала фарватеры магнитно-акустическими донными минами, сбрасывая их на парашютах.

С началом навигации начались потери судов, экипажи которых

не были подготовлены к работе в условиях минной опасности. Подорвались пассажирские суда и большегрузные баржи пароходства «Волготанкер». От многокилометровых потоков горящего бензина, керосина, казалось, вся Волга была в огне. Движение по Волге было прервано.

По приказу Государственного Комитета Обороны на помощь морякам Волжской военной флотилии, которые вели борьбу с минами, были направлены речные суда, переоборудованные в тральщики. Среди них действовали корабли, экипажи которых состояли из девушек.

Мне довелось быть в ту пору на Волге в качестве практиканта на буксирном пароходе, проходить опасные перекаты, на которых производилось траление. Оно шло днем и ночью, чтобы не срывать проводку караванов барж с топливом для фронтов и флотов, для нужд тыла.

Спустя много лет я предпринял попытку рассказать о боевой службе девичьего тральщика и о судьбе его экипажа, которым командовала Елена Русских, ставшая впоследствии волжским штурманом.

— Значит, так, Елена, — сказал начальник пристани, — ты за старшую. Вот командировочное и аттестат на питание на всех троих. Отведете катер в Сталинград и теми же пятами айда обратно в Котельнич. Смотри, чтобы все было в ажуре.

Елена растерянно кивнула. На словах все понятно: доставить катер в Сталинград, передать военным и домой. Но как раздумаешься, страшно делается. Трое суток до Камского Устья, потом столько же, а то и больше, до Сталинграда. Половодье, на реках еще не поставили путевую обстановку, как ночью идти?

Вятка еще не вскрылась, но подвижка льда уже была. Возле берега на закраинах мальчишки пускали кораблики, выструганные из коры. Худой высокий старик в малахае и ватнике орудовал наметкой — большим черпаком, норовил поймать рыбью мелочишку. Елена узнала старика Гужова. Он работал на перевозе, был рулевым на катере, где его потом сменила Елена. Старик досадовал: мыслимое ли дело, девчонке доверили водить катер! По прежним временам ихнего брата и на борт-то не пускали, а тут штурман поперечного плавания.

Елену окликнули. Она обернулась и увидела возле конторы Раису и Катюшу, которые в прошлом году вместе с ней работали на переправе.

— Привет, девчата! — крикнула Елена. — Давайте сюда.

Раиса — невысокая, плотненькая, словно пудовичок, на катере была матросом. Она моложе Елены, в прошлом году окончила

школу, собиралась поступать в техникум, но пришлось пойти работать вместо отца, которого мобилизовали в армию. С обязанностями матроса она справлялась лихо, подавала и убирала чалку, проверяла билеты, иногда подменяла у руля Елену. На вахте ее узкое, веснушчатое лицо делалось строгим, глаза под белесыми бровями щурились, словно норовили поглубже заглянуть под воду, не угораздило бы попасть на застругу.

С мотористом Катюшей они познакомились в прошлом году. Катюша эвакуировалась из Ленинграда и жила со своей больной матерью неподалеку от лесопилки на берегу Вятки. До войны она работала швеей-мотористкой, из-за этого и предложили ей должность моториста, когда пришла в контору пристани. Правда, очень сомневался при этом начальник — с такой внешностью, как у нее, только в артисты подаваться: пышно взбитая грива темных волос, широкие, на переносье сросшиеся брови, и глаза, большие, темные, не глаза вовсе, а очи. Но что было делать, если моториста забрали в армию?

До поздней осени, до самого ледостава работали девушки на катере, таскавшем паром через Вятку. Наверное, постороннему человеку казался он невзрачным: приземистый, широкий, короткий, но для них — красавец. Корпус у катера, хотя и деревянный, но прочный и не водотечный. Пазы законопачены паклей, пробиты постом — тонкими деревянными рейками и залиты гудроном. Да, пусть с виду катер неказист, но не зря прежний матрос — старик Гужов говорил: нам с лица не воду пить, а с корявой можно жить.

Ближе к весне девчата занялись ремонтом, покрасили рубку и борта, перебрали поршень у движка. Оставалось ждать, когда кончится ледоход, а тут вдруг приказ: отвести катер в Сталинград. Жалко отдавать такую посудину в чужие руки, сами-то с чем останутся? Но начальству виднее.

Договорились, что отправятся сразу же, как только распалится и пройдет лед. Так и будут держаться за ним, пока не выберутся на Каму. Бояться нечего. Для солидности Елена повторила:

— Приказ есть приказ!

Из воспоминаний наркома Военно-Морского Флота адмирала Н. Г. Кузнецова: «По правде сказать, наше внимание к Волге после победы под Сталинградом несколько ослабло. Казалось, самое тяжелое осталось позади. И за это мы вскоре были наказаны. Немцы выделили более 100 самолетов 4-го воздушного флота специально для борьбы на Волге. С ранней весны они приступили к минированию фарватеров.

Я был вызван в Кремль. В кабинете Верховного Главнокомандующего в Кремле собрались члены ГКО и работники Генерального

штаба. И. В. Сталин ходил вдоль длинного стола, слушая докладчика. «О значении Волги и перевозок по ней вам, я думаю, говорить не нужно», — выбрав момент, обратился он ко мне. После справедливых упреков в адрес моряков И. В. Сталин дал указание: «Вам надлежит выехать на место, разобраться во всем и принять самые решительные меры для обеспечения движения судов». По своему обыкновению, он тут же спросил, когда я намерен вылететь в Сталинград. Я попросил разрешения задержаться на сутки, чтобы обсудить ряд вопросов с наркомом речного флота З. А. Шашковым».

Диспетчер в Камском Устье, когда Елена пришла доложиться, разрешил учалиться к возу барж, которые тащил вниз буксирный пароход «Лось». Он шел во Владимировку за солью, баржи были порожние, и капитан возражать не стал.

Проверив учалку, Елена распорядилась, кому в какой очередности нести вахту, и уснула, сморенная тремя предыдущими нелегкими сутками, когда катер шел Вяткой, пробирался стремительной в половодье Камой.

Ульяновск, Куйбышев и Саратов «Лось» прошел без остановки. Топлива хватало, а харчами снабжали плавучие лавки, которые выходили навстречу, когда караван проходил мимо города.

В Камышине на баржах разместили зенитчиц с двумя крупнокалиберными пулеметами. Зенитчицы деловито облазили караван, поинтересовались, что это за гражданские лица и куда они следуют со своей посудиной?

Зенитчицы велели строго соблюдать светомаскировку и держать наготове средства для тушения пожара и откачки воды. Тон, каким отдавался приказ, Елене не понравился, и она что-то попыталась возразить. Командир зенитчиц, рослая, плотная, с двумя зелеными угольниками на петлицах, предупредила, что в таком случае в караване их никто не держит и катер может двигаться самостоятельно.

— Между прочим, — сказала зенитчица, — в прифронтовой полосе гражданские лица подчиняются военным.

Пришлось умолкнуть. Не было резона качать права.

Как-то Елена, вздохнув, сказала, что их ждут дома и что они будут работать на переправе, — а где это видано, чтобы девушек брали во флотилию? Сердитая зенитчица — ее звали Зиной — сразила наповал: стрелять по фашистским самолетам девушки могут, а управлять судном нет? Нет никакой логики. Елена умолкла: что возразишь, логика великая вещь.

К Сталинграду подошли рано утром.

Низовой ветер тормошил реку, гнал мелкую, но крутую волну.

Из воды торчали мачты и трубы судов. Елена с девушками вглядывалась в правый берег, на котором громоздились обгорелые, разрушенные остовы зданий, высились бугры щебня и глыбы бетона.

Людей почти не было видно, среди развалин клубилась красная пыль. Неподалеку от топливных баков на бетонной стенке виднелись черные, громадные буквы. Слова врезались в память: «Здесь стояли насмерть гвардейцы Родимцева».

Пароход дал свисток и начал разворачиваться. Баржи стали против течения и сбросили якоря. Капитан парохода крикнул Елене в мегафон, что если нужна диспетчерская, то пусть катер идет за ним. Когда катер, постукивая мотором и роняя кольца дыма, отвалил от каравана и проходил мимо барж, сердитая зенитчица Зина крикнула:

— Привет, мамзели!

Конечно, это было оскорбительно, надо бы объяснить зенитчицам, что все трое решили проситься во флотилию, но это походило бы на оправдание, а девушки себя виноватыми не считали. Впрочем, Елена не удержалась, крикнула сержанту Зине в мятый жестяной рупор:

— До встречи!

Штаб военной флотилии размещался на пассажирском пароходе «Железнодорожник». Девушки потребовали пропустить их к самому главному. Молоденький матрос-вахтенный, стоявший с винтовкой возле трапа, зубоскалил, но на пароход не пускал. Он всхохатывал и, указывая на Елену, самую рослую из троих, восхищался:

— Ты смотри, какая женщина! Поцелуй, пропущу!

Елене надоела болтовня, она толкнула матросика, тот дурашливым голосом крикнул:

— Полундра!

Вмиг на палубе появились матросы, окружили девчат. Но тут же все расступились, и девчата очутились перед немолодым высоким моряком. Чина и должности моряка девушки не знали, но, судя по тому, что по его приказу их пропустили на пароход, поняли — начальник. И не ошиблись. Это был член Военного совета флотилии капитан 1-го ранга Зарембо.

Он провел посетительниц в носовой салон и сказал:

— Слушаю вас очень внимательно.

Елена вспомнила правило: если хочешь добиться желаемого, надо держать себя вежливо и с достоинством. Одернув серый мелескиновый пиджак, она пригладила волосы и, шагнув вперед, протянула сердитому моряку руку!

— Здравствуйте! Мы провели катер для флотилии. Меня звать Елена. — И представила подруг: — Это — Катя, это — Раиса.

— Коля! — отозвался Зарембо. — Впрочем, для вас дядя Коля.

— Ой, что вы, — отмахнулась Елена, — вы же совсем не старый. Правда, девочки?

— Правда! — хором откликнулись Катюша и Раиса.

— Ну ладно, — сжалился Зарембо, — давайте к делу, мы не на посиделках.

Смысл сказанного девчатами был предельно прост: пусть их возьмут во флотилию. Они комсомолки, и совесть не позволяет бросить свой катер и вернуться домой. В конце концов, они умеют управлять катером, а всему остальному пусть их научат.

— Так, — произнес Зарембо и принялся посасывать пустую трубку. Недавно в Сталинграде был нарком Кузнецов, который советовал: больше контактов с речниками. Одни военные моряки с разминированием Волги могут не справиться. Надо поднимать народ. Но, с другой стороны, какие это вояки? Нет, конечно, он не против, чтобы женщины помогали бить фашистов, но все же это не тот случай.

— Так, — еще раз сказал Зарембо и посмотрел на часы. В десять его ждет командующий флотилией адмирал Пантелеев. Переложить решение вопроса на него? А своя позиция?

Девчата стояли присмиревшие. Раз начальник не гонит и не сердится, значит, что-то может получиться из их затеи. Ведь служат же девушки во взводах противовоздушной обороны. Они сопровождают караваны и суда, отбивают налеты фашистской авиации огнем легких зенитных пушек и крупнокалиберных пулеметов.

— Так, — в третий раз сказал Зарембо. — Желание ваше мне нравится, но решать будет адмирал. Пошли к нему!

Адмирал выслушал Зарембо и коротко сказал:

— Не женское это дело.

— Товарищ адмирал! — Голос у Елены прозвучал отчаянно. Если адмирал откажет, придется топать домой. — Давайте рассуждать логически.

Адмирал взглянул на Елену с любопытством.

— Стрелять по вражеским самолетам девушки могут, а водить судно не могут. Где же логика!

Зарембо засмеялся.

Адмирал покосился на него и сказал:

— Этот бы смех да на всех. Под твою личную ответственность, Николай Павлович.

Зарембо серьезно ответил:

— Есть!

Командующий нажал кнопку звонка и сказал возникшему дежурному, указывая на девушек:

— В приказ: зачислить всех троих с сего числа во флотилию, поставить на все виды довольствия, доукомплектовать экипаж тральщика зенитчицей и минером. — Адмирал взглянул на Зарембо. — Или минершей? Черт знает что такое. — Он пожал плечами и обернулся к дежурному. — Короче говоря, чтобы и минер была она. Ясно? Как мне разъяснили только что, все в жизни должно быть логично.

Зарембо хохотнул:

— Как это говорят? Вятской народ хватской.

В соответствии с приказом командующего флотилией экипаж тральщика пополнили еще двумя краснофлотцами. Они прибыли на брандвахту, где разместились добровольцы, в сопровождении мичмана Белова. Пулеметчицу звали Олей Шкрогаль, минера Аней Пахомовой.

Мичман принес мешок с положенной по штату одеждой и объяснил, что поскольку морских юбок не существует, их надо пошить из клешей, а швейную машинку можно взять в бригадной швальне.

— И вот еще что, — сказал он Елене, — сходи и получи оружие. Затем составь график караульной службы. — И не удержался: — Чтобы вас не украли. — Закончив наставления, мичман с ухмылкой отбыл с брандвахты.

За оружием Елена отрядила пулеметчицу Ольгу и Раису. Девчата вскоре вернулись с винтовкой и несколькими пачками патронов. Елена подержала тяжеленную винтовку в руках и, оглядев крохотную каюту, засунула ее под койку.

Потом все засобирались идти смотреть катер. Впрочем, это был уже вовсе не какой-то заштатный катеришко, а боевой тральщик. Он был выкрашен в серо-стальной, как говорили моряки — шаровый цвет. На носу появился отливающий синевой крупнокалиберный пулемет на треноге, а на корме траловая лебедка. Тут же стояли черные металлические цилиндры, показавшиеся похожими на небольшие бочата. Минер Аня скуповато объяснила, что это глубинные бомбы. Сейчас они к действию не изготовлены, взрыватели хранятся отдельно, поэтому не опасны. А вообще, сказала Аня, одной хватит, чтобы от тральщика не осталось ни щепочки.

Елена уважительно посмотрела на черные лоснящиеся бочата и хотела спросить у минера Ани, что будет, если в бомбу попадет осколок или пуля, но раздумала. Еще, чего доброго, посчитают,

что командир боится. А разве такое можно допустить? Это же подрыв авторитета.

«Теперь скорее бы за дело», — гомонили девчата, осматривая катер. Чего зря терять время? Они справятся не хуже, чем моряки. И пусть не воображает мичман Беляев, что они хуже парней.

— Вы знаете, девочки, — принялась рассказывать Раиса, — идем мы с Олей, видим, моряки сидят. И мичман тут же. Мы идем себе и идем. А мичман вдруг говорит, да громко так: «Вы знаете, друзья, почему женщин не берут в армию? — И сам себе отвечает: — Они неправильно выполняют команду «ложись». Тут все как захохочут, захохочут, а чего смешного?

— Поскромней надо быть мичману, — оборвала повествование Елена и пострашала: — Вот скажу члену Военного совета.

— Сами его проучить можем, — негромко произнесла молчаливая Аня. — Хвастать он мастер, это точно. Не то что старшина Башмаков.

— А кто это? — поинтересовалась Раиса.

Аня усмехнулась:

— Завтра на занятиях увидишь.

После завтрака экипаж явился на занятия по боевому использованию минного оружия. Вел занятия флагманский минер старший лейтенант Косогляд, маленький, щуплый, похожий на подростка, но с неожиданно цепким и внимательным взглядом слегка вытаращенных серых глаз.

Старший лейтенант распорядился разместить девушек поближе к огромной лоснящейся трубе, распиленной вдоль и начиненной какими-то устройствами, и, выждав, пока стихнет шумок, начал:

— Сейчас мы приступим к изучению немецкой авиационной донной мины с зарядом в тысячу килограммов.

Таловый прутик в руках Косогляда, который стоит спиной к мине, кажется живым, словно понимает, куда ему ткнуться: то в зарядный отсек, то к прибору кратности, то к горловине. И все просто, понятно, а главное — ни капельки не страшно.

Надо заметить, куда́ упадет мина, обвеховать этот участок реки и начинать траление. У тральщика за кормой на тросе учалена металлическая баржа-понтон. В понтоне находится специальный прибор, который излучает электромагнитные и звуковые импульсы. Они воздействуют на взрыватель мины, и она срабатывает.

Флагманский минер смотрит на притихших матросов, на девчат во главе со старшим краснофлотцем Еленой Русских, и на его лице ни тени сомнения. Он уверен, что военные моряки справятся с фашистскими минами, нет в них ничего загадочного и таинственного, просто надо в точности соблюдать все рекомендации по боевому использованию минного оружия.

— Ну что головы повесили, соколики? — говорит Косогляд и зовет: — Старшина Башмаков!

— Есть! — откликается кто-то из задних рядов.

— Подойдите сюда! — и Косогляд объясняет: — Сейчас старшина Башмаков доложит, как он первый раз разминировал фашистскую мину.

Пригнув голову по привычке всех высоких людей, старшина ловко пробрался вперед. Потертая, тщательно отутюженная фланелевка, белесый гюйс, бескозырка с золотым тиснением, в меру широкие клеши, перехваченные черным ремнем с надраенной до блеска бляхой, — все это сидело на старшине опрятно, с тем особым шиком, который сразу отличает старослужащего от салажонка. И держался старшина уверенно, с достоинством, как всякий знающий себе цену человек.

Елена смотрела на старшину, что называется, во все глаза, хотя, если честно, с виду он был не очень-то симпатичен: непропорционально маленькая голова, красноватые шелушащиеся щеки, узкий прищур голубовато-белесых глаз под выгоревшими бровями, небольшой нос с широкими ноздрями. Одно из житейских правил, которыми руководствовалась Елена, утверждало, что неказистый человек вряд ли может обладать какими-либо привлекательными душевными качествами, а вот поди ж ты...

Старшина Башмаков, кашлянув в огромный кулачище, спросил Косогляда:

— С самого начала?

Флагманский минер кивнул.

— Значит, так, — начал Башмаков. — Это было вон за тем мысом, отсюда километров восемь. Встали на ночное дежурство. Ночь — глаза выколи, темень жуткая. Дальномерщик докладывает: слышен шум самолета. И мы услышали, урчит где-то, сам черт не разберет. Доложили по связи, а что еще сделаешь? Чуть свет прибежали девчонки-колхозницы. «Дяденьки, — кричат, — в село бомба упала! Возле нее матерни полно, целая куча. Мы хотели взять ее, да боимся». Взял я двух матросов и бегом в село. Прибежали, глядь — у плетня лежит эта дурища.

Старшина указал рукой на лоснящуюся трубу и продолжал:

— Подошел, прислушиваюсь. Кажется, тикает внутри у нее. «Дай штык», — говорю одному, кто со мной прибежал, а другому велел на пост бежать, чтобы в штаб сообщил. Отогнал всех подальше, а сам к бомбе. Иду, ноги трясутся. Уж больно велика проклятая. Подошел, гляжу, не бомба вроде, потому как оперения хвостового нет. Значит, магнитная мина. Я изучал их, но на плакатах, е тут живьем. Ахнет — шнурков от ботинок не останется...

— Старшина, — окликнул Башмакова флагманский минер, — пожалуйста, без этих штучек!

— Есть без штучек! — отозвался старшина.

— Во дает! — восхищенно пробормотал кто-то, сидевший сзади Елены. Она обернулась и увидела матроса, который не пускал ее с подругами на штабной пароход. Лицо у матроса выражало такое искреннее восхищение, что Елена тоже заулыбалась. Матросик шепнул:

— Познакомить?

Елена сделала вид, что не расслышала нахального предложения.

— Отыскал место, куда запалы вставлены, — продолжал старшина. — Надо бы, конечно, отвертку латунную, да разве будешь ждать? Орудую штыком заместо отвертки, а руки дрожат, штык в прорезь шурупа никак не попадает. Поворачиваю, да сам думаю: отвернешь, а там ловушка, на самоуничтожение поставлено. Потом разозлился: была не была! Отвинчиваю шуруп, второй, а сам взмок весь. Бушлат сбросил, в одном тельнике остался...

Старшина и сейчас заметно волновался, и это волнение передалось слушателям. Все сидели молча. А Башмаков, выдержав паузу, словно опытный актер, закончил совсем обыденным голосом:

— Мина, конечно, вещь страшная. Но дрожать перед ней, как я дрожал, не надо... На то ты и моряк, чтобы страху не поддаваться. — Он посмотрел на флагманского минера. — Вот вроде и все. Ну то есть потом приехали минеры, разобрали ее, тол выплавили, он желтый, как мед, а мину распилили, чтобы учиться можно было.

— Вы свободны, старшина! — сказал флагманский минер и перешел к листу ватмана, на котором были нанесены цветные линии. — Я кратко расскажу, как действует немецкая магнитно-акустическая донная мина...

После занятий по БИМО, как назывались курсы старшего лейтенанта Косогляда, обучавшего боевому использованию минного оружия, девчата поняли одно: самим с разминированием лучше не связываться. Немецкие мины снаряжены ловушками на самоуничтожение. Поэтому надо действовать, как велит инструкция: по обвехованному плесу ходи с тралом до тех пор, пока мина не взорвется. Если трал не воздействует на затаившуюся тысячекилограммовую тротиловую начинку, необходимо прибегнуть к глубинным бомбам.

Сдав зачеты строгому флагманскому минеру, заправив баки соляром, получив сухой паек и боеприпасы, экипаж тральщика получил приказ выйти утром на плес в районе Луговой Пролейки.

Раису с винтовкой поставили вечером возле трапа на брандвахту, сказав, что у любого, кто подойдет, следует потребовать, чтобы незнакомец оставался на месте, а самой вызвать кого-нибудь из товарищей, скажем, своего командира старшего краснофлотца Елену.

Моторист Катюша улеглась спать, чтобы утром пораньше заняться двигателем. Глядя на нее, принялись «прямить уши» пулеметчица Оля и минер Аня. От них девчата узнали, что на флоте существует заповедь: от сна еще никто не умирал. И лучше переспать, чем недоесть.

Елену дрема не берет. Она и сама не могла бы ответить, почему подступила бессонница. Может быть, боится завтрашнего первого выхода, когда на глазах у всей бригады тральщик будет отходить от берега, занимать место в общем строю, а опыта у экипажа маловато? А может быть, беспокоит встреча с миной? Ей запомнились слова флагманского минера Косогляда, который рассказывал, как в момент прохождения судна над миной происходит изменение магнитного поля и контакты взрывателя замыкаются. «И тогда ток от плюса батареи...» — до галлюцинации явственно слышится ей голос Косогляда. Дальше она не запомнила, куда именно идет этот ток, важно только, что он стремится к минусу. В результате вспыхивает пороховой заряд, от него инициирующее вещество, которое называется неправдоподобно звучно: азид свинца. И уж затем детонирует вся тонна желтоватого, похожего на застывший мед тола.

Впрочем, она еще никогда не видела тол. А с медом его сравнивал старшина Башмаков. Старшина вместе со своим дружком Женей — так звали малорослого матросика, как-то под вечер приходили к девчатам. Внешне все выглядело логично: решили узнать, не нуждаются ли в чем девчата. Моряки набивались в гости, девчата отшучивались: нечем принять.

Худенький Женя был простужен, кашлял, хлюпал носом. Старшина над ним подтрунивал, советовал лечиться от кашля касторкой. Женя блаженно жмурился, польщенный заботой старшины, и не понимал, почему девчата смеются.

Старшина вызывал у Елены прежде не испытанное чувство. Это чувство было сложным и непонятным. Ей казалось, что он знает что-то такое, чего не знает никто, и что этого никто, кроме нее, не понимает, не ценит, не видит. От всего облика старшины веяло силой, уверенностью, надежностью. Смотришь на него и забываешь, что вызвали тебя на занятия вовсе не для того, чтобы лупать на старшину и обмирать, когда встречаешь его взгляд.

Она никому и ни за что не призналась бы в своих мыслях и чувствах, которые были у нее во время занятий. Люди озабочены серьезным делом, а тут какая-то, понимаешь, распустеха размеч-

талась черт знает о чем, не раз принималась корить себя Елена.

Вот и сейчас, в ночь перед выходом, снова у Елены мысли о старшине. Говорят, он переброшен на Волгу с Черного моря, был в Севастополе ранен. А глаза, оказывается, у него бывают вовсе голубыми...

Из воспоминаний наркома Военно-Морского Флота адмирала Н. Г. Кузнецова: «...Открылась навигация на Волге, двинулись караваны вверх по реке и начали подрываться на минах. В апреле погиб буксирный пароход «Эривань», второго мая — буксирный пароход «Сергей Лазо», седьмого мая нефтеналивная баржа «Катунь». Эти баржи везли шестнадцать тысяч тонн бензина и лигроина. Вся река вспыхнула. Море огня полыхало несколько дней...

Я видел все это своими глазами. Поверьте, страшное зрелище. И надо преклоняться перед мужеством наших речников: как только пожар стих, они снова повели караваны вверх по реке. Нельзя было ждать. В районе Каменного Яра скопилось более сорока судовых составов — буксиров с баржами. Каждая баржа с топливом закреплена за тем или иным фронтом. Не придут они вовремя — фронт останется без горючего для танков и самолетов. Топливо нужно для Балтийского и Северного флотов. Без топлива не может жить и работать тыл».

Они на своем тральщике не умеют работать — так считала Елена. Катюша с Раисой и пулеметчица Оля полагали, что им просто не везет. Минер Аня отмалчивалась. Почему-то все думают, что уничтожение мины зависит в первую очередь от нее. А что она? Импульсивный излучатель на трал-барже работает, спрашивается, что еще может сделать минер?

Они уходили на траление раньше других, когда занимался рассвет и река лежала ровнехонькая, словно холстина, отутюженная заботливой хозяйкой. Едва слышно постукивая движком, катер зачаливал трал-баржу и выволакивал ее на стрежень. Получив указания от старшины поста СНиС, внимательно рассмотрев обвехованный район, в котором замечена сброшенная ночью мина, экипаж начинал работу.

Считается, что для тральщика с деревянным корпусом магнитная мина опасности не представляет. Поэтому им волноваться нечего. Мина должна сработать в тот момент, когда над ней проходит трал-баржа, которую тащит катер.

«Должна сработать... А если она сработает на шум винта? Если бы да кабы», — пытается успокоить себя Елена.

Мысли у Елены сугубо штатские. Не умея соотнести степень важности членов своего экипажа в военном отношении, она больше, например, ценила игру на гитаре Ольги Шкрогаль, чем ее заведывание крупнокалиберным пулеметом. И хотя она понимала, что пулемет на тральщике установлен не зря, ей еще ни разу не доводилось ощутить его необходимость в такой же степени, как желательность умения играть на гитаре. Нет, она не завидовала Ольге, ее умению держаться эффектно, умению петь негромким, приятным голосом, с придыханием выговаривая букву «г», так что получалось мягкое, характерное для украинцев звучание. Просто ей тоже хотелось обладать хоть каким-то талантом, чтобы старшина Башмаков уважал ее не только за то, что она командует тральщиком, а чтобы это было ее неповторимое, ее особинка. Она еще не могла точно ответить, зачем ей это и при чем тут старшина Башмаков, но от этих мыслей у Елены появлялось тревожно-радостное ощущение. Да, да, тревога сулила ощущение радости! Но тут Елена, словно очнувшись, усилием воли прогнала прочь неуместные, просто вредные мысли и, придав лицу и голосу необходимое выражение, громко обратилась к Раисе:

— Краснофлотец Сорокина! Сколько на румбе?

— Сто десять, — отчеканила Раиса, покосившись на Елену.

— Так держать!

— Есть так держать!

Час проходит за часом. Жаркое марево колеблется над рекой. «Сейчас бы в воду, поплавать, а потом поваляться на песке. Ах, Елена, Елена! — корит себя командир боевого тральщика. — Несерьезный ты человек. Посмотри на Раису, как держится. Понимает, поручено важное боевое дело».

Раиса, почувствовав взгляд Елены, оборачивается, вздыхает:

— Не везет нам.

— Разговорчики! — пресекает Елена и нарочито сердитым тоном, явно подражая кому-то, отчитывает: — Будет каждый салага со своим мнением лезть! На губу захотелось?

Рулевой неуверенно фыркает: может, и впрямь командир серчает? Дружба дружбой, а служба службой. Ведь как ни крути, у Елены здесь никого нет ближе, чем Раиса и Катюша. Но Катюша постоянно торчит в моторном отделении, да и по вечерам от книг не оторвешь, все читает, готовится встретить комиссию, которую грозится прислать дивизионный механик.

Конечно, если честно, по ее, Раисиному мнению, насчет комиссии моторист Катюша загибает. Нечего строить глазки старшему лейтенанту. Ну и что же, что он из Ленинграда? Моряков послушаешь, все они земляки, особенно если девушка из себя ничего. А разве это главное, за что тебя должны уважать? Взять вот Елену. Небось ни один в земляки не набивается. Безо всяких глупостей уважают человека. Видят, серьезная, самостоятельная, ну и сим-

патичная, что тут плохого. Ее и дома начальник пристани уважал, и когда во флотилию пробивались, адмирал сразу понял, с кем имеет дело. Когда в школе учились, с восьмого класса каждый год комсоргом ее выбирали. Тоже ведь кого попало не поставят. Да и во флотилии ее комсоргом могут избрать. Вот пришлют из дома учетные карточки, тогда можно будет на комсомольском собрании предложить ее кандидатуру.

Откровенно говоря, она, Раиса, из всех этих моряков отличает лишь одного, кто постоянно со старшиной Башмаковым ходит. Ну и что же, что он тощий, словно столбунец? Может, человек много переживает, думает. Он рассказывал Раисе, что родом из Алатыря, семья у отца большая, семеро детей. Сейчас отец и трое братовей на войне. И еще понравилось Раисе, как он ребятишкам глушеную рыбу после взрыва мины собирал: пусть ушицы похлебают досыта. Сразу видно, человек надежный, не трепач.

— Ходим-ходим, а толку! — сокрушается Катюша и говорит Елене: — А ты уверена, точно место снисовцы обвеховали? Может, опять как позавчера?

Позавчера катера вышли на траление к Луговой Пролейке, где ночью были сброшены две мины. Одну почти сразу же уничтожил катер старшины Башмакова. Девчата видели, как взметнулся чуть не до неба огромный столб воды, потом донесся грохот, и мимо них поплыла оглушенная рыба, над которой с противным писком носились чайки.

С катера Башмакова запросили флажным семафором, не нужна ли помощь? Елена приказала не отвечать. Матросы позубоскалили, подобрали трал-баржу на короткий буксир и двинулись вверх по реке. Тральщик продолжал утюжить реку. В один из заходов Елена увидела девчонку на песчаной косе. В руках у девчонки мельтешили белые косынки, которыми она взмахивала, как обычно принято при вызове флажным семафором.

Раиса доложила:

— Нам сигналят.

— Читай!

— Она пишет: мина.

— Ну, если врет, я ей покажу! — сердито сказала Елена и скомандовала Раисе: — Правь туда!

Вскоре тральщик ткнулся в косу, Елена и минер Аня спрыгнули на берег. На заплеске, зарывшись в песок, рядом с огромным зеленоватым полотнищем парашюта лежала мина.

Взглянув на побледневшую Елену, минер Аня сказала, что мину подрывать не следует. Минеров недавно собирали в штабе бригады, и флагманский минер Косогляд объяснил, что фашисты начали применять мины новых конструкций. Прибор срочности приводил

мину в боевое положение не сразу после постановки, а через определенное время. Усовершенствовали и прибор кратности. Он вступал в действие лишь после отработки гидростата. Получалось так, что над миной могло пройти до двух десятков судов или столько же раз мог пройти трал, и она не реагировала, но потом, в самый неожиданный момент под днищем проходящего судна происходил взрыв.

— Тетеньки, правда, это мина? — нарушила молчание девчонка. — Дядя старшина Башмаков велел, мол, как только увидишь, чтобы ему сообщить. Я думала, это он, ну и просигналила...

— Значит, так, — сказала минер Аня, — надо разоружать.

— Вместе будем, — придав голосу командирскую тональность, попыталась возразить Елена, но минера Аню словно подменили. Она, обычно спокойная и послушная, так взглянула на своего командира, что Елена поняла: спорить и настаивать бесполезно. Верно говорит Аня, она будет только отвлекать внимание, мешать работать, да лишняя жертва никому не нужна.

— А дядя Башмаков ничего не боится, — защебетала девчонка. — Они тут недавно мину искали. — Во-он там упала. На катере туда не пройдешь, мелко. Дядя Башмаков велел всем раздеться. Взялись за руки и давай дно ногами топтать. Нашли!

— Ну вот видишь, — усмехнулась минер, — а нам повезло, хоть раздеваться не надо. — Она вынула из внутреннего кармана фланелевки комсомольский билет и протянула его Елене. — Пусть у тебя пока побудет.

Выждав, когда Елена с девчонкой отойдут к катеру, Аня подошла к мине и склонилась над ней. Приложив ухо к шершавому, крашенному в серый цвет корпусу и затаив дыхание, она стала прислушиваться, не работает ли внутри мины часовой механизм. Но ничего, сколько ни напрягала слух, она не уловила. К тому же стук ее сердца был громче всех других шумов.

Аня выпрямилась и окинула взглядом серую тушу. С чего начинать? Мина лежала носовой частью к берегу, горловиной вторичного детонатора вверх. Горловина инерционного взрывателя должна быть внизу. Мысли были короткими и резкими. Переворачивать мину нельзя, нужно сделать подкоп.

Она достала из сумки, висевшей на ремне, нож, отвертку и плоскогубцы. Это был единственный штатный инструмент, которым снабжали минера. Все было бронзовое, или, как говорил старлей Косогляд, диамагнитное. Что он еще говорил? «Нам известны лишь некоторые характеристики отдельных приборов мины. Точно сказать, какую крышку или какой болт отворачивать безопасно, я сказать не могу. У минера должно быть шестое чувство, иначе ничего хорошего не получится».

Шестое чувство... И гаек тоже шесть. С какой начать? А какая разница? Главное начать. Аня зажала гайку плоскогубцами и попыталась повернуть. Еще усилие, еще. У нее вспотели ладони и лоб покрылся испариной. И солнце печет. Осторожно! Плоскогубцы раскрылись и соскользнули с гайки. Она ударилась пальцем о гайку, но боли не почувствовала, хотя и заметила, что выступила кровь. От неудачи Аня рассердилась, и у нее словно прибавилось сил. Гайка медленно подалась. Вторая... Третья...

Внезапно послышалось сильное шипение. Аня отшатнулась и рухнула ничком на песок, прикрыв голову руками. Она не знала, через сколько времени свист прекратился, ей показалось, что она потеряла сознание. Услышав оклик Елены, она поднялась и помахала рукой. «Вот дуреха, — ругнула себя Аня. — Это же воздух. Солнце нагрело корпус, воздух расширился, он и вырвался, когда я отвернула гайки».

Придумав такое ладное оправдание, Аня повеселела и вновь принялась за гайки. Поддев горловину ножом, она осторожно сняла ее с болтов. В темном нутре мины виднелся запальный стакан, к которому тянулась паутина цветных проводов. Легкими касаниями ножа Аня перерезала их.

Теперь была очередь за инерционным взрывателем. Влажный песок подавался легко, она выгребала его руками, но яма начала наполняться водой. Горловину пришлось отворачивать на ощупь. Добыв крышку, Аня легла на спину и, придерживая одной рукой инерционный взрыватель, чтобы он не проворачивался, стала извлекать его из корпуса мины. Вскоре он оказался у нее в руках вместе с запалом и двумя шашками вторичного детонатора.

Она перевела дыхание и закрыла глаза. И тотчас вспомнился старший лейтенант Косогляд. «Минеры учатся не на ошибках. Им нельзя ошибаться» — эти слова он часто повторял на занятиях по БИМО. Значит, она не ошиблась сегодня. И кажется, в устройстве взрывателя на этот раз что-то новое. Теперь важно доставить все это флагманскому минеру.

Аня поднялась, осторожно держа запал, и медленно, увязая ногами в сыпучем, до белизны промытом песке, двинулась к катеру, откуда навстречу ей спешили Елена, Раиса и пулеметчица Оля. И тут нервы у минера не выдержали. Она всхлипнула, и слезы хлынули из глаз, пятная синюю фланелевку.

На трубе тральщика появилась красная звездочка с белой единичкой. Девчата ликовали: наконец-то открыт боевой счет. По этому случаю к ним началось настоящее паломничество, но Елена быстро пресекла попытки отдельных, понимаете, моряков, которые

под видом поздравлений пытались добиться осуществления своих несерьезных намерений.

Она выстроила на палубе свой лихой экипаж и сказала, что к похвалам нужно относиться с недоверием, ибо они не всегда чистосердечны. У многих из бригады по три, по пять уничтоженных мин, и то не хвалят, а тут одна-единственная, ясно, что хвалят с издевкой, или, как говорят во флотилии: с подначкой.

На другой день на фоне зеленых лобастых увалов экипаж тральщика заметил быстроходный катер. Гоня перед собой белый бурун, он стремительно приближался к месту траления. За катером, придерживаясь кильватерной струи, нещадно дымя, двигался буксир с нагруженными баржами.

На адмиральском катере тоже заметили тральщик. Член Военного совета флотилии сказал адмиралу, указывая на поднимающийся снизу катер:

— Девичий.

Командующий хмуро отозвался:

— Только детских не хватает.

— Они стараются. Уходят чуть свет, приходят позже других. Вчера первую мину разоружили.

— Ты чего меня уговариваешь? — удивился адмирал.

Член Военного совета понимал сдержанность командующего. Несколько дней назад командир первой бригады тральщиков доложил адмиралу, что на его участке реки траление закончено, мины уничтожены, и стало быть, можно отменить все ограничения в плавании. Таким образом, появилась возможность снять запреты на габариты судового хода, это означало увеличение скорости движения караванов с нефтью, солью и зерном.

Сейчас адмиральский БМК держал курс во второй дивизион тральщиков, чтобы на месте осмотреть новинку, которая, как докладывали, обеспечивала полную безопасность при тралении. Утром перед поездкой командующему предложили перенести флаг на полуглиссер, так будет безопаснее. Адмирал отказался: неужели не понимают, что если командующий перейдет с глубокосидящего катера на полуглиссер, это будет означать, что флотилия не может гарантировать безопасность по заминированной реке?

Адмирал взглянул на тральщик, который шел вниз по течению, попыхивая дымком. Покосившись на члена Военного совета, адмирал сказал сигнальщику:

— Передать на тральщик: успешного траления!

Из «Памятки бойцам постов службы наблюдения и связи» (май 1943 года): «Вначале над рекой появляется самолет-разведчик для выяснения ночных ориентиров и расположения наших средств

ПВО. Обычно это происходит между 22 и 24 часами. Затем к реке приближаются самолеты-миноносцы. Они подходят поодиночке, минуя населенные пункты, на высоте от тысячи до трех тысяч метров, с интервалом 5—10 минут. Перед сбрасыванием мин снижаются с выключенным мотором. Выбирают узкости, труднопроходимые перекаты реки. Иногда здесь сбрасывается сразу несколько мин. Чаще всего это происходит на луговой стороне Волги, где на побережье меньше населенных пунктов и где, по расчетам гитлеровцев, слабее наблюдение за рекой».

Едва прекратились бои в Сталинграде, через Волгу на правый берег двинулись в родные места те, кого судьба осенью закинула в левобережье. Основной поток возвращавшихся хлынул летом. Переправы через Волгу захлебывались. Тысячи людей, большинство женщины, дети, старики, подолгу ждали очереди, чтобы преодолеть тысячу триста метров стремительной, иззелена-желтой воды. Вдоль берега у переправ толклись гурты скота, высились громоздкие комбайны, изредка попадались тракторы и автомашины.

Люди жили в наспех вырытых землянках, в плетенных из ивняка шалашах. По ночам жгли костры, чтобы не закоченеть от пронзительных ветров, налетающих из недальних прикаспийских степей. Но затем вышел приказ, запретивший жечь костры в ночное время и строго соблюдать правила светомаскировки. Возвращавшийся из эвакуации люд зароптал: глубокий тыл, какая еще светомаскировка, чудят военные. Разумеется, дальше брюзжания дело не пошло, приказ выполнялся неукоснительно. Тем более что появился он не случайно. Таборные огни возле переправ служили ориентиром для ночных налетов фашистской авиации. Всем этого не объяснишь, а чтобы ускорить работу переправ, командующий флотилией приказал нескольким канлодкам принять участие в перевозке скота и техники. Флотские умельцы помогли построить новые причалы и подремонтировать старые, устроили подъезды к берегу, оборудовали баржи для перевозки людей и грузов.

Работа на переправах была для моряков важным делом, но не главным. Главное было в том, чтобы поспевать разминировать Волгу, расширять судоходные фарватеры, обеспечивать защиту караванов от налетов фашистской авиации. В штаб флотилии почти каждые сутки поступали доклады о попытках врага бомбить Астрахань, Саратов, Камышин. Нередко в атаках участвовали десятки бомбовозов. Вместе с тем в июне особенно усилились минные постановки в районе Сталинградского участка пути, куда командующему Волжской флотилией пришлось стянуть корабли из обеих бригад траления.

Но и эта мера не принесла ощутимого ускорения темпов перевозки горючего из Астрахани. Караваны судов скапливались возле перекатов и узкостей, где ширина судового хода из-за минной опасности составляла всего несколько десятков метров. Речникам приходилось расчаливать караваны и буксировать каждую нефтянку поодиночке, чтобы не попасть на непротраленный фарватер.

Бумажные ленты телеграфных аппаратов в штабе флотилии с каждым днем становились все более требовательными: просьбы ускорить перевозку топлива для фронтов перемежались обещаниями самых суровых последствий за срыв этих перевозок. Командующий решился на рискованный шаг. Был отдан приказ использовать канонерки в качестве буксиров для транспортировки нефтеналивных барж. В случае налета авиации нефтянка вставала на якорь, а канонерка ощетинивалась пулеметными трассами и пятнала небо разрывами зенитных снарядов.

Хотя фронт был уже далеко, на волжских плесах тишины в то лето не было.

Из воспоминаний наркома Военно-Морского Флота адмирала Н. Г. Кузнецова: «Противник выставил более 400 мин новейшего образца. Вместе с теми минами, что оставались на фарватерах еще с 1942 года, тральщики флотилии обезвредили не менее 600 мин.

По правде сказать, у нас был момент, когда казалось, поставь враг еще сотню-другую мин, и движение будет прервано. Но об этом знали только мы...»

— Прямо чудак какой-то, — сказала однажды вечером матрос Раиса командиру тральщика.

— Кто, — вскинулась Елена, — опять мичман Беляев?

Раиса фыркнула:

— При чем тут мичман? Да Женька этот, ну, что со старшиной Башмаковым ходит.

— Так, и что он?

Тральщик стоял, уткнувшись в берег. Рядом с ним, зачаленная за осокорь тросом, высилась трал-баржа.

Отполыхав, уходило на ночлег июльское солнце. Кончался еще один день боевого траления. Кончался так же безрезультатно, как и предыдущие, и это злило Елену. Ну что в самом деле, как проклятые, утюжат Волгу чуть не до ночи, жгут топливо, переводят харчи, а результат?

Сегодня суббота, и Елена выпросила у командира дивизиона разрешение не возвращаться на ночь в расположение базы. Надо устроить стирку и баню, а с утра начать боевое траление. Командир похмыкал: вот еще морока с девчатами, но затем велел выдать сухой паек на двое суток и запастись топливом. Напоследок

предупредил: не перетоните, а то командующий голову снесет. Елена отшутилась — когда в детстве ходила на Вятку купаться, мать стращала по-другому: утонешь, домой не ходи!

Минер Аня и пулеметчица Оля занялись на берегу подготовкой костра. Катюша таскает воду в огромный лагун, а Елена и Раиса затеяли на катере приборку.

— Чего он начудил? — повторила Елена. Ежу понятно, о чем мог говорить тщедушный морячок, конечно же, надсмехался над их неудачами.

Окатив из ведра палубу, Раиса хохотнула и с облегчением сказала:

— Давай, говорит, поженимся.

— Что-о? — Елена окинула взглядом невысокую, крепенькую Раису, шлепающую босиком по деревянной палубе катера, недобро усмехнулась. — Он что, с ума сошел? Ишь ты, жених выискался. Люди серьезным делом заняты, война, а он вон о чем думает. Комсомолец небось? Взять вот да сообщить члену Военного совета!

— Ой что ты, Лена! — воскликнула Раиса.

И этот вскрик насторожил командира тральщика. В голосе подруги Елена уловила нотки жалости и подумала, что какие бы суровые кары ни ожидали ее матроса и этого Женьку, жизнь возьмет свое. И хотя Раиса пытается изобразить осуждение чудачеству матроса, высказавшего такое неуместное предложение, Елена-то понимает ее. Но она тут же прогнала эту вредную и неуместную мысль. Раз предлагает жениться, значит, любит. Но разве сейчас время для этого? Елена снова посмотрела на Волгу, беззвучно и мощно несущую свои воды в далекий Каспий. И словно бы впервые увидела ее такой мирной и красивой: и хрусткий песок на недальней косе, и беззвучные волны, набегающие на заплеск, и ширь плеса, полыхавшую багряным отсветом вечерней зорьки. И отчетливо услышала, как перед вечером пробует голос соловей в тальниках, чтобы потом всю ночь надрывать душу неясным ожиданием чего-то неведомого и радостного. От этого ожидания становится легче дышать, и слезы подступают, и хочется счастья, и верится в будущее.

— Ты вот что, Раиса, — начала Елена строгим голосом, — ты смотри, не дури.

— Да я-то при чем? — отозвалась Раиса. — Это он все пристает со своими глупостями. Люблю, говорит, вас. Это он меня на «вы». Смешно. Меня же никто еще так не называл. Все Райка да Райка, а он полным именем и на «вы». Я хоть и не верю, а все равно приятно. Вот посмотри, чего он принес. — И оне протянула коричневую, выструганную из коры осокоря фигурку.

Елена взяла легкую и теплую поделку и в меркнущем багровом отсвете заката стала вглядываться в лицо матроса, которого вырезал из коры корешок старшины Башмакова.

— Нравится? — спросила Раиса. — Он говорит, что это талисман. В любой беде поможет. — Недоверчиво фыркнула. — Чудной какой-то, правда? Прямо как не знай кто.

Елена молчала. Конечно, мастер из Жени не ахти, наверное, можно было бы вырезать и лучше. Но было в широкоскулом осокоревом матросе что-то загадочно живое, и в глубине темных дырочек-глаз чудилось затаенное ожидание.

— Ну если нельзя, я выкину, — решительно предложила Раиса. — Как велишь.

— Не надо, пусть будет! — Елена усмехнулась и отдала матроса Раисе. — В куклы-то не наигралась, вот и тутушкайся. — Заметив, что Раиса обиделась, поощрила: — А вообще-то ничего, хорошо вырезал твой Женя.

— Ну какой он мой! — Раиса вспыхнула. — Что я, не понимаю, что ли, что война! Скажешь же!

— Ну то-то же, — миролюбиво произнесла Елена и со вздохом продолжала: — А то ведь нас только пожалей, сразу растаем.

Она отвернулась от Раисы, словно бы озабоченно рассматривая Волгу. Еще не хватало, чтобы подруга заметила растерянность своего командира. А растерянность эта возникла оттого, что Елена вдруг почувствовала некоторую зависть к этой крепышке, которой уже признаются в любви и талисманы дарят, а вот ей, Елене, которая и постарше Раисы, да и из себя повиднее, все это так, а вот ни разу еще никто не говорил таких слов. И тут ей почему-то припомнился старшина Башмаков. Вообще-то он, конечно, ничего, даже со своим облупленным носом и белесыми бровями. Впрочем, может, это и к лучшему, что он не затевает таких разговоров? Еще не хватало, чтобы они — младшие командиры, занимались чем не положено. Какой пример для остальных? О какой дисциплине тогда можно будет вести речь?

Приструнив себя, Елена решительно взглянула на Раису и завершила разговор вовсе не по-командирски:

— Зови всех купаться!

...Пустынна притихшая Волга. Не видно на ней привычного разноцветья бакенов. Их зажгут на короткое время, когда снизу станет подходить запыхавшийся буксир с нефтеналивными баржами. Елена знает, водники выдерживают график с точностью до минуты. За этим постоянно следят не только диспетчера, но и оперативные дежурные военной флотилии. Иначе нельзя. Без согласованных действий темпы перевозок могут быть сорваны, а за это спросят не только из пароходства, но и из наркомата. К тому же, чуть

замешкайся, может появиться немецкий самолет. Летчики сразу поймут, в чем дело. А это значит, пойдет насмарку вся работа по созданию ложных фарватеров на мелководных воложках и в открытой степи. Больше чем на сто километров протянулись эти декорации, созданные гидрографами флотилии по предложению старого бакенщика Ивана Ивановича Зимина, «дяди Вани». Не зря адмирал вручил ему орден Красной Звезды.

Пулеметчица Аня и минер Оля устроились на ночлег на корме. Пошелестев брезентом и пошушукавшись, они вскоре умолкли. Катюша спустилась в машинное отделение. Раиса, запахнувшись в бушлат, маячит на носу катера.

Не спится Елене. Мысли ее в родном городке. Мать пишет, чтобы берегла себя Елена, поскорее домой возвращалась. Худо одной-то. Картошку окучила. Дров обещают выписать. Письма от отца получает. Он где-то под Горьким в запасном полку. Ходила на пристань. Вместо их катера на переправе пустили газоход, на чурках березовых работает. Водит его старый Гужов. Наказывал, чтобы Елена берегла судно, оно еще послужит. Так и сказал: старый конь борозды не портит.

Не спится, хотя время к полуночи. Над темными кронами прибрежных осокорей в призрачно ясном небе мерцают и перемигиваются крохотные звездочки. Елена загадывает: вот сейчас пройдет караван, и тогда можно прикорнуть. Она оборачивается и смотрит, как ходит по палубе Раиса, вскинув винтовку на плечо.

Сколько неожиданностей в жизни! Разве думалось Елене, что придется командовать тральщиком, что будет заставлять подругу нести боевую вахту поздней ночной порой? Ей бы в эти ночи обмирать в истоме, задыхаться от неумелых поцелуев ошалевшего парня где-нибудь на скамье под черемухой или сиренью, а тут стой на посту.

«Будет, будет у тебя все это», — ласково пророчит Елена, вспомнив давешний разговор о неожиданном предложении матроса Жени. Ох, какое растерянное и счастливое лицо было у Раисы, когда она рассказывала об этом Елене! «И правильно я ее приструнила, — пытается осудить ветреного вахтенного Елена, — за такими глаз да глаз! Не на посиделках, а на войне, понимать надо». Она озабоченно вздыхает, боясь признаться себе, что завидует этой коротышке, которая явно счастливее, чем Елена. И ей делается жалко себя. Ну что, был у нее Вовка Шестаков, еще в школе по ней вздыхал. Дружили просто, а мальчишки дразнили: тилитили тесто, жених да невеста... Ушел в армию, и нет ни слуху ни духу. Похоронной, правда, еще не было, мать Вовкина надеется, живой ее сын. И Елена тоже ждет. А тут еще старшина Башмаков возникает. Черт рыжий! — негодует Елена, вспомнив, как неторопливо и очень пристально вглядывается старшина всякий раз, когда им доводится встретиться. Окаянный, право, окаянный! Даже сейчас у Елены начинают полыхать щеки от возмущения. Чего, понимаешь, разглядывает? Не мина ведь. А вдруг влюбился? А что тут особенного? Чем она хуже Раисы? Да уж если по правде сказать, и ей самой старшина нравится. Высокий, сильный, ничего не боится. Только она ему об этом никогда не скажет. Еще не хватало, чтобы девушка на шею вешалась! Пусть сам догадается.

«Интересно бы Раису спросить, как у них с Женькой все это вышло, — думает Елена, но тут же сердится на себя. — Вот-вот, только начни! Только дай повадку! И будет не тральщик, а бог знает что».

Снизу, из-за излучины негромко подает голос пароход, очевидно, входит на перекат. Слышно, как торопливо молотят воду плицы. И тут же неярким светлячком начинает мерцать бакен у правого берега, затем загорается второй, третий. Это бакенщик Иван Иванович старается.

В сумерках неясной тенью показывается буксир, натруженно отпыхивающийся паром, спугивает тишину частым перестуком огромных гребных колес. За буксиром, белея надстройками, неслышно возникают нефтянки, по самую палубу сидящие в воде. Ни единого огонька не видно во всем караване. Лишь на мгновенье возникает на буксире четкий прямоугольник. Видимо, кто-то вышел из надстройки и тут же поспешно притворил дверь.

Не успевает Елена понегодовать на растяпистого пароходского матроса, из-за излучины вновь доносится басовитый свисток. Очевидно к перекату подходит еще один караван. Вскоре черная махина надвигается на неяркий, зыблющийся на волнах огонек бакена у правого берега и надолго скрывает его.

Это прошел буксир с огромными баржами, которые горбились ажурными арками. В таких баржах везут соль из Владимировки. Без нее намучились зимой. А кроме того, она нужна не только для пищи, ее тысячами тонн везут для химических заводов.

Караваны шли плотно, торопясь пройти опасное место, которое фашисты пытались постоянно минировать и бомбить. Пока что ночь на диво спокойна, и Елена радуется, укладываясь на скамейке в рубке. Она зябко ежится, от воды наносит прохладой, надо бы достать ватник из трюма, но не хочется громыхать люком, тревожить девчат. Ладно, не замерзну, скоро светать будет, — решает Елена, чувствуя, как дрема смежает ей веки, как покачивают катер волны от только что прошедшего каравана.

И тут же она вздрагивает от возгласа Раисы. Елена выскакивает из рубки.

Перед рассветом тьма сгустилась, облака затянули небо. Время

от времени на западе оно озарялось разрывами зенитных снарядов. Оттуда доносился завывающий гул самолетов.

— Смотри, смотри, Елена! — закричала Раиса. — Сюда летит!

— Спокойно, — оборвала ее Елена и скомандовала: — Подъем!

Пока экипаж занимал места по боевому расписанию, Елена разглядела приближающийся к реке самолет. Он летел с горящими ходовыми огнями: слева — красный, справа — зеленый. И летел как-то странно, кругами, словно высматривал что-то или специально отвлекал внимание. Да и высота делала его недосягаемым для их зенитного пулемета. Прикинув все это, Елена не спешила с командой открыть огонь.

И тут снова раздался голос Раисы:

— Ой глядите, что это? Вон, вон, сзади!

Она указывала в сторону лугового берега, откуда донесся приглушенный рокот самолетных моторов. Черная хищная тень приближалась к перекату. «Вот паразиты, — успела сообразить Елена, — один отвлекает внимание зенитчиков, а другой наверняка будет минировать». Она крикнула:

— Аня, стреляй!

Ночь наполнилась грохотом крупнокалиберного пулемета. Цветные трассы устремились к фашистскому самолету. Прежде чем самолет резко свернул в сторону, Елена успела заметить, как в небе вспухло полотнище парашюта мины. Она лихорадочно стала прикидывать ориентиры, чтобы засечь место его падения. И от этого она не успела заметить, что на катер пикирует первый фашистский самолет. Впрочем, это только потом стало ясно, что произошло в те мгновения. Они просто оцепенели, когда неподалеку от стоянки ударила серия бомб и багрово-черные смерчи взрывов ослепили и оглушили их. А когда вновь наступила тишина и в неясных отсветах занимающегося утра стали проступать очертания деревьев на берегу, зачернела трал-баржа, выброшенная взрывами на заплеск, когда они увидели друг друга, на них вдруг напал смех. Их колотил озноб, от пережитого испуга подгибались ноги, а они изнемогали от хохота.

О, боже, как они смеялись! Даже Елена ничего не могла сделать с собой, чтобы оборвать идиотский истерический смех. С испугом она смотрела на содрогавшихся в хохоте девчат: на Раису, приплясывающую в обнимку с винтовкой, на минера Аню, которая сидела на глубинной бомбе и раскачивалась, словно заведенная, на пулеметчицу Олю, уцепившуюся за треногу пулемета, на перепачканную соляркой Катюшу.

Наконец, опомнившись, словно бы увидев все это со стороны, Елена усилием воли заставила себя замолчать и, кривя посиневшие губы, крикнула, едва не сорвав голос:

— Замолчите, так вашу мать!

И от этого окрика ее замечательный экипаж словно бы очнулся. Все замерли и уставились на своего командира, потому что никогда прежде не слышали от нее таких слов.

— Ну вот то-то же, — миролюбиво сказала Елена, — так-то лучше будет. — И заплакала, чувствуя, как с этими словами наступает в душе у нее спокойствие и умиротворенность.

— Воды, воды ей! — засуетилась Раиса и, громыхнув о борт, зачерпнула ведром из реки.

— Да что я, лошадь, из ведра-то? — сквозь слезы улыбнулась Елена. — Дураки какие-то, право, дураки.

И от этой штатской ворчливости, от того, что все яснее вступал в свои права новый день, девичий экипаж вовсе приободрился, загомонил, стал припоминать только что промелькнувшее событие. Все почувствовали, что и они теперь прошли боевое крещение, не зря состоят на военной службе в знаменитой флотилии.

И кто знает, сколько бы еще продолжался этот гомон, не покажись на реке лодка бакенщика Ивана Ивановича Зимина.

— Ну, что, Елена, — спросил он, поднявшись на борт тральщика, — сами справитесь или за Башмаковым сбегаете? Видела, где гостинец эти сволочи сбросили? Две их было. Одна в воложку угодила, а вторая туда, в реку, возле суводи.

— Я тоже заметила, — подтвердила Елена, — вон у того осокоря.

— Скоро сверху караваны пойдут. Успеете?

— Успеем, — сказала Елена. — Помоги только трал-баржу стянуть. Вон куда ее угораздило.

— Ничего, — ободряюще отозвался бакенщик, — пару бревен под нее, дернете катером, и все дела.

— Катюша, — окликнула Елена, — как у тебя там?

— Нормально, — отозвалась Катюша из моторного отсека, куда вели двустворчатые, словно у шкафа, двери и доносился шум паяльной лампы. — Шар нагрею и поедем.

— Тут, по-моему, еще где-то одна мина есть, — сообщил бакенщик, — с прошлого лета осталась. Тогда ведь не до траления было.

Минер Аня усомнилась: столько раз проходили суда, тральщики не один галс сделали, должна была бы сработать.

— Вот я и говорю, должна бы, — согласился бакенщик. — За зиму ее песком наверное замыло, вот она и лежит, полеживает, проклятая. А может, это они какую-нибудь железную хреновину сбросили?

— Ты, дедушка, не пугай, — встряла в разговор Раиса, сердито

посверкивая глазами, — работа у нас и без того нервная, а ты тут еще...

— Отставить! — прикрикнула на нее Елена и, уважительно поглядывая на бакенщика, у которого на пиджаке рубиново отливал орден, попросила: — Ты не обращай внимания на нее, Иван Иванович.

— Дак я чего? Я ничего, — сконфуженно забормотала Раиса и скрылась за рубкой.

Вскоре затарахтел двигатель, и трал-баржа была сдернута на воду. Постукивая мотором, тральщик поднялся вверх по реке и, преодолевая течение, развернул баржу в исходное положение.

Бакенщик, погоняя лодку нечастыми и сильными гребками, отвалил от катера и двинулся к правому берегу, указав Елене еще раз примерное место падения мины.

— Пошли! — скомандовала Елена и, отодвинув Раису, сама взялась за рукоятку штурвала.

Был самый, пожалуй, погожий час июльского утра.

После нескольких заходов тральщика напряжение спало, Елена успокоилась, передала штурвал Раисе. И когда снова тральщик двинулся вниз, она вышла на нос, вглядываясь, как форштевень грудит иззелена-коричневую воду. У нее слегка кружило голову, и она сожмурила веки в тот миг, когда тральщик вздрогнул и замер, словно налетел на невидимую стенку. Раздался оглушительный взрыв, потом еще несколько, очевидно, сдетонировали глубинные бомбы. Тральщик исчез, придавленный столбом взмученной воды.

Река поклокотала, на масляной пленке вспухли и со вздохом опали пузыри воздуха.

Белея брюхом, из глубины омутв вывернулся оглушенный сом и, покачиваясь на волнах, медленно стал сплывать к ухвостью острова. Рядом с ним, уставившись ямочками-глазами в высокую голубизну неба, покачивался на волнах осокоревый улыбающийся матрос.

Из воспоминаний наркома Военно-Морского Флота адмирала Н. Г. Кузнецова: «К осени 1943 года по Волге прошло около 8 тысяч самых разных судов. Было перевезено более 6 миллионов тонн жидкого топлива. В ходе борьбы с минами имели место потери боевых кораблей, но ни одна баржа с топливом не подорвалась на мине. В этом опасном деле трудно выделить героев. Рисковали все. Хочется сказать, что некоторые тральщики были укомплектованы девушками-краснофлотцами. По отзывам командования, они трудились ничуть не хуже мужчин...»

●

Тамара ПОНОМАРЕВА

ОГОНЬ-СУДЬБА

* * *

Кинохроника нам
Демонстрирует зло:
Брат на брата идет
Не ка́ясь.
Скачут кони сквозь дым
В сбруях и под седлом,
Строясь в ряд
и под взрыв
Рассыпаясь...
Только всадников грозных
На свете уж нет!
Расказаченный Дон
Кровью плачет.
И крестьян в кулаков
Превращает комбед,
И Чека, как опричнина,
Скачет.
Много знал — пулю в лоб,
Не донес — в лагеря.
Кто не сдался,
Тот стал эмигрантом.

Косит смерть пустыри.
В людях души горят.
Балом править взялись
Оккупанты.
И домой не вернутся
Вовеки сыны.
Время скорби и зла
Не вернется...
Сумасшедшая лошадь
Гражданской войны
Гривой встряхивает
И смеется...

НА ВОЗДВИЖЕНИЕ ХРАМА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ

На крови этот храм был построен,
На слезах да на боли людской.
Встал он в центре Москвы, словно воин,
В небеса упираясь главой.
Дорогою ценою досталась
Распоследняя в храме ступень.
Вся Россия ему поклонялась,
Оплатив каждый камень и день.
Его стены венчали литые
Имена золотые полков,
По веленью народа — святые,
Средь былинных, старинных веков.
Бородинская поступь героев
И Победа — с Кутузовым в ряд!
Возвращаем домой мы изгоев,
Возвращаем мы память назад.
Мстит она Кагановичам жестко,
Бьет по мордам не кулаком,
Взрывом и оскверненным погостом,
Сытым бериевским сапогом.
Соловками, казачьим расстрелом
И невинною детской душой,
От которой осталось лишь тело,
Что сжиралось тифозною вшой.
Восстановим и храм и былое,
Так иам память и долг наш велят,

Если русской истории стоим.
Это русские говорят!
И оплачем, помянем, восславим
Храм Спасителя — значит, себя.
Как завет, на земле мы оставим
То, что прожили время не зря.

* * *

За горами, за долами клады,
Царства неоткрытые лежат.
Ничего такого мне не иадо:
Родина не этим хороша!

Сердцем человеческим хранима,
В песню превратится и тоску.
Даже думать мне невыносимо,
Чтоб оиа досталась дураку.

Но к душе ее тянулись руки
Змей-Горынычей... Не прекословь!
Сколько было горя, слез и муки —
Бьют в иабат славянства боль и кровь.

Будет ночь багряная, слепая,
Будет, словно пряжа, сои идти.
И, чуть слышно по земле ступая,
Выйду я с друзьями, чтоб спасти

Чудо — алый цвет души редчайшей,
Прямодушной родины моей!..
Думаю о ней серьезней, чаще:
Становлюсь мудрее и сильней.

* * *

Галине Улановой

Над криком обезьяны, иад болотом
И дикой перекличкой попугаев,
Гримасами веселых идиотов,
Когда тяжелый рок в ночи играют,

Над зверскими прыжками, приседаньем,
Открытым сексом, пустотою скрытой,
Когда над чистотою — надруганье,
Когда мечта, как и любовь, убита,

Душа ее всходила белой розой
И танцевала трепетно и нежно,
И вызывала состраданья слезы
Над тем, что бренно, и над тем, что грешно.

И отступала в сумрак злая нечисть,
Светлела сцена от зари рассветной,
И проявлялись лучезарно плечи
Под звук волшебной музыки заветной.

О белое, о гневное величье
Балетных пачек над толпою праздной,
Когда и в нас входило нечто птичье,
Летящее — стремительно, прекрасно!

Прожектором высвечивалась радость,
Талантливо входящая в искусство.
Как хрупкая ромашка среди ада,
Она являла поступь древнерусского.

И проступали розовые руки
Из белого, как иней, одеянья...
И не было торжественнее муки
Знать совершенство
В первый миг свиданья!

Москва

Валентин ПИКУЛЬ

СТУПАЙ И НЕ ГРЕШИ

Бульварный роман

Рис. Ю. Макарова

ПРИЕЗД И РАЗЪЕЗД

Александра Михайловна нагрянула не с пустыми руками. Без конца именуя Ольгу то «душечкой», то «голубкой», она подарила ей связку бубликов, которые в Одессе назывались «семитати»:

— Я знаю, как вы их обожаете!

Повторялась давняя история с птифурами от Довнара.

Никогда Ольга Палем не заявляла о своей безумной страсти к бубликам, и, надо полагать, Александра Михайловна прихватила из Одессы что подешевле, лишь бы отдариться. Кажется, мадам Шмидт приехала надолго, во всяком случае, о сроках отъезда не было и речи.

Ольга Палем старалась быть услужливой «невесткой», всегда готовой подать, принести, отнести, подогреть, вытереть, взбить подушки, — и эту заботу о себе Александра Михайловна воспринимала как должное. Критически оценивая обстановку квартиры, она без конца интересовалась: сколько платили за трюмо, где и почем раздобыли эти гардины, откуда взялись такие красивые рамочки для портретов? И, кстати, во что они обошлись?

— Я бы тоже хотела такие. Но почему вы себя и моего Сашеньку повесили над кроватью, будто вы муж и жена? Лично я не усматриваю в этом ничего предосудительного, висите на здоровье, бог с вами. Но... что скажут люди?

«Ах, люди! Опять эти люди...»

Ольга Палем смолчала. Незаметно прошло два дня, ничем особо не примечательных. Разве что Виктор Довнар успел понравиться матери своим цветущим видом несокрушимого балбеса, готового жевать в любое время суток, только позовите. За румяные щеки сына и его вздутый живот, туго выпиравший из-под ремня с гимназической бляхой, Александра Михайловна горячо благодарила Ольгу Палем. Но тут же нашла чем попрекнуть:

— Вы, милочка, не исполнили главного, о чем я вас просила: так и не устроили Вивочку в Морской корпус, дабы сбылась мечта его расцветающей жизни.

— Ах! — отвечала уже вконец измотанная Ольга Палем, суетливо раскладывая возле тарелок ложки и вилки. — Где же я возьму такого адмирала, который мог бы поручиться за вашего Вивочку? Спасибо господину Ивановскому, что еще не оторвал ему уши в своем пансионате.

— Вива, тебе уже рвали уши? — зашлась в строгости мать.

— Нет. Зато били линейкой. По куполу моего храма.

Окончание. Начало в № 2 за 1990 год.

— Безобразие! Так ведь недолго и повредить мыслительные центры в голове будущего Нельсона! Я сама поговорю с Ивановским, чтобы драл своих детей, а моего Вивочку оставил в покое...

На третий день пребывания Александры Михайловны все-то и началось. Как водится, скандалы не имеют планов, заранее составленных в тиши научных кабинетов, чтобы поступки людей развивались точно по графику. Скандалы возникают обычно из ерунды, а далее все зависит от мощи таланта и степени эмоциональной подготовки участников.

Вот он — блаженный послеобеденный полдень.

— Спасибо! — Мадам Шмидт взяла из сыновнего портсигара папиросу и закурила, выпуская дым над столом. — Я вот смотрю на тебя, — вдруг обернулась она к сыну, — и чувствую, что житье без материнской заботы не пошло тебе на пользу...

— Чай или кофе? — кротко осведомилась Ольга Палем.

— Чай. Мне совсем не нравится угнетенный вид моего сына. Голубушка, вы плохо следите за моим сокровищем. Разве вы не видите, какой он бледный? Сашенька, мне тебя жалко... Может, возьмешь академический отпуск и отдохнешь с мамулей в Одессе?

Ольга мигом взъерошилась, занимая боевую позицию, чтобы сразу и геройски отразить все атаки противника.

— Это почему же он вызывает жалость? — внятно заприступивала она зубами, один из которых был украшен золотою коронкой. — Отчего это вы находите своего сына измученным? Только затем, чтобы увезти его подальше от меня?

При этом она вспомнила, что «замученный» однажды так отмолотил ее плашмя студенческой шпагой, что от ножен отлетели металлические ободья.

— На что иное, так у него сил хватает! — сказала она (чтобы ее понял один Довнар — матери знать того ненадобно).

Довнар все понял, сказав вразумительно:

— Да перестаньте, что вы ни с того ни с сего сцепились? И в Одессу я не поеду, ибо, кажется, нашел свое место в жизни, и мне очень нравятся лекции в моем институте.

— Вива, выйди на кухню, — велела мать, картинно отставив руку с дымящейся папиросой. Вива удалился. Разговор становился серьезным. — Не мое дело вмешиваться в ваши дела, — продолжала мадам Шмидт. — Но это обширное зеркало в спальне... этот любовный дуэт над постелью... все это побуждает меня спросить вас, дети мои: не слишком ли вы увлекаетесь в ущерб своему здоровью? Об Ольге Васильевне я уж не говорю, для женщин это, может быть, даже полезно, а вот тебе, Саша...

— Ах, вот как! — рассвирепела Ольга Палем.

Тарелка в ее руках оказалась чем-то вроде бумеранга, просвистевшего в горизонтальной плоскости над головами будущих родственников, которые, не будь дураками, вовремя пригнули головы.

— Ах, вот как! — ставя свои вопросы, сказала она. — Я, значит, такая, что обо мне даже и говорить не следует? Мне это, значит, полезно. а ему это, значит, вредно? Так не думайте, что я вам отдам Сашку, — он мой... Я вытянула его своими руками! Это не вы, мадам Шмидт, а именно я сделала из него человека...

Вскочив со стула, Довнар с силой встряхнул ее за плечи:

— Прежде подумай, о чем ты говоришь!

— Подумай сам, я еще не все сказала... И не делай из себя святого. Пусть твоя мамулечка знает, что ты живешь мною, как червяк, забравшийся в яблоко... Пусть знают все, как ты выклянчивал деньги у Кандинского, как ты... ты... ты...

Довнар уже захлопнул ей рот ладонью.

— С кем ты связался? — поинтересовалась мамочка. — Не дай бог, если нас услышат сейчас посторонние люди...

Из кухни вышел пообедавший Вивочка:

— Теперь мне можно? — деловито осведомился.

— Ступай опять назад. Здесь разговор не для тебя...

Ольга Палем наконец извернулась и, схватив с комода однорукую «маркизу», стала лупцевать ею Довнара — била она куда попало.

— Никуда не отпущу... Останешься со мною! Вот тебе, вот тебе...

— Сумасшедшая! — Довнар вырвал фарфоровую статуэтку, и она тут же разлетелась, вдребезги разбитая о голову сожительницы.

Палем кинулась к балконной двери — с явным намерением броситься вниз головой на панель, но Довнар удержал ее, а мадам Шмидт тут же послала Вивочку за дворником.

— Какой дворник? — взвыл Довнар, обхватив Ольгу, бившуюся в его руках. — В таких случаях зовут карету из дома, где живут все рехнувшиеся...

— Господи, куда я попала? — заломила руки его мать.

— Она еще спрашивает, куда попала! — Ольга Палем с утроенной силой стала рваться из рук Довнара. — Приехала и стала наводить здесь порядки... теперь я виновата, что ее сыночек стал бледным... это я, одна я виновата, а он... Пус-с-сти!

— Это выше моих сил. — Под каблуками Александры Михайловны с хрустом крошились осколки разбитой «маркизы». — Говорили мне умные люди, чтобы обратила свое внимание... чтобы гнать эту хамку... чтобы...

— Ведьма! — зарыдала Ольга Палем, падая в обморок.

Довнар швырнул ее на диван.

— Каждый раз этим и заканчивается, — сказал он матери. — Сил моих больше не хватает. Умные люди мне говорили...

Ольга Палем рывком села:

— Можно подумать, одни только вы знаете умных людей! Мне тоже говорили, чтобы я не связывалась с вами, крохоборы несчастные... что мать, что сын — одна вам цена!

— Она тебя погубит, сын мой, — торжественно возвестила мать.

Вслед за Вивочкой в квартиру явился швейцар Садовский:

— Дворника нет. Я за него. Что угодно?

— Игнат, пошлите за полицией, — распорядилась мадам Шмидт, указывая на Ольгу Палем. — Вот эта женщина, которой я отныне не знаю, сошла с ума! Пусть околоточный составит протокол по всем правилам о произведении бесчинства в чужом доме...

Ольга Палем с мольбой протянула руки к Садовскому:

— Дядя Игнатий, скажи... ты слышал, что говорят? Я уже стала чужой в своем же доме. Хоть ты вразуми их...

Садовский, кажется, был умнее всех.

— Дамы и господа, — сказал он, поправив на груди медаль за участие в боях на Шипке, — не вижу причин трепать нервы еще и полиции. А ежели у Ольги Васильевны нервы шалят, так околоточный их не вылечит. Тут врача бы...

— Я сам врач, — огрызнулся Довнар.

— Тогда мое дело сторона. Разбирайтесь сами. Пойду...

— Прощайте все! — с небывалой доселе гордостью заявила мать. — Я ухожу, чтобы не видеть позора своего любимого сына.

— Мама, ты куда? — встрепенулся Довнар.

— Неужели ты думаешь, что после всего, что я здесь наблюдала, я еще смогу оставаться в этом доме?

Она быстро сложила в саквояж свои вещички, сказав сыну, что сыщет приют в номерах на ближней Подьяческой улице. Ольга Палем, словно вспомнив самое главное, вдруг схватила связку одесских «семитати» и запустила их вслед уходящей.

— Ведьма! Грызи сама свои баранки...

Связка распалась, и бублики весело покатились по комнате. Довнар велел Виве принести веник и подмести. Когда вечером Садовский навестил их, чтобы подать самовар, они еще ссорились. Довнар угрожал, что уйдет к матери на Подьяческую, Ольга Палем не отпускала его.

Было близко к полуночи, когда, возвращаясь в пансионат, Виктор Довнар сообщил швейцару Садовскому:

— Дядя Игнат, они там выдохлись, теперь спать будут.

— У молодых всегда так, — мудро ответствовал старый солдат, — тока бы до постели добраться, а там всем дракам конец. Иди, малец, с богом. Шли бы вы все подальше!

Черные тучи низко проползали над царственным городом.

. . . .

Затухающие бои шли с переменным успехом, но мне думается, что Ольга Палем наверняка бы одержала победу, если бы...

Если бы не болезнь Довнара, скрутившая его сразу же после скандала. Палем вызвала домашнего врача Освальда Морица, который, определив брюшной тиф, стал настаивать на немедленном помещении больного в Александровскую больницу на Фонтанке.

Ольга Палем взмолилась:

— Доктор, миленький, родненький, только не больница... Обещаю не спать день и ночь, как хорошая сиделка, сделаю все, что скажете... Только войдите в мое положение!

Положение складывалось теперь не в ее пользу: если Довнар окажется в больнице, она потеряет контроль над ним, а делить свои права на него с правами материнскими будет нелегко.

— У вас в квартире, — отвечал Мориц, — нет даже ванны, а больница оборудована всеми удобствами... не спорьте.

Мориц считал ее женою Довнара, и потому, когда Палем выговорила для себя свидания в любое время, доктор охотно дал согласие. Тут же была вызвана по телефону больничная карета, Ольга Палем сама и отвезла Довнара на Фонтанку, где громоздилось помпезное здание больницы с торжественным парадным подъездом, украшенным античными колоннами.

Была уже ночь. Хлынул дождь. Ольга Палем пешком возвращалась домой, всю дорогу плача... ее даже шатало!

— Боженька, ну почему я такая несчастная? Боженька, ты всем помогаешь, так помоги ты и мне, боженька...

. . . .

Мадам Шмидт, бодрая и здоровая, совсем не собиралась «просить пардону». Чересчур словоохотливая в меблированных номерах на Подьяческой, она сразу же оказалась в центре внимания людей, готовых выслушать все, что интересно знать посторонним, или, вернее, как раз то, что им знать совсем не нужно. Согласитесь, что на умную лекцию о движении небесных светил людей порой калачом не заманишь, но их соберется несметная толпа там, где станут обмусоливать чьи-то домашние дрязги.

Дама упивалась всеобщим и заслуженным вниманием:

— На старости лет, стыдно сказать, возникло невыносимое положение. Я приехала. Тратилась. Ничего не жалела. Привезла кучу подарков. Разве я была плохая мать? А теперь? Вы только посмотрите на меня, дамы и господа... ужасно!

Постояльцы номеров, все эти старухи, затюканные инвалиды, наехавшие из провинции в столицу хлопотать о пенсии, сердобольные вдовы, — все они слушали ее с почтением.

— Приезжаю. Смотрю. Вот такая... выше меня! Ноги длиннющие, словно оглобли. Руки еще длиннее, одно слово — загребущие. Пришла и не уходит. Подчинила сына себе. Явная аферистка. Нос у нее — вот такой, как у попугая. И выгнала меня... на улицу.

Мадам Шмидт возрыдала.

Аудитория зашелестела, зашепталась, заохала.

— Страдалица. Сочувствуем. А сын-то? Нешто дозволил?

Мадам Шмидт рыдать временно прекратила.

— Сын, благороднейший человек, сразу заболел от горя, не в силах сносить поругание матери, и я с колоссальным трудом устроила его в лучшую клинику города, а государь император, узнав о моем несчастье, прислал своего лейб-медика... весь в орденах. Вот отсюда, — она показала жестом, — и ниже. Так и сверкает! Не удивляйтесь, дамы и господа. Император помнит о заслугах моих мужей, имевших высокое государственное предназначение.

— Ахти, господи! Пронеси и помилуй нас, царица небесная...

Концерт был окончен. Публика разбредалась по своим убогим закутам, горячо обсуждая услышанное, говорливая, ни дать ни взять — заядлые театралы после эффектного спектакля, в финале которого ни одного из героев не осталось в живых, все полегли замертво, пронзив сердца бутафорскими кинжалами.

— Страсти-то какие, Иисусе праведный, — шелестели старухи. — До чего ж мы дожили, ежели родную мать, не кого-нибудь, а свою мать из дому гонят! А энта молодуха-то, гляди, какая проворная... так и хватат, так и хватат, так и хватат!

— Нонеча совести-то у молодых совсем не стало. Я по ночам кой годик не сплю. Все думаю. А ну как и мой балбес приволокет экую орясину, так у них потом кипяточку не допросишься...

Здесь, в номерах, Александру Михайловну отыскал Милицер, пылающий жаждой отмщения за то, что наболтала Ольга Палем инспектору Института. Он сразу понял, что перед ним обыкновенная дура, но как и положено всем дурам на свете, эта имеет гомерические претензии, а потому...

— Вы же мудрейшая из женщин... право, вы ошеломили меня. Теперь и сами видите, в чем корень зла. Понимаю, вы благород-

ны под стать вашему классическому облику. Кстати, ваши предки внесены ли в «Готский Альманах»? Нет? Очень жаль. Советую похлопотать... Однако, — продолжал Милицер, — с насилием и коварством, достойным пера самого Шекспира, надобно сражаться методами того же... Шиллера!

— Верно, ах, как верно! — кивала мадам Шмидт.

— Я, — заявил Милицер, — помогу вам избавить своего лучшего друга и вашего сына от алчных притязаний этой нахалки...

Тем временем, отвезя Довнара в больницу, Ольга Палем с утра пораньше сама появилась в приемной. Ссылаясь на разрешение доктора О. Э. Морица, она выдавала себя перед швейцаром за жену, которой дозволено видеть мужа в любое время. Довнар, кстати, не противился этим свиданиям, напротив, радовался им, как и каждый больной, когда его навещают.

Но однажды случилось то, чего и следовало ожидать: у постели больного она застала его мать. Слово за слово, сначала шепотом, потом все громче и наконец криками во весь голос женщины обменялись сокровенными мнениями:

— Аферистка, на такой даже пробы негде ставить... хоть бы людей постыдилась! — кричала мать Довнара, как бы привлекая в свидетели больных в громадной и гулкой палате.

Тут даже у хроников пробудился прежний вкус к жизни. И те, кто до сего дня лежал недвижимо, теперь поудобнее рассаживались на кроватях, явно довольные тем, что больничная скука развеяна бесплатным зрелищем. Отовсюду слышались реплики — мнения мгновенно разделились:

— Нельзя же так, тут надо по совести.

— Молодую-то нешто не жалко?

— А старую кто пожалеет?

— Верно, Федя. Она же мать. У ней, гляди, сердце.

— А у молодухи-то рази нет сердца?

— У ней не сердце, а совсем другое... вот и взбесилась!

Кончилось все ужасно. Сбежались врачи, сестры милосердия, дюжие дядьки-санитары. Довнар кричал, чтобы убрали от него «вот эту женщину», способную даже здорового загнать в гроб. При обмене мнениями выяснилось, что Ольга Палем вовсе не жена ему, а просто вроде знакомой. Госпожа Шмидт откуда-то вдруг извлекла икону и, целуя ее, требовала не пускать «аферистку» в больницу, и Ольге Палем тут же было отказано в дальнейших посещениях больного.

— Идите и не спорьте, — выталкивали ее санитары из палаты. — Швейцара мы предупредим, чтобы вас более не пускал.

Дни сочились, как свежие раны, — тоской, одиночеством, суевериями, предчувствиями. Именно сейчас ей хотелось бы повидать князя Туманова, о котором думалось с какой-то надеждой, но искать его не решилась. Однажды она сумела как-то прорваться к Довнару, но тут в палате возник шум:

— Молодуха! Во проныра какая, гляди, пробралась!

Ее выставили под локотки. Каждый день она с утра торчала в конторе больницы, надоела всем служащим, постоянно выведывая о здоровье Довнара, а перед грозным швейцаром унижалась, совала ему рубли, молила:

— Я на минутку! Только погляжу на него.

— И рад бы, — отвечал старик, — да начальство не с вас, а с меня спросит. А мне, родимая, до пенсии недалече. Чего же это из-за вас мне пенсиона лишаться? Вы, што ли, дряхлость мою обеспечите?

Наконец настал самый черный день — в конторе ей было сказано, чтобы она более не ходила сюда понапрасну.

— Больной по фамилии Довнар-Запольский вчера вечером выписан из больницы и сдан на руки своему товарищу по фамилии Милицер, который сразу и повез его домой.

Но домой Довнар не вернулся. Значит, Милицер отвез его на Подьяческую — под материнское крылышко.

Что тут стало с Ольгой Палем! Она ощутила себя загнанной в тупик, из которого уж не выбраться.

Все-все вокруг — теперь уж все! — хотят ей только зла, а кто подаст хоть крупицу добра?

— Люди, да что ж вы делаете со мной... люди?

Шатаясь и плача, она ходила по улицам, не видя людей.

«ТУТ НИЧЕМ ПОМОЧЬ НЕЛЬЗЯ»

Секретарь канцелярии. Форменный сюртук. Сверкание пенсне и пуговиц. Доложено от порога с подобающим поклоном:

— Павел Викентьевич, там пришла молодая дама, называющая себя женою студента Довнара. Соблаговолите принять?

— Да, пусть войдет...

Инспектор Института инженеров путей сообщений П. В. Кухарский — чин тайного советника! — заранее вышел из-за стола:

— Прошу, мадам. Что вас привело ко мне?

— Горе, — еще слышно отвечала Ольга Палем...

На этот раз она ничего не выдумывала, не желала предстать в лучшем свете, не притворялась и светской дамой, а явилась перед Кухарским просто страдающей женщиной, для которой сейчас все трын-трава, важно сберечь даже такую любовь, которая пала на нее тяжким бременем. Тайный советник слушал ее,

не перебивая, только время от времени побрякивал бронзовой крышкой громадной старомодной чернильницы.

Наконец она закончила. Кухарский спросил:

— И долго продолжались такие ваши отношения?

— Скоро уже четыре года.

— И у вас хватало терпения?

— Но я же его люблю... даже сейчас.

Павел Викентьевич, поразмыслив, соизволил заметить, что после такого срока совместного проживания мужчина должен не покидать женщину, а, наоборот, увлекать ее под венец.

— Того требует мораль в моем старомодном ее понимании, иначе это... безнравственно. Корпус инженеров путей сообщения — почти офицерская организация, и каждый студент должен дорожить честью своего мундира. Дело не в том, можно или нельзя студенту жениться, а в том, что Довнар обязан сделать это.

Кухарский проводил Ольгу Палем до дверей кабинета:

— Обо всем услышанном от вас я доложу генералу Герсеванову, и следует решить, достоин ли Довнар звания студента нашего прославленного на весь мир Института...

Пока хлопотала Ольга Палем, не оставалась без дел и Александра Михайловна Шмидт. Среди обитателей меблированных номеров, охотно выслушивавших ее стенания, нашлись старики чинуши еще старой дореформенной России, и те в один голос убеждали ее, что это дело можно «провернуть»:

— Ежели подать куда надо прошеньице со слезой да чтобы еще «подмазать». И не расписывайте много, ибо начальство у нас читать не любит. Пишите кратко, но веско!

Краткость — сестра таланта, но талант госпожи Шмидт разогнал ее фантазию на четыре страницы доноса, который, будучи адресован на имя санкт-петербургского градоначальника, обретал скромное название «просьбы» (в старину такие «просьбы» назывались еще точнее — «слезницами»).

В доносе очень неприглядно была обрисована фигура «некой особы Палем», которая покушается на честь (и на кошелек) ее сына. Доношение было подано в канцелярию градоначальника еще до выхода Довнара из больницы, и текст был со знанием дела отредактирован Милицером, который заслужил одобрение Александры Михайловны:

— Вы правильно расставили восклицательные знаки, чтобы градоначальник понял, с кем имеет дело. И раньше еще очень тонко подметили: она нас Шекспиром, а мы ее Шиллером...

Градоначальником столицы был в ту пору генерал-лейтенант В. В. фон Валь, о котором я ничего не могу сказать — ни хорошего, ни дурного. Его канцелярия работала четко, без проволочек, и потому «слезница» госпожи Шмидт сразу обрела законное движение по административному кругу, похожему на известный «круг царя Соломона». Быстро навели справки, а сама бумага вскоре оказалась на столе его превосходительства.

— Что за бред! — фыркнул Виктор Вильгельмович. — Сын подательницы уже совершеннолетний, сам писать умеет, но от него ходатайства не поступало. Из сего следует, что этот фрукт вполне доволен своей сожительницей. Так чего им надо?

Александра Михайловна получила обратно свое доношение, украшенное резолюцией: «ТУТ НИЧЕМ ПОМОЧЬ НЕЛЬЗЯ».

— Как это нельзя, если можно? — возмутилась она. — Что за власть такая пошла, если отказываются помочь мне, честной женщине? Помню, в годы моей безмятежной юности... Разве такие были резолюции? Вспомнишь, так душа замирает...

Ее донос был отправлен 8 октября 1893 года, а через месяц сочинен новый, более убедительный. Теперь, как того и желало градоначальство, бумага была составлена от имени самого «потерпевшего». Довнар писал, что упомянутая ранее о с о б а О. В. Палем въехала в его квартиру, пользуясь чужим имуществом, совместное проживание с этой особой уже невыносимо, почему он, проситель, и требует власть имущих оградить его от последующих притязаний Палем, дабы означенную особу не только выслали из квартиры, но и вообще удалили из столицы, ибо нравственность ее внушает сильные подозрения.

— Этот молодой человек одним выстрелом желает убить двух зайцев. Для начала запросите одесское полицейское управление, — распорядился фон Валь, — подождем, что оно ответит.

Одесса отозвалась о нравственности госпожи Палем вполне благоприятно, никаких грехов ее не поминая, и таким образом вопрос о выдворении из Петербурга отпал сам по себе. Но остался животрепещущий вопрос о выселении из квартиры.

Виктор Вильгельмович расправил густую бороду:

— Ну, что тут делать? Придется выселять, паче того квартира записана на имя Довнара, почему здесь потребуется и раздел имущества. Этим прошу озаботиться канцелярию...

Рано утром Довнар появился в квартире, но пришел не один — его сопровождал Болеслав Туцевич, пристав полиции в чине подполковника. Довнар выглядел наигранно веселым.

— Здравствуй, — сказал он Ольге Палем, — сейчас предстоят неприятные минуты раздела имущества... Ты готова?

— После чего, — добавил Туцевич, — буду вынужден по долгу службы проследить за вашим, мадам, выселением...

Это был удар, повергший Ольгу Палем в отчаяние.

Она заметалась, даже не понимая толком, что происходит. Туцевич, человек деликатный, только покашливал, когда начинались споры, кому что принадлежит. По его словам, Ольга Палем сама «то помогала Довнару укладывать вещи, то металась и плакала, то говорила ему дерзости и укоряла, взваливая всю вину на его мать. Довнар при этом держал себя очень серьезно».

Пытаясь как-то оправдаться в глазах пристава, он иногда шептал Туцевичу:

— Видите, как она цепляется за все мое? Мало ей, что разорила меня, я бывал вынужден тратить на ее прихоти по пять тысяч в год... ни стыда, ни совести! Хамка...

Это была ложь: как раз в это время личный капитал Довнара составлял сумму в 14 тысяч рублей (и были еще банковские чеки на несколько тысяч), а Ольга Палем, получая пособие от Кандинского, сама расплачивалась за квартиру, за услуги дворников и служанок. Но Туцевич этого, конечно, не знал и просил только поторопиться с разделом. Довнар уступал Ольге вещи, если на них имелась ее вышивка, цеплялся за шкафы и комоды, кричал, что трюмо никогда не отдаст:

— Это я платил! Одеяло тоже не трогай... Я тебе не солдат, чтобы накрываться шинелькой.

Свое барахло он свалил в комнатах, а то, что доставалось ей, он вышвыривал на кухню. Туцевич во время службы в полиции всяких пакостей насмотрелся, но все-таки, улучив момент, он счел нужным выговорить Довнару:

— С женщиной, сударь, так не поступают.

— Так не жена же она мне!

— Тем более. Если любовницу бросают, так ее бросают со всей хурдой вместе, а не смотрят на бельевые отметки. Впрочем, извините. Не мое это дело. Я ведь только при исполнении служебного долга. Но вы пожалейте ее.

— Войдите и вы в мое дикое положение, — горячо нашептывал Довнар, склонясь к уху Туцевича. — Как она, жалкая мещанка, посмела надеяться стать моей женой, женой шляхтича герба «Побаг»? Конечно, по-человечески ее можно пожалеть, но...

— Но она же вас любит, я по глазам вижу — любит.

— Да таких у нее, как я, знаете, сколько перебывало? И потом, по глазам разве можно судить о корысти?

— Однако, сударь, корысти с ее стороны я не заметил. Впрочем, — повторил Туцевич, — лирика — не моя профессия. Я лишь пристав полиции, а вы разбирайтесь сами, кому тарелка, кому вилка, кому спинка от стула, а кому ножка от кресла...

Когда имущество поделили, Довнар закрыл свои комнаты на ключ, а ключ от кухни он вручил Ольге Палем.

— Олечка, — разрешил ей Довнар, — ты в любой момент можешь забрать свои вещи, ибо кухня имеет отдельный выход на черную лестницу. Теперь я хотел бы с тобой попрощаться...

Вход в квартиру с парадной лестницы был для нее закрыт. Она сидела на табуретке в прихожей, даже не плача, слепо глядя перед собой, а Туцевич не знал, где найти нужные слова:

— Мадам, время позднее, жена сей день пироги пекла, давно ждет меня. Вы уж извините, но долг службы повелевает мне проследить за вашим удалением из этой квартиры...

Ольга Палем грустно улыбнулась Довнару:

— Спасибо за все... за все, что ты сделал. Вот была бы у тебя собака, интересно, выгнал бы ты ее так, как изгоняешь меня? А куда я денусь теперь? Ведь даже с проституткой под утро не поступают столь безжалостно, как ты со мною к ночи... Что же мне теперь? Самой сделаться проституткой?

— Слышите? — обратился Довнар к приставу. — Она еще смеет упрекать меня. Разорила, а теперь упрекает. Если вы полиция, так принудите ее удалиться.

— Да, я полиция, — не отрицал Туцевич, — но я еще никогда не был вышибалой. Госпожа Палем и сама уйдет...

Она спустилась по парадной лестнице, освещенной газовыми рожками; в вестибюле Садовский читал газету.

— Дядя Игнатий, пожалей хоть ты меня...

— Бедная, кудыть же ты теперича?

— А, не знаю! Пойду на Невский к первому попавшемуся... хоть за рубль, хоть за полтинник. Только б не видеть этого...

Сказанного вполне достаточно, чтобы расставить верные акценты. Согласен, что раздел имущества всегда гадостен. Добавлю от себя, что однажды сам наблюдал нечто подобное. Люди, которых я считал интеллигентными, вдруг превращались в алчных зверей, хватая то одно, то другое, — и в этот момент я не узнавал их. Где же их прежние речи о человеческом достоинстве и душевном благородстве? В моем представлении любая мебель — это все-таки доски, а любая одежда — это все-таки тряпки.

На мой взгляд, в нашем прискорбном и материальном мире существует одно лишь мерило ценности — это **книги!**

Но Ольга Палем и Александр Довнар не книги делили...

— Не надо плакать, — сказал инспектор Кухарский. — Я вас провожу к Михаилу Николаевичу, директору нашего Института, он добрый человек и поймет вас... Прошу, мадам!

Директор Института инженеров путей сообщения Михаил Ни-

колаевич Герсеванов был широко известен в научном мире. Соратник еще графа Тотлебена, человек образованный, автор многих научных трудов, он строил железные дороги в горах Кавказа, устраивал коммерческие порты в Черноморье, имея немалые заслуги перед отечеством. Сейчас Россия тянула рельсы в таежную синеву Приамурья, чтобы выйти к причалам Владивостока, и страна нуждалась в романтиках-путейцах — их-то и поставлял его Институт.

Герсеванов внимательно выслушал Ольгу Палем: Довнар всегда выдавал ее за жену, она получала письма на имя Ольги Довнар, а теперь... теперь у нее ничего не осталось.

— Не мне судить о нравственности вашего союза, — отвечал Герсеванов, — но меня волнует нравственность господина Довнара: имеет ли он право быть терпим в кругу студентов, носящих мундир и шпагу нашего путейского ведомства, которое никак не является последним в империи?..

Ближайший совет профессуры Герсеванов открыл тем же вопросом. Ученые мужи, ординарные и экстраординарные, добряки по натуре, в законах не разбирались, они лишь толковали об извечной борьбе добра и зла, но их наивные рассуждения ничего не значили на шатких весах официального правопорядка.

— Что за молодежь пошла ныне! — огорчались премудрые старцы, начинавшие карьеру еще при графе Клейнмихеле, хорошо помнившие даже графа Аракчеева. — Ежели четыре года блудил, так надо этого вертопраха обуздать крепкой подпиской, чтобы покрыл грех законным браком. Разве можно, обнадежив девицу посулами жениться, вдруг ни с того, ни с сего выбрасывать ее в подворотню?

— Девица-то из мещан, а Довнар — дворянин.

— Так и что с того? Мы все тут дворяне. Сколько известно таких браков, когда крестьянка или актриса становились женами знатных вельмож, бывая почитаемы в свете, как добропорядочные матери и супруги. А тут какая-то мелюзга артачится так, будто его предки занесены в «Бархатную Книгу».

— Она, говорят, еврейка, вот в чем дело!

— Велика важность, — посмеялись ученые старцы. — Наш министр Витте, не секрет ведь, выложил сорок тысяч господину Лисаневичу, чтобы тот уступил ему жену, тоже еврейку, и живут же ведь — не дерутся, не стонут...

Да, эмоций хватало, а толку не было, одни разговоры. Герсеванов, сочувствуя Ольге Палем, тоже не мог проявить познаний в области юридических отношений.

— Милая моя, — пожалел он женщину, — мы тут больше мостоконструкциями да разведением стрелок заняты, а вам надобен юрист с головой. — Он вручил Палем свою визитную карточку. — С нею навестите моего сородича, присяжного поверенного Андреевского, пусть он выслушает вас...

Пожелав ей успеха, Герсеванов сказал, что Довнара надо сразу изъять из комплекта студентов, но тут сама Ольга Палем просила не делать этого:

— Видит бог, он даже не виноват! Довнар слабовольный человек, потому и подпал под влияние дурных людей.

— Все-таки поговорите с Андреевским. Сергей Аркадьевич умный человек, одна в нем беда — видит людей не такими, какие они есть, а такими, какими хотел бы видеть...

. . . .

Ольга Палем, как и этот Андреевский, тоже видела своего Довнара, каким хотела видеть...

Скорбная, начинала она свое хождение по мукам.

ПОДПИСКА В ЛЮБВИ

Андреевский, кому и сам бог велел вставать на защиту обиженных, защищать Ольгу Палем в ее деле не пожелал:

— Герсеванов ввел вас в заблуждение. Я занимаюсь убийствами, крупными аферами, спорами о наследствах, а сводить вас с каким-то студентом... извините, это не моя стихия!

Защитником решил быть сам Кухарский, горевший желанием делать добро, и это добро он делал в меру своих сил и возможностей. Он насмерть перепугал Довнара, перед которым потряс толстою пачкой писем, перевязанных розовой ленточкой.

— Не отпирайтесь! Это вы писали госпоже Палем, заклиная ее быть вашей женой. Конечно, я не читал их, но в этом меня заверила сама госпожа Палем, которая сейчас предстанет перед нами, и мы с вами разберемся. Присядьте...

Довнар так и присел. Будущее устрашало.

Кухарский был категоричен, словно прокурор-громовержец, пронзающий сердца подсудимых огненными перунами доказательств. Наверное, я так думаю, он был неплох на посту инспектора, но, разбирая запутанные отношения Палем — Довнар, полез все же не в свое дело.

— Пишите! — властно продиктовал он Довнару, когда появилась Палем. — Сим обязуюсь не покидать госпожу О. В. Палем и жить с нею далее, ежели вышеозначенная не будет требовать насильственного брака и сама таковому обещанию подчиняется...

Больший абсурд трудно было придумать, но Довнар такую подписку дал, подписалась под нею и Ольга Васильевна.

— Желаю вам счастья, дети мои! — отпустил их Кухарский.

С таким вот рецептом больные — если не любовью, так обоюдной неприязнью — удалились для совместного проживания.

— Что теперь будем делать? — робко спросил Довнар, когда они, потрясенные моментальным правосудием Кухарского, вышли из Института на широкий простор Забалканского проспекта.

Перемирие, заключенное по указу начальства, кажется, перепугало не только Довнара, но обескуражило и Ольгу Палем. Мимо них катились кареты, проходили люди, ломовые битюги налегали на хомуты, волоча от садов Пулкова гигантские телеги с фруктами, а они все думали и ничего не могли придумать.

Наконец Довнар предложил удобный для него вариант:

— Можно жить совместно, но при этом раздельно. Для этого лучше иметь не квартиру, а две отдельные комнаты, но с одним коридором, чтобы мы могли навещать друг друга. Тогда и придраться никто не сможет...

Ольга Палем была согласна на все. Иногда я встаю в тупик, не понимая ее: как она, женщина, не догадывалась, что все давно разрушено, отчего же она столь яростно держалась за Довнара, который не стоил ее большого чувства? Целый день они блуждали по городу, отыскивая отдельные комнаты. Ольга Палем уже не просила, чтобы Довнар женился на ней.

— Саша, — тихо молила она, — только не оставляй меня одну. Я ведь ноги тебе мыть стану... сама теперь не знаю, на что я готова. До чего ты меня довел? Я застрелюсь, правда.

— Да брось, — отмахивался Довнар. — А впрочем, если тебе этого так уж хочется, можешь стреляться...

Наконец-то они отыскали меблированные комнаты, которые содержал на Фонтанке господин Сыросек, сдававший их внаем приезжим или бездомным, и сняли у него две комнатенки, соединенные промежуточной дверью, но имевшие каждая свой выход в общий коридор. Каждый за свое жилье расплачивался отдельно. Сыросек, человек к людям внимательный, ибо служил в полиции, сразу заметил, что эта молодая пара не муж и не жена, а просто двое, в любую минуту готовые взорваться в грандиозном скандале. Сыросек сам видел, что Довнар походя ненароком больно щиплет Палем.

— Ой! — невольно вскрикивала она, морщась, и потом что-то шептала про себя, очевидно, ругаясь...

Велико было их удивление, когда в коридоре они встретили князя Туманова с перекинутым через плечо полотенцем.

— Жорж, как вы сюда попали?

— Давно живу в этих номерах. Народу тут разного много. Если угодно, заходите, буду рад. Мой номер одиннадцатый...

В соседней комнате кутила студенческая молодежь, оттуда доносились жалобные всхлипы граммофонной трубы:

Хас-Булат удалой
Рядом в комнате жил,
И он с Саррой моей
Шуры-муры крутил. .

Утром Ольгу Палем навестил в ее комнате Довнар:

— Когда ты кончишь эту комедию? Я ведь думал, что ты уже застрелилась, и пришел, чтобы порыдать над твоим бездыханным трупом. Ну, стреляйся... чего медлишь?

. . . .

С этого времени Довнар начал очень опасную игру.

Вроде бы и в насмешку, однако все настойчивее он подначивал Ольгу Палем доказать свой характер и застрелиться, а при этом в его голове, наверное, копошилась подлая, но очень выгодная для него мыслишка: «Пусть! С концом этой стервы кончатся и мои невзгоды, я снова стану свободен. Это ли не счастье?»

Возможно, потому так ласково иногда звучал голос Довнара:

— Это не так уж трудно, — нежно убеждал он, словно речь шла о каком-то пустяке. — Один нажим пальцем, и ты сразу докажешь свою любовь, о которой так часто говоришь мне.

Палем его слушала, слушала — даже не верилось:

— Боже, как у тебя поворачивается язык? Если, по твоим словам, все это так просто, так — на, я дам тебе «бульдог», а ты докажи мне, что любишь, выстрелом...

Она иногда надевала свое лучшее платье с глубоким вырезом декольте и выходила на лестничную площадку, где подолгу простаивала, облокотясь на перила. Мужчины, проходившие мимо, как бы ненароком задевали ее.

Чего она хотела? Возбудить ревность в Довнаре? Или отомстить ему романом с другим? Не знаю.

Но зато мне известно, что Довнар в общем коридоре, где собирались вечерами постояльцы Сыросека, выражался об Ольге с явным презрением, давая повод думать о ней скверно.

Думаю, что он сознательно вынуждал ее и на измену, которая стала бы для него спасительным поводом для окончательного разрыва. Однажды, когда Довнара поблизости не было, Ольгу Палем неожиданно навестил грузинский князь Туманов.

— Я вам не надоел? Извините, что снова вмешиваюсь. У нас на Кавказе подобные отношения попросту невозможны.

— Здесь не Кавказ, — отмахнулась Ольга Палем.

— И все-таки, прошу, выслушайте меня... Неужели вы сами не видите, что так жить нельзя? Вы еще молоды, вы хороши. Стоит ли продлевать роман, опасный для вас обоих? Вы бы послушали, что говорят о вас квартиранты Сыросека.

— Черт с ними, пускай говорят, что им хочется. И не надо, князь, за меня вступаться, — раздраженно ответила Ольга Палем. — Наверное, я такая и есть, как обо мне судят.

— Но так же нельзя! — пылко воскликнул Туманов.

— Можно и так...

В этот момент ей почему-то показалось, что сейчас последует объяснение в любви. Но Туманов почтительно поцеловал ей руку и вышел, ничего не добавив к тому, что уже было сказано. Довнар вернулся пьяный, что бывало с ним очень редко. Она закрыла дверь между их комнатами на два оборота ключа, но он выбил ее ударами ноги.

— Еще жива? — осведомился, заваливая ее на постель. — Ты еще на что-то надеешься? Ну, так не ломайся...

Почти изнасилованная им, жестоко и отвратительно, Ольга Палем восприняла эту грубость как должное. «Так мне и надо, так мне и надо», — думала она.

— Заплати! — вдруг потребовала она у Довнара.

— Сколько? — усмехнулся он криво.

— Три рубля, не меньше.

Он отсчитал три копейки и швырнул их в лицо ей:

— Большего не стоишь... получи!

Пьяно вихляясь, стал куражиться:

— Ты все равно что дырка от бублика! Разве ты способна на большее? Вот я познакомился тут с одной дамой — не чета тебе. Знаешь, что она вытворяла?

Ольга Палем в ужасе закрыла лицо руками:

— Умоляю... не надо... молчи.

— Нет, ты слушай, — настаивал Довнар.

— Пощади... имей хоть каплю жалости! Зачем же тебе добивать меня, уже и без того растоптанную?

Довнар явно любовался ее унижением. Ее муками!

— Я тебе еще не то могу рассказать... хочешь?

И разом осекся, увидев дуло револьвера.

— С меня хватит. Выстрелю, — предупредила его Палем.

— В себя, в себя! — закричал Довнар, почти беснуясь, и, выкручивая женщине руку, он силком направлял дуло «бульдога» в ее грудь. — Вот так, вот так... теперь стреляй!

— Нет, — сказала Ольга Палем. — Еще рано...

Как-то она снова стояла на лестнице в соблазнительной позе, и к ней неожиданно подошел старик Сыросек.

— Слушай, девка, — грубо, но зато честно сказал он, — видеть мне тебя тошно. Хочешь, познакомлю с женихом?

— Смешно, — передернула плечами Палем.

— Порядочный человек. Лет сорок. Может, и больше. Зато коллежский. Опять-таки свой домишко на Песках. Не пьет, не курит, только на гуслях играет, а сам плачет... Ей-ей, — перекрестился Сыросек, — какого рожна тебе еще надобно?

Ольга Палем поняла, что старик искренно желает добра и жалеет ее, а потому поблагодарила:

— Спасибо, Петр Николаич, но вы лучше оставьте меня в покое... не мешайте мне погибать.

— Ума-то в тебе совсем нету, — обиделся Сыросек и на прощание врезал ей «леща» пониже спины столь душевно, как родной отец лупит дочь, живущую не по правилам...

Стоять на лестнице, глядя, как одни восходят по ней, кто легко, а кто с одышкою, а другие спускаются, со всеми здороваясь, ей почему-то нравилось. Вот и простаивала часами, не желая томиться одна в комнате, словно причастная к чужой суете, внимала чужому смеху и чужим песням. Где-то шумно пировали отставные ветераны-кавказцы, они, видать, здорово подпили, залихватски распевая о делах своих дедов:

> Грянули, ударили,
> понесли на брань
> и в секунду с четвертью
> взяли Эривань...

Под самое Рождество случилось то, чего так боялась Ольга Палем: Довнар укладывал белье в чемодан, твердя, что его терпению пришел конец, он должен как следует отдохнуть от истерик и скандалов, а заодно пора навестить мамочку.

Ольгу всю затрясло:

— Я ведь знаю, что ты не вернешься ко мне, а в Одессе тебя сделают врагом моим... Не уезжай, умоляю! Саша, Саша...

Довнар вдруг увидел стоявшую на трюмо ее фотографию, сделанную еще когда она была у Кандинского, и, выломав жесткий картон из рамочки, сунул фотографию в карман.

— Вот видишь, как я тебя люблю! — сказал с усмешкой, не предвещавшей ничего доброго. — Приеду в Одессу, повешу над своей кроватью и стану тобой любоваться...

Довнар уехал, а с нею случился нервный припадок.

Совсем чужие люди проявили к ней участие: кто побежал в аптеку, кто за доктором, князь Туманов вызвался дежурить воз-

ле ее постели. Врач Ипполит Твирбут, осмотрев больную, сказал, что требуется покой и чтобы никаких волнений.

— Вы, наверное, муж ее? — спросил он князя.

— Нет, сосед.

— В любом случае нельзя отходить от нее, почаще кладите на голову холодные компрессы. Не стану возражать, если вы усыпите ее хлоралом...

Далеко за полночь, когда в номерах Сыросека все давно уже спали, с лестницы раздался тихий осторожный звонок. Туманов вышел отворить двери и увидел... Довнара.

— Не пущу, — сказал ему князь. — Недавно был доктор и велел никого посторонних к ней не пускать.

— Но я-то ведь далеко не посторонний.

— Не пущу! Она едва успокоилась. Что передать?

Очевидно, Довнар понял, что горячая грузинская кровь сейчас взыграет. А потому он решил не настаивать далее и молча протянул князю увесистый кулек.

— Что это?

— Апельсины. Для нее.

— Сейчас-то зачем? — удивился Туманов.

— Рождество. Так принято. Чтобы делать подарки...

«Свинья», — не сказал, а только подумал князь.

Всю ночь он не отходил от постели Ольги Палем. Временами она металась, просила отворить окна настежь. Туманов ласково ее утешал, отсчитывал для нее дозу снотворного хлорала, но про кулек с апельсинами от Довнара сознательно умолчал, чтобы лишний раз не трепать ей нервы, и без того уже вконец измотанные.

Под утро Ольга Палем крепко уснула. Князь Туманов раскрыл учебник, но премудрость науки никак не лезла ему в голову. Слабый ночник едва высвечивал в темноте лицо спящей женщины, и она была теперь так хороша, так прекрасна в своем забытьи, что князь не выдержал. Он нагнулся и тихо поцеловал ее, ощутив холодок ее чистых и ровных зубов.

Ольга Палем улыбнулась ему, не просыпаясь...

Утром он вручил ей кулек с апельсинами.

— Ночью приходил Довнар, просил передать. Заодно он просил поздравить вас с наступающим Рождеством.

Что тут стало! Палем прижала кулек к груди:

— Зачем и вы обманываете меня? Я же знаю, что Довнар не способен на это... Вы! Именно вы дарите мне апельсины.

— Ольга Васильевна, зачем бы мне вас обманывать?

Она очень долго смотрела на его красивое лицо.

— Милый мой человек, — было сказано с кротостью, — скажите уж всю правду до конца... Давно ли вы любите меня? Ну, не стыдитесь. Да? Любите?

— Нет, — жестко отвечал он.

«Вот и напрасно... жаль», — подумала женщина.

И она забросила апельсины подальше.

...Здесь я поймал себя на опасной мысли, что, наверное, мужчина все-таки не способен к точному описанию психологии женщины. Думается, о женщинах откровенно и достоверно способна писать только сама женщина.

А для нас, для мужчин, многое остается сокрыто.

. . . .

Зато вот о мужчинах мне писать легче — особенно о подлецах, ибо я немало повидал их в своей чересчур сумбурной и не всегда праведной жизни...

Приехав в Одессу, Довнар повидался с Матеранским.

— Стефа, сознайся, ты по-прежнему балуешься с Эдельгейм?

— Изредка. Знаешь, я теперь живу... скромно. А девки у Фаньки балованные, любят всякие гостинцы.

Скупой Довнар щедро отсчитал другу десять рублей:

— Вот тебе на одну шикарную ночку.

— Что-то я не пойму тебя, Сашка.

Поверх денежной подачки Довнар возложил фотографию Ольги Палем, внизу которой была аолоченая надпись: «Одесса, Широкая, дом 17. Фотоателье г-на А. И. Горелика». Довнар просил приятеля оказать ему крохотную услугу:

— Там есть одна здоровая такая бабища — Зойка Ермолина, которая ведет картотеку всех девиц, заодно собирает их фотографии, чтобы ни одна не смогла вырваться из борделя замуж... Ты возьми эту фотографию, и пусть она украсит музей заведения госпожи Фаины Эдельгейм.

Стефан Матеранский простецки почесал себя за ухом:

— Понимаю. Ольга тебя оставила. Жаждешь отмщения?

— Не такой я мужчина, чтобы меня оставила женщина, я сам оставлю любую.

Тем временем Александра Михайловна тоже не сидела без дела. Если в былые времена эта почтенная дама называла Ольгу Палем в письмах «уважаемая Ольга Васильевна», то теперь повадилась по одесским юристам, чтобы, как она говорила, «вывести на чистую воду эту аферистку, к тому же еще и не наших кровей...». В один из вечеров она возвратилась к своему семейному очагу, очень собой довольная:

— Сашенька, поздравь свою умную мамулечку. Кажется, мне

кое-что удалось сегодня... Адольф Викторович — ты его знаешь — был настолько любезен, что дал мне рекомендательное письмо к петербургскому адвокату Серебряному, который хоть самого черта лысого обманет... Ты с ним повидаешься в Петербурге, он тебя научит, как удобнее раздавить эту мерзавку!

В разговоре с сыном она вдруг хлопнула себя по лбу:

— Ах, дура! Как это раньше не пришло мне в голову? Надо обязательно повидать и Кандинского... Видишь, я согласна вынести любое унижение, лишь бы моему сыночку было хорошо!

Ее замысел был прост и ясен: если Кандинский перестанет высылать деньги Ольге Палем, тогда, сильно отощав, эта гадюка сама выползет из своей норы в поисках пропитания. А если она покинет Петербург, ее Сашенька сделается свободен, дурацкая же «подписка», данная им Кухарскому, мигом обернется пустой бумажкой. С такими-то вот настроениями, заранее уверенная в успехе, Александра Михайловна появилась в конторе Кандинского.

— Василий Васильевич, — умильно начала она, уже неспособная играть очами, зато очень искусно игравшая зонтиком, — вы помните, какой чудесный человек был мой первый супруг, как он любил и уважал вас... не забыли?

Вася-Вася насторожился, посерев лицом, а его уши, и без того длинные, вытянулись еще больше. Он молча проглотил все, что подала ему мадам Шмидт с пылу, с жару, — и то, что Ольга Палем развратилась, что она такая-сякая, что по ней давно плачет сахалинская тачка, что она...

— Надеюсь, вы сами поняли мое намерение предостеречь вас, дабы эта негодница более не испытывала доброту вашего чистого сердца. Неужели вам самому не жалко своих денег, которые вы столь щедро отсыпаете для ее разврата?

Кандинский все понял. Поднялся из-за стола:

— Значит, вам угодно, чтобы Ольга Палем осталась без денег и, не имея в Петербурге ни друзей, ни родных...

— Так, так, так, — закивала мадам Шмидт.

Кандинский долго вытягивал из кармана обширный платок, расписанный пляшущими чертями и бесенятами, потом обстоятельно растряс его в длани, высморкался — как выстрелил из пушки. Взмахнул платком, словно развернутым флагом, указуя на дверь.

— Вон! — произнес он краткое резюме.

— Что, что, что? — не сразу поняла Шмидт.

— Я сказал ясно — прочь отсюда, халда старая, и скажи спасибо, что я не зову конторщиков, которые выведут тебя под руки и дадут коленом под ж..., чтобы ты враз поумнела.

Дама выкатилась, а Кандинский вызвал бухгалтера:

— Вы приготовили перевод денег для госпожи Палем?

— Как положено. Я помню.

— Только учитывайте подписанные ею квитанции. В остальном же продолжайте высылать ей пособие, как это заведено...

Довнар уже давно низко пал в моих глазах.

Зато еще выше поднялась тщедушная фигура Кандинского.

ПО ЗАКОНАМ ПОДЛОСТИ

Читатель догадался и сам, что за время рождественских вакаций, проведенных в Одессе, благостные порывы в душе Довнара еще круче перемешались с давно вызревавшей ненавистью.

Мамочка, конечно, весьма в этом преуспела, и Довнар — под энергичные стуки колес, равнодушно поглядывая в окно вагона, — вспомнив Ольгу, реже испытывал жалость, зато слишком часто переживал яростное бешенство. Среди провожавших его на одесском вокзале была и кузина Зиночка Круссер (с ее «очаровательным кончиком»), и мать потихоньку шепнула сыну: «Зинуся получает в наследство от тетки богатый хутор на Черниговщине... соображай сам, что земля сейчас в большой цене!»

Паровоз, безжалостно разрезая российские пространства с юга на север, кричал истошно и надрывно, словно человек, предвещавший неотвратимое бедствие. Довнар «соображал»...

Теперь в его бумажнике покоилось рекомендательное письмо к присяжному поверенному Серебряному, для ублажения которого приготовлено 500 рублей — вроде задатка, сумма которого способна потрясти любое воображение. Провожая сына в обратный путь, Александра Михайловна дала ему ценные указания:

— Если этот хапуга Серебряный скривит морду, ты скажи ему, что мы готовы пожертвовать и коробкой в сотню дорогих сигар. Но ничего больше не обещай, сам знаешь, что эти проклятые Цицероны обожают гонорары, а сами наболтают — и ничего не сделают. Будь умнее!..

Всю дорогу до Петербурга студент-путеец мучился.

Пачка любовных писем, виденная Довнаром в руках инспектора Кухарского, не давала ему покоя. «Вот глупец, — размышлял он, укоряя себя. — Надавал этой... всяких заверений, а теперь... Теперь она будет трясти этими письмами направо и налево, шантажировать!»

Поезд близился к столице, и Довнар предчувствовал, что Ольга Палем, возможно, каждый день караулит его на перроне Варшав-

ского вокзала. Чтобы избежать крайне нежелательной встречи с ней, Довнар умышленно не доехал до Петербурга и вышел с чемоданом на платформе Александровская, примыкавшей к паркам Царского Села.

Под станционными часами станции он увидел жалкую фигурку Ольги Палем. Она ждала именно там, где его не могло быть.

— Ты, часом, не колдунья? — донеслось вместо приветствия.

— Нет, я теперь святая, — услышал он издали...

Смех Довнара был надрывным, наигранным:

— А я-то думал, что ты давно застрелилась.

— Выходит, ты об этом мечтаешь?

— Но ты же обещала.

— Вот уж не думала, что ты такой подлец...

Довнар вовремя сменил гнев на милость:

— Ладно. Я пошутил. Но все-таки сознайся, как ты могла догадаться встретить меня именно здесь, а не на перроне Варшавского вокзала?

Никакого секрета здесь не было. Ольга Палем слишком хорошо изучила Довнара, а чисто женское чутье подсказало, что он попытается избежать встречи с нею, и не умом, так сердцем женщина догадалась, что Довнар сойдет с поезда именно на этой загородной платформе. Так звери чуют то, что замышляют люди, считающие себя умнее зверей.

Она взяла его под руку, насмешливо спросив:

— Надеюсь, ты часто разглядывал мою фотографию?

— Да. Посматривал. Раньше ты была моложе.

— Не хами! Я такая же, как и раньше, только вот ты сделался совсем другим.

— Старше?

— Нет. Хуже... Не будем ссориться. Едем.

В столицу они вернулись царскосельским поездом, вышли на площадь перед вокзалом. Довнар поставил чемодан на тумбу. Она ждала. Он посмотрел на нее — и не узнал... «Желтое лицо с провалившимися лихорадочными глазами возбуждало ужас и жалость. За одну зиму Ольга Палем состарилась на несколько лет» — так писал очевидец событий.

— Ты получила от меня кулек с апельсинами?

— Не видела я от тебя никаких апельсинов...

Довнар, пожимая плечами, долго молчал, думая, наверное, о князе Туманове, который сожрал все его апельсины.

— Не молчи. Что дальше? — потребовала Ольга Палем.

— Извини, — вдруг засобирался он. — Я не желаю больше хранить верность расписке, данной Кухарскому. Хотя бы по той причине, что в номерах Сыросека проживает и этот грузинский

красавец Туманов, вызывающий во мне физиологическое отвращение... Извозчик! — закричал Довнар, увидев свободную пролетку, и, забросив в нее чемодан, отъехал, оставив Ольгу Палем посреди вокзальной площади.

— Саша, — не крикнула, а лишь прошептала она...

Наитие привело ее на платформу Александровской станции, оно же подсказало, что Довнара надо искать в Демидовом переулке, где проживал его новый приятель студент Панов, и убедилась в правоте своих домыслов, когда Довнар, вызванный запиской на улицу, вышел в наспех накинутой шинели.

— До чего же ты настойчива! — с раздражением сказал он. — Не буду скрывать, что ты иногда бываешь очень нужна мне. Но только как самка. Давай сразу договоримся. И рассудим все если не душевно, так плотски. Согласна?

Она медлила с ответом. Тихо падал снежок.

— Саша, — вдруг сказала она, — у тебя совсем износилось пальто, пуговицы едва держатся. Можно я поухаживаю за тобой?

...Женщины, подскажите мне — верить ли?..

. . . .

Присяжный поверенный Серебряный (имя и отчество которого я позабыл) славился в Петербурге своим виртуозным ловкачеством, служа не столько при весах Фемиды, сколько при троне всепожирающей Маммоны, о которой еще в Новом завете начертано как о злом духе, способствующем обогащению.

500 рублей он спрятал в карман сюртука с таким брезгливым видом, словно Довнар подсунул ему какую-то дрянь.

— Надеюсь, это лишь аванс, — напомнил Серебряный. — Итак, молодой человек, я весь к вашим услугам...

По изложении Довнаром сути вопроса о выселении Ольги Палем из столицы Серебряный изобразил на своем холеном лице важное глубокомыслие, свойственное мудрецам древности.

— Если дело было только «доложено», его всегда можно «переложить», дабы в градоначальстве возникли инсинуации, в корне изменяющие прежний взгляд на этот вопрос. Сфера нашего воздействия не ограничена и... сколько вы мне дали?

— Пятьсот. Но в случае, если выселение Палем состоится, с моей стороны последует подношение вам роскошной коробки с сотнею лучших сигар.

— Но при этом прошу учесть, что фирма «Петит букет» меня не прельщает, я курю исключительно сигары фасона «Пан телас империалис»... Теперь напрягитесь, дабы подсказать мне те насущные мотивы, кои я мог бы развить в этом деле. Ведь для

выселения из столицы требуются весомые факторы, дабы активно воздействовать на канцелярию столичного градоначальника... Надеюсь, она глубоко безнравственна и порочна?

— Кто? — очнулся Довнар, заговоренный адвокатом.

— Ну, вот эта... штучка. Как ее? Палем, кажется...

Довнар толчками приблизил свой стул к адвокату.

— Осмелюсь известить вас, — почти радостно зачастил он, — что в одесском притоне мадам Фаины Эдельгейм до сих пор хранится фотография Ольги Палем, что красноречиво доказывает прежний род ее постыдных занятий.

— Отлично, — одобрил его Серебряный. — Через одесскую полицию затребуем фотографию для приобщения ее к нашему делу, о котором никто не скажет, что оно шито белыми нитками. Но этого, увы, мало... Смелее, молодой человек, инкриминируйте что-нибудь эдакое в адрес этой особы.

Довнар уже перегнулся через стол, сообщая Серебряному зловещим шепотом — как нечто ужасное:

— К тому же она, простите, еврейка...

Серебряный сам был иудеем, но в таких делах, когда вопрос касается кармана, национальные и религиозные признаки можно отстранить, как мешающие служению великой правде-Маммоне.

— Что ж, на этом тоже можно сыграть, — изрек он. — Столица империи все-таки, согласитесь, не резиновая, чтобы под ее крышами умещались... всякие. Продолжайте, пожалуйста.

Если бы Довнар был умнее и проницательнее, он бы сразу заметил, что Серебряный высиживает цыплят из яиц, уже давно сваренных. Присяжный поверенный лишь изображает внимание, отрабатывая полученный аванс, а выселять Ольгу Палем никогда не станет. Довнар между тем воодушевился, признавшись в главном, что его мучило:

— Вы понимаете, ошибка молодости... порыв души и так далее. Все это вылилось в письмах, адресованных мною госпоже Палем, и я боюсь, что она использует этот факт против меня. Желательно было бы конфисковать у нее эти письма.

Серебряный имел связи в полиции, изъять письма не составляло труда, но он изобразил озабоченность:

— Ах, как вы были неосторожны! Разве можно оставлять женщинам документы о любви? Что вы хоть там ей писали?

— Обещал жениться...

— Кошмар! — выразился Серебряный. — Я, конечно, попытаюсь кое-что сделать. Но это трудно. Очень трудно...

Обнадеженный, Довнар испытывал теперь надобность в женщине, ради чего и вызвал Ольгу Палем на свидание. Для этого он

заранее снял номер в гостинице «Европа» у Чернышева моста, что возле Малого (Суворинского) театра.

Ольга Палем явилась на зов его плоти и честно старалась быть «вулканом страсти», втайне надеясь, что своим телом привяжет Довнара к своей душе. Она, понятно, не могла знать, какую подлость замышляет против нее Довнар, и на другой же день отправила ему записку, которую даже сейчас (столетие спустя) мне было очень больно читать.

Вот она, эта записка: «Милый, я так счастлива, я так много и жадно надышалась тобою вчера...»

Довнар эту записку с хохотом показал Панову:

— Видишь? Я же говорил, что она без ума от меня... дура!

— Конечно, дура, — согласился Панов. — Но и ты, братец, нисколько не умнее ее...

. . . .

12 февраля 1894 года владелец меблированных комнат господин Сыросек был страшно перепуган, когда в его тишайшие владения вдруг с гамом и топотом вломилась полиция.

Агент сыскного отдела Красов потребовал:

— Проводите в комнаты госпожи Палем.

— А что случилось?

В этот момент Сыросек отчего-то решил, что Ольга Палем — хитрущая террористка, которую давно ищут, и сейчас у нее под подушкой найдут страшную бомбу, предназначенную для подрыва устоев самодержавия, доселе, слава те, господи, нерушимых.

Красов приступил к исполнению обязанностей:

— Мадам, не заставляйте нас проводить обыск по всем правилам. Все раскидаем, все разроем, перину вспорем, обои от стенок отдерем. Лучше сами верните письма Довнара...

Навидавшийся на своем веку всякого, Красов позже признавал, что ему тогда было и стыдно, и тяжко: «Уж очень плакала, уж очень убивалась Ольга Васильевна, она даже целовала письма Довнара и, рыдая, говорила: «И это, даже это у меня отнимают...» Красов на прощание извинился:

— Не имейте на меня сердца, мадам. Такова служба...

Присяжный поверенный Серебряный честно отработал аванс, и Александра Михайловна из Одессы поздравила сыночка с первым успехом на благодатной ниве российского правосудия. Довнар отписывал матери, что жалобы Палем теперь всюду отвергаемы как неосновательные. Зато вопрос о сигарах для господина Серебряного — этот вопрос как бы растаял в облаках табачного дыма, ибо мадам Шмидт трезво рассудила, что Серебряный, хапуга, не сделал еще самого главного.

Ольга Палем не была выслана из Санкт-Петербурга.

Князь Туманов предупредил ее в эти дни:

— Не желаю становиться навязчив, но все-таки выслушайте меня. Зачем вам бывать в Демидовом переулке? Вы удивляете меня своим упрямством в поисках того, чего быть не может. Кажется, ни одна женщина не способна выносить столько унижений, какие выпали на вашу долю. Пожалейте себя. Прошу вас.

— Спасибо, князь. Вы, как всегда, правы, — отвечала ему Палем. — Но еще больнее быть униженной в ваших глазах. Мне стыдно. Да. Сама презираю себя, но... такова уж есть!

С хозяином она расплатилась за комнату.

— Или не угодил я тебе? Живи, бог с тобою.

— Я и без того благодарна вам, — отвечала Ольга Палем. — Вы добрый человек. Но здесь я была слишком несчастна. Мне тяжело оставаться у вас, буду искать новое место, где меня никто не знает и я всем чужая. Так легче.

Сыросек совал ей шестнадцать рублей обратно:

— Да ну тя к лешему, дуреха такая! Небось и самой-то не хватает... Да и кудыть же ты теперича?

— Ах, и сама не ведаю. Вот найму извозчика, и пусть прокатит меня хоть до «Пале-Рояля». Мне теперь все равно...

«ПАЛЕ-РОЯЛЬ»

Разве тут уснешь? Ей мешала певичка из сада «Буфф», с утра тренировавшая голос для услаждения гуляющей публики:

Мне ночные развлеченья
не приносят наслажденья,
от своей душевной муки
я давно страдаю так,
что надеть решила брюки
и коротенький пиджак...

По коридорам шатались непризнанные гении — пьяные, пьяненькие и абсолютно трезвые, но жаждавшие похмелиться. Ольга Палем лежала в своем номере, с головой накрывшись одеялом, а до нее все равно долетали голоса соседей из коридора:

— А в России что — личностей уж и не стало?

— Были. Но перевелись.

— Позвольте, сочту своим долгом вмешаться.

— Не позволим. Ни в коем случае...

Казалось, в «Пале-Рояле» жили и стены. Слева слышалось:

— Еще одно слово — и я за себя не отвечаю.

А справа истошно взвизгивал женский голос:

— Что угодно! Только не это, только не это, только не это...

История «Пале-Рояля» еще не начертана, и мне — жаль.

Скромнейший памятник Пушкину в убогом скверике, установленный в 1884 году, заставил и Новую Компанейскую улицу переименоваться в Пушкинскую. Громадный доходный дом № 20, принадлежавший господину Н. Ф. Немилову, сделался традиционным обиталищем всей петербургской богемы.

Боже, кого только не видели эти выносливые стены!

Здесь проживали на покое отставные актеры, когда-то потрясавшие Сюзьму или Царевококшайск, а теперь согласные за полтинник выйти на столичную сцену, чтобы сказать «кушать подано». Томимые угрожающим предчувствием гонораров (от рубля и выше), слонялись без дела молодые поэты, за пирожок с капустой всегда готовые сочинить сонет на любую тему. По утрам в «Пале-Рояль» возвращались потрепанные дамы полусвета, пахнущие духами от Ралле и коньяком фирмы Шустова. В ожидании выгодных ангажементов молодящиеся актрисы приучали своих взрослых дочерей называть их «сестрицами».

Наконец, мне было странно узнать, что как раз в то время, когда здесь появилась Ольга Палем, в «Пале-Рояле» селились два подлинных гения — молодой Федор Шаляпин, еще не вкусивший славы, и Мамонт Дальский, славы уже вкусивший...

Ольга Палем жила тишайше, словно мышка, для поимки которой всюду расставлены ловушки с приманками. На одиноких женщин всегда особый спрос среди мужского отродья, и по ночам Ольга Палем не раз сжималась под одеялом, когда в двери тихо стучались, нашептывая в замочную скважину трагическим басом или волшебным тенором:

— Не угодно ли разделить одиночество с загубленным талантом, который завтра воспрянет, чтобы потрясти мир?..

Убого мерцала лампочка под высоченным потолком неуютного номера, в портьерах водились кусачие блохи, а в углу, перед иконой «Утоли моя печали», трепетно мигала лампадка.

В такие вот дни, отверженная и оскорбленная, Ольга Палем сделалась вдруг неистово набожной, ездила в Кронштадт, чтобы коснуться ризы Иоанна Кронштадтского, за Невской заставой она искала утешения у пророчицы Матрены-Босоножки, горячившей себя чистым денатуратом, и всюду истово каялась, как великая грешница, просила боженьку не оставлять ее в своих милостях... Удивляться тут нечему! Новообращенные прозелиты впадают в религиозный экстаз более чувственно, нежели те, кто перенял веру от предков своих.

К этому я вот еще что добавлю. Было замечено (и не мной, а

людьми, знавшими ее), что Ольга Палем, попав в среду образованных людей, которые были намного выше ее, становилась неестественной, вела себя вызывающе и капризно, выдумывала о себе всякие басни, силясь поднять реноме своей персоны. И, напротив, в обществе людей простых, не блиставших интеллектом, Ольга Палем и сама становилась проста, для всех находила ласковые слова, ее любили за доброту сердца.

Так же случилось и в «Пале-Рояле»! Она страшилась его гулких и таинственных коридоров, где с утра до ночи толклись непонятные люди, судившие о Гамлете или Отелло как о своих близких приятелях, ее пугали мрачные трагики, провожавшие женщину зловещим хохотом кощунственного вопроса: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?..» Возвращаясь с прогулок, Ольга Палем торопливо взбегала по широким лестницам Пале-Рояля на верхний этаж и замыкалась в своей комнате.

Понятно, почему подругу для своих мучительных излияний она избрала не в муравейнике этажей и номеров, а в глубине подвалов «Пале-Рояля», где селилась безмужняя прачка Анюта Маслова с девочкой Соней, прижитой от солдата.

С прачкой ей было хорошо, притворяться не надо было.

Для нее Ольга Палем неизменно ставила бутыль с водкою, готовила немудреную закуску с неизбежной селедкой, а потом плакала, горевала, жаловалась... Вот Анюта Маслова ее понимала:

— Вопче нам, бабам, от энтих мужиков спасу не стало. Одни убытки и никакого тебе удовольствия. Будь я царицей, так я бы всех мужчинков, которые в штанах бегают, на Сахалин сослала. Чтоб они и треснули тамотко, окаянные... Бывалоча, приппандорит такой, соловьем изливается, а на уме-то у него только одно: как бы мою слабость поскорее использовать!

— Лезут, — отвечала Ольга Палем, расширив глаза. — Не успеешь уснуть, а они уже скребутся.

— Мыши-то?

— Да нет, мужчины. Спать не дают.

— Терпи! — поучала ее Анютка, вправляя под платок рыжие волосы. — Такова уж наша доля, чтобы терпеть...

Но однажды, приникнув к уху Палем, прачка сообщила:

— Слышь-ка! Хороший человек живет в сто тринадцатом номере. И, кажись, глаз на тебя имеет.

— Господи, да кто ж это такой?

— Отставной поручик Лопатин, от жены сбежавший, нонеча ен в «Пале-Рояле» прячется. Пенсию ему определили по службе за веру, царя и отечество. Живет — не тужит. Слыхивала, в Европы сбирается, чтобы тамошним людям себя показать... Ты не

проходи мимо. Хватайся! Хороший человек-то, говорю. Уже с пенсией.

К вину равнодушная, Ольга Палем никогда водки не пробовала, а тут — в компании с прачкой — решила испытать, что это такое, от чего люди с ума сходят. Почти с ужасом, стараясь не дышать, она тянула и тянула из стакана, а Маслова шлепала себя по жирным ляжкам красными от стирки ладонями:

— Пейдодна, пейдодна, пейдодна, пей... легче станет!

Ольга Палем опустошила стакан, вытаращила глаза:

— Анечка, а что теперь со мной будет?

Та воткнула в рот ей соленый огурец:

— Хрусти! А ничего не будет. Вместях поплачем...

Напились две бабы и плакали при закрытых дверях, чтобы никто не видел их, горемычных. Страшась одиночества, особенно пакостного среди людей, Палем просила Маслову дать ей свою дочку — пожить в номере. Сонечка освоилась быстро, спали они на одной кровати, Ольга Палем прижимала к себе девочку, придумывая для нее сказки...

В такие моменты ей очень хотелось иметь ребенка!

Спору нет, чужая для всех, в «Пале-Рояле» Ольга Палем была своей и понятной для служанок, полотеров и коридорных подметал, никогда не забывала вежливо поздороваться с дворником, чего, кстати сказать, никогда не делали гении, таланты, корифеи и прочие дарования.

Но иногда, словно долгожданный великий праздник, случались такие дни, когда швейцар просовывал в дверную щель ее комнаты записку от Довнара — с призывом явиться туда-то и в такое-то время, и этот совсем не душевный призыв завершался всеобъясняющей фразой: «Не забудь прихватить кружку Эсмарха».

Ольга Палем тревожно собиралась:

— Сонечка, ты побудь сегодня одна. Тетя Оля завтра утром вернется, она купит тебе книжку с картинками...

Отправляясь на свидание с Довнаром, Ольга Палем являлась к нему под густою вуалью, пряча свое лицо, словно люди догадывались о ее женском позоре.

. . . .

Читатель, простим ее. Понять трудно, но простить надо.

Ольга Палем еще продолжала верить, что, отдав Довнару четыре года жизни (лучшие свои годы!), она обрела на него права, которые когда-нибудь позволит ей назвать его своим мужем.

Но ее женская — часто женская! — логика казалась Довнару

безумием. После одной из таких ночей он исхлестал ее ремнем, словно приблудную собачонку, крича:

— Сумасшедшая... дура! С тобой хорошо только в темноте, а днем ты никому не нужна. Неужели самой-то тебе не понять?

Нет, не понимала. Панов, новый приятель Довнара, не раз предупреждал его, чтобы оставил свои шутки с огнем:

— Женщины, как научно доказал французский профессор психологии Сигиле, бывают даже более жестоки, нежели наше поганое отродье, и поступки их зачастую непредсказуемы... Разве тебе, олуху царя небесного, не страшно встречаться с ней?

— Глупости, — небрежно отвечал Довнар, бравируя своей властью над женщиной. — Эта стерва способна только на истерики да обмороки, но у нее не хватит духу ни на что другое.

— Не знаю, не знаю, — сомневался Панов. — Я бы на твоем месте не стал испытывать судьбу.

— Ерунда все это, — убежденно говорил Довнар. — Моя пассия по-прежнему остается удобной во всех отношениях. Сама за все расплачивается — даже в ресторане. Чистоплотна. Фигура — залюбуешься. Чего же еще желать от женщины?

Вот это уже настоящее свинство! С одной стороны, он жестоко преследовал Ольгу Палем, именно по его изветам полиция вторгалась в ее жизнь, отняв даже любовные письма, а с другой стороны, человек мелочный и не в меру эгоистичный, Довнар не прерывал с нею близких отношений, на которые она, раз и навсегда опозоренная, всегда охотно отзывалась, лишь бы с ним не расставаться...

Что это? Любовь? Страсть? Привычка?

Не знаю.

Об этом несоответствии надо бы спрашивать не у меня, а у женщин. Может быть, одни только женщины могут верно растолковать необъяснимые для меня поступки Ольги Палем.

...Теперь их встречи происходили в случайных местах, обычно в малоприличных номерах «Палермо», «Сан-Ремо», у Яхимовича или в доме свиданий Цейтлера. На одну только ночь они снимали номер, за который расплачивался Довнар, предоставляя ей право платить за ужин с шампанским.

Однажды, решив вызвать ревность в Довнаре, Ольга Палем пустилась на выдумки, раздувая из мухи слона:

— Не скрою, что за мной в «Пале-Рояле» серьезно ухаживает солидный поручик лейб-гвардии Лопатин.

(Этого Лопатина, кстати, она ни разу не видела.)

— Откуда это он залетел? — лениво поинтересовался Довнар.

— Из сто тринадцатого номера. Можешь проверить.

— Ну и что? — равнодушно хмыкнул Довнар.

Фантазии Палем хватило лишь на очень наивную выдумку:

— Он собирается состоять атташе при странах Европы, а меня упрашивает, чтобы я при нем состояла... как жена!

— Как же! — высмеял ее Довнар. — Только вас в Европе и не хватало. Путайся с кем хочешь, только не завирайся...

Ее ложь не произвела на Довнара никакого впечатления, ибо за четыре года он тоже хорошо изучил ее. Иногда, испытывая наслаждение от собственного садизма, Довнар приставал к ней — когда серьезно, а когда и даже шутливо:

— Слушай, а когда ты сделаешь пиф-паф?

— Давай вместе... а? — предложила она однажды...

Довнар был немало испуган, обнаружив, что Палем не расстается со своим «бульдогом» и при свиданиях с ним прячет его в своем ридикюле. Он сказал, чтобы она не дурила:

— Даже любимая лошадь может и нечаянно убить хозяина копытом, а револьверы марки «бульдог» обладают дурной привычкой выстреливать, когда их об этом никто не просит.

Во время подобных свиданий женщина уже не просила о розах брачного Гименея, но признаний в любви требовала по-прежнему. Довнар даже удивлялся ей:

— Все-таки ты неисправима. Ну зачем тебе мои признания, если встречаться можно и так, не тратя времени на банальные слова, от которых ничто не изменится...

Довнар стоял возле окна, глядя на улицу, и тут за его спиной что-то вдруг щелкнуло.

— Обернись, — потребовала она.

Довнар обернулся и увидел жуткий зрачок револьвера.

А выше сверкали блуждающие глаза Ольги Палем.

— Я не шучу, — сказала она. — На колени!

По выражению ее лица Довнар понял, что сейчас она способна на все, и он с грохотом пал перед нею ниц.

— Молись, — велела она ему.

Довнар пополз к ней, моля о пощаде;

— Олечка, счастье мое, светик... прости! Не надо...

— Считаю до трех. Если не сознаешься в том, что любишь меня, как раньше, я... я стреляю. Стреляю! Раз...

— Люблю! — закричал Довнар, в ужасе отпрянув от нее и забиваясь в угол. — Неужели не веришь? Люблю, люблю, люблю...

Ольга Палем отбросила «бульдог» на диван.

— Да врешь ты все, — устало сказала она. — Вылезай из уг-

ла... всю пылищу собрал. И не позорься... Я ведь чувствую, что твои слова не от любви, а от страха.

Довнару стало стыдно, он отряхнул брюки.

— Вообще-то, — сказал как можно равнодушнее, — ты, конечно, права. Я здорово испугался. Потому что ты сумасшедшая.

После каждого такого свидания его в сильном волнении поджидал студент Панов, всякий раз радуясь видеть Довнара живым.

— Ох, смотри, Сашка, когда-нибудь не вернешься. Но я на твои похороны не пойду. С чего бы мне таскать гроб, в котором будет валяться такой здоровенный дурень.

Неожиданно Довнар повстречал в Институте Кухарского.

— Молодой человек, — был его вопрос, — надеюсь, вы неукоснительно соблюдаете условия той подписки, которую дали во время оно в моем кабинете?

Довнар отвесил инспектору учтивый поклон:

— Конечно, ваше превосходительство. Стоит ли думать обо мне дурно? Я же благородный человек, умею держать слово.

— Очень рад и готов вам верить. Всего доброго.

ОСКОРБЛЕНИЕ

«Пале-Рояль» давно опостылел, но искать другое убежище не хотелось, а Кандинский, как бы чуя смятение Ольги, настойчиво звал ее в Одессу, и порою казалось, что все еще можно начать сначала — хоть с табачной лавчонки грека Катараксиса.

Теперь, когда ее навещала веселая прачка Маслова, она уже не отказывалась от водки, а потом, раскисшая и шлепогубая, Ольга Палем безжалостно потрошила перед прачкой свою загубленную душу, судила перед ней...

Судила — кого? Да, кажется, в с е х!

В эти дни одна только Сонечка была ее утешением, она учила девочку грамоте, ласкала ее и баловала, даже купила ей глобус и, сама плохо знакомая с географией, вращала земной шар, вычитывая названия материков и океанов:

— Вот это, видишь, Африка, запомни. Там живут одни негры. Туда мы с тобой не поедем. А вот, гляди, и Черное море, вот и Одесса, где я была когда-то счастливой. А сейчас найдем Петербург, где я стала несчастной...

Неожиданно, словно довершая все беды, ее вызвали в полицейское управление столицы. Встревоженная, Ольга Палем явилась на Гороховую, там ее принял молодой чиновник — следователь, который был неукоснительно вежлив:

— Садитесь. У меня к вам только один вопрос деликатного свойства... Вам знакома эта фотография?

Он показал фотокарточку той давней поры, когда она позировала в фотоателье на Широкой улице в Одессе.

— Да. Это я, — пролепетала она.

— Подтверждаете, что это именно вы?

— Конечно. А как она к вам попала?

Следователь отложил фотографию в сторону:

— Чем вы можете объяснить, что эта карточка оказалась в одесском заведении Фаины Эдельгейм? Обычно фотографии показывают гостям, дабы они выбрали девицу по вкусу? Может, вы сразу признаетесь, что служили в доме терпимости?

— Да что вы! Господь с вами, — отозвалась Ольга Палем, ошеломленная услышанным.

— А как же эта карточка оказалась в публичном доме?

— Ума не приложу.

Следователь убрал фотографию со стола, вздохнул:

— У меня вопросов более нет. Можете идти. Но дело о вашем выселении из Петербурга будет решено не в вашу пользу. Вы уж извините, но сами не маленькая, все понимаете...

Ничего она не понимала! Да и понять было невозможно.

Ольга Палем, почти раздавленная позором, вернулась в «Пале-Рояль», и этот несуразный домина, переполненный постояльцами, показался ей раем небесным. Сонечку она послала за матерью:

— Сбегай в прачечную. Пусть мама придет.

В этот вечер она напилась так, что ничего не помнила.

Очнулась только под утро и с ужасом увидела, что девочка играет с ее «бульдогом», радуясь новой игрушке.

— Дай сюда! — хрипло заорала Ольга Палем. — Это что тебе? Кукла? Еще раз увижу, так все уши оборву и прогоню к матери, вот и полоскайся там в своем подвале...

Анютка Маслова принесла под передником полбутылки:

— Башка-то небось трещит? Похмелимся маненько, да я пойду. У меня там полная лохань белья от поручика Лопатина. Такая рвань, что впору выбросить. По всему видать, с пенсии-то не проживешь. Так что, милая, ежели он начнет к тебе липнуть, ты его шугани подалее... Ну, давай, что ли? Чокнемся...

За окном просветлело, зачирикали воробьи, радуясь жизни. Начинался день 16 мая 1894 года.

Ольга Палем провела этот день в дремоте, даже не вставая с постели, а вечером швейцар подкинул ей в номер записку от Довнара, извещавшего, что он будет ждать ее опять в гостинице «Европа». 21-й номер на двоих снят до 17 мая.

Больно стучало в висках: «Не ходи, не ходи, не ходи...»

Ольга Палем стала прихорашиваться перед зеркалом.
— Соня, я сегодня не слишком страшная?
— Тетя Оля хорошенькая, — похвалила ее девочка.
На этот раз Довнар в своем приглашении о кружке Эсмарха не упоминал, наверное, зная, что сама догадается. Она, конечно, не забыла о ней. Но, уже далеко отойдя от «Пале-Рояля», прибежала обратно, сильно встревоженная.
— Ты чего вернулась, тетя Оленька?
— Да так. Кое-что забыла...
Она вспомнила о револьвере, который снова мог оказаться в руках ребенка, потому и вернулась. Так спокойнее!
— Веди себя хорошо, ложись пораньше, а по коридорам не шляйся, — наказала она Сонечке, укладывая «бульдог» в свой ридикюль. — Тетя Оля завтра утром вернется, и мы снова будем крутить глобус. Ты запомнила, где Одесса, а где река Амур?
И она скрыла свое лицо под густою вуалью.

. . . .

Известно все. Даже то, что Довнар имел при себе три рубля, но тратить их не пожелал, как всегда надеясь на щедрость Ольги Палем, которая оплатила ресторанный счет на восемь рублей, после чего у нее в кошельке осталось еще 9 рублей и 30 копеек.
В ресторане гостиницы «Европа», где они ужинали, до полуночи играл румынский оркестр, и томный красавец Тадеску, полусонно блуждая со скрипкою среди столиков, крючком изогнулся подле Ольги Палем, которая показалась ему обворожительной, и исполнил специально для нее молдавскую песню.
Внимая мотивам Тадеску, она невольно припомнила хутор под Аккерманом, крики петухов на рассвете, пастухов, играющих на скрипках, и скромнейшего юнкера Сережу Лукьянова, которого она так и не поцеловала.
— Благодарю, — сказала Ольга Палем скрипачу, невольно залюбовавшись сиянием шампанского в своем бокале...
В этот миг жизнь представлялась ей снова волшебной!
— Что он пел тебе, этот валах? — спросил Довнар, когда по широкой лестнице они поднимались в свой номер.
— А я разве знаю? Пел, и все тут... Но — для меня!
— Жаль, что я не прогнал его от нашего столика.
— Ревнуешь? Даже к скрипачу? Меня это радует.
— Просто я тебя сегодня... люблю, — сознался Довнар. — Ты какая-то особенная. Тобою хочется любоваться. И мне очень приятно, как ты покорной овечкой сама идешь на заклание...
Они говорили, и было так хорошо, как будто оба вернулись в старые одесские ночи, пропитанные ароматом отцветающих акаций.

Ночь, пронизанная страстью, миновала быстро.
За окном светало. Наступал новый день — 17 мая...
— О господи, — заохал Довнар, — как подумаю, что опять эти лекции, опять эта суета... осточертело!
Нехотя он одевался, жалуясь, что не выспался. Наверное, Довнар, как всегда после подобных свиданий, раскаивался в том, что сам же я виноват в несносно затянувшемся продолжении их романа.
— Кстати, — сказал он, зевая, — ты гоаорила о каком-то поручике Лопатине, звавшем тебя куда-то ехать. Может, и в самом деле стоит подумать о том, как устроить судьбу... без меня. Не обижайся. Но ты и сама видишь, что ближайшие годы, пока не получу диплома инженера-путейца, мое будущее неопределенно, я сам себе не хозяин.
Ольга Палем уже привыкла к тому, что по утрам, когда страсть исчерпана, Довнар помышляет об одном — как бы скорее покинуть ее, желая при этом сохранить свое «благородство».
Громко щелкнули костяные застежки на упругом лифе.
Она оглядела свои стройные ноги в сиреневых чулках.
Вопрос женщины прозвучал почти спокойно:
— Ты не боишься получить от меня оплеуху?
— За что, милая? Я ведь хочу тебе лучшего.
— Вот за это самое лучшее ты и получишь...
Довнар перед зеркалом долго возился с галстуком.
— Это даже смешно, — продолжал он без тени улыбки. — Моя прекрасная возлюбленная, презрев жалкого студента, бежала от него с офицером... Совсем как в дурной комедии!
— Ну, хватит! Каждый раз одно и то же, одно и то же... Не проще ли тебе попросту скаазать, что я все уже сделала, а теперь могу убираться.
Довнар наконец-то справился с галстуком и тут, проклиная себя за невольную душевную слабость, начал унижать Ольгу Палем насмешками:
— Ты сделала все, это правда.. Согласен, что от тебя порою исходит бурное пламя, но после него остается немало копоти. Впрочем, не думай, что ты лучше других.
— Ах, вот как? Но ради чего ты зовешь меня?
— Наверное, — ответил Довнар, вдевая в манжеты аапонки, — общение с тобою превратилось у меня в дурную привычку...
Чтобы ускорить конец свидания, уже начинавшего тяготить его, Довнар нарочно цинично стал описывать перед нею достоинства других женщин, которые намного лучше ее хотя бы потому, что

ни одна из них ни на что не претендует. («К моему великому несчастью, — признавалась позже Ольга Палем, — в это утро он слишком сильно вызывал во мне ревность и, не щадя во мне женщину, оскорблял меня как только умел...»)

Коридорный лакей внес в их номер шумящий самовар, угодливо осведомившись, чем еще может служить, но при этом лицо его выражало лишь откровенное презрение, и не к Довнару в его студенческом мундире, а именно к ней, ибо лакей, очевидно, принял ее за уличную девку.

— Оставьте нас, — попросила его Ольга Палем...

Совместное чаепитие не сближало, каждый думал только о своем. Ольга Палем еще раз убедилась в том, что ночь любви хороша лишь в том случае, если был хорош день, подготовивший эту ночь... И какой бы ни была сила страсти, ей уже не дано создать гармонию счастья...

— Да! — вдруг с вызовом заявила она. — Господин Лопатин без ума от меня. Вчера он преподнес мне три прекрасные розы и снова пригласил в театр.

— Так в чем же дело? — хмыкнул он с кривою усмешкой. — Только не забудь пригласить меня на свою свадьбу...

Ольга Палем ничего не сказала в ответ. Машинально помешивая ложечкой остывающий чай, она вдруг вспомнила о своем визите на Гороховую, где следователь предупредил ее о возможном выселении из Петербурга, и тут же не выдержала — сама рассказала Довнару про эту злополучную фотографию:

— Как? Каким образом? — все спрашивала она, заливаясь слезами. — Как моя карточка могла оказаться в борделе Фаньки Эдельгейм, а потом в столичной полиции?

Ничто не изменилось в лице Довнара, и в этот момент, возможно, он душевно благодарил Серебряного, который честно отработал аванс, а сейчас покуривает сигару марки «Пантелас империалис». Но этот великий козырь следовало еще разыграть.

И Довнар в бешенстве вскочил из-за стола:

— Теперь уже не следователь, а я — сам я! — желаю спросить, почему твоя фотография очутилась в грязном притоне Фаньки, куда порядочные одесситы не ходят?

— Я не знаю, — глухо отвечала Ольга Палем.

— Она не знает! — передразнивая ее, восклицал Довнар в обвинительном упоении. — Лучше сознайся сразу, что ты еще до меня прошла хорошую школу в публичном доме. А я-то, наивный человек, все эти годы думал, что у тебя был только один старик Кандинский...

— Один Кандинский, — эхом отозвалась Ольга Палем.

— Да кто теперь поверит тебе? — бушевал Довнар, и вид у

него был при этом возмущенного до глубины души человека. — Говорили мне умные люди, еще в Одессе не раз предупреждали, чтобы я не связывался с тобой, и, выходит, они были правы.

— Неправда! Все кругом меня ложь, ложь, ложь... И ты сам знаешь, что это неправда, — отрипала Ольга Палем.

Довнар заплетающимися шагами отошел к окну и приник лбом к стеклу.

— Теперь мне все стало ясно, — упавшим голосом произнес он в полном отчаянии (им же придуманном, им же актерски разыгранном). — Все эти годы ты только притворялась честною женщиной, а на самом деле... Какой ужас!

Ольга Палем словно окаменела, взгляд мертво застыл на кадке с запыленным фикусом.

— Постыдись, — тихо, даже без гнева сказала она.

— Нет! — прорыдал Довнар, остужая лоб об оконное стекло. — Это не мне, а тебе должно быть стыдно! Я как дитя малое, а ты... а ты... О боже, какая невыразимая мука!

— Перестань кривляться, — еще тише отозвалась Ольга Палем. — Я не знаю, каким образом моя фотография оказалась там, где ее никогда не могло быть. Поверь, что это так.

Драма создавалась Довнаром по самым привычным рецептам дешевой театральной кухни, где подобные коллизии должны вызывать сочувствие публики и рыдания нервных женщин. Он махнул рукой, показывая тем самым, что его сердце разбито вдребезги:

— Может, оно и к лучшему? Но отныне я не верю ни единому твоему слову. Все четыре года ты просто обманывала меня...

Стук в дверь — снова явился коридорный:

— Ничего боле не требуется? Позвольте самоварчик забрать. А то в соседнем нумере купчиха заезжая гневается, у нас самоваров-то на всю «Европу» не хватает.

— Отец! — провозгласил Довнар, обращаясь к лакею. — Видишь ли ты мои слезы? Запомни их навсегда. Это слезы человека, обманутого в самых лучших своих чувствах...

Лакею до его чувств не было никакого дела:

— Так я за самоваром. Купчиха там, говорю, злится.

— А, забирай! Мне уже ничего не нужно на этом свете...

Вслед за лакеем Довнар закрыл двери на ключ.

. . . .

Наверное, он и сам понял, что последний акт драмы завершается, пора опускать занавес. Он отошел от окна к туалетно-

му столику с надтреснутым зеркалом, уже не оборачиваясь в сторону Палем, и сказал даже не ей, а этому зеркалу:

— Продажные женщины все-таки лучше тебя, ибо, получив свое, они долго не засиживаются...

Яснее было уже не сказать.

Ольга Палем вышла из-за стола и как-то задумчиво раскрыла свой ридикюль.

— Я не продажная, — спокойно ответила она.

Довнар еще смотрел в зеркало, видя в нем одного лишь себя и не замечая ее отражения в зеркале.

— Ты? — вроде бы удивился он, нагло рассмеявшись. — Ты гаже их всех, ты...

Довнар не обернулся, когда она подошла ближе:

— Неужели ты это мне... за все?

— Тебе — за все!

Грянул выстрел — Довнар рухнул на пол.

Жалобно всхлипнув, словно обиженный ребенок, Ольга Палем дулом револьвера нащупала биение своего сердца. Выкрик: «Ой!» — совпал со вторым выстрелом.

Многие в «Пале-Рояле» плакали, узнав об этом из вечерних газет. Там знали ее доброе сердце, и никто не понимал, как она могла решиться на такое злодейство. Но многие плакали, даже очень плакали, жалея ее... Я верю в это!

«ОБВИНЯЕМАЯ, ОТВЕЧАЙТЕ!»

Из полицейского протокола: «...раздались один за другим два выстрела, потом щелкнул замок двери, из 21-го номера выбежала окровавленная женщина с криком: «Спасите! Я совершила преступление, но я жива, только ранив себя... Скорее полицию и доктора. Я все объясню». Затем рухнула на пол, повторяя: «Я убила, убила его и себя!»

Коридорный кликнул служанок, гуртом они вбежали в номер, где увидели студента в луже крови, струившейся из затылка, а в кресле все еще дымился страшный и черный «бульдог», в барабане которого оставались еще три патрона.

В отеле возникла суматоха, люди бегали, кричали:

— Полицию! Скорее врача... она еще жива...

Служанки подняли Ольгу Палем с ковровой дорожки.

— Сидеть можете? — хлопотали они. — Врача вызвали, он живет рядышком — в Чернышевском переулке, возле театра.

Ее усадили на ближайший стул в коридоре. Откинув голову и бездумно глядя в потолок, она очень быстро говорила:

— Разве кто виноват? Виноватой останусь я... так мне и надо. Рано или поздно это должно было случиться.

Из протокола: «На вопросы, зачем она убила студента Довнара, задержанная объясняла, что он оскорбил ее одним очень нехорошим словом, и тогда она решила отомстить ему...»

Альфред Петрович Зельгейм, врач театральной дирекции, оказался весьма скорым на ногу.

— Тут мое искусство бессильно, — был его вывод, когда он глянул на Довнара.

После чего, безжалостно оголив Ольгу Палем до пояса, врач осмотрел и прощупал ее грудь и спину. Пуля миновала сердце, пробив легкое, но застряла в спинных мышцах. Положение раненой было опасным.

— Срочно карету из Мариинской больницы, — наказал Зельгейм. — Сразу на операционный стол...

Потом движением пальцев он распял ей веки:

— Скрывать не стану! Вы можете умереть, а посему, если у вас на душе есть что-либо значительное, скажите сразу.

Ольга Палем назвала одесский адрес Кандинского:

— А больше никому не надо телеграфировать...

Когда же явился полицейский пристав Хоменко, она уже теряла сознание и оттого приняла его, видимо, за доктора:

— Наконец-то и вы... Спасите меня! Спасите...

В больничной карете Ольга Палем уже была близка к смерти, но по-прежнему оставалась сильно возбужденной.

— Я разве не умерла, нет? — спрашивала она. — Скажите честно, я еще жива? Мне лучше умереть... Я проклинаю судьбу, проклинаю себя и всех. Мне ничего не жаль!

Санитарки успокаивали ее, говоря, что больничные лошади резвые, хирурги в «Мариинке» хорошие. На живот умирающей они положили кошелек, из которого рассыпалась денежная мелочь и непогашенные почтовые марки.

Операция была серьезной и длилась долго.

Ольга Палем очнулась в обширной палате, где лежали другие женщины, и сразу попросила у сестер бумагу и карандаш.

Кандинскому она писала: «Саша убит совершенно случайно, я не хотела убивать, а только, чтобы он испугался выстрела и у него появилось раскаяние...»

Так писала она в Одессу, оправдывая себя.

Но перед соседками в палате Ольга Палем безжалостно судила Довнара, который не один год издевался над нею. И тут произошло нечто странное, малопонятное для меня, но очевидное для женщин, лежавших с нею рядом. Они тянули к Палем свои руки, некоторые подходили, целуя ее в лоб, и даже благодарили

за то, что она отомстила за все, что так часто приходится выносить им от мужчин, требующих от них любви, но на любовь не способных.

Я не придумал это — так было: ее благодарили!

. . . .

После больницы — тюрьма, а от тюрьмы, как и от сумы, на Руси не зарекаются. Старшая надзирательница Шурка Крылова, девка здоровая, встретив ее, громыхнула ключами от камер:

— Не скули! Не ты первая, не ты последняя. Пошли, посажу в одиночку. И не вой! Клопов у нас не водится. Это у мужиков клопы, а у нас одни блохи...

Дом предварительного заключения был наполнен гулом железа, вскриками и хохотом женщин; но одиночка усугубила нервное состояние Ольги Палем, она часто дубасила в дверь кулаками.

— Чего тебе? — спрашивали через «глазок».

— Отвезите меня. На кладбище... к Саше.

В «глазке» исчезало недремлющее око надзирательницы, зато выставлялись ее толстые губы, вопрошающие:

— Ты что? Рехнулась или притворяешься идиоткой? Вот подохнешь, тогда и отвезем... Прямо к Сашке твоему!

Тюремная фельдшерица Катя Журавлева, тихая опрятная женщина, докладывала начальству, что Ольгу Палем никак нельзя содержать в одиночном заключении: «Оттого что Палем иногда приходит в неистовство и в это время рвет на себе волосы, а головою бьется о стенку...» Наконец лязгнули дверные затворы:

— Выходи! Переводим в общую...

Соседками по общей камере оказались две симпатичные женщины. Фрая Стиннес, отпетая проститутка, судимая за отважный хипес (грабила клиентов), сразу поделилась с ней колбасой, а воровка Машка Гордина угостила папиросою «Пушка», и Ольге Палем невольно вспомнился околоточный надзиратель Пахом Горилов... О, как давно это было!

— Ну, мажь свою картину, а мы поглазеем...

С вниманием, не перебивая ее, узницы выслушали подробный рассказ Ольги Палем о том, как она дошла до жизни такой, после чего Фрая Стиннес, сложив руки под грудями, мощью своей потрясавшими, бывало, клиентов, произнесла убежденно:

— Ну и житуха же у нас, бабы! Такая пошла красотища, что зови куму — любоваться нами. И всюду, куда ни кинь, мы же, бабы, и виноватыми остаемся. Мужики, сволочи, как-то еще выкручиваются, а мы словно проклятые... Посадили — и сидим. А на кой хрен, спрашивается, я страдать должна? Будь у меня муж хороший, а не пропойца поганый, так рази ж я стала бы хипесничать по карманам?

«Воскресение» еще не было написано, но каждая из узниц, если бы ведала судьбу Катюши Масловой, вряд ли могла бы рассчитывать на то, что из тумана их судеб выплывет благороднейший облик спасительного Нехлюдова.

— Все беды от них, от мужиков, — рассуждали в камере. — Мы что? Мы так, лишь состоящие при их царстве, а они, паразиты поганые, что хотят, то с нами и вытворяют...

Дознание повели по всем правилам, и на первый допрос соседки по камере благословляли Ольгу Палем, а Машка Гордина внушала ей самое главное:

— Ни в чем не сознавайся! Сознаешься, так совсем замотают. Говори, что играла с пистолетом, а хахаль, дурак такой, за крючок дернул — пуля в него и влепилась.

— Да ведь убила я его! — простонала Ольга Палем.

— Так и что с того? А то, что он кажинный раз тебя всяко умучивал — это, значица, можно? А тебе и разок шлепнуть его нельзя? Это, милая, еще доказать надобно, кто кого убивал. Так и говори: сама не знаю, как получилось...

Но Ольга Палем оказалась неспособной отрицать убийство, как не могла признать и его преднамеренность.

— Да, убила! — возвестила она следователю еще с порога кабинета. — Но случайным для меня был не сам выстрел, случайной для меня стала смерть самого Довнара.

— Вы, госпожа Палем, сначала присядьте. Не стоит так нервничать. Разберемся во всем по порядку...

Следователь справедливо заметил, что, стреляя почти в упор, иного результата от выстрела нельзя было ожидать.

— Лучше сразу сознаться в том, что убийство было заранее обдумано и совершено вами умышленно.

Вот с этим Ольга Палем никак не соглашалась, без конца повторяя, что хотела только испугать Довнара, а потом, увидев его мертвым, сразу выстрелила в себя. Следователь заметил несоответствие в ее поступках, приводя свои соображения:

— Испугать можно было, стреляя ему над ухом, но вы подошли к нему сзади, направив револьвер в затылок. Все это не вяжется с вашими показаниями, и потому следствию желательно было бы знать, каковы мотивы убийства.

Ольга Палем не щадила Довнара, даже мертвого, рисуя его перед следователем в самом непривлекательном свете.

— Если вам угодно знать истину, — кричала она, — так я убила последнего негодяя, которого содержала на свои же день-

ги! Это не он поступил в Институт, а я устроила его. Да, я любила его больше всего на свете, я отдала ему свою честь и свою жизнь, а он... Он только подлец, и не убила я его еще раньше потому лишь, что страшилась гнева господня и думала, что Довнар еще изменит свое отношение ко мне.

Естественно, следователь уцепился за эти признания:

— Именно ненавистью к Довнару и следует объяснить мотивы злодейства. А все эти разговоры о том, случайно или не случайно выстрелил револьвер, яйца выеденного не стоят... Госпожа Палем, вам придется быть откровенной! Если убитый вами Довнар действительно был таким законченным негодяем, то мы вправе спросить вас — как вы могли любить его?

— Не знаю. Любила — и все тут...

Следствие (в моем понимании) велось неряшливо и даже безалаберно. К чему-то собирали груды побочных материалов, к убийству Довнара никакого отношения не имевших, копались в таких частностях жизни Ольги Палем, о которых сама она ничего не помнила (или не желала помнить); следствием выявились факты совсем посторонние, а вот то, что необходимо было для прояснения истины, как бы само собой задвигалось в тень — и все это делалось вовсе не ради того, чтобы усугубить вину женщины, и так уже обреченной, а просто по халатности, недосмотру и по несовершенству самой системы делопроизводства.

Во время очередного допроса следователь попросил Ольгу Палем не утаивать источник своих доходов: вопрос этот, конечно, щепетилен для женщины, но не при таких обстоятельствах...

— Все-таки вы сознайтесь, откуда брались деньги, позволявшие вам жить безбедно? Убитый вами Довнар, судя по наведенным справкам, был человеком вполне обеспеченным, и вам, наверное, неловко признать, что вы были его содержанкой?

Ольга Палем вспыхнула от гнева:

— В который раз повторяю, что из этого Плюшкина пятака было не выжать, почти все расходы ложились на меня.

Следователь с трудом погасил в глазах искры удовольствия, какое он испытал, словно кот, сцапавший жирную мышку.

— Очень хорошо, — тут же согласился он. — Но если большая часть расходов ложилась на вас, то, позволительно спросить, откуда вы черпали деньги, дабы оставаться независимой от Довнара?

Пришлось сознаться и в этом:

— Я получала содержание от господина Кандинского.

— Кто он такой?

— Я была его любовницей в Одессе, и он оплачивал мои расходы даже после разрыва наших отношений.

— Это очень странно! — искренне изумился следователь. — Откуда берутся такие наивные добряки, согласные оплачивать прихоти — кого? — любовника своей бывшей любовницы.

— Конечно, странно, — согласилась Ольга Палем. — Мало того, убитый мною Довнар иногда сам просил у Кандинского денег, и Кандинский никогда ему не отказывал...

Так ковырялись в ее душе, пока не добрались до тела. Следователь случайно как-то обмолвился, что скоро Ольге Палем исполнится тридцать лет, и тут она разом закатила ему истерику:

— Вам хочется сделать из меня старуху? Сначала тридцать, а потом и сорок? А мне всего двадцать пять, поверьте.

Следователь с готовностью подсунул ей справку из мещанской управы города Симферополя, точно указывающую, что Ольга Палем родилась в 1866 году.

— Вот и считайте сами, каков ваш возраст!

— Справки ваши фальшивые! — совсем зашлась Ольга Палем. — Знаю только одно, что мне двадцать пять, и больше я вам ничего не скажу, хоть вы тут разрывайте меня на сто кусков...

Возраст ее в деле убийства Довнара не играл никакой роли, но обвиняемую подвергли медицинской экспертизе, и — к удивлению следователей — маститые врачи подтвердили, что Ольге Палем именно двадцать пять лет, и никак не больше.

— Но вот же документы, помилуйте!

— Организм обвиняемой тоже является документом огромной важности, и мы утверждаем, что она заявляет правду...

Измученную осмотрами и анализами Ольгу Палем вернули в тюремную камеру, где ее сразу обступили подруги по несчастью, пылко выведывая: «Ну, как? Ну, что?»

— Мерзавцы! — отвечала она, улыбаясь. — Всю осмотрели, всю общупали, обвертели, но я им свое доказала.

Подруги поняли ее так, что она доказала свою невиновность в убийстве Довнара, и уж было порадовались за нее.

— Нет, — гордо тряхнула головой Палем, — я доказала этим оболтусам, что я гораздо моложе, нежели они все осмелились обо мне думать...

Спрашивается, зачем все это было нужно? Зачем следствию понадобилось перелистать 537 толстущих книг Одесской почтовой конторы и еще больше книг столичного почтамта, чтобы выявить лишь источники доходов Палем или Довнара? Разве это не подтверждает мое авторское мнение о том, что это следствие велось кое-как? Всего же по делу Ольги Палем было привлечено 92 сви-

детеля, но множество вопросов так и остались только вопросами, лишь запутывающими картину преступления.

. . . .

А разве не кажется странным другое? Вот живет себе человек, встречая на своем пути множество других людей, совершает поступки, дурные или хорошие, и при этом никогда не думает, что хвост прошлого уже потащился за ним, словно за ящерицей. Конечно, любое прошлое можно перечеркнуть и умереть спокойно, как это и бывает со многими. Но если случится попасть под суд, то пышный этот хвост распускается, как у павлина. Подсудимый когда-то кого-то встретил, давно уж и не вспоминает, кого и когда, но эти люди вдруг воскресают в роли свидетелей, начиная говорить о тебе так или сяк, хорошо или плохо, и вот уж прежние твои поступки, казалось бы, совсем незначительные, в одночасье становятся главными мотивами для всеобщего обсуждения...

Ольга Палем не знала, куда деваться от стыда, когда следователь вдруг начал извлекать забытые имена — и грека Аристида Зарифи, и опытного ловеласа барона Сталь фон Гольштейна. Ему, оказывается, был известен даже милейший юнкер Сережа Лукьянов, с которым она провела лето под Аккерманом.

— Нет, нет, нет! — отрекалась Ольга Палем. — Никого не знаю. Ничего не помню. Ни с кем не целовалась.

— Верю, — уступал ей следователь. — Вернемся лишь к тем, с кем вы изволили целоваться. Ну вот хотя бы к господину Кандинскому, дабы выяснить степень его финансовой помощи. Согласитесь, что между вами возникли странные отношения.

— Может, и странные. Но я же заявляла, что Кандинский относился ко мне, как родной отец к любимой дочери.

— Однако нет такого родного отца, который бы, давая любимой дочери деньги, требовал от нее расписки...

Скоро из Петербурга в Одессу поступило распоряжение о секвестре всех деловых бумаг в конторе Кандинского, который сразу оказался без вины виноватым. Из конторы выгребли все финансовые бумаги — а ведь можно было изъять только квитанции Ольги Палем.

Да, пожалуй, я все-таки прав. Следствие то и дело уходило в сторону от главного, стараясь выискать истоки преступления даже там, где их не могло быть. А старый человек еще долго потом хлопотал, чтобы ему вернули арестованные бумаги.

— Я же разорен! — жаловался Кандинский. — Моя голова не вмещает всего, что невозможно упомнить. Теперь я не знаю, кому обязан платить и кто и сколько задолжал мне...

В один из дней тюремная надзирательница Шурка Крылова сопроводила Ольгу Палем в камеру для свиданий. За железной решеткой желтело лицо Кандинского с трясущимися губами.

— Оля, — спросил он, — как ты могла? Я ведь знаю, какой у тебя гадкий характер, но чтобы убить человека?..

— Убила, — получил он ответ.

ИСКУССТВО РАДИ ИСКУССТВА

На Руси бывали разные присяжные поверенные.

Лучшие старались делать добро, шлифуя свое ораторское умение, и порою к их слову чутко прислушивался закон.

Да, многие из них были красноречивы, но красноречие иногда становится опасно, а потому оно тоже должно иметь меру.

Вот однажды в лесах под Лугою некий бродяга Лебедев отнял у проезжего мужика 28 копеек. Адвокат Н. С. Виногдарский начал свою защиту эпическим слогом: «Не в широких степях Забайкалья, не в привольных полях Поволжья, а в дремучих дебрях Лужского уезда и не сам Стенька Разин с кистенем, а некто беспаспортный Лебедев отнял у честного труженика двадцать восемь копеек...» Ясно, что такая защита вызвала гомерический хохот публики и судей, даже подсудимый зашелся от хохота...

Однако совсем без эмоций тоже нельзя. При этом вовсе не обязательно, чтобы в зале суда падали от избытка чувств в обморок, — здесь необходима некая золотая середина.

Кажется, именно Карабчевский обладал умением находить в своих речах эту «золотую середину», но... эмоции!

Разве затем дана человеку речь, чтобы он забыл о великой силе эмоций?

В самом деле, читатель, кому нужны занудные бубнилы, докладывающие по бумажке о том, как прекрасна была бы жизнь, если бы она не была такой паршивой!

. . . .

Н. П. Карабчевский был потомком турецкого янычара, взятого в плен еще во времена Суворова и оставшегося на Украине из-за возникшей любви к веселой хохотушке, которая вечерами для него «писни спивала».

Николай Платонович, когда его спрашивали, что он сделал в жизни хорошего, отвечал обыкновенно, что плохого тоже ничего не сделал:

— По неимению зубов кормилицу за грудь не кусал, нянек своих не бил, маму слушался, носовых платков из карманов гостей не воровал... Неужели вам этого недостаточно?

В том самом 1894 году, когда готовился процесс над Ольгой Палем, Карабчевский собрался отметить двадцатилетний юбилей своего служения на ниве судебного правосудия. На юбилейном банкете, наверное, было приятно вспомнить, что самый первый процесс был им выигран. Подзащитным юного Карабчевского стал сапожник Семен Гаврилов, взломавший чужой сундук, чтобы стащить 17 рублей для ублажения некой «Надьки Рыжей».

— Вы, наверное, очень любили эту Надьку?

— Страсть как!

— Позволительно знать — за что?

— А вот у моей матки в деревне телка была такая же — сама белая, но с рыжинкой. Гляну, бывалоча, на Надьку, а сам слезьми умываюсь — оччнна уж она телку напоминала...

Жизнь этого тупого парня, обрисованная Карабчевским в его речи на суде, вызвала такое сочувствие публики, что она тут же собрала для него пачку денег, которую и сам адвокат дополнил скромною рублевкой. «Нет, не виновен», — было решение суда присяжных заседателей. Много лет с той поры миновало, и кого только не защищал Карабчевский!

Слава пришла к нему в политическом процессе, когда он все еще был совсем молодым человеком (исполнилось ему тогда 25 лет).

На том знаменитом «процессе 193-х» Карабчевский защищал народоволку Екатерину Брешко-Брешковскую, названную потом «бабушкой русской революции». Тогда он не только публику потряс своим красноречием; его логикой были поражены и сами подсудимые, увидевшие в речи развитие тех идей, которые были близки им, народовольцам. Прощаясь со своим адвокатом, Брешко-Брешковская сказала ему:

Окончание на стр. 161

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

ТОВАРИЩ

В ноябре прошлого года состоялся Всесоюзный студенческий форум. Он стал важным общественно-политическим событием в жизни молодежи.

Об итогах форума мы попросили рассказать заведующего Отделом студенческой молодежи ЦК ВЛКСМ Владимира Афанасьева.

Владимир АФАНАСЬЕВ

ПОСМОТРИМ ПРАВДЕ В ГЛАЗА

— Владимир, вы возглавляли рабочую группу подготовительного комитета форума. Удалось ли осуществить все намеченное?

— Надо сказать, что хотя учредителями форума были ЦК ВЛКСМ, Гособразование СССР, ВЦСПС, организовали его сами студенты. Молодые педагоги, журналисты. Благодаря этому в центре внимания оказались не надуманные, а повседневные проблемы студенчества.

Задачи форума, как известно, были обозначены в обращении ко всем студентам. Форум задумывался как трибуна, позволяющая заявить о студенческих проблемах, привлечь к ним внимание общественности, выработать предложения в адрес государственных органов и общественных организаций. Думаю, это удалось. Но я бы покривил душой, если бы сказал, что все намеченное осуществлено. Чувство неудовлетворенности вызывает прежде всего то, что мы безвозвратно потеряли много времени на процедурных вопросах. Из-за этого некоторые итоговые резолюции принимались в спешке.

— И какие же форум обозначил пути решения названных проблем?

— Мне кажется, что после разговора на равных, который состоялся между делегатами форума и руководителями партии и государства, стало гораздо меньше тех студентов, кто был подвержен иллюзии простого решения сложнейших проблем. Многим стало ясно, что нет универсального средства, позволяющего быстро справиться с вопросами, волнующими студенчество. Возьмем хотя бы социально-бытовые проблемы. До форума у некоторых проскальзывал упрощенный на них взгляд. Казалось, стоит немного поднажать на правительство и оно выделит пару-тройку миллиардов рублей, необходимых для того, чтобы увеличить стипендию, приблизив ее к прожиточному минимуму. Наивность такого подхода сегодня, по-моему, очевидна всем. Где правительству взять необходимую сумму при дыре в несколько десятков миллиардов рублей в госбюджете? Воспользоваться печатным станком? Но ведь это еще больше подхлестнет инфляцию, которая имеет коварное свойство бить в первую очередь самых неимущих. А к ним, бесспорно, относятся студенты.

Студенчество получило на форуме твердые заверения со стороны политического руководства страны, что вопросы улучшения материального положения будут обязательно отражены в пятилетнем плане, вступающем в силу с января 1991 года. Но нельзя исключать и такой вариант, что еще до начала очередной пятилетки появится возможность путем маневра средств между различными отраслями народного хозяйства решить некоторые из студенческих предложений, например расширение льгот при пользовании общественным транспортом, учреждениями культуры, спортивными сооружениями. Конечно, первейшее условие для этого — стабилизация экономического положения в стране. Ведь именно экономические факторы предопределяют то, насколько быстро и полно будут решены и все прочие злободневные проблемы студенческой молодежи.

— На форуме состоялись дискуссии о деятельности комсомола и профсоюзов. Чем они закончились?

— Делегаты форума прямо заявили, что надоело видеть комитеты комсомола, профкомы в качестве «ассистентов» политики администрации. Они потребовали усилить защиту прав и законных интересов вузовской молодежи. В этой связи предлагалось даже «считать забастовку возможной и действенной формой борьбы студентов за свои права». И хотя это предложение не было поддержано, студенческие забастовки, увы, уже не абстракция.

Учитывая предстоящее принятие Закона СССР о правах профсоюзов СССР, участники форума высказали пожелание, чтобы на его основе было разработано новое Положение о студенческом профкоме. В этом документе, отмечено в резолюции, необходимо наделить профкомы правом участия в расходовании не менее четверти фонда экономического и социального развития вуза, правом создавать совместные предприятия с советскими и зарубежными партнерами на условиях льготного налогообложения. Кроме того, форум проголосовал за распространение всех прав трудовых коллективов на студенческие коллективы учебных заведений, за кооптацию в состав ВЦСПС нескольких представителей студенческих профорганизаций и создание при ВЦСПС, республиканских, областных советах профсоюзов и отраслевых комитетах отделов по работе со студенческой и учащейся молодежью.

Большинство делегатов высказали поддержку созданной буквально за несколько дней до форума Ассоциации профсоюзных организаций студентов вузов СССР. Но были и другие мнения. «Наша иркутская делегация (13 представителей вузов области),— сказал студент Иркутского пединститута Андрей Сизых, — решила не вступать в ассоциацию. Мы пойдем по другому пути — создадим при Иркутском Совете народных депутатов координационный центр-фонд — своего рода общий котел, куда будут перечислять средства профкомы вузов области. Это позволит на месте оперативно решать социально-бытовые проблемы студентов».

— А каким хотят студенты видеть ВЛКСМ?

— В канун форума было немало прогнозов по поводу возможного создания на нем альтернативной комсомолу организации. Однако

делегаты сочли это нецелесообразным. Надо сказать и о том, что практически никто не пытался подвергать сомнению имеющийся у комсомола шанс к самообновлению, не замечать усилий в этом направлении, предпринимаемых в центре и на местах.

Жаркие дискуссии вызвал вопрос о самой сути комсомола на современном этапе. Что больше всего отвечает интересам и потребности молодежи: комсомол как общественно-политическая организация или же комсомол как движение, объединяющее сторонников демократического, гуманного социализма? Подавляющее большинство делегатов посчитало: комсомол — это самостоятельная организация, находящаяся в идейной связи и политическом сотрудничестве с Коммунистической партией. Естественно, в преддверии XXI съезда ВЛКСМ участники форума не могли не включиться в поиск оптимальной модели «внутреннего» построения комсомола. Тут мнения разделились. Большинство согласилось с такой формулировкой: «ВЛКСМ мы хотим видеть как союз (федерацию) самостоятельных ЛКСМ союзных республик, в которых могут создаваться союзы по социальному, профессиональному принципам и по интересам, интернациональный по своей сути, где каждый ЛКСМ, входящий в федерацию, имеет свою Программу и Устав, не противоречащие Программе и Уставу ВЛКСМ, а дополняющие их с учетом национальных, политических, социально-экономических и культурных особенностей республик». Однако треть делегатов предпочла такой концепции будущего комсомола — другую: ВЛКСМ они представляют как союз (федерацию) самостоятельных ЛКСМ союзных республик, интернациональный по своей сути. В соответствии с регламентом форума эта точка зрения была зафиксирована как особое мнение.

— Были ли попытки навязать форуму экстремистские идеи, расколоть его?

— Таких попыток не было. Нельзя же выдавать за проявление экстремизма самый обыкновенный юношеский максимализм, повышенную эмоциональность студентов, нехватку политической и парламентской культуры. Впрочем, студенчество достаточно самокритично смотрит на себя. Так, социологические исследования, проведенные по ходу форума, показали, что 42 процента опрошенных делегатов главной причиной, тормозящей форум, назвали собственную нетерпимость, неспособность принимать чужое мнение. Справедливости ради замечу, что уроки демократии, полученные на форуме, для студентов не оказались напрасными. К примеру, если в начале форума чуть больше 50 процентов делегатов собирались отстаивать до конца свою точку зрения, не соглашались ни на какие компромиссы, то в последний день такой же позиции придерживались только 10 процентов делегатов. Разве это не показатель тяги студенчества к взаимопониманию, а не конфронтации?

— На форуме работал дискуссионный центр «Студенчество и общественно-политические проблемы общества». Расскажите, о чем шла речь? Какие документы обсуждались или приняты?

— О том, какие проблемы обсуждались в этом центре, говорит уже его тематика. А если конкретно, то это вопросы углубления политической реформы общества, межнациональных отношений, преобразования форм собственности. В работе центра участвовали около 200 делегатов из 72 учебных заведений. Действительно, накал страстей здесь порой был высокий, что, очевидно, и дало повод ряду делегатов солидаризироваться с мнением студента первого Ленинградского медицинского института Олега Зайцева, который заявил: «Дискуссия по политическим проблемам стала выражением амбиций отдельных людей». Пусть будет и такая точка зрения. Центр вынес на суд всех участников форума политическую декларацию, которая по большинству позиций была поддержана, в ряде случаев откорректирована, там, где делегаты оказались на диаметрально противоположных позициях, а это касалось пункта об общегосударственном языке; по взаимному согласию всех делегатов этот вопрос решено было вообще исключить из декларации.

Может быть, кое-кто ожидал сенсации, что студенты в политической декларации заявят о своем недоверии перестройке. Но этого не случилось. Наоборот, если вчитаться в текст декларации, следует однозначный вывод — студенты выступают решительными поборниками обновления всех сфер нашей жизни. Но они не удовлетворены медленными темпами преобразований и требуют ускорения перестройки.

— Какие проблемы, о которых шла речь на форуме, будут вынесены на XXI съезд ВЛКСМ?

— Мне кажется, на предстоящем съезде комсомола нужно повести по-настоящему большой и серьезный разговор о студенчестве, соответствующий той роли, которую играет эта категория молодежи и в комсомоле, и в обществе. Ведь это факт, что на предыдущих съездах о студенческих проблемах упоминалось скороговоркой, без должной глубины анализа, зачастую в приукрашенном виде. На мой взгляд, не стал в этом плане исключением и XX съезд ВЛКСМ, где студенческие проблемы оказались смешанными в одну кучу с проблемами учащихся профтехобразования, школьников и даже... октябрят.

Давайте посмотрим в глаза правде — весь ход человеческой истории, поступь научно-технического и общественного прогресса с неумолимой логикой ставит интеллект, знания в качестве приоритета всех приоритетов. Случайно ли, к примеру, в Японии уже начинают переход ко всеобщему образованию? А что у нас? К сожалению, картина прямо противоположного свойства. В общественной психологии проблема образования прочно держится позади многих других проблем, обрушившихся на нашу страну. Стоит ли после этого удивляться, что по уровню образованности населения мы были в конце 50-х годов третьими в мире, в 1985-м — занимали 42-е, а сейчас переместились в конец пятого десятка. А ведь, как гласит пословица — «уму и сила уступает».

В канун съезда ВЛКСМ много говорится о необходимости разработки и осуществления государственной молодежной политики. Да, вопрос этот очень важный. Но боюсь, если мы и здесь бросимся закрывать бреши, решать сиюминутные задачи, забыв о перспективе, а значит, об образовании, знаниях, интеллекте, то, честно говоря, скорее всего не только окончательно подорвем авторитет комсомола, но и все общество поставим в тупиковую ситуацию. Вот об этом-то и надо честно, в полный голос сказать с трибуны XXI съезда ВЛКСМ.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

КОГДА ПОЯВИЛИСЬ ПОГОНЫ?

В русской армии погоны были введены в 1732 году. Причем вначале погоны были введены только для полков полевой пехоты. Погон представлял собой шерстяную накладку, которая нашивалась на левое плечо кафтана. Каждый из полков имел свой цвет погон. До 1827 года погоны являлись знаками, которые показывали принадлежность воина к определенному полку или части. В то время погоны еще не определяли воинского звания и служебного положения военнослужащего. Поскольку погоны не позволяли определить чин, то для этого существовал специальный офицерский знак, учрежденный Петром I. Этот знак имел вид небольшого округленного щита и носился на груди на специальной ленте. Кроме того, знаками различия являлись разноцветные широкие ленты, тянувшиеся по диагонали всего мундира, разнообразное богатое шитье на воротниках, обшлагах и полах мундира.

НАГРАДА — КРАСНОЕ ЗНАМЯ

В 1918 году, когда полыхало зарево гражданской войны, многие видные военачальники высказывали мысли о введении специальных наград для поощрения отличившихся бойцов. После многих поисков было принято взять за основу Красное знамя — символ сражения

ДОРОГА К ЯКУТСКИМ АЛМАЗАМ

В последнее время много критики прозвучало по поводу Байкало-Амурской магистрали, мол, напрасно были выброшены народные деньги. Однако дорога работает. БАМ, по сути,— тропа в грядущий век. Впервые в стране в обширном таежном краю заблаговременно создана транспортная система — плацдарм для освоения. Это наш подарок потомкам.

Рельсы пошли дальше на север — сооружается Амуро-Якутская магистраль. Протяженность трассы — более 800 километров. Для Якутии и всего Северо-Востока она жизненно необходима. Сейчас все сюда завозится речным, морским и автомобильным транспортом. Ежегодные убытки превышают два миллиарда рублей. Подсчитано, что АЯМ окупится менее чем за три года и потом будет приносить миллионы прибыли. Между тем его финансирование прекращалось пятнадцать раз! Некоторые и сейчас предлагают законсервировать стройку. Но мало кто догадывается, что консервация поглотит столько средств, сколько нужно, чтобы довести рельсы до Алдана.

А куда деться тем, кто трудится здесь? Кто имеет интересную работу, получил благоустроенное жилье, полюбил Север? Люди недоумевают. И их недоумение понятно: есть возможность в этом году проложить рельсы до Алдана, в следующем — до Томмота, а в 1993-м — до Якутска. Понимая трудности, с которыми столкнулась магистраль, заинтересованные организации ищут варианты финансирования. Решено ускорить отдачу от построенной уже железнодорожной линии — начать грузовые перевозки в период временной эксплуатации, а на заработанные деньги будет завершено строительство АЯМа.

На Амуро-Якутской магистрали можно встретить немало тех, кто строил БАМ. Бойцы отряда «Якутский комсомолец», многие из которых члены ВЛКСМ, тоже начинали свою трудовую биографию на БАМе. Сегодня они приближают дорогу к якутским сокровищам — алмазам, углю, апатиту...

На снимках: секретарь комсомольской организации строительно-монтажного поезда № 595 Виктор Колесников; бойцы отряда «Якутский комсомолец» — бригада депутата Верховного Совета Якутской АССР Алексея Иванченко.

Фото А. ПЕРНИНА

МАСТЕРА ЗЕМЛИ

Рассказ о первых в Константиновском районе Ростовской области молодых арендаторах

Нет, не о куче денег мечтал молодой механизатор Сергей Лобов, когда брал аренду. Надоела монотонность жизни, труда, где все известно далеко наперед — и как приветят, и как проводят, и сколько наговорят, и на сколько... обманут. Одно и то же — изо дня в день, из года в год. На-до-е-ло. Но главное, главное было в том, что появилась возможность жить и работать так, как тебе позволяет совесть. Никто тебе не указ. Как пахать землю, что и в какие сроки сеять — все решаешь сам. Ты — хозяин. И это естественно.

Новая форма организации труда не так-то просто, как он понял, приживется на донской земле. Но отступать некуда. Позади...— нет, не Москва — изъеденная эрозией почва, изможденная, измордованная великим равнодушием худосочная земля. А ведь Дон всего каких-то сто лет назад славился богатейшими черноземами, был мощной житницей великой державной России.

— Знаешь,— вздыхает Сергей,— если бы у нас была аренда полная... Тогда бы мы развернулись.

Из разговора с Сергеем, а затем с председателем колхоза «Знамя коммунизма» А. И. Семеновым выяснил, что хозяйство попросту не готово к предоставлению кому-либо полной аренды. Поэтому пока существует неполная, или, как ее еще называют, внутрихозяйственная, аренда. Ее-то и решились взять молодые передовики колхоза Николай Войнов, Геннадий Титов, Николай Бородин — во главе с Сергеем.

Год назад четверо молодых парней взвалили на плечи аренду — тысячу гектаров земли (по 250 гектаров на человека).

Высеванию каждой культуры предшествовал огромный труд. Тут и сроки посева, и где, на какой почве высевать ту или иную культуру, и «очередь» — что за чем, в какой последовательности сеять, и строжайший контроль за соблюдением всех агроприемов... Не пренебрегли парни и мудрыми советами стариков. Прошли по дворам, поспрашивали, чего и как сеяли в старину, какие были урожаи,— словом, попытались как можно больше узнать о земле, на которой живут. Это только от нового дремучего бескультурья пошло презрительно-высокомерное — дедовский, мол, метод. Замечают ли, интересно, лихие журналисты, воскликнув: «Э, да тут еще дедовским методом пользуются!», что они смеются и иронизируют прежде всего над собой? Или это всего лишь дань моде, хроническая болезнь левачества — политического движения как такового, отвергающего все исконно национальное и так же решительно предлагающего некую абстрактную космополитическую идею?

Так вот, что касается «дедовского метода». Взяв его за основу, ребята вырастили небывалый по району урожай кукурузы. Она дала 700 центнеров силоса с гектара!

Много чего полезного наговорили казаки-старожилы молодым арендаторам. Например, что один раз, как это водится в колхозе, кукурузу не культивируют. Что ей обязательно нужна подсыпка. Посидели несколько вечеров ребята, покумекали. Наварили специальные, придуманные ими же лапки на культиватор. Попробовали — получается. Обработали поле, одновременно внесли удобрения. Сочетание «дедовского метода» с нынешним, современным дало невиданный результат. Собственным глазам с трудом верилось: за сутки ростки кукурузы поднимались на целых тридцать миллиметров!

Не повезло ребятам с подсолнечником. И землю основательно подготовили, и посеяли чуть раньше обычного, да вот беда — в период, когда завязывалась корзинка, нежданно-негаданно обрушился кислотный дождь. Пришлось обращаться за помощью к летчикам. И если бы не своеобразная дезактивация — шляпки были бы пустыми. Худо-бедно, собрали по 18 центнеров с гектара. В общем-то, неплохо. Но результаты могли быть намного лучше.

А сколько сил отдали боронованию! Парней поначалу насмех подняли, когда те отказались от традиционных громоздких борон: «Да вы хоть соображаете, что делаете?!» Соображали. Семь раз отмерили... и поступили по-своему. Зубья бороны слишком глубоко вгрызаются в землю и, бывает, при так называемом «слепом» бороновании прихватывают корневую основу прорастающего зерна. Чтобы этого избежать, решили заменить борону... тросом. Во-первых, трос при бороновании не делает «бугорка». Во-вторых, тонкий верхний слой поля получается удивительно пышным, ровным. Он, этот слой, в буквальном смысле дышит: при дожде, подобно губке, вбирает в себя влагу, а случись засуха — прекрасно защитит посеянное зерно от всепроникающих лучей солнца. Первые же дружные всходы показали, на чьей стороне правда.

По-своему посеяли арендаторы и ячмень. В колхозе обычно как поступают? Прогнали по полю один раз сеялки — и привет. Как там легло зерно в почву, никого особо не волнует. Прорастет, никуда не денется! Не впервой, мол, так сеем. Прорастет-то прорастет, но не всегда. Сеялка, например, забьется... В общем, сделали ребята перекрестный — к основному — сев, внесли удобрения. Накатила страда, и ячмень дал по 25 центнеров — выше, чем в среднем по району.

И наконец просо. Ребята и тут не обошлись без «дедовского метода». Как это делали всегда в старину казаки, просо, предназначенное для посева, замочили на строго определенное время в воде. Высушили и принялись за работу. Обычно просо всходит на двенадцатый день, а тут дало зеленые бодрые ростки — на четвертый!

Но перед этим пришлось поволноваться: просо замочили, а вдруг пошел бы дождь? Надо срочно сеять — зерно «ожило», а сеять нельзя, жди, когда почва подсохнет.

— Накануне замочки по нескольку раз в сутки слушали прогноз погоды,— без всякой иронии говорит Сергей — Я вот даже, не поверите,— Лобов улыбнулся,— по народным приметам следил за погодой. Пришлось опять идти к старикам казакам за советом. Тучи, месяц, восход и заход солнца, поведение птиц, другие приметы показали, что дождю в ближайшие сутки не бывать. Мы и замочили зерно. А буквально на третий день, как закончили, прошла теперь уже долгожданная гроза.

— Сергей, какая у вас зарплата? И вообще, об экономике, об экономических отношениях с колхозом расскажи, пожалуйста.

— На первом Съезде народных депутатов СССР один из выступающих сказал примерно следующее: арендаторы — это рабы, а феодалы — те, кто сдает им в аренду землю. Хотя это и метафора, но она в той или иной степени отражает отношения между хозяйством и нами.

Вот о каких грустных вещах поведал Сергей. Арендаторы на тот момент, когда писались эти строки, дали чистой прибыли колхозу на сумму 300 тысяч рублей. Из них 295 тысяч пошли на арендную плату — такую огромную сумму ребята заплатили за пользование землей, техникой, горюче-смазочными материалами, амортизацию и так далее. В результате на заработную плату за год остается пять тысяч. Разделите эту сумму на четверых, и картина получается более чем печальная.

Почему же такая огромная арендная плата за пользование землей и средствами производства? Это надо спросить у экономистов, рассчитавших отношения между арендаторами и хозяйством. Я хотел у них поинтересоваться, из каких таких расчетов они исходили, но оказалось, что судьи — вершители дел на земле константиновской — птицы залетные. «Из какого-то института приезжали,— добродушно сообщили мне в конторе колхоза,— уж не припомним, из какого именно».

Как же так? Живут люди на родной, отеческой земле своей, не покладая рук, работают. Им ли не знать, как строить экономические отношения между собой? Так нет же, труженикам, местным специалистам не доверяют, приглашают рассудить, как дальше жить и работать, из-за тридевяти земель.

Так называемые экономисты «рассчитали». Арендаторы, оказывается, платят не за землю, а за центнер произведенной продукции!

Получилась парадоксальная ситуация: чем больше урожайность, тем больше и платят арендаторы колхозу. Смысл? Нет никакой заинтересованности в повышении урожайности. Вырастишь большой урожай — хорошо, а если малый — что ж, не переживай, на трудовом кошельке арендатора это, в принципе, не отразится. Вот ведь какая несуразица получается! Все поставлено с ног на голову. Иное дело, когда договор заключается на землю. Когда плата идет за пользование землей. Тут действительно полный простор для хозяйственной инициативы.

Сергей Лобов и его товарищи мечтают о полной аренде. И чтобы землю арендовать не у хозяйства, а у сельсовета. Тогда сама собой отпадет необходимость в хлестком сравнении «феодалов» и «рабов».

Как же выкручиваются из непростой ситуации молодые донские арендаторы с хутора Почтового? Живут, что называется, одной верой. Верой в то, что уж на следующий год — это уж точно — все образуется, все встанет на свои места. А пока... Пока руки связаны парням основательно. Что прикажет колхоз, то и сеют. Не позволяет им хозяйство развернуться со сверхплановой продукцией, право на реализацию, на продажу которой принадлежит им, и только им. Всю полученную сверх договора продукцию они в прошлом году реализовали своему же колхозу, причем по низкой, невыгодной цене. Диктат хозяйства очевиден. И он ощутимо бьет по карману Лобова и его единомышленников.

Какой смысл в самом деле продавать сверхплановую — «личную» пшеницу колхозу по восемь, когда заготконтора за тот же килограмм платит по двадцать пять копеек? В принципе, это полное законное право арендаторов — решать, кому, сколько и где продать зерна.

А что же думает об арендаторах Семенов?

— Помните — индюк думал, да в лапшу попал? — усмехается Анатолий Иванович.— Люблю факты, а они таковы: производительность труда у ребят в три раза выше, чем по колхозу в целом. Вот и судите сами, заинтересован я как председатель в аренде или нет.

Руководитель хозяйства отметил и такую примечательную деталь: сколько воспитывали в свое время Николая Бородина — все побоку. Стоило же ему стать арендатором, почувствовать себя хозяином, как Николай на глазах преобразился. Овладел несколькими специальностями, дисциплинирован.

Прощаясь с хутором Почтовым, я не спеша прошел по его главной улице. Искренне порадовался — она была заасфальтирована. Пока что это необычно для хуторов Константиновского района. Порадовался я и новому детскому садику, кафе-столовой, Дому культуры на триста мест.

Есть у колхоза традиция: заключать с ребятами, которые уходят в армию, договор. За два года служивому набегает на сберкнижку 1200 рублей, а если моряк — еще плюс 50 рублей, помноженные на двенадцать месяцев. После службы мало кто из ребят уезжает из хутора. Это одна из причин, почему так много в колхозе молодежи. Думают здесь о молодежи, а это значит — будут у земли работники. И они сами решат, оставаться ли им в колхозе или по примеру Сергея Лобова подаваться в арендаторы.

Дмитрий АЛЕНТЬЕВ

ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ АНАРХИЯ?

Мне 20 лет. С 1983 года комсомолец. В 11-м номере журнала за прошлый год опубликован в «Товарище» материал «Костры русофобии, угар антисоветизма», в котором рассказывалось о разжигании межнациональной розни в Прибалтике. Есть там снимок, запечатлевший юношу, держащего плакат: «Красная Армия, ты нам не нужна!» Я прослужил уже год в армии, и мне стало не по себе от того, что увидел. До чего же у нас дошла «демократия и гласность»! Если так дело пойдет и дальше, то скоро уже придется отказываться и от социалистических завоеваний, идеалов, от всего того, что завоевано кровью наших предков — отцов, дедов, прадедов. Но ведь демократия — это не вседозволенность! И судя по всему, демократия нуждается в защите.

Я не против гласности, но против безответственных лозунгов и призывов. Я не против демократии, но против использования ее в групповых, корпоративных целях. А потому предлагаю провести опрос читателей: кто за «разгул» демократии, а кто против! Кто за вседозволенность и распущенность, а кто за истинное народовластие, точное соблюдение законов и Конституции!

Обязательно опубликуйте мое письмо.

Ю. ИВАНИН

Горьковская область

С НОГ НА ГОЛОВУ

Летом 1941 года, истекая кровью, наши войска сдерживали натиск немецких войск под Нарвой. И в это время — сам был свидетелем — в спину нашим солдатам, нередко с чердаков своих домов, стреляли так называемые «лесные братья» — бандитское и националистическое подполье, действующее в Прибалтике. На берегу реки Нарвы в подвале одного из домов «лесные братья» оборудовали дот. В зоне его поражения находилась понтонная переправа. Много неприятностей принесла бы эта огневая точка нашим войскам, если бы ее не уничтожили чекисты.

Сегодня многие «лесные братья» записаны в жертвы сталинских репрессий. Их преступления беззастенчиво обеляются даже с трибуны Съезда народных депутатов СССР! Вот уж поистине все переворачивается с ног на голову!

На Псковщине, моей родине, с приходом фашистов люди жили в постоянном страхе. Расправиться с патриотами могли не только немцы, но и предатели. Сегодня их тоже незаметно причисляют к жертвам сталинизма! Почему же не раздаются голоса о жертвах предательства!

После войны «лесные братья» особенно отличались жестокостью. Племянник моей матери, работавший тогда председателем сельсовета, был зверски растерзан и утоплен в болоте. Портфель с народными деньгами, который находился при нем, забрали. Почти каждый крестьянин Виленской волости имел в то время какое-нибудь оружие для защиты от негодяев, которые безнаказанно убивали, грабили и жгли всех без разбора. Теперь этих негодяев преподносят в качестве жертв репрессий. Какая нелепость!

Мне приходилось беседовать с крестьянами, простыми тружениками в 50-х годах. Они говорили, что только при Советской власти зажили по-человечески. Многие получили наделы земли. Стали жить зажиточнее, появились сельскохозяйственные машины, личные мотоциклы. Так что те, кто выступает с трибуны наших «демократических» органов власти, обеляя «братьев», обманывают свой народ.

Мы прекрасно понимаем, что некоторые «демократы», пробившись к власти, всеми силами стремятся протолкнуть закон о частной собственности, тем самым реставрировать буржуазный строй. Но им стоит поперек дороги не сталинизм, о чем они постоянно кричат, а непобедимая идея подлинного социализма, освободившего народы от нищеты, тьмы и мракобесия, идея, поднявшая нашу страну на пьедестал великой державы мира.

Так где же в самом деле правда! Кто же жертвы, а кто палачи; и как называть — товарищами или господами — тех, кто снял с пьедестала танк Т-34 — памятник погибшим воинам-танкистам, освободителям Литвы от фашистов!

И. КОВАЛЕВ

Москва

КОМУ ПОМЕШАЛО СЛОВО?

С удивлением прочитал в газете «Вестник еврейской советской культуры» (1989 г., № 16) статью под заголовком «Где русофобия!». В ней говорится, что в словарях этого слова нет.

Да, действительно, в словарях, выпущенных в последние годы, это слово отсутствует. Но вот раскрыл словарь под редакцией С. И. Ожегова за 1957 год и на странице 932 прочел: «Русофоб, русофобия, русофобство». Интересно, кто изъял это слово из словарей последних лет!

А. БУЛАТОВ.

Москва

ОТЕЦ И ЛЖЕОТЦЫ «КАТЮШИ»

Переосмысление истории, установление истины — дело нужное и благородное. Но порой под этим предлогом происходит сознательное искажение фактов — в угоду групповым и конъюнктурным интересам.

Подобное случилось и в публикациях, посвященных истории создания легендарной «катюши». Так кто же изобрел это грозное оружие?

Г. АЛЕКСЕЕВ

«Знаток» ракетной техники Ярослав Голованов в статье «Лжеотец «катюши» («Огонек», 1988, № 50) вывел «на чистую воду» «проходимца» — Героя Социалистического Труда генерал-майора А. Г. Костикова, назвав его лжеотцом «катюши», и объявил, что истинными отцами этого грозного оружия минувшей войны являются В. А. Артемьев, Б. С. Петропавловский и Г. Э. Лангемак.

Ярославу Голованову вторит Рой Медведев. В статье «О Сталине и сталинизме», опубликованной в журнале «Знамя» (№ 3 за 1989 год), он пишет: «Погибли в заключении многие ракетчики, в том числе руководители немногочисленной еще группы энтузиастов ракетного дела, **создатели первых ракетных двигателей** (выделено мной.— *Г. А.*) — начальник Реактивного НИИ И. Т. Клейменов и его заместитель Г. Э. Лангемак — один из действительных изобретателей «катюши» Был арестован и будущий главный конструктор советских ракет С. П. Королев. «Нашей стране вся ваша пиротехника и фейерверки не нужны и даже опасны»,— заявил Королеву следователь...

Да, Владимир Андреевич Артемьев был храбрым человеком. В русско-японской войне 1904 года получил Георгиевский крест. В этом Голованов прав. Но не был он «дворянского происхождения» (есть его автобиография), и ракеты он «разные» в 1915 году не «совершенствовал». В его послужном списке, заполненном им собственноручно 27 февраля 1952 года, сказано, что после окончания в 1908 году Алексеевского пехотного училища он был пиротехником на артиллерийских складах, где занимался снаряжением осветительных мин и снарядов. Выше звания подпоручика он на службе не продвинулся. В этом чине его и застал октябрь 1917 года.

После революции Артемьев продолжал работать в той же скромной должности пиротехника. Уроженец Петербурга (родился в 1885 году), он в 1924 году попал в неприятную историю. Подрабатывал «левой» работой — видимо, таскал со склада пиротехнические устройства, пороховые заряды, и, как хорошо знающий подрывное дело, участвовал в подрывных работах на строительстве дорог к северу от Петрограда. Группу, в которой он работал, арестовали. Было дело. Артемьев получил три года и отбывал наказание на Соловках. Так что считать его жертвой «сталинских» репрессий 1924 года было бы неправильно.

С 1 ноября 1927 года, после возвращения из Соловков, по 28 апреля 1930 года он проживает в Ленинграде по улице Халтурина, 19. В одной квартире с ним (площадь 152 м²) оказался бывший статский советник Н. И. Тихомиров с супругой. Свою квартиру они называют «лабораторией по изобретению секретного оружия». В автобиографии Артемьев указывает, что работает «помощником нач. лаборатории». А своим «начальником» Артемьев считал Тихомирова, который его кормил и поил, так как Артемьев, вернувшийся из мест заключения, на государственной службе не состоял.

О том, что за этот период в области ракетной техники ничего не было создано, сказано в мемуарах самого Артемьева: «Полное отсутствие каких-либо теоретических данных по горению бездымных порохов в полузакрытом объеме не позволило нам быстро развернуть работу, а без изучения внутренней баллистики не было никакого смысла приступать к изготовлению ракетных снарядов» *.

Переход Артемьева из ГДЛ в РНИИ и переезд из Ленинграда в Москву не продвинул дело, которым он якобы занимался. В 1938 году деятельности Артемьева в ГДЛ, а затем в РНИИ была дана такая характеристика: «...Что же касается такого работника, как инженер Артемьев (инженером он никогда не был.— *Г. А.*), то целесообразность его использования в работах НИИ вызывает сомнение, так как большая часть проводившихся им работ не дала результатов» **. Так что Сталин тут ни при чем. А громкие слова Голованова о том, что «3 марта 1928 года Артемьев запустил нашу первую ракету на бездымном порохе и по праву может считаться одним из соавторов снаряда «катюши»,— не выдерживает никакой критики. Это было обычным очковтирательством. Запуск произвели из миномета Ван-Дерена осветительной миной, начиненной бездымным порохом. Это были обычные штатные стрельбы, проводимые на главном артиллерийском полигоне под Ленинградом.

Второй «герой» очерка Голованова — Борис Сергеевич Петропавловский — действительно окончил Суворовский кадетский корпус в Варшаве и ускоренный курс Константиновского артиллерийского училища. Подпоручик, как и Артемьев. С 18 февраля 1918 года по 30 января 1919 года секретарь Новоторжского уездного исполнительного комитета. 2 февраля 1919 года призван в Красную Армию. В 1929 году заканчивает Военно-техническую академию РККА (ЦГСА, ф. 34272, оп. 1, д. 114, с. 2—10).

В 1930 году он подписывался начальником лаборатории, в которой в то время числилось три человека (выше 12 человек «штат» не

---

* «Создание первых ракет на бездымном порохе и краткая история деятельности Газодинамической лаборатории за время с 1928 по конец 1933 г.» (1950 г.). См.. Архив АН СССР, разр. 4, оп. 14, д. 148

** «Выводы комиссии по обследованию РНИИ, произведенные в период с 18 сентября по 5 октября 1938 г.». Архив АН СССР, оп. 1, ед. хр. 9, с. 84

поднимался). В конце 1932 года в бумагах в качестве начальника ГДЛ стала фигурировать фамилия Клейменова. 6 ноября 1933 года Петропавловский умер, так ничего толком и не создав.

В апреле 1930 года Петропавловский подготовил доклад, который рассматривался в Научно-техническом комитете ГАУ. В заключение было сказано: «...безотказность орудия облегчает станок, а пусковое устройство будет иметь вид простой ажурной трубы. Наиболее подходящим орудием для этой цели является газодинамическое орудие малой мощности».

На фотографии, помещенной в «Огоньке», мы видим Петропавловского у газодинамического орудия, ничего общего не имеющего с «катюшей».

Это орудие зародилось в недрах известной тогда Комиссии особых артиллерийских опытов (КОСАРТОП) еще в начале 1920-х годов.

В качестве первого шага к разработке теоретической стороны вопроса председателем КОСАРТОПа В. М. Трофимовым (генерал-лейтенант старой армии, покончил жизнь самоубийством в период троцкистских репрессий военспецов — русских офицеров, перешедших на службу к новой власти) была написана статья «Теория отдельной каморы сгорания». Там же было сказано, что «необходимые опыты ведутся с 47-мм пушкой и минометами».

И свой доклад мифический начальник мифической организации ГДЛ Петропавловский построил на отчетах ушедшего из жизни Трофимова (текст один к одному). Но Трофимов уже не мог защитить свои авторские права — он погиб.

Голованов пишет: «Петропавловский тоже — бесспорно — один из самых активных соавторов «катюши». Позволю усомниться в этой не подкрепленной фактами формулировке. Приведу один любопытный документ. Письмо, адресованное профессору артакадемии А. В. Сапожникову: «5 и 6 апреля сего года в Научно-техническом комитете Артиллерийского управления РККА состоится конференция по вопросу о разработке плана научно-исследовательских работ на ближайшее пятилетие по порохам и взрывчатым веществам... По линии Артиллерийского управления намечаются следующие доклады: 1) Проблемы внутренней баллистики (применение гидродинамики, изучение реактивного действия газов). Докладчики: проф. Дроздов и Граве, военный инженер-технолог Упорников. 2) Получение порохов и взрывчатых веществ большой силы и повышение действия взрывчатых веществ. Докладчик проф. Сапожников (Артиллерийское управление РККА, 26 марта 1930 г.)».

Что же получается? Петропавловский, военный человек, начальник ГДЛ, подчиняющийся Техштабу начальника вооружений РККА (то есть самому М. Н. Тухачевскому), не является на Всесоюзное совещание и не направляет на него других отцов «катюши»! Выходит, не с чем было идти на это совещание? По крайней мере, в 1930 году. Да и после 1930-го — все та же картина... А на совещание пошли действительно спецы: генерал старой армии Дроздов и полковники-артиллеристы Граве и Сапожников.

Итак, Петропавловскому достались работы и результаты, полученные в КОСАРТОПе — разгромленной Троцким организации, где работали над созданием орудий большой дальности уцелевшие от красного террора русские ученые. Это факт. Об этом говорит доклад Петропавловского. Он заканчивается словами: «С декабря 1929 года разрабатываются «уравновешенные газодинамические орудия» малой, средней и большой мощности».

А вот что писалось в открытой печати:

«Новый тип орудия (турбопушка), принцип действия которого заключается в работе пороховых газов в условиях достижения ими максимальных скоростей, позволяет значительно облегчить вес орудия... Стремление к достижению возможно больших начальных скоростей заставляет разрабатывать новые образцы так называемых «прогрессивных» порохов, сведения о которых являются едва ли не наиболее секретными»,— так писал в «Красной газете» от 7 апреля 1926 года профессор Граве.

В той же «Красной газете» 11 июля 1927 года в статье «Новые средства воздушного нападения и обороны» профессор Н. А. Рынин говорил о «новом вооружении самолетов в виде безотказных орудий большой мощности, выпускающих крупные снаряды ракетного типа, то есть получающие толчок не только при взрыве во время прохода в канале орудия, но и потом, в начале своего полета».

О том же Рынин пишет в своей знаменитой книге «Ракеты и двигатели прямой реакции (история, теория и техника)» (1929 г.), в разделе «Закрытая пушка с реактивным снарядом».

В «Советской энциклопедии» (1932 г.), в статье «Современные конструкции артиллерии», прочитаем: «Газодинамические орудия больше известны под названием турбинных, у которых пороховой заряд взрывается в особой каморе, и образующиеся при этом пороховые газы выпускаются в канале орудия через отверстие значительно меньшее, чем диаметр самой каморы. Проходя через сопло, газы с большой скоростью ударяют о дно снаряда, развивая небольшое давление на стенке канала орудия».

Везде речь идет о газодинамическом орудии, ничего общего не имеющем с «катюшей». Был построен один полигонный образец газодинамического орудия, но в серию он не пошел. Работы зашли в тупик. Некому было, видимо, продолжать начатое дело: многие специалисты вынуждены были покинуть Россию. А сотрудники ГДЛ, фактически все невысокой квалификации (достаточно взглянуть на их биографии), просто оказались некомпетентными ни в области внутренней баллистики, ни в области конструирования ракет. Нет ни одного чертежа, выполненного Петропавловским, или Лангемаком, или другими сотрудниками ГДЛ. Ни один из них не оставил следов в наших архивах.

(Окончание читайте в следующем номере)

На первой странице обложки «Товарища»: создатель «катюши» Иван Платонович Граве. Снимок 1905 года.

ХЛЕСТАКОВ НА ВОЛГЕ

(иронично и всерьез)

ОТВЕТ: Я могу говорить только правду... Так вот, во мне течет 25 процентов еврейской крови...

ВОПРОС: Журналы «Молодая гвардия», «Наш современник» и «Москва» откровенно проповедуют антисемитизм. Как долго это будет продолжаться? Ваше личное отношение к этому?

ОТВЕТ: Это очень сложная проблема. Я недавно задал Виктору Мироненко ехидный вопрос насчет «Молодой гвардии». Он мне говорит: «Я этот журнал не люблю. И что делать? Закрыть?»

...Допустим, мне эти журналы очень не нравятся, но если бы я был одним из самых главных людей, я бы долго думал, нужно их ликвидировать или нет.

Из интервью Марка Захарова горьковской газете «Ленинская смена»

Жив, курилка! Вот уже и в Горьком побывал. Николая Васильевича успели похоронить дважды, а Иван Александрович не умирает. Вот это герой!

Собрались чи за круглым, чи за квадратным столом в социалистическом индустриальном городе Марья Антоновна, Земляника, Бобчинский с Добчинским и другая интеллигенция. Уж очень с необыкновенной речью выступил Иван Алексаныч, «монолог был откровенным и остроумным». Оно и понятно, чай, не из каких-нибудь Зименок, а из самой Белокаменной. К тому же 25 процентов нерусских кровей...

Мария Антоновна как увидела нашего героя, так зашлась вся в экстазе, словно рокоманка какая, а под конец его речений и вовсе весь политес потеряла, пальчик в ротик засунула, аж слюнка потекла, да как гаркнет на весь зал:

— Докель же эти гидры «Москва», «Наш современник» и «Молодая гвардия» народ наш смущать будут! Ведь «откровенно проповедуют антисемитизм»!

Иван Лексаныч сразу поважнел, хехекнул для авторитету и провещал:

— Мы, значитца, в столице-с с самим Виктором Мироненко беседовали. Да-с, он так и говорит мне: «Я этот журнал не люблю. И что делать? Закрыть?» Так что вот так — закрывать будем. Не ликвидировать, нет, а закрывать!..

Поднялся тут из зала человек с вопросом:

— Как вы относитесь к тому Ленину, который возникает у Гроссмана в повести «Все течет»?

— Гениальный политик! Но две ошибочки у него все-таки есть, хе-хе, красный террор и экспроприация экспроприированного, хе-хе. А вообще-то в огороде — дерево, бузина называется, а в Киеве — дядя.

— Ах, как остроумно! — зашлась в радостях Марья Антоновна и захлопала в ладошки.— Ах, какой душка!

А Иван Лексаныч и дальше расхрабрился:

— Да я, знаете, чуть-чуть министром не стал. Культуры. Сам отказался. На что это мне, коли я с Самим по корешам! Подхожу к нему незадолго до первого Съезда народных депутатов, хлоп по плечу и прямо в глаза: «Что касается прямой трансляции, то ваш аппарат вам этого не позволит. Вам (членам Политбюро) иногда под видом протокола предписывают то поведение, которое удобно аппарату». А? Каково я его подковырнул! Да если бы не я...

— Ах, какой душка, ах, как остроумно! — зашлась в радостях Марья Антоновна.

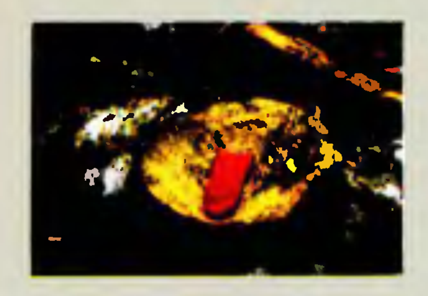
— Да я, знаете! Да я все могу! Скоро вот Мавзолей тоже закроем. Да-с, вместе с Карякиным. Еще не то будет!

Прервем этот мини-репортаж о хлестаковщине, тем более что его можно прочитать в горьковской газете «Ленинская смена» от 15 октября 1989 года. В роли Хлестакова — известный режиссер М. А. Захаров.

Никому не возбраняется при нынешнем плюрализме высказывать свои мысли. Но мало кому удается это сделать. М. Захаров принадлежит к этому элитарному, то бишь демократическому, меньшинству: телевидение, радио, центральная и даже, как выясняется, региональная печать — все готовы распространять его межрегиональные воззрения. Но, как истинный борец за перестройку, М. Захаров не испытывает чувства удовлетворения от сей действительности: «Несмотря на то, что мои статьи все-таки появляются в газетах и журналах, я тем не менее не могу опубликовать все, что хочу,— обязательно что-нибудь выбрасывают»,— жаловался он горьковской публике. «Я говорю,— продолжал народный депутат и артист,— ну поставьте рубрику «Дискуссионная трибуна» или «Ошибочное мнение депутата». Только дайте высказаться!» Не знаю, как в других местах, а в Горьком он такую возможность получил. И, как говорится, отвел душу... Помогли же ему в этом доктор филологических наук В. Баранов и корреспондент «Ленинской смены» Л. Смирнова.

Ю. БОЛДИНЕЦ

ОТ РЕДАКЦИИ. Можно только порадоваться осведомленности нашего Хлестакова, его умению быть своим в «коридорах власти». Гоголевскому герою такая перспектива и не снилась. Он мог лишь фантазировать о знакомстве с «Самим» Пушкиным, ибо поэт ему руки не подавал...

ГИБНЕТ ПОДМОСКОВНЫЙ ЛЕС

Не могу утверждать за всех жителей поселка Купавна, но мне кажется, что живут они в оккупированной зоне, которая сокращается день ото дня, как шагреневая кожа. На их глазах уничтожаются замечательные уголки живой природы, гибнет подмосковный лес — зеленые легкие столицы.

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ГЕОМЕТРИЯ

В один из дней жителей Купавны насторожили звуки бензопил, рокот трелевочного трактора, гул падающих столетних сосен. Побросав все дела, бросились они к лесу и здесь застали дюжих молодцов, кромсавших купавинский лес, находящийся в 17 километрах от Москвы. Как выяснилось, это были члены кооператива «Лесные услуги». Они прорубали просеку, по которой должен пройти водовод Киржач — Железнодорожный. Купавинцы потребовали прекратить уничтожать лес, выставили пикеты. После этого смолкли бензопилы. Но дежурить денно и нощно возможностей ни у кого не было, и просека, как плешь, стала проедать дивный сосновый бор. И проела она лес по столь мудреной линии, что непременно должна попасть в учебник занимательной арифметики или геометрии. Как, скажите, можно исхитриться через лес, длина которого два с половиной километра, прорубить просеку длиной в четыре с половиной километра? И зачем нужна просека шириной до сорока метров, если закладывается труба диаметром один метр?

Ларчик открывается просто: странные зигзаги и непомерная ширина понадобились для того, чтобы, во-первых, вырубить и продать больше соснового леса, а, во-вторых, чтобы разместить наибольшее количество дачных участков на будущей трассе водовода. По этой же причине трасса не пролегла вокруг леса, как предлагали купавинцы, а протаранила его насквозь...

Лесоповал в 17 километрах от Москвы.

ЧЕГО НЕ БЕРЕТ В ТОЛК РЫБА

Находящийся вблизи Купавны знаменитый завод «Акрихин» занимает 120 гектаров. Отходы же от его производства обнаруживают в радиусе до 250 километров. Правда, на языке работников «Акрихина» это вовсе не отходы, а «условно чистые воды», но вот рыба в Клязьме, куда попадают «условно чистые воды», этого взять в толк не может и продолжает массово погибать. Весной прошлого года из-за прорыва коллектора, по которому сбрасываются агрессивные стоки «Акрихина», наблюдалась массовая гибель рыбы в Бисеровском озере.

Недавно началось строительство нового коллектора, по которому отходы предприятия пойдут до Люберец. По замыслу проектировщиков, к коллектору должны присоединиться бытовые стоки подмосковных городов и поселков, в бюджете которых нет средств на канализацию. Поэтому-то и решено соединить бытовые стоки с заводскими.

А как быть с воздушными выбросами «Акрихина»? По данным экспертизы объедине-

ния «Алгоритм», в Старой Купавне до 50 процентов смертных случаев — результат онкологических заболеваний, вызванных превышением ПДК по ртути от двух до сорока раз! Один из главных источников этих трагедий — бенз-а-пирен, оседающий на землю. За два последних года заболеваемость астмой и аллергией увеличилась приблизительно в полтора раза, появились дети, пораженные раком...

Разговор о возможном закрытии «Акрихина» ведется давно. В прошлом году были остановлены некоторые цеха. Но весь завод от остановки спасли Ногинский горком партии и горисполком. Позицию свою представители партии и Советской власти обосновывают тем, что закрытие завода повлечет за собой многие социальные проблемы и нехватку лекарственных препаратов, изготавливаемых на «Акрихине». Но, во-первых, завод должен быть не просто закрыт, а перепрофилирован (что, кстати, и намечено), а во-вторых, удивительно безнравственно то положение, при котором лекарства для одних делаются за счет здоровья, а иногда и жизни других...

ТАЙНА СОСНОВОГО БОРА

На какие рычаги нажимали члены кооператива «Бриз» для того, чтобы получить разрешение на вырубку изумительного березняка, выросшего на месте старого пожарища в самом центре купавинского соснового бора, и строительство дач,— тайна. Но зато точно известно, что создан кооператив на базе войсковой части. Из 70 его членов 50 занимают высокое положение в обществе, есть среди них даже адмиралы.

Не счесть сходов и митингов, не счесть страстных речей в защиту леса; а сколько писем, телеграмм было послано в различные инстанции, сколько народных делегатов тратили дни и часы на поездки по кабинетам! Все вхолостую! Мощная техника вот уже год как коверкает природу, превращая лесные тропки в широкие дороги, катастрофически быстро высыхают дивные лесные озерца, потревоженные дачниками, уничтожен водоем, оказавшийся в центре дачного массива, без разрешения вырублены сотни сосен вокруг участков, вот-вот появятся асфальтовые и бетонные дороги... Хорошо еще, что сама Купавна чудом уцелела от неминуемой катастрофы, которая могла бы случиться, если бы жители поселка не обратили внимания на то, что машины, подвозящие стройматериалы дачникам, ездят прямо по трубам нефте- и газопроводов.

Между тем экспертиза НИИ Госкомприроды совершенно однозначно утверждает: строительство дач приведет к необратимым изменениям, повлечет за собой уничтожение леса. Думаете, такое заключение остановило дачников? Как бы не так! Наоборот, темпы строи-

Вот так приходится защищать лес.

тельства ускорились. По настоянию общественности президиум Мособлисполкома провел заседание, на котором решалась судьба купавинского леса. Все члены президиума, признавая размещение «Бриза» в центре лесного массива ошибочным, тем не менее решили его там оставить, так как, видите ли, «люди истратили деньги на строительство и подвоз материалов», а компенсировать 38 тысяч рублей некому... Но купавинцев интересует другой вопрос: кто же возместит ущерб за уничтожение озера, погубленные деревья?

А ВАСЬКА СЛУШАЕТ...

Рядом с Купавной — Бисеровское озеро. Эта жемчужина подмосковной природы погибает... По мнению экологов, через три-четыре года озеро будет представлять собой грязное болото. Лишившись естественной подпитки, оно всего лишь за полгода понизилось на 70 сантиметров, и уровень озера продолжает падать. Все это происходит во многом потому, что западный берег занят садовыми кооперативами. Один из них — Союзэнергозащиты. Его члены заняли как раз те берега, которые питают озеро талыми и болотными водами, где были некогда отличные покосы. Недавно еще пять гектаров ценных земель выпали из оборота сельчан. Южнее участков Союзэнергозащиты разместились дачный кооператив комендатуры Кремля, Реутовский пансионат... Но, как и следовало ожидать, виноватых нет. Никто не стремится исполнять предписание исполкома о приостановлении строи-

тельства дач на захваченных территориях около Бисеровского озера.

Жители Купавны, в том числе молодежь, принимают все возможные меры, чтобы остановить экологическую катастрофу: проводят сходы, пишут петиции, обращаются в различные инстанции, но пока все безрезультатно. Кто же поможет им прорвать кольцо бесхозяйственности, блокаду безответственности?

Московская область

А. ШТИЛЬМАРК

ОТ РЕДАКЦИИ. Угроза еще одной трагедии нависла над Бисероясским озером: единственный нетронутый участок заболоченного леса, откуда озеро получает «питание», решением Мособлисполкома отдан дачному кооперативу Министерства машиностроении. Вновь трещат бензопилы, падают вековые деревья, вновь, как это уже было не раз, жители окрестных сел вышли на защиту леса...

Сколько уже писалось и говорилось о том, что зеленая зона Москвы, образно называемая легкими столицы, должна оставаться нетронутой. Однако вопреки этому то тут, то там под разными предлогами идет ее уничтожение. Казалось бы, Советскаи власть, которую в области олицетворяет Мособлисполком, должна положить конец подобным поползновениим. Но вместо этого, как видно, проявлиется беспринципиость, по сути дела, удовлетворяются все прихоти тех организаций, которые хотят создать свои базы отдыха недалеко от Москвы.

Мы разделяем тревогу автора публикуемого материала и надеемся, что Мособлисполком сообщит о принимаемых мерах по сохранению подмосковной природы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

БАННИК ТОЖЕ ОРУЖИЕ

Артиллеристы называют банником цилиндрическую щетку на длинном древке, предназначенную для чистки ствола орудия от нагара. В русской истории сохраиился случай, когда баиник использовался не по назначению. Это произошло в Бородииском бою, во время атаки польских улан на одну из наших батарей. У артиллеристов кончились боеприпасы, и тогда они стали отбивать атаку врукопашную. Оружием были банники и прочие принадлежности. Находившийся поблизости доблестный генерал Костенецкий, отличавшийся огромной силой и исполинским ростом, тоже ринулся в бой и обломал о неприятеля два баника. Рассказывают, что после этого Костенецкий попросил Александра впредь снабжать артиллерийские роты железными баниками, на что царь ответил: «...Железные баиники у меня могут быть, ио откуда взять Костенецких, чтобы владеть ими?»

«УЗОРОЧЬЕ»

В русском народе всегда существовала потребность украшать свой быт, делать радостным труд, вносить красоту в свою нелегкую повседневную жизнь. Обычные предметы крестьянского быта: дом с крылечком и наличниками, резная мебель, одежда, полотенца, прялки, посуда деревянная и глиняная, вышивки, вязанье — несут в себе удивительное сочетание практической целесообразности с красотой внешнего облика, гармонию полезного и прекрасного.

Обыденный предмет приобретал в руках мастера не только целесообразную, но и художественно-выразительную, образную форму, превращаясь в подлинное произведение искусства, украшающее быт и труд. Отсюда и характерен для народного искусства тот оптимистический настрой, который выражается и в выборе положительных явлений для тем и сюжетов, и в нарядной декоративности, орнаментальной узорчатости, яркости цветовых сочетаний.

Из поколения в поколение передавалось мастерство от отца к сыну, от деда к внуку. Лучшие достижения отдельных мастеров соединялись в коллективной сокровищнице народного творчества, непрерывно пополняемой новыми творениями. Красота согревала душу русскому человеку, воспитывала любовь к своему Отечеству, учила терпению, мудрости, доброте и стойкости.

А сколько истинных шедевров русских мастеров собиралось и хранилось в монастырях и храмах, в частных коллекциях и музеях. Кремлевские сокровищницы многих городов были наполнены золотыми и серебряными изделиями, парадным оружием и конским убранством, дорогой столовой посудой и драгоценными окладами икон, резными и филигранными крестами с эмалью и каменьями, золотошвейным шитьем с жемчужной обнизью и многим другим. Всемирно известно уникальное собрание музеев Московского Кремля и Оружейной палаты.

Мастер-ремесленник был истинным носителем городской культуры и ее традиций. Это был человек гордый, с достоинством, живущий собственным трудом, а потому независимый, умеющий постоять за себя и интересы своей слободы на городском вече или сходах. Вспомним, какую большую общественную и политическую роль играли ремесленники в вольном Новгороде или в Москве.

В советское время мастера-ремесленники разделили судь-

бу крестьянства. На селе кустаря «раскулачивали», его ликвидировали в городах, как «мелкобуржуазный элемент». Труд мастера был коллективизирован, обезличен, а репрессиями и машинизацией ремесленника-кустаря попросту уничтожили. И тем не менее естественная тяга народа к прекрасному сохранилась — ведь даже работа на самых совершенных машинах никогда не возместит людям потребности творить своими собственными руками, истинное искусство может быть только индивидуально и согрето теплом сердца.

Видится тут прямая связь с появлением в наши дни мастеров, художников и умельцев, что своим творчеством заявили о возрождении мастерства, былых традиций, высокой поэзии ручного труда, столь свойственной вдохновенному народному искусству.

Группа таких энтузиастов образовала МОСКОВСКОЕ ГОРОДСКОЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ХУДОЖНИКОВ И МАСТЕРОВ РУССКОГО ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО И НАРОДНОГО ИСКУССТВА РОССИИ.

В объединение вошли модельеры и резчики по дереву, ювелиры и чеканщики, керамисты и вышивальщицы, стекольщики и резчики по камню. Первая же выставка объединения поразила зрителей разнообразием материалов, из которых созданы изделия, и высочайшим мастерством художников. Читатель может сам судить о художественных достоинствах некоторых экспонатов с этой выставки, фотографии которых помещены в тексте и на обложках нашего журнала. Впечатление такое, словно многие работы попали сюда из музеев.

На выставке представлено творчество профессионалов и любителей. Объединение открыло двери всем, кто обладает талантом, высоким художественным вкусом и мастерством, любит и знает культурное наследие России *.

Если вы хотите вступить в объединение, но у вас не хватает уровня мастерства, а художественные данные и желание работать очевидны, не огорчайтесь! При объединении работает школа-студия по повышению профессионального мастерства, которой руководят художники-педагоги — признанные мастера своего дела. Таких студий в школе создано уже сорок три по различным специальностям, и в будущем предполагается увеличить их число. Кроме этого, для детишек работают художественные детские школы, где каждый может найти себе дело для души и проявить свои способности. Вот уж где поистине народный университет искусства. Люди, не поступившие по разным причинам в художественное училище или вуз, смогут получить здесь основы художественного образования и мастерства и заняться любимым делом. Окончившие студию и доказавшие работами мастерство принимаются в объединение и получают возможность участвовать в выставках и продавать свои изделия в художественных салонах объединения. Каждый художник мечтает о такой возможности. Цены на свои изделия назначает сам автор, причем если в художественных комбинатах или в худфонде с автора вычитают 40—60% стоимости в пользу организации, то объединение берет только 10 процентов за расходы по продаже изделия и аренду помещения. А это является еще и мощным экономическим стимулом для художников. Поэтому цены оказываются в общем ниже, чем в государственном художественном салоне, а уж тем более ниже, чем у кооператоров. Это выгодно художникам и мастерам, выгодно и доступно населению и, что самое удивительное,— выгодно объединению. И не нужно кормить и содержать бюрократов и чиновников от искусства.

Невольно возникает вопрос: неужели объединением (его структурой, организацией, хозрасчетом) найдена альтернати-

* Чтобы вступить в объединение, надо представить свои работы, художественный совет рассматривает их, определяет их творческий уровень и т. д. То есть обычный путь вступления, но... но в отличие от Союза художников кандидат может не иметь художественного образования! Сколько талантливых, поистине народных художников обвинялись чуть ли не в тунеядстве только из-за того, что их не принимали в творческий союз, и поэтому они не могли выставляться, продавать свои произведения в художественных салонах. А «мэтры» от искусства объявляли их халтурщиками за верность народным традициям и спекулянтами за то, что они вынуждены были продавать свои изделия в Измайлове.

ва государственной монополии и кооператорам?

С каждым днем растет число членов объединения, уже организованы филиалы в семи городах, и этот творческий союз может стать общероссийским. Хотелось бы верить в подобную перспективу.

К сожалению, у объединения пока еще нет своего помещения для выставок, не хватает помещений для работы школы-студий, для мастерских. Но радует сама творческая атмосфера в объединении. Толпятся в художественном салоне покупатели. На прилавках изящные ювелирные украшения, веселящие глаз семейства цветастых матрешек, яркие зверюшки из меха, плюша и цветного стекла; матовым блеском отливают благородные геммы и камеи из драгоценных самоцветов. А какое разнообразие платьев, блузок, вышивок, вязаньи, макраме и гобеленов. Причем каждое изделие уникально, неповторимо и выполнено в национальных русских традициях. Здесь нет серийности и потока, так характерных для сувенирных лавок. И если понравившаяся вещь не подходит по размеру, то можно заказать мастеру-художнику аналогичную по фигуре и заодно заказать соответствующие украшения. Этим восстанавливается еще одна традиция русского ремесленничества. Старые традиции дают мощный импульс современной бытовой, материальной культуре. Мы почти не знаем имен народных мастеров, но незабываемы совершенные творения, созданные их гением. Помня об их славе, будем смотреть в будущее.

Г. КОМАРОВ

На снимках: один из интерьеров первой выставки объединения. «Павлины на дереве» (стекло).

ПОЗИЦИЯ

С БОЛЬЮ—О РОДИНЕ

ВЕЧЕРА «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ»

Как вы относитесь к созданию сионистской организации в нашей стране? Расскажите о задачах Объединенного фронта трудящихся России? Как можно стать членом Московского городского добровольного общества русской культуры «Отечество»? С какой целью некоторые народные депутаты СССР из межрегиональной группы обратились с призывом провести всеобщую предупредительную политическую забастовку накануне второго Съезда народных депутатов СССР? Как стать членом Российской компартии?

Эти и другие подобные вопросы задавались работникам журнала «Молодая гвардия» на встречах со своими читателями. В последнее время такие встречи состоялись в Московском физико-техническом институте, Военном Краснознаменном институте, с партийно-хозяйственным активом города Калинина, в ЦК ВЛКСМ, клубе КГБ СССР. В них приняли участие прозаик Н. Кузьмин, публицисты В. Бушин, Г. Назаров, К. Раш, доктор исторических наук С. Королев, кандидат экономических наук В. Якушев, В. Цеков, А. Житнухин и другие.

Многих людей тревожит растущая политическая и социальная напряженность в обществе, разобщение его по узкогрупповым интересам, противопоставление рабочих интеллигенции, трудящихся различных национальностей, стремление обогатиться одной части общества за счет другой, скрытый и явный рост цен, наступление организованной преступности, распространение коррупции. Люди боятся неуверенности в завтрашнем дне, беспокоятся за свое будущее и будущее своих детей. В то же время у людей растет сознание того, что улучшить жизнь можно прежде всего своими руками. Но как это сделать? Что для этого требуется? Сегодня как никогда нужна определенность, необходимы четкие ориентиры, ясные цели, сказал на одной из встреч доктор исторических наук С. Королев. Однако нам прививают такой плюрализм мнений, из которого трудно выбраться. При этом ставятся под сомнение наши идеалы. Кому это выгодно? Тем, кто крепко спаян, кто владеет деньгами и внешними связями. В искусственно раздуваемой распре корыстолюбцы рассчитывают на успех. Необходимо их разоблачать.

На встречах немало записок адресовалось писателям и публицистам. Например, В. Цекову, автору киноповести «В схватке», которая была напечатана в девятом номера «МГ» за прошлый год и в которой шла речь о силах, противодействующих перестройке, матерых мафиози и политиканствующих дельцах от науки и искусства, пришла такая записка: «Нам стало известно, что по вашей киноповести решено снимать фильм. Начались ли съемки?»

В самом деле, совместное предприятие «Агроинжиниринг», возглавляемое генеральным директором Г. Калатозишвили, и Экспериментальное творческо-производственное объединение «Актер кино», под руководством народного артиста СССР В. Тихонова, заключили договор о создании восьми полнометражных цветных художественных фильмов. Для этого был организован специальный кинофилиал, утвержден литературный сценарий и даже главный консультант. Фильм разрекламировали на Западе. И каково же было удивление автора, когда ему стало известно, что генеральный директор «Агроинжиниринга» сделал подмену «по политическим мотивам»: вместо запланированной картины велел снимать фильм братьев Вайнеров, которые не имели никакого отношения к сериалу под общим названием «В схватке». Так что схватка продолжается..

Участники встреч считают, что в обществе есть силы, способные вести борьбу за обновление Родины, дать отпор экстремистским и коррумпированным элементам, стремящимся разжечь межнациональную рознь, добиться дестабилизации в обществе политическими методами. И ведущая роль в этом, как и прежде, принадлежит партии.

ЗНАКОМЬТЕСЬ: ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПАТРИОТ»

В октябре 1989 года Издательство ДОСААФ СССР получило, как говорится, имя собственное — «Патриот». Новое название не просто смена вывески. Это веление времени, вызванное возросшей потребностью формирования у молодежи патриотического сознания, подготовку ее к защите социалистического Отечества.

Воспитание патриотизма невозможно без познания истории своей Родины, поэтому особое внимание мы обращаем на выпуск исторической литературы, в которой деяния прошлых поколений в борьбе за честь и славу Родины показаны с наибольшей глубиной и убедительностью. Коротко это направление можно определить так: через историю — в современность.

В наибольшей степени этим задачам отвечает серия книг под рубрикой «Отчизны верные сыны». В нее входят в основном исторические романы о наиболее выдающихся военно-политических деятелях нашей Родины. Уже изданы книги о Кутузове и Дмитрии Донском, Рихарде Зорге и Чапаеве, о Сергее Лазо и Фрунзе; готовятся книги о Суворове, Брусилове, Ушакове, Румянцеве-Задунайском, Дмитрии Пожарском, о многих других выдающихся сыновьях Отчизны.

Книги научно-популярной серии «Полководцы» содержат по 5—7 биографических очерков о полководцах и военачальниках, начиная с Древней Руси до наших дней. По сути дела, здесь через людей, многие из которых ныне неоправданно забыты, хронологически последовательно показана военная летопись и государства Российского, и Страны Советов.

Достоянием истории стала и Великая Отечественная война. Количество изданий, ей посвященных, не уменьшается, а возрастает, особенно в связи с приближающимся 45-летием, а в недалеком будущем — и 50-летием Великой Победы.

К 45-летию Победы выйдут книги Ю. Виноградова «Операция «Берлин», Ю. Тюрина «Рубеж», А. Бланка и Б. Хавкина «Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса», сборники «Слово солдата» и «Ради жизни на земле». Десятки изданий будут посвящены 50-летию Победы. Среди них двухтомник «Война» Ивана Стаднюка, сборник рассказов Андрея Платонова «Вся жизнь», «Сталинград» Валентина Пикуля, военные рассказы Юрия Нагибина, «Полководец» Владимира Карпова, «Жуков» Николая Яковлева, «Завтра была война» Бориса Васильева, «С войны не вернулся» Олега Смирнова и ряд других изданий.

Считая одной из важнейших задач всемерно содействовать укреплению престижа военной службы, подговке молодежи к защите Родины, мы намечаем широкий круг изданий, тематически относящихся ко всему комплексу проблем, связанных с Вооруженными Силами. Здесь представлена и проза, как, например, роман Виктора Верстакова «Прости за разлуку», и остросюжетная документальная повесть Михаила Кизилова «Южный крест», что намечаются к выходу в свет в 1991 году, и серия брошюр, издающихся под рубрикой «Молодежи — о Вооруженных Силах», а также издания пропагандистского характера, как только что вышедшие книги Льва Рошина «Наши воинские символы» и Валерия Волошина «После приказа».

О современной армии нужны талантливые, захватывающие молодежь произведения, причем написанные людьми, знающими проблему не понаслышке, а, как говорится, изнутри.

Издательство установило контакты со Студией военных писателей, руководимой И. Ф. Стаднюком, с молодыми военными писателями. К печати готовится повесть Николая Иванова «Алькор» принимает вызов». Ряд рассказов, очерков, новелл молодых авторов будет включен в альманах «Патриот», издание которого начинается с 1991 года.

Не забыт нами и массовый читатель, любители детективов, приключений и фантастики. С 1989 года начали выходить книги под рубрикой «Военно-приключенческие повести», первая из которых — «Тихий городок» — уже поступила в продажу. В 1990 году выйдет сборник «Обвиняется в измене», названный так по центральной повести Василия Веденеева, готовится к набору повесть Александра Афанасьева «Тупик с незапертой дверью».

В рамках всесоюзной программы издания книг для детей и юношества готовится к производству роман И. Ефремова «Туманность Андромеды» и рассказы С. Алексеева «Богатырские фамилии».

Планируется выпуск ряда подарочных изданий, в частности, книги-альбомы «Георгиевские кавалеры», «Русская наградная медаль», «Русская армия. История военной формы» и другие.

Не забыта и традиционная для нас техническая книга. Автомобилистов наверняка заинтересуют поступившие в продажу пособия К. Шестопалова и С. Демиховского «Легковые автомобили» и «Советы бывалых автомобилистов» А. Бродского.

В 1990—1991 годах выйдут книги по устройству и техническому обслуживанию автомобилей «Жигули», новой модели «Москвича» и «Таврии».

Впервые издается пособие по самостоятельному проектированию и постройке сверхлегких самолетов, десятки новых книг получат радиолюбители, в том числе «Энциклопедию начинающего радиолюбителя». Намечается увеличение изданий справочно-энциклопедического характера.

А. ОСТРОВСКИЙ,
главный редактор издательства «Патриот»

«БЫТЬ ВЕРНЫМИ СВОЕМУ ВЫБОРУ» («Круглый стол» «Молодой гвардии» читайте на стр. 3). На верхнем снимке народные депутаты СССР А. ЦАРЕВСКИЙ и Г. ШАРЫЙ. Фото А. САЛЮКОВА.

ТОВАРИЩ

Валентин ПИКУЛЬ

СТУПАЙ И НЕ ГРЕШИ

Бульварный роман

Окончание. Начало на стр. 81

— Вы... н а ш! Угодно ли, я предоставлю вам адреса наших явок, наши пароли, и вы по праву займете должное место в истории великой революции будущего.

Вот на это Карабчевский никогда не был способен.

— Благодарю! — отвечал он. — Но я, как адвокат, обязан высоко нести другое знамя. Это знамя личной независимости и объективнейшей беспартийности, чтобы ничто не могло влиять на мое отношение к возрождению юридической истины...

Был серенький зимний денек, дворники скребли фанерными лопатками, убирая с панелей мягкий пушистый снег, был приятен угасающий в сумерках город, насыщенный теплыми огнями окон, когда Николай Платонович вернулся домой на Знаменскую улицу, где он занимал уютную квартиру из восьми барских комнат. Его тепло встретила жена Ольга Константиновна, миловидная корпулентная дама, озабоченная своей будущей ролью Клеопатры в «живых картинах» на благотворительном концерте в пользу неимущих жителей столичных окраин. Сам же Николай Платонович давно готовился к роли городничего в «Ревизоре», и потому супруги, сидя под абажуром, мило посудачили о театральных делах Петербурга...

Но вот, отвлекшись от темы, Карабчевский с шелестом развернул газетные страницы:

— Ты, душа моя, конечно, читала, что назревает судебно-нравственный процесс над некой мещанкой Ольгой Палем?

— Да. Но, может, она и не убивала студента?

— Вот именно, что она его убила.

— Возможно, случайно?

— Случайно в упор не убивают.
— Собираешься защищать?
— Хотел бы.
— Но на что же ты надеешься?
— Не знаю. Об этом предстоит думать...

Он нанес визит Н. Д. Чаплину, председателю окружного суда, которому уже была уготована роль обвинителя на предстоящем процессе. Карабчевский дал понять, что его кредо правдоискателя прозвучит на суде несколько одиозно и, очевидно, вызовет недовольство в министерствах юстиции.

— Не пугайте меня, — попытался отшутиться Чаплин.

— Да я и сам боюсь своих мыслей, Николай Дмитриевич. В нашей стране женщина лишена насущной мужской привилегии — вызывать оскорбителя на дуэль... Все равно! — убежденно договорил Карабчевский. — Рано или поздно, женщина находит свой способ отомстить. Если не убьет, так изменит. Если не изменит, так жестоко разлюбит.

Чаплин перевел разговор на деловые рельсы:

— Надеюсь, вы обговорили условия гонорара с вашей подзащитной, которую я постараюсь упечь на полную катушку, так, чтобы ее жизнь закончилась на лоне дивной сахалинской природы.

— Да что с нее взять-то? Я ведь не Серебряный, чтобы водружать свое корыто на Вавилоне человеческих страстей и мучений. Нет, я желаю бороться с вами, Николай Дмитриевич, защищая Ольгу Палем вполне бескорыстно, не заботясь о личной выгоде. Искусство ради искусства — это, согласитесь, не так уж плохо звучит, если речь заходит о настоящем искусстве!

. . . .

Член совета присяжных поверенных Санкт-Петербурга Николай Платонович имел немалые права, и вскоре же состоялось его первое свидание с подзащитной — в тюрьме.

Вернулся он домой в подавленном настроении.

— Твоя тезка, — сказал он жене, — никогда не убила бы этого студента, если бы не переполнилась великая чаша ее женского долготерпения. Обвинение женщины, мстящей за свое поругание, давно вышло за пределы уголовного права, становясь краеугольным вопросом всей нашей общественной морали.

— Извольте кушать, — объявила господам служанка.

Карабчевский с женою проследовали к столу.

— Нравственность извечно зиждется на первоистоках формирования человека обществом. Прости, Оленька, но первый в жизни поцелуй — это ведь акт колоссального значения...

— Сегодня очень вкусный суп, — похвалил кухарку Карабчевский и после долгого молчания вернулся к прежней теме разговора. — Я мучаюсь, Ольга, еще не ведая, с чего мне начать. Так, наверное, страдает писатель, ищущий первую строку своего романа.

— С чего же начнешь? — вопросительно взглянула на него жена.

— Пожалуй, с появления Ольги Палем в Одессе...

Известно, что Карабчевский хорошо представлял себе ход предстоящего дела защиты, но речей никогда не говорил и заранее не записывал, уповая лишь на силу своего творческого вдохновения. Он как бы незримо, по ходу процесса, «писал» свою речь в голове... Мне думается, что, готовясь именно к этому процессу, Карабчевский поработал более тщательно, чем обычно, оказался гораздо ближе к истине, нежели казенные следователи, измучившие Ольгу Палем не имевшими никакого отношения к делу вопросами.

— По сути дела, — рассуждал Карабчевский перед женою, — Ольга Палем, и без того уже достаточно истерзанная, подвергается новым оскорблениям, когда из ее души пытаются извлечь то, чем дорожит каждая женщина. Мне тяжело даются свидания с нею. Ее состояние, близкое к истеричности, требует внимания врачей, а не следователей...

Карабчевский заблаговременно распорядился, чтобы из Одессы в Петербург были вызваны в качестве свидетелей и фотограф Горелик и Фаина Эдельгейм, содержательница публичного дома. Зато никакими клещами было не выманить на суд Александру Михайловну Довнар-Шмидт, и не потому, что она была убита гибелью сына, а совсем по иным причинам. Накануне суда Карабчевский переговорил с П. Е. Рейнботом, которому предстояло выступать на суде поверенным гражданской истицы (то есть от лица матери убитого).

— Павел Евгеньевич, госпожа Довнар-Шмидт, невзирая на наши вызовы, конечно, на суд не явится, и я полагаю, что вашей истице просто нежелательно, чтобы ее поступки предстали перед судом общественности в самом неблаговидном свете.

— Как сказать, — выгнул плечи Рейнбот. — Поймите же и вы материнское сердце, всю силу его отчаяния.

Материнские сердца, заметил на это Карабчевский, иногда бывают излишне жестокими, порождая эгоизм в своих же возлюбленных чадах. В трагедии между сыном и Ольгой Палем во многом повинна именно она, сознательно сводившая молодых лю-

дей, эгоистично желая, чтобы ее сын избежал общения с непотребными женщинами. Результат оказался неожиданным и для нее!

— Мне было очень неприятно, Павел Евгеньевич, обращаться в морг, но все же знайте: вскрытие тела Довнара показало, что во время последнего (самого последнего) свидания с Ольгой Палем он уже был заражен новой дурной болезнью. Об этом я не говорил обвиняемой, дабы не добавлять ей душевных страданий... Придется сказать потом!

— Вы меня просто убили, — сознался Рейнбот...

За день до суда Карабчевский снова побывал в тюрьме, из камеры Ольга Палем была доставлена в служебную комнату для адвокатов. Николай Платонович заранее заказал ужин в дорогом ресторане, и подследственная с тихим удивлением обозревала диковинные яства, которых никогда в жизни не видела.

— Что это значит? Я... свободна?

— Завтра вы будете уже на свободе, а сейчас расслабьтесь, — внушал ей Карабчевский. — Можете даже выпить со мною вина, это вам не помешает. Сегодня я не стану тревожить вас своими вопросами, мы просто поговорим как друзья по общему для нас несчастью. Вы нужны мне завтра бодрой и веселой... Кстати, я принес вам письмо, автором которого является маркер в бильярдном клубе, осужденный за то, что обворовывал влиятельных игроков. Вот послушайте, что писал из тюрьмы этот жулик своей возлюбленной...

«Дорогая! — писал тот. — Желаю, чтобы мое письмо не спасовало с волшебным треском, влетая в твою душу, как шар в лузу. Чувство мое не фукс, а крепкое, как сукно, туго натянутое на бильярде. Ты удачно срезала мое сердце и приперла к бортам мои лучшие намерения. Теперь, лишенный тебя, я мечусь по камере, словно шар между бортами. Жизнь опостылела, как пять очков на себя с приплатой. Надеюсь, наше будущее пойдет с легким накатом, без всяких клопштоссов. Но твоя измена поразит меня со всеми карамболями. Целую тебя столько раз, сколько очков предстоит набрать в не разыгранной еще пирамиде...»

Карабчевский все-таки сумел рассмешить Ольгу Палем, а на прощание он поцеловал ее тонкую руку:

— Будьте спокойны. Завтра во всем разберемся...

Я подозреваю, что он придумал и этого вороватого маркера, да и письмо это сочинил он сам, ибо обладал немалым литературным талантом. Русский читатель знал его как поэта, прозаика и публициста... Не в укор Карабчевскому тогда писали, что, «обладая выдающимся искусством допрашивать свидетелей и экс-

пертов, он часто переносил центр тяжести процесса на судебное следствие». Желательно, читатель, чтобы и у нас подражали этому примеру...

«Завтра, завтра!» — всю ночь Ольга Палем не могла уснуть.

. . . .

14 февраля 1895 года началось слушание дела.

«Встать, суд идет!» — надо вставать, как положено...

Все внимание публики, жадной до пикантных подробностей, связанных с порханием амуров над трупами, было обращено даже не на Чаплина, не волновал ее и скучный Рейнбот — она ожидала грозы, что вот-вот грянет из-за пюпитра, за которым, внешне ко всему безучастный, восседал Карабчевский. Петербуржцы знали, что сейчас в этом человеке с густой шапкой темных волос незримо скапливается огромная взрывчатая сила убеждений, подобная той, что заключена в пакете нобелевского динамита, столь модного по тем временам.

Негромким голосом он попросил наконец Чаплина предоставить слово свидетелям защиты, ибо они вчера приехали из Одессы на свои же деньги и, стесненные временем, вечерним поездом должны отъехать обратно. Краем глаза он заметил, как оживилась Ольга Палем, когда перед судом предстал фотограф Горелик. Ему была предъявлена для опознания четырехлетней давности фотография Ольги Палем, и Горелик сразу признал в ней изделие своего ателье:

— Да, это подсудимая в лучшую пору ее жизни, когда она и приехала ко мне на «штейгере» с дутыми шинами, желая иметь свой шикарный портрет в модной шляпе с цветами. Я госпожу Палем всегда знал за порядочную женщину и таковой считаю ее до сих пор. Мне как-то странно видеть ее сейчас на скамье подсудимых. Извините, если что не так я сказал.

Перед синклитом судей явилась субтильная дамочка неопределенного возраста, и Рейнбот потребовал, чтобы она откинула с лица вуаль, что и было исполнено. Фаина Эдельгейм, мельком и без интереса глянув на Ольгу Палем, решительно заявила:

— Я своих девочек знаю, как даже курица не знает своих цыпляток. Подсудимая никогда не была в числе моего выводка, и в этом я клятвенно заверяю суд присяжных заседателей. А как попала ее фотография в коллекцию Зойки Ермолиной, этого объяснить не могу. Но эта Зойка привыкла собирать всякие картинки и даже фантики от конфеток... Что с нее взять, если она попросту недоразвитая!

Самая безобразная, глумливая страница из дела Ольги Палем

была вырвана и уничтожена стараниями Николая Платоновича.

Одесситы удалились, провожаемые шушуканьем публики, в чем-то уже разочарованной. Но встреча с ними, как и новое предъявление злополучной фотографии, вызвала в Ольге Палем сильное нервное потрясение, что мгновенно насторожило Карабчевского, который счел нужным сразу вмешаться:

— Как представитель защиты, я прошу учесть нездоровое состояние подсудимой, дабы со стороны уважаемого председательствующего было дозволено прервать заседание суда...

В один день суд не закончится, а Карабчевский ждал своего звездного часа. Озабоченный, он вернулся домой.

Ольга Константиновна сразу угадала его тревогу:

— Что-нибудь не так, как ты хотел бы?

— Да нет. Пока все гладко. Но обвинительная сторона имеет немало врагов подзащитной. Явился на суд и какой-то отставной полковник Колемин, о существовании которого никто и не подозревал, а что он скажет — бог его знает. Ты же знаешь, я всегда побаиваюсь людей, рвущихся стать свидетелями...

Смеркалось, и ярко разгорались окна в домах, где жили беззаботные, веселые, говорливые люди, которым не угрожали речи присяжных поверенных... Вечерний Петербург ликовал!

НЕВИНОВНА

Суд длился четыре дня, и по мере того, как увеличивалось число свидетелей, то выгораживавших, то порицавших ее, голова Ольги Палем опускалась все ниже, а перед судьями опять представали люди, люди, люди, которых она хотела бы забыть, но суд безжалостно извлекал их из забвения былого, выставляя перед ней напоказ, и она боялась их слов — теперь Ольга Палем боялась любых слов!

О, как хотелось ей в эти дни поскорее вернуться в тюремную камеру, прислониться спиною к жарким батареям парового отопления, сжаться в комочек и затихнуть, чтобы о ней никто и никогда больше не вспомнил...

Она оживилась, лишь когда перед судьями, тяжело опершись на костыль, предстал отставной полковник Колемин.

— Я старый русский солдат, а потому... — сипло начал Колемин...

Колемин принадлежал к числу тех людей на Руси, что готовы всегда, при любых обстоятельствах сражаться за правду-матку, упрямо вмешиваясь в дела, казалось бы, далекие от их личных интересов.

— Да, — просипел он, — Ольга Васильевна Попова состояла на содержании Кандинского, да, это так, я не спорю... А куда ей было деваться? Из многих зол она выбрала меньшее, иначе мы бы говорили о ней сейчас как об уличной жрице любви. Одинокая — ни кола, ни двора, что она могла поделать, еще девчонка?

— Итак, свидетель, — вмешался истец Рейнбот, — вы подтверждаете, что подсудимая уже в свои юные годы пала столь низко, что охотно пошла на содержание к богатому человеку?

— Кандинский, конечно, виноват в том, что сделал ее своей наложницей, но было бы еще хуже, если бы Ольга Палем попала к кому-нибудь другому, — ответил Колемин.

— Как вы сами относитесь к подсудимой?

— С жалостью. С жалостью и с уважением.

— Откуда у вас могло возникнуть подобное уважение?

— Просто я не извещен о таких фактах ее жизни, которые могли бы вызвать во мне обратное мнение...

— Хорошо. Продолжайте.

— Так на чем вы меня перебили? Ах, да, вспомнил — о содер-

жапии. Поначалу госпожа Попова о нем и не помышляла. Это я, поверьте, сам я настоял на том, чтобы Кандинский не остался свинтусом, и госпожу Попову именно я принудил не отказываться от его денег. Позорно не это, а то, что покойный Довнар не раз прибегал к щедрости Кандинского, не имея на это никаких прав. Вот это безнравственно!

Павел Рейнбот, исполняя свой служебный долг перед истицей, громко постучал карандашом, потребовав от Колемина:

— Свидетель, не оскорбляйте память покойного.

— Не буду. Но хотел бы изложить перед судом последнее. Я знавал Ольгу Васильевну еще вот такой. — Полковник показал на вершок от пола. — Я знал ее как дочь генерал-майора и предводителя дворянства Таврической губернии Василия Павловича Попова... В этом я уверен! Другое дело, что ее мать, Геня Палем, смолоду очень красивая еврейка, сущая искусительница, была любовницей генерала Попова, а потом возвращена к ее мужу в Симферополь. Так что, — заключил Колемин, — Ольга Васильевна не ошибалась, говоря о своем высоком происхождении...

Судьи переполошились. Карабчевский тоже растерялся.

— Как же эта Геня Палем оказалась у Попова?

— А что тут долго размусоливать, — отмахнулся Колемин. — У нас за деньги и не такое возможно...

Вот этого и не предвидел никто, и, конечно, не могла предвидеть даже сама подсудимая.

. . . .

Был объявлен перерыв, ибо Ольге Палем опять стало дурно. Потребовалось время, чтобы она успокоилась, а публика прохаживалась по коридорам суда, делясь своими впечатлениями:

— Какая-то фантасмагория с этим миллионером.

— Попов — такая значительная персона, и вдруг?..

— Господи, да просто шлюха и падшая женщина.

— Но мне ее жалко, она так страдает.

— А у меня вот ни капли жалости. Так ей и надо!

— Не говорите, дорогая. Все мы ходим под богом.

— Под богом — верно, но ходим все же в законном браке.

— Карабчевский-то каков, вы заметили? Сидит себе и помалкивает...

— Готовит бомбу, истинно вам говорю — уж я-то его знаю...

Перерыв закончился. А за барьером, разделяющим два мира, свободных от несвободных, совсем поникла Ольга Палем, когда красноглаголящей чередой, быстро наглея от поддержки суда и реакции публики, перед нею прошли свидетели, жестоко клеймившие ее, — Матеранский, Шелейко и Милицер.

— Я давно видел, какие страдания принесла эта женщина моему другу, студенту Довнару, и он сам, приезжая в Одессу, не раз горько плакал, жалуясь, что она измучила его физически и нравственно, — утверждал Стефан Матеранский.

— Подсудимая — насквозь лживая и фальшивая особа, интриганка и аферистка, — с готовностью подхватывал подпоручик Шелейко. — Я всегда с трудом выносил общение с нею, душевно жалея Довнара, чистого и светлого юношу, которого эта Мессалина опутала клятвами, силой принудила его к позорному сожительству. Да-да, она хищно увлекала Довнара в бездну падения своим утонченным развратом, о коем даже говорить здесь непристойно.

— Суд, — деловито начал Станислав Милицер, — возможно, сочтет меня слишком пристрастным свидетелем, ибо я лично немало пострадал от грязных доносов подсудимой, которая ненавидела меня с первого же дня нашего знакомства. Да, она догадывалась, что именно я отвращал Довнара от общения с этой падшей женщиной, готовой на все, лишь бы носить дворянскую фамилию Довнар-Запольской древнего герба «Побаг». Нет слов, чтобы выразить то ужасное душевное состояние Довнара, который никак не мог избавиться от преследований этой хищницы в женском обличье. Что тут долго говорить, — развел Милицер руками, — если даже почтенную госпожу Шмидт она называла ведьмой. Подсудимая так и говорила ей: «Дождешься, ведьма! Живым или мертвым, но твой Сашка все равно останется моим, твоя материнская любовь и погубит его...»

Тут из рядов публики поднялся неизвестный, пожелавший таковым и остаться. С места он прокричал в сторону Чаплина, что убийство Довнара не явилось для него неожиданностью, ибо этого и следовало давно ожидать от такой психопатки:

— Позволю припомнить давний эпизод на катке в саду Франконп. Взревновав Довнара к его кузине Зиночке Круссер, подсудимая выхватила револьвер, угрожая застрелить Довнара и мадемуазель Круссер... об этом в Одессе все знали!

— Вот этот револьвер? — издали показал Чаплин «бульдог», трагически завершивший судьбу молодого человека.

— Нет. Не этот. У нее был другой. Маленький.

Чаплин обратился к подсудимой:

— Госпожа Палем, вы подтверждаете сказанное?

— Да, — послышалось из-за барьера...

По рядам публики пронесся шелест взволнованных голосов, дамы разом издали слабый стон, томно прикрывая глаза, когда перед ними предстал очередной свидетель обвинения — одесский грек Аристид Зарифи, поразивший всех своей античною красо-

той. Даже за столом Фемиды возник шепот, а председательствующий Чаплин напрямик спросил одесского Аполлона:

— Вопрос не по существу дела. Но мне все-таки хотелось бы знать — вы когда-нибудь видели себя в зеркале?

— Иногда, — отозвался красавец. — Но это лицезрение, прошу поверить, никогда не доставляло мне удовольствия.

Зарифи был вызван на суд стороною истицы, затребованный от имени присяжного поверенного Рейнбота, дабы очернить Ольгу Палем откровенным признанием в том, что она — после разрыва с Кандинским — была его любовницей. Дамы вытянулись вперед, сразу же заострившись носами, похожие в этот момент на хищных птиц, завидевших податливую добычу. Зарифи, кажется, и впрямь не уверовал в показания зеркал, и потому, уже привычный к вниманию женщин, он держался подчеркнуто скромно, без тени развязности, присущей подавляющему большинству красавцев.

— К сожалению или к счастью, но это сущая правда, — рассказал он, потупясь. — Да, мы были молоды, нам светило прекрасное южное солнце, дивное море ласкалось у наших ног, она не скрывала, что уже познала любовь, а потому мы вступили в связь, длившуюся краткий срок, и были счастливы оба.

— Неправда! — крикнула ему Ольга Палем.

— Однако, — продолжал Аристид Зарифи, — как легко мы сошлись, так же легко и расстались. Высокий суд поймет нас правильно: даже самый ослепительный фейерверк страсти не может заменить вечного светила любви. Мы расстались, я и до сих пор душевно благодарен подсудимой за то, что она как пришла, так и ушла, не требуя от меня ни заверений, ни тем более денег... А я ведь не самый бедный человек в Одессе!

Рейнбот остался очень недоволен. Он жаждал обвинений в порочности Ольги Палем, в разнузданности ее нрава, а вместо этого... Любовь нагло и глупо сравнили с солнцем!

— Подсудимая, — был его вопрос к Ольге Палем, — вы подтверждаете сказанное о том, что после связи с Кандинским сразу же вступили в незаконную связь со свидетелем?

— Неправда, неправда, неправда! — кричала Ольга Палем.

Дамы в публике были возмущены: «Разве можно отказать такому красавцу? Я бы не отрицала, а гордилась этим...»

Аристид Зарифи, смущенный, пожал плечами.

— Что было, то было, — сказал он себе в оправдание.

— Благодарим. Вы свободны, — отпустил его Чаплин, добавив с тонким юмором: — Но подсудимая вам не поверила...

Ольга Палем бурно разрыдалась, и конвойный солдат, стоя за ее спиной, вслух отсчитывал в рюмку капли валерианки:

— ...Тридцать одна... тридцать три, тридцать...

— Хватит! — с места велел ему Карабчевский.

Чаплин, привстав, долго звонил в колокольчик.

— Объявляется перерыв! Для дачи свидетельских показаний приготовиться барону Сталю.

Услышав это имя, Ольга Палем схватилась за сердце:

— Боже, да когда же вы перестанете меня мучить?

. . . .

В перерыве Карабчевский подошел к Ольге Палем:

— Имейте терпение. Так бывает всегда, и не стоит этому удивляться. Жестокий шквал пересудов надобно выдерживать, а в конце заседании я постараюсь свести концы с концами. Вы, милая, далеко не ангел и сами должны понимать, что люди для того и судят людей, чтобы, забыв о светлом, выставлять наружу одно черное... Не волнуйтесь. Все будет хорошо.

— Спасибо вам, — сказала Ольга Палем, дохнув валерианкой в лицо адвокату, и он ласково потрепал ее по руке:

— Держитесь. Жизнь — это все-таки не праздничный карнавал, а неравный поединок со злодейкой судьбой. Умейте же встречать ее коварные удары с отважно поднятым забралом...

Барон Сталь фон Гольштейн за эти годы сделался видным строителем мостовых, предсказателем великого будущего городского асфальта; одетый с лоском, довольный собой, он с явным презрением оглядывал присяжных через линзу монокля:

— Целиком разделяю возмущение подсудимой, упрекавшей этого грека за то, что он бросил тень на ее честь порядочной женщины. Я, как и Зарифи, имел в ту пору немалые шансы покорить ее сердце и даже... даже заключил пари в кругу своих приятелей, поклявшись, что добьюсь ее благосклонности.

— Пари? — удивились присяжные заседатели.

— Да, на ящик шампанского! И хотя я, — продолжал барон, — крайне желал упрочить свой давний престиж неотразимого мужчины, но все мои притязания разбились вдребезги о неприступную фортецию, зовущуюся Ольгой Палем. Мне до сих пор болезненно сознавать, что мой авторитет в Одессе был надолго подорван, а ящик шампанского распили без меня...

Неожиданно для Палем к даче показаний был притянут и Кухарский, высокого чина которого судьи не пощадили.

— Вы пытались официально оформить брачное согласие между подсудимой и покойным Довнаром. Этим вы преступили все мыслимые и немыслимые границы законности. Согласитесь, что ваше поведение выглядит по меньшей мере наивно.

Для Кухарского это заявление явилось большой новостью.

— Мне было жаль эту несчастную женщину, но я ведь не знаток статей закона и не мог знать, как официально проводится примирение. Я поступал не как юрист, а как... человек.

— Человеческое, — отчитывали его, словно мальчишку, — это еще не есть законное. Поступая лишь «по-человечески», вы невольно вторгались в пределы разумной юриспруденции и теперь заслуживаете общественного порицания.

— Извините, — жалко бормотал тайный советник, — я ведь никого не хотел обидеть, я желал одного — чтобы лучше...

И уж совсем неожиданно для Ольги Палем выросла молодцеватая фигура полицейского пристава Олега Чабанова, который многое знал, но заявил кратко — без лишней патетики:

— Ничего худого о подсудимой доложить не могу!

— Вы знали, что подсудимая, имея законную фамилию Палем, имела дерзость называть себя еще и Поповой?

— В полиции Одессы об этом не знали.

— Почему не противились нарушению законности?

— Мне кажется, что полковник Колемин уже многое прояснил. Подсудимая называла себя Поповой с нашего ведома, — отвечал Чабанов, — потому что ее крестный отец не возражал, чтобы она носила его фамилию. Спорить же с ним, генералом и губернским предводителем дворянства, нам совсем не хотелось.

Появление на суде Сережи Лукьянова привело Ольгу Палем в тихий ужас. Бывший юнкер, а ныне поручик гвардейской артиллерии, Лукьянов вспомнил перед судом летний сезон на хуторе под Аккерманом, когда мама сказала ему, что Ольга Палем могла бы стать хорошей женой, а теперь...

— Теперь я вижу, куда завели ее темные дебри жизни! Я уже досыта начитался в газетах всяческих инсинуаций о госпоже Палем, но я не верю ни в распутство, ни в злодейство подсудимой. Да, я общался с нею, еще юнкером, и смею заверить суд в ее чистоте и порядочности. Чтобы вам стало ясно, я имею честь заявить лишь одно, но самое существенное. Признайте ее невинной жертвой нашего порочного общества, и я отсюда же, из этого зала суда, согласен увести ее под венец, чтобы она стала моей богоданной женой и матерью моих детей. Если она и убила мерзавца, значит, он того и заслужил... Больше мне сказать нечего. Но разве я не прав, дамы и господа?

Такое заявление вполне годилось для газетной сенсации, и корреспонденты разом склонились над своими блокнотами, дабы читатели убедились в том, что рыцари на Руси еще не перевелись. При этом Ольга Палем рвалась через барьер.

— В чем моя вина? — она почти обезумела от ярости. — Неужели лишь в том, что я не хотела становиться блудницей, мечтая стать законной женой человека, которого полюбила?! Если за всех людей на свете распяли Христа, так распинайте же и меня — за всех женщин, которые желают одного, только одного: простого семейного счастья...

. . . .

В такой обстановке вершился суд, и читатель поймет, что я лишь едва-едва приоткрыл занавес, не обнажая всей сцены торжества злоречия и справедливости, ибо полнота картины судилища увела бы нас слишком далеко...

18 февраля Николай Платонович начал свою речь в защиту Ольги Палем. Настал его звездный час. Вернее — три часа, и его речь, начатая в шесть вечера, закончилась к девяти под бравурный гром аплодисментов.

Суд присяжных заседателей удалился на совещание и вскоре вернулся в зал заседаний с окончательным вердиктом:

— Нет, невиновна!..

Карабчевский подошел к барьеру с протянутой рукой:

— Ольга Васильевна, вы свободны... Как видите, я сдержал свое слово.

ДА, ВИНОВНА

— Виновна с ног до головы, и в этом у меня нет никаких сомнений, — заявил министр юстиции Николай Валерианович Муравьев (который как раз в это время расходился с четвертой женой, желая вернуться к первой).

Министр — это вам не тюха-матюха, а потому его слова воспринимаются подчиненными с особым вниманием.

Всего лишь ночью 18 февраля Ольга Палем обрела свободу, а 21 февраля 1895 года «Правительственный Вестник» опубликовал официальное сообщение: «Министр юстиции, обратив внимание на условия, при которых судебное заседание... по делу мещанки Ольги Палем, обвиняемой в убийстве студента Довнара, несмотря на наличность тяжкого преступления, закончилось оправдательным приговором, поручил прокурорскому надзору озаботиться принесением на этот приговор кассационного протеста в Правительствующий Сенат...»

Я лишен возможности перелистать «Новое Время» за эти дни, но зато извещен, что газета поддержала мнение министра; из глубин Эртелева переулка, где размещалась редакция Суворина, слышалось ворчливое бормотание В. П. Буренина, известного под псевдонимом «Граф Алексис Жасминов»:

— Не слишком ли много развелось у нас Юдифей, желающих

видеть наших Олофернов безголовыми? Если каждая из них укокошит хотя бы одного русского студента, то, посудите сами, с кем великая мать-Россия будет созидать лучезарное будущее?..

21 марта в кассационном департаменте Сената уже готовился доклад для пересмотра дела.

Обер-прокурор Анатолий Федорович Кони, обязанный сделать заключение по делу Ольги Палем, еще до совещания имел краткую беседу с Карабчевским. Кони, сам сенатор, относился к нему с большим уважением, а потому их разговор носил дружеский характер.

Дружеский, но никак не соглашательский.

— Николай Платонович, — сказал Кони, — не в обиду вам будь сказано, сила вашей логики и вашего красноречия уже не однажды вынуждала Фемиду переписывать обвинительные приговоры на оправдательные. Вы, как никто другой, способны черного кобеля отмыть добела. Присяжные заседатели, послушав вас, желают внимать уже не прокурору с его знанием законности, а вам, присяжному поверенному, знатоку души и сердец.

— Благодарю, — отвечал Карабчевский. — Но что же мне делать? Оставаться равнодушным, словно гнилой пень в темном лесу, или жевать мякину, как это делают мои хладнокровные коллеги Адамов, Соколов или Керенский?..

— Ваша речь в защиту Ольги Палем, — настаивал Анатолий Федорович, — попросту гениальна, и вашему ораторскому искусству могли бы позавидовать даже парижские адвокаты, ни в кои времена красноречием не обиженные. Но именно ваша блистательная речь и вовлекла суд в ошибочное определение полной невиновности Ольги Палем. В данном случае — увы! — эмоциональная сила вашего воздействия сокрушила торжество законности.

Николай Платонович грустно посмеялся:

— Никак не пойму, то ли вы меня хвалите, то ли порицаете за избыток эмоциональности. Но живые люди, попавшие под карающий меч закона, это все-таки не бездушные кирпичи, которым безразлично, перевезут их или нет из Петербурга на Сахалин, и говорить о них следует возвышенным тоном... Я буду с вами бороться! — заключил Карабчевский.

Кони остался джентльменом:

— Желаю успеха в борьбе с департаментом и со мною...

В широкие окна задувал свежий ветер Невы, заставленной оттаявшими кораблями, торжественная лепнина высоких потолков Сената невольно напоминала о славном прошлом, а пухлозадые гении, раздувая щеки, извлекали из горнов радостные гимны юридической и нравственной справедливости.

Докладывал дело сенатор и профессор уголовного права Николай Степанович Таганцев, который и попросил Карабчевского:

— Николай Платоныч, садитесь так, чтобы я вас видел...

Это был тот самый Таганцев, коего написал художник Кустодиев на картине «Вечернее чаепитие», где сенатор изображен хлебающим чаек с блюдца. Выходец с московской Таганки (откуда и его фамилия), Таганцев, под стать купцам, чаепитие обожал, лицо он имел багровое, а бороду белую.

Именно этот человек в 1887 году защищал Александра Ульянова, брата Ленина. Теперь, опытный криминалист, он уже не защищал, а, напротив, обвинял Ольгу Палем, а заодно и всю следственную катавасию с неразберихою множества свидетелей.

— Вы утверждаете, — говорил Таганцев, обратясь к Карабчевскому, — что убийство Довнара совершено Ольгой Палем в припадке невменяемости, настаивая при этом на случайности преступления. Вопрос об умоисступлении, как мне кажется, остался неизвлеченным из ящика Пандоры, нервное же состояние подсудимой следовало измерять выводами врачей-психиатров, а не версиями полицейских врачей, которые раздели ее, бедненькую, и осмотрели даже в тех местах, кои никакого отношения к злодейству не имеют. В конце концов, господа, следствие занималось ловлей блох, а главного так и не увидело...

Таганцев говорил долго, но длинноты сенатора не были утомительны, ибо потомок купцов с Таганки владел образною народною речью, способной скрасить любое занудство. С моей же стороны, читатель, было бы излишне забивать голову судебной казуистикой о нарушениях статей № 762, 529, 619, 1484, 553 и далее, ибо мы этих статей не знаем, и знать их нам совсем необязательно; важнее суть того, что Ольга Палем обрела свободу незаконно, — именно так и было заявлено Таганцевым.

Пришло время говорить сенатору А. Ф. Кони.

Мне же, автору, придется раскрыть увесистый том «Решений уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената» за 1895 год, изданный почему-то в Екатеринославе (типография Исаака Когана, 1911 год издания). Слава богу, эта книга в моей библиотеке имеется. Было опять-таки наивно с моей стороны утруждать читателя аргументами А. Ф. Кони, ибо они понятны не нам, а только юристам прошлого столетия.

Речь А. Ф. Кони была слишком объемная, я выбрал из нее лишь одно место, дабы читатель, взыскующий достоверности, проникся ее настроением.

— Право судебной власти, — говорил Кони, критикуя порядок суда и следствия по делу Ольги Палем, — слишком для нас священно, но и пользоваться им надобно осмотрительно, не допу-

ская того, чтобы интимные детали чужой жизни, особенно женской, вводились в сам процесс, раскрывая публичное оглашение подробностей, способных нанести моральный ущерб личности подсудимого. Мы можем осуждать Ольгу Палем, но это не дает нам права выворачивать напоказ те стороны ее личной жизни, которые никак не относятся к обвинительному протоколу...

Николаю Платоновичу порою начинало казаться, что в лице А. Ф. Кони он нашел своего союзника, но вот в этом-то адвокат ошибался. В своем заключении обер-прокурор Сената, опираясь на статьи законов, нарушенные в процессуальном порядке, поддержал выводы Таганцева, настаивая на крутом изменении приговора.

— Закон высказался, — произнес Кони твердо, глянув на победных гениев правосудия, — теперь мы готовы к восприятию эмоций... Николай Платонович, мы ждем! Прошу!

Карабчевскому предстояло вторично выступить в роли защитника, и он, кажется, сумел доказать, что убийство студента Довнара после всех его издевательств над подсудимой стало попросту неизбежным возмездием, а пострадавший расплатился жизнью за свои провинности перед женщиной. Рассуждая таким образом, Николай Платонович ссылался на высокий авторитет правового института Франции, ибо именно это государство считалось в те времена страной образцового правопорядка:

— Мои парижские коллеги вовсе не ведают кассаций оправдательных приговоров суда присяжных, потому что во Франции слишком велико доверие к общественной совести, а личность, однажды оправданная, хранима от новых посягательств прокурорского надзора. К великому сожалению, наша юридическая практика не в силах оградить личность, признанную невиновной. Между тем оправдательный приговор суда присяжных заседателей — это святыня, хотя в России ее иногда и побивают камнями судебных пророков...

Так он начинал, а вот как завершил свою речь:

— Господа сенаторы и господа Высокий Сенат! Я кончаю свои объяснения. Или я ослеп и ничего больше не вижу, или мои выводы неотразимо правильны: в деле Ольги Палем абсолютно отсутствуют всякие поводы для кассационного пересмотра приговора. Сейчас я лишь испытываю нетерпеливое волнение при мысли, для меня существенной, — исчерпана ли мною задача защиты во всей ее целости? Одна только мысль, что я, быть может, еще не высказал все, что сказать обязан, способна повергнуть меня в бездну отчаяния...

Каждому — свое. И каждый делал только свое.

Решением Сената оправдательный приговор по делу мещанки

Ольги Палем был отменен, дело решено было передать для пересмотра в другом составе судебного присутствия.

— Вы не слишком обижены на меня? — спросил Кони, сильной рукой дружески встряхивая Карабчевского за локоть.

— Ты победил, галилеянин! — сказал тот сенатору. — Но эмоции необходимы, ибо женщину можно и пожалеть...

. . . .

Вечером этого же дня «Пале-Рояль» навестила полиция:

— Вы госпожа О. В. Палем?

— Да, я.

— Собирайтесь. Вы арестованы.

— Опять?

— Извините. Мы здесь ни при чем. Таково решение Правительствующего Сената. Не станем, мадам, мешать вашим сборам. Тюремная карета возле подъезда, и мы будем там ожидать вас...

На этот раз, при более тщательном доследовании дела, Ольга Палем была подвергнута экспертизе врачей-психиатров, для чего ее поместили в больницу. Доктор Рудкович сказал:

— Что тут крутить ее и вертеть, если всем нам, господа, яснее ясного дня — перед нами дама с обычным психозом.

В составе комиссии был и доктор Зельгейм, читателю уже известный.

— Коллега, — проворчал он, — не забывайте, что всякое убийство человека человеком — тоже извращение психики.

— Позвольте, — вмешался третий врач, — мы каждый день слышим матюки на улицах, однако не хватаемся за револьверы, чтобы убивать сквернословов выстрелами в затылок.

— Верно! Но одно позорное слово Довнара, сказанное им Ольге Палем, явилось той последней каплей, которая переполнила чашу ее терпения. К сожалению, так случается в жизни...

Главный вывод комиссии психиатров был таков: убийство студента Довнара совершено в припадке умоисступления, когда Ольга Палем не могла контролировать свои действия. Однако новый состав суда не внял гласу врачей, и 18 августа 1896 года был вынесен новый вердикт суда присяжных заседателей.

Палем была признана виновной в преднамеренном убийстве студента Довнара, хотя и в состоянии душевного раздражения.

— Исходя из этого, — зачитывался приговор, — но учитывая ее запальчивый и нервный характер, суд считает необходимым выказать подсудимой снисхождение, приговаривая ее к десяти месяцам тюремного заключения.

«СТУПАЙ И НЕ ГРЕШИ!» — могли бы добавить судьи.

...Ольга Палем вновь обрела свободу в яркий весенний день, за воротами тюрьмы ее оглушило звонкое пение птиц.

Она даже не удивилась, заметив, что возле тюрьмы стояла пролетка и в ней сидел Сережа Лукьянов.

Лукьянов проворно соскочил на панель, приложился губами к ее руке.

— Я не отказываюсь от своих слов, — сказал он, застенчиво улыбаясь. — Мама благословила мои намерения, а мои показания на суде вы можете считать любовным признанием.

— Спасибо. Именно так я и поняла их...

Ольга Палем обняла его шею исхудавшей рукой, крепко-крепко расцеловала в губы истосковавшимся поцелуем.

— То, что было сказано вами на суде, надо было сказать еще раньше — в те старые и дивные вечера на хуторе под Аккерманом. Наверное, вся моя жизнь сложилась бы совсем иначе... Спасибо вам, Сережа, — повторила Ольга Палем. — Вы очень хороший человек, а я... я очень плохая женщина.

— Не верю в это. Решайтесь! Я жду.

— Нет, — отказала ему Палем, гордо встряхнув головой, отчего рассыпались по ее плечам длинные волосы. — Вы слишком чисты и благородны, но я-то знаю, что рано или поздно мое прошлое еще не раз напомнит вам о себе, и я не хочу, чтобы вы мучились тем, что у меня оно есть. Есть — и от него не уйти... А какое оно, лучше не вспоминать.

Сережа Лукьянов, огорченный отказом, спросил:

— Куда же вы теперь? Кто приютит вас?

— Если бы знать! Я сама ничего не знаю...

Ольге Палем теперь хотелось одного: уехать бы далеко-далеко — в такую даль, где о ней никто ничего не знает и никто не посмеет попрекнуть ее прошлым, которое — да простит ей бог! — есть у каждой женщины, хоть однажды любившей.

ТАМ, ГДЕ АМУР СВОИ ВОЛНЫ...

Начав этот роман в женский день 8 Марта, я заканчиваю его 23-го — в день рождения моей жены Тонечки, и, признаюсь, мне хотелось бы посвятить этот роман именно ей...

Вместе со мною она уже побывала в Одессе столетней давности, а теперь ждет от меня приглашения, чтобы навестить иные края. Совсем иные!

. . . .

После веселых будней одесской жизни, пресыщенной удовольствиями, мне как-то дико и странно, преодолевая тьму времени и расстояний, вдруг оказаться там, где еще только создавалась новая русская жизнь. Впрочем, она возникла давно, и еще Екатерина Великая, осторожный и дальновидный политик, завещала потомкам: «Если бы Амур мог нам только служить как путь, через который можно продовольствовать Камчатку, то и тогда обладание Амуром уже имеет для нас великое значение...»

Там, где Амур свои волны несет,
Ветер тревожную песню поет...

Впрочем, под музыку этого вальса тогда еще не танцевали.

Но иногда нам, россиянам, полезно оглянуться назад, чтобы подсмотреть, как все-таки жили на Амуре первые поселенцы. Сто лет назад Хабаровск (бывшее село Хабаровка) насчитывал всего лишь 15 тысяч жителей — это, по сути дела, была большая русская деревня со своим базаром и двумя-тремя церквами.

С тех пор как Хабаровск сделался столицей Приамурского края, он считался городом гораздо лучше Владивостока. Прямые улицы, много зелени, библиотека и местный музей. По Амуру скользили лодки — русские под парусами, а китайцы вместо парусов укрепляли на палубах стволы деревьев с густой листвой. Молнии в этих краях отсвечивали бордовым, будто кровавым, светом. Мимо города по своим нездешним делам часто проплывали утопленники. Раньше уже в марте открывали окна, модницы гуляли в ситцевых платьях, а в конце апреля засевали огороды. Жители винили в этом беспощадную вырубку лесов, отчего на Амуре с каждым годом становилось все холоднее.

Если старожилов послушать, так раньше все было лучше.

Свобода слова царила полная, зато не было никакой свободы печати (за отсутствием самой печати). Процветала и свобода совести, национальность и религия не имели никакого значения — все назывались амурцами. Ссыльные поляки, вернувшись в Польшу, скоро приезжали обратно, говоря, что на Амуре им лучше, нежели в Варшаве, где фонарей на улицах меньше, чем городовых.

Жизнь тогда была примитивна, а запросы жителей скромны. В лавках лежали ситцы, мука, чай, макароны, сахар и американское вино «Кокомонго». Только здесь, на берегах Амура, можно было увидеть собак, которые с одинаковой алчью пожирали как свежие, так и соленые огурцы. По улицам свободно бродили коровы, квохтали куры, с визгом проносились огромные свиньи, разводимые для заготовки из них бочковой солонины на зиму.

Приехавшие из Европы скучали, особенно молодежь:

— Во тоска зеленая! Хоть бы скандал какой.

— За чем дело стало? — отвечали им старожилы. — Выдь на

улицу, тресни первого попавшегося, он тебе сдачи даст, тут набегут отовсюду — и начнется повальное веселье...

По улицам тогдашнего Хабаровска шлялись расхристанные «сынки» — штрафные солдаты, сосланные на Амур из западных гарнизонов. Через город двигались по этапу партии ссыльных на Сахалин, местные чиновники отбирали из каторжанок кухарок и прачек попригожее. Ближе к зиме в Хабаровск забредали отощавшие золотоискатели и начинали «гулять». Для этого скупали весь бархат, какой был в городе, выстилали им грязную мостовую, владелец самородков шагал по бархату, крича «Знай наших!», перед ним плясали наемные бабы, сзади шли музыканты, русский наяривал на гармошке, а еврей пиликал на скрипке.

— Себя показывает, — рассуждали зрители. — Да и как не показывать, ежели от него за версту тыщами пахнет...

Между прочим, один лимончик на Амуре стоил тогда пять рублей. Тут задумаешься: покупать или не замечать? В основном же кормились рыбой. Лодка кеты (доверху) стоила рубль или бутылку водки. Красная рыба шла с моря накатом, но, добираясь до Благовещенска, она меняла свои формы, обретая горб и отращивая зубы, почему на рынок и поступала уже как бы другая рыба — горбуша или зубатка. Водились белуга, судак, карп, амурский сиг. Осетры попадались в рост человека, такие стоили десять рублей, причем из них выдавливали целое ведро икры. А вот паюсную икру делать в Хабаровске тогда не умели.

Гурманов тогда не водилось. Некоторые, подражая китайцам, охотно поедали даже мясо енота с кунжутным маслом.

— Ну и что? — хохотали. — Все едино — дары природы...

Рабочих рук не хватало, нанимали пришлых китайцев — умелых столяров и каменщиков. Китайцы работали очень медленно, зато тщательнее русских и вина не пили. Русскому работяге ежегодно выплачивали когда за сто, когда за двести трудовых дней, ибо у них было немало «праздников», а китайцы получали жалованье за все 365 дней в году. Зато китайцы часто дрались между собой. Если кого убивали, то его труп сжигали на окраине города, а пепел отсылали на родину. Особым уважением среди них пользовались местные врачи, судившие о себе откровенно:

— Какой я врач! Я за эти амурские годы совсем позабыл медицину, ибо привык лечить только солдат или матросов...

Преступность существовала. Ворья в Хабаровске тоже хватало — из числа беглых. Воровали с большим знанием дела. Так, например, находились мастера, способные вытащить через окно шкаф или кровать, проделывая эту операцию совершенно бесшумно, даже не вспугнув хозяев. Гулящих баб на Амуре не водилось: просто любая как захочет, так и гуляет. В укор это не ставилось. Старейшей гостиницей в городе считалась «Эльдорадо», в стенах между номерами имелись щели в ладонь человека. Местные донжуаны утверждали, что в «Эльдорадо» они целовались с женщинами через стенку:

— Могли бы и дальше пойти в развитии накала страстей, но, согласитесь, это была бы уже сплошная порнография...

Номер в «Эльдорадо» стоил два рубля в сутки.

Впрочем, деньги на Амуре всегда были бешеными.

За ними-то сюда и приезжали, чтобы, отбарабанив срок в пять или десять лет, обрести право на хороший пансион, после чего укатывали обратно. Но многие оставались навсегда.

Заканчивая описание амурского быта столетней давности, хочу добавить, что амурцы славились небывалым плодородием.

Даже интеллигенты, которые в России многодетством никогда не грешили, тут заводили по десять-пятнадцать детей.

— Делать-то все равно нечего, — говорили они себе в оправдание. — И сам не заметил, как появились... Могли бы еще и больше, да жена не позволяет: ей, мол, людей стыдно!

Дети на Амуре росли, как грибы в лесу, и никогда ничем не болели, словно заранее были извещены, что никакая медицина на помощь им все равно не придет. Игрушек не было совсем, лишь на Рождество устраивали для них праздничную елку, которую украшали золотыми и серебряными нитями, для чего офицеры гарнизона расплетали «канитель» со своих изношенных эполет.

Дети на Амуре придумывали игры сами: девочки, подражая мамам, стирали и гладили, а мальчишки пилили и кололи дрова, как мужчины...

Ольга Палем появилась в этих краях, когда жители Хабаровска уже имели свою газету, а на высоком берегу Амура возвышался бронзовый памятник графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому, поставленный здесь в мае 1891 года на вечные времена. Правда, в январе 1925 года здесь появился известный Я. Б. Гамарник, который, руководствуясь железной волей победившего пролетариата, сбросил памятник с пьедестала и велел разбить его на куски, дабы выполнить план по сдаче цветных металлов в утильсырье. Жители Хабаровска по сию пору хлопочут, чтобы возродить исторический мемориал человеку, свято исполнившему завет Екатерины Великой.

Восстановить памятник вполне возможно, ибо в Русском музее сохранилась его бронзовая копия.

. . . .

Казалось, что здесь, на берегах Амура, об Ольге Палем никто ничего не знает. Она жила очень скромно, ибо Кандинский уже не баловал ее денежными переводами.

Нанималась в услужение семей чиновников или офицеров, ухаживая за их детьми вроде гувернантки, обучала их чтению. При естественном засилье холостяков на Амуре каждая женщина была на вес золота, но удачной партии она себе составить не могла, ибо мужчины сначала предъявляли ей некоторые претензии, а потом уж и все остальное — то, что Ольге Палем казалось первоначальным условием брака...

Однажды выдался теплый замечательный вечер.

На пристани девчонки торговали ароматными ландышами, а бабы вынесли на продажу крупную картошку красного цвета. Из низовий реки подошел комфортабельный пароход «Барон Корф», построенный на бельгийских верфях специально для амурского пароходства. Две его палубы сверкали огнями, и весь он казался праздничным, словно зовущим куда-то, где хорошо.

На крутом берегу Амура красовался общественный сад, там гуляла принаряженная публика, играла музыка, вспугивая засевших в кустах золотистых таежных фазанов.

Ольга Палем в одиночестве присела за столик садового кафе, лакей открыл для нее бутылку с шипучим «Аполлинарисом». Она рассеянно слушала мелодии Штрауса, которые старательно исполнял оркестр солдат гарнизона.

Кто-то вдруг неуверенно окликнул ее по имени, она обернулась. Перед ней стоял, сияющий пуговицами и кокардой, молодой моряк с простецким добрым лицом и... улыбался.

— Вы разве меня знаете? — опешила Палем.

Он присел рядом с нею, над ними защелкали амурские соловьи, правда, в мастерстве уступавшие, скажем, курским, российским, но все-таки это были настоящие соловьи, с которыми и на краю света жить радостнее.

— Лейтенант Федор Агапов, — представился моряк с легким поклоном. — Служил ранее на военном флоте, а ныне капитанствую на мостике «Барона Корфа». Не желаете ли совершить увлекательное путешествие в салоне второй палубы до Николаевска-на-Амуре, чтобы хоть издали повидать берега Сахалина?

— Благодарю, — учтиво отвечала Ольга Палем. — Сейчас я связана обязанностями в одном приличном семействе. А почему вы точно назвали меня по имени? Вы действительно меня знаете?

Она машинально вращала перед собой бокал на тонкой ножке, наполненный лимонадом, он тем же манером крутил на столе свою фуражку с «крабом».

— О вас, — смущенно сказал Агапов, — столько писали в газетах, о вашей трагедии было так много споров, кто прав, а кто виноват... ей-ей, не все и разобрались!

Значит, и здесь она оказалась разоблаченной.

— То, что вы запомнили обо мне, — сказала Ольга Палем, — я сама давно позабыла. Но как вы думаете, кто виноват?

— Если бы считал вас злодейкой, я бы не подошел к вам.

— Спасибо. Это становится интересным...

Оркестр умолк. Только соловьи надрывались над ними.

— Я не раз бывал на Сахалине, — рассказывал Агапов, — и от местных жителей, лучше нас понимающих толк в людях, слышал необычную истину: в жены надо брать женщину, попавшую на каторгу за убийство мужа, — меня уверяли, что это самые лучшие женщины на свете.

— У меня никогда не было мужа, — сказала Ольга Палем, — и я никогда никого не убивала.

— А у меня, — ответил Агапов, — никогда не было жен.

Ольга Палем фыркнула в бокал, еще не догадываясь, чем этот разговор может закончиться. Впрочем...

— Впрочем, я поняла вас. Но прежде чем пойму все до конца, хочу спросить, почему вы подошли именно ко мне? Осмотритесь вокруг. Разве мало женщин в этом саду?

Агапов высоко над собой подбросил фуражку, а Ольга Палем ловко поймала ее.

— Вы спрашиваете, почему? Но я обошел весь сад, обозрел всех женщин и вернулся обратно к вам, ибо здесь прекрасней вас нет. Это для вас сверкает огнями мой сказочный пароход, это для вас в восторге от нашей встречи соловьи поют, соловьи... Подумайте же сами, что такие слова не произносят случайно.

Ольга Палем думала, думала, думала...

Она вращала бокал, вращала его, вращала...

— Знаете, — вдруг сказала она, впервые глянув в глаза Агапова, — вы мне... нравитесь. Да! Но я сразу желаю поставить перед вами непререкаемое условие: вы никогда не станете тревожить мое прошлое.

«Барон Корф» издал торжествующий стон, призывая капитана занять место на мостике корабля.

Агапов встал и откланялся:

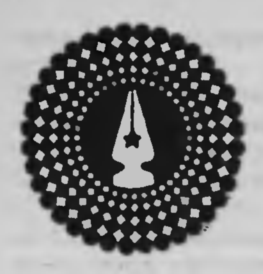
— Прошлое? Но его у вас никогда и не было. Разве так уж плохо, если ваша жизнь начинается только сегодня?..

Вскоре они стали мужем и женой.

Я не знаю конца жизни Ольги Палем.

Но хочу верить, что она была счастлива.

●

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ПЕРЕСТРОЙКА: ЛЮДИ ДЕЛА

Сергей ЩЕРБАКОВ

НЕ СЛОМАТЬ БЫ КРЫЛЬЯ...

Бывая в родном селе, я всегда сначала иду к Василисе, моей двоюродной бабушке. Уже около двора взглянешь на огромный тополь, под которым, как гриб, словно вырос из земли домик с двумя голубыми окнами на улицу, с цветами за стеклом. Иду я к Василисе так, как идут к чистому роднику напиться, утолить жажду...

И в этот раз она была в огороде. Увидав меня, плавно всплеснула руками. А взгляд весело-лукавый, словно она сразу высмотрела все мои грехи, но не осудила за это, а только улыбнулась. Но, когда обнял ее, сердце невольно сжалось. Она стала легкой, как перышко. Показалось, что дунь посильнее ветер — и она вся, как божий одуванчик, улетит, осыпется. Однако по письмам родных я знал, что эта 85-летняя старуха, зимой лежавшая при смерти, весной неожиданно для всех снова встала на ноги и продолжила свою вечную круговерть: посадила десяток соток картошки, всякую зелень и даже возвела из навоза высокую гряду для огурцов. Во дворе под ноги сразу бросились до смешного общипанные курицы — значит, по-прежнему Василиса набивает куриным пером огромные подушки и воздушные перины.

В доме нас встретил сиреневый кот. Коты у Василисы — это суровые бойцы, в лучшем случае без одного уха, притом ужасно любознательные. Нынешний был того же рода. Василиса сказала: «Ты, гражданин, почему здесь?» Он молча спрыгнул со стула и без обычных кошачьих уверток ушел из дома.

Сколько помню себя, Василиса всегда так людей принимает, что им кажется, будто они пришли в самое удобное время. Поэтому, придя к кому-нибудь и поняв, что не вовремя, я, несмотря ни на какие важные причины, знаю, что в жизни этих людей что-то неладно. Чаще так потом и оказывается...

Она постелила на стол в комнате праздничную скатерть и собрала обед. За едой Василиса расспросила меня о московском житье-бытье, рассказала, что чуть нынче без картошки не осталась. Землю мужики вспахали, а дочь, обещавшая помочь посадить картошку, приехать не смогла. Василиса горестно покачала головой: «Земля вспаханная простояла больша недели. Спасибо Саша (одинокий молодой сосед, добрая душа) посадил». Василиса, конечно, не утерпела, помогла ему. Я говорю ей: «Да махнула бы ты на эту картошку — здоровье дороже». Василиса, почти глухая, по губам и жестам обычно понимает, о чем говорят, — в этот раз не поняла меня: «Конечно, как же земля вспаханная стоять будет», и одобрительно закивала головой...

Потом, что-то шепча, она листала повешенный на стену отрывной численник, непременный атрибут ее дома, и, повернувшись ко мне, сказала: «Пензию, однако, числа десятого принесут». «Пензия» у нее тридцать девять рублей за все ее крестьянские труды, так что картошку она, конечно, и по нужде посадила, хотя я твердо убежден, что если бы она и в достатке жила, все равно не смогла бы оставить вспаханную землю пустой. Я рассказал ей, что скоро всем колхозникам пенсию прибавят. Она сразу обрадовалась за какую-то свою куму: «Маша хоть тогда заживет, у ней-то ноги вовсе худые».

И все-таки в этом году Василиса здорово сдала. Обычно после обеда, разговоров мы непременно шли с ней на кладбище. Не проведать близких «на горке» для нее почти то же самое, что оставить пустой вспаханную землю. А в этот раз она отказалась: «Не дойти мне нынче, Сереня. Ты уж там всем поклонись от меня... Я как-то одной говорю: «У сестры твоей оградка совсем плохая, надо бы ее поправить», а она мне: «Зачем?.. Там уж и костей не осталось». Я говорю: «А память?» — «Да память теперь никому не нужна».

На кладбище я проведал всех близких и дальних. У могилы отца вспомнил, как в прошлом году вот на этом месте Василиса спросила меня: «Ну что, Серенька, папка-то спрашивает, как живаешь?» А мне как раз казалось, что отец меня спрашивает. Потом спросила одного мужика, стоявшего возле могилы матери, которая всю свою жизнь до донышка отдала ему и его детям: «Ну что, Гриша, мать чаю наварила?» Будто о живых сказала. Мол, вы своим делом занимайтесь, а нам надо свое вершить.

После кладбища я снова пришел к Василисе. Она сидела на голубом стуле возле деревянной перегородки, а над ней, словно икона, висела картинка из какого-то журнала. В первое бывание я как-то не заметил ее, мне казалось, что все в доме по-преж-

нему — те же вышивки, портреты мужа и сына, на комоде статуэтка девочки, катающейся на коньках. Все это было с тех пор, как я помню себя. А эта картинка появилась недавно. На ней изображены две галантно одетые женщины рядом с компьютером и посередине надпись: «Ты за перестройку или? Реши это на своем рабочем месте». Посмотрел я на эту «картинку», на Василису в вечном цветастом платке, в вечном сарафане, в вечных ичигах, не снимаемых ни зимой, ни летом, и мне стало ясно, что люди, рисовавшие эту картинку, живут «очень далеко» от Василисы. Спросил ее, где она взяла такую. Оказывается, мужики хотели этой «картинкой» руки вытереть, а она попросила отдать ей, а им дала полотенце. «Бравенькая картинка, про перестройку», — закончила Василиса. Я промолчал, но твердо решил сходить в этот раз в наш колхоз «Коммунизм» — раньше старался обходить его стороной, так как при виде такой бесхозяйственности, пьянства, равнодушия в душе надолго поселялось такое чувство, какое возникает у меня в пустом, полуразрушенном людьми и временем храме, — посмотреть, так же ли далека от него перестройка, как эта «картинка» от Василисы.

* * *

В колхозной конторе, в которой на этот раз было удивительно немноголюдно, я сразу направился к главному агроному, ибо колхоз наш хлеборобный. Дверь в его кабинет была открыта, и я поневоле стал свидетелем разговора главного агронома с какой-то женщиной. Судя по всему, она была из Агропрома. Довольно робко просила Станислава Дмитриевича дать ей какой-то цифровой отчет. А он несколько раздраженно говорил: «Мы же уже представили вам его». Женщина ответила, что это не в их отдел. Станислав Дмитриевич сказал: «Что же, прикажете нам для каждого отдела отчеты готовить? Вы там не можете мало-мальски путно скоординировать свою работу, а мы из-за этого должны по нескольку раз заниматься одним и тем же пустым делом. Не буду я специалистов от дела отрывать». Женщина ушла ни с чем. Очень мне эта сценка пришлась по сердцу. Раньше такое даже представить было трудно. Раньше: давай, колхозник, хлеб, давай мясо, давай отчеты... Давай, и никаких гвоздей, вот лозунг наш, и точка...

Станислав Дмитриевич Унич, крепкий неторопливый мужчина с несколько усталыми глазами, в которых сразу видна житейская мудрость с непременной долей горечи, узнав, кто я такой, сразу цепко поглядел на меня, мол, стоит ли на тебя тратить время, и начал разговор:

— Если говорить о главном, то надо вам рассказать о наших «китах». Это название не из сказки, в которой земля держится на китах, а из первых букв нынешнего названия наших бригад: коллектив интенсивного труда. Короче, «киты» — это бригадный подряд. Первой на него перешла бригада молодого тракториста Виктора Артамоновича Филатова. Поначалу многие у нас скептически отнеслись к этому эксперименту, даже в насмешку назвали бригаду Филатова «коммуной», но когда в конце года оказалось, что «кит» взял на некоторых участках по 36 центнеров пшеницы с гектара (в районе в среднем взяли по 22 центнера), выработал на каждого члена бригады по 30 тысяч рублей в год и заработок

у них вышел в среднем чуть не по пятьсот рублей в месяц, тогда даже самые говорливые спрятали языки... куда подальше, а на следующий год весь колхоз перешел на бригадный подряд. И сразу дела наши пошли в гору. Из убыточного хозяйства колхоз превратился в прибыльное. В год получаем теперь в среднем около миллиона рублей прибыли.

Не знаю, интенсивные эти звенья или неинтенсивные, но труд у них напряженный. Раньше по 30 человек в бригадах было, а сейчас по девять, а объем работы тот же.

Я спросил, не собираются ли механизаторы брать землю в аренду? Станислав Дмитриевич ответил:

— Шарахаться не надо, надо изучить одно, потом другое. На сегодняшний день, считаю, бригадный подряд — самый приемлемый для нашего колхоза метод работы. Нет, все мы понимаем преимущества аренды. При ней крестьянин становится полновластным хозяином земли на всю жизнь, а при бригадном подряде он только «годовой» хозяин. При аренде крестьянин будет сам свою продукцию продавать, то есть цену назначать, а при бригадном подряде он только деньги получает за валовую продукцию. Разница, как понимаете, огромная. И сеять он тогда будет то, что ему выгодно. А выгодно то, что хорошо растет в данных условиях, а не то, что кто-то с кондачка придумал. И технику люди тогда больше беречь будут, качество работ улучшится, урожайность земли поднимется. Но главное в психологии. Главное, что крестьянин снова полюбит землю, как мать, а то она для него словно мачеха стала. И бюрократы, нынче кормящиеся от крестьянина, сразу выведутся. Ведь при аренде все наряды, все бумаги сами собой отпадут, это все лишняя обуза для крестьянина.

Но, думаю, сегодня на аренду в наших местах переходить рано. У нас и бригадный подряд еще не до конца многими принят и используется далеко не на полную катушку. Две бригады хлеборобов в нашем колхозе стали настоящими «китами», а две так себе, и даже материальная выгода их на интенсивный труд пока не вдохновляет. Психология у них пока не переменилась. Да и условия у нас сибирские. Думаю, Горбачев прав, резко ничего не получится, а то придется к старому вернуться. Со временем мы к аренде придем. Не надо только никого принуждать к этому, пусть все естественно идет, а не по указке сверху, как раньше. Чем все это заканчивалось, мы теперь хорошо знаем. Я убежден, что если хотя бы бригадный подряд по стране заработает на полную мощность, то уже тогда мы спокойно прокормим всю нашу державу... Да вы сами поговорите с хлеборобами, они вам про аренду и про все наши дела лучше меня расскажут. Кстати, Виктор Артамонович сегодня здесь, в ремонтных мастерских.

Виктор Артамонович (впредь буду называть его просто Виктором, так как это младший брат моего друга юности) вдвоем с трактористом из его бригады приводил в рабочее состояние стогометатель — готовились убирать прошлогоднюю солому. Мы поздоровались, и он предложил мне поговорить по дороге на полевой стан, куда собирался ехать. Настроение у него было хмурое. Даже трактор, огромный желтый «Кировец», словно почувствовал это. Когда хозяин завел его, то из трубы выскочил такой черный клуб дыма, что крышка на трубе так и подпрыгнула. Мы ехали по улице села. Недовольно поглядывая на солнечное небо, Виктор проворчал: «Все обещают местами осадки. Вот только где

они, эти места? Знать бы». Его бригада уже закончила посевную, и теперь самое время дождю попить землю, тогда дружно всходы появятся. А дождем и не пахло. Виктор даже бога помянул: «Все под богом ходим, сколько нальет — столько и вырастет». Наверное, и поэтому на вопрос о том, не собирается ли его «кит» брать землю в аренду, Виктор ответил довольно резко:

— Нет, не собираюсь. Совсем тогда закопаешься. Сейчас от зари до зари работаешь, а тогда и поспать некогда будет, и детей своих совсем забудешь. Не знаю, что об этой аренде все шумят: аренда, аренда... Видимо, опять кому-то не терпится отрапортовать, мол, по-новому работаем. Нет, мужик сейчас умный пошел, он теперь без разбору куда ни попадя голову совать не будет.

Он надолго замолчал, а потом начал размышлять вслух. Было ясно, что он не раз ломал себе голову над этим вопросом.

— Сейчас цены на технику, удобрения растут не по дням, а по часам, а на сельхозпродукцию в год по чайной ложке. Если бы цены на нашу продукцию постоянно регулировали, тогда бы можно было говорить об аренде. А при нынешнем положении это пустопорожняя болтовня. Притом у нас — Забайкалье. Это на Кубани: воткни в землю палку — из нее дерево вырастет, а у нас Сибирь-матушка. Если неурожай, то мигом в трубу вылетишь и будешь только долги отрабатывать. Да и почитаешь газеты, ни у кого она, аренда-то, пока толком не получается. Да и как получится? Технику-то всю у нас из-под топора делают.

Виктор снова осерчал:

— Аренда, аренда! У нас дома такие условия... Нам ведь каждый день мыться надо, а у нас из всех благ цивилизации — один умывальник. Баня у каждого есть, но ее каждый день не натопишься. Нет, большая работа требует и условий жизни подходящих...

Хоть Виктор и говорит о «цивилизации», но не о той, которая уже есть в селе в виде двух-трехэтажных каменных домов со всеми удобствами (в селе называют их «коробками»). Виктору квартиру в такой «коробке» даром не надо. Конечно, он бы с удовольствием жил в отдельном доме со всеми удобствами, но таких в селе пока нет, и потому он предпочитает поселиться (когда этот очерк будет напечатан, наверное, уже переселится) в двухквартирном брусовом доме без «городских» удобств. Очень меня порадовал тот факт, что не только колхозники, но и другие наши односельчане, еще не так давно мечтавшие о «городских» квартирах, предпочитают теперь жить в двухквартирных брусовых домах (их очень много построено за последние годы), где есть участок земли, где ты хозяин, а не квартиросъемщик. Правда, и эти брусовые дома словно сошли с одного конвейера, и о личности хозяина по ним судить трудно, разве что по двору, который скрыт за высоким забором. Но все же это первые шаги к крестьянству. В нашем селе ни один старый дом не похож на другой, и на каждом совершенно четко отпечатался характер хозяина. Не могу утерпеть, чтобы не рассказать хотя бы об одном доме и о его хозяине — настоящем крестьянине.

Крепкий высокий дом дяди Миши К. стоит к улице боком, а лицо свое скрыл за высоким забором, похожим на городскую стену древнего русского города, вынужденного вечно обороняться от «печенегов». Одно окно уже много лет закрыто ставнем, а другое прячется, подглядывает на улицу сквозь густую черемуху. Хозяину все видно, а прохожему в дом не доглядеться... В этот раз я подумал: а что он скрывает-то, дядя Миша? Почему от людей хоронится? Ведь не вор он, не лихой человек. Всю жизнь охотничал: горы да хребты переламывал, потом лис держал, плотничал, корову, бычков всегда держал и каждый год около пятидесяти соток картошки сажает. Что же здесь такого нечестного? Но жизнь дядю Мишу научила, что крестьянствование у нас в стране дело малопочтенное и даже опасное... Но дядя Миша мужик ушлый, он всю жизнь на прострел берет. Он потому и скрывался всю жизнь, что вопреки всяким «линиям и веяниям» всегда уважал себя как настоящего крестьянина. Правда, иногда вроде бы ни к селу ни к городу приговаривал: «Не живи чужим умом. Худой, да свой, хороший, но чужой». Когда какой-нибудь «грамотей» пытался ему втолковать, что государство скоро народ асем обеспечит, тогда он усмехался: «С неба, что ли, все свалится?» И, отмахиваясь от доказательства, что про это, мол, в газете пишут, припечатывал: «Сулиха недавахе родная сестра». И «грамотеи», едва управлявшиеся с десятком куриц да с пятью сотками картошки, хоть им райская жизнь, по дяде Мише, не нравилась (уж больно скушно: работай — и все будет), все же шли к нему за картошкой, за молоком и яйцами.

А дядя Миша не только работать умеет, он и рассказчик замечательный. И говорит он языком русским, а не «газетным», как многие нынче. Радостно делится со мной: «В прошлом году картошка, как мак, цвела, по тридцать три штуки с куста собрал». Потом долго смотрит в глубокое небо и произносит: «Глазу, как душе, простор нужен. Устает он от мелкоты, а на земле, куда ни гляди, дальше горы да степи не увидишь».

Мне больно видеть, что дом дяди Миши стоит к улице боком, что по-прежнему от него толком не добьешься, сколько скотины во дворе, сколько картошки на огороде, ходит ли он на охоту. Он по привычке намеками отделывается. Береженого бог бережет. Но очень меня порадовало, что у него интерес к газетам появился, и о чем в Москве говорят, он теперь спрашивает...

Виктор снова молчал и недовольно поглядывал на небо, а я вспомнил, как агроном рассказал мне, что в своей бригаде Филатов добился полной перестройки, что у него вся работа на полях построена, а не в конторе, как раньше. И люди у него работают уже не из-под палки. Потом Виктор сам поделился со мной этой радостью-гордостью:

— Я сразу ребятам заявил, что бегать ни за кем не буду. Некогда мне, я сам на «Кировце», а коэффициент участия буду ставить как есть, без поблажек. Если мы у колхоза в долгах окажемся, тогда на меня не обижайтесь. Дело ваше, чем будете тогда детей кормить. Почему я должен людей подталкивать деньги зарабатывать? Честно сказать, для меня самое радостное не то, что мы много денег зарабатываем, а то, что в нашем «ките» новое отношение к труду родилось. У нас никто никого работать не заставляет, а все работают. Да еще как работают!

Глядя на Виктора, уверенно правящего такой махиной, как «Кировец», я думал, что хотя он тоже крестьянин, как Василиса, как дядя Миша, но все-таки у него, наверное, отношение к земле, к труду земледельца уже другое. Поэтому спросил, что ему нравится в его труде.

— Больше всего люблю, когда работа закончена или когда всходы появились. Значит, не зря мы работали. Ну и в уборку, конечно, нравится. Когда хлеб хороший. До росы тогда наяриваешь и усталости не чувствуешь. Если хлеб чистый, сухой, то праздник в душе... А сам процесс работы трудный, грязный. Сколько пыли съешь, столько нервов истреплешь! В работе все дни одинаковые. Не замечаешь их, эти дни-то, пока уборка не кончится. Окончится — и тогда людей начинаешь видеть... Праздники, говоришь? Вот когда урожай богатый — это праздник. Время мечтать прошло. Хватит в облаках витать, дело надо делать.

После обеда на чистеньком полевом стане мы с Виктором вышли на крыльцо. Он снял кожаную кепку, ударил ее о перила — пыль стряхнул. Подсели к ребятам, расположившимся на двух, углом друг к другу стоящих, лавочках возле садика. В центре в землю был вкопан барабан с колеса машины — туда бросали окурки. Солнышко к обеду разошлось, так пригрело землю, что над полями, словно голубой дымок, струился воздух. Хотелось прищурить глаза, сдвинуть на лоб кепку и сидеть так не двигаясь. Но трактористы, видно, привыкли и к плотному вкусному обеду, и к такому ласковому солнцу, и к чистому воздуху, от которого с непривычки у меня даже приятно кружилась голова, — никого из них, как меня, не разморило. Они продолжили свои разговоры. Глазам открылись поля, лесные дали...

Всюду по полю с хозяйским видом расхаживали большие черные вороны, и один из трактористов сказал: «Пашу я, а они за плугом идут по борозде и мышей прямо на лету глотают». Другой подхватил: «Остановился я возле скирды. Думаю, надо отдохнуть маленько. Прилег на сено, а оно подо мной все шевелится. Поглядел я, а под ним мышей видимо-невидимо». Виктор вспомнил: «В прошлом году ночью пашу, а за мной корсак (степная лиса) идет по борозде. Остановлюсь, и он остановится. Только глаза, словно два уголька, светятся. Привык я к нему... А нынче я его уже не видал». Все коротко подтвердили: «Нынче не видали». Я спросил, куда подевались нынче корсаки. Мне объяснили, что корсакам теперь жить негде стало. Трактора огромные, «колеса 72 сантиметра шириной», потому поля и степь утрамбованы, да и «охотников развелось на одну лису десять человек». Все говорили об этом с печалью и осуждением. Мол, куда мы так придем? Гоша Белозеров, маленький чернявый парень, любящий глядеть в корень, перевел разговор в более «высокие сферы»: «Да, куда мы так придем? Зачем эти коробки понастроили? В магазинах ничего нет, а хозяйства у них никакого, хоть зубы на полку клади... Правда, в клуб есть время ходить. А что в клубе теперь хорошего? В кино материться стали, чуть не в каждом фильме показывают, как мужчины женщин в постели любят. Зачем нам это? Материться нас учат? Так мы это лучше их умеем. Такого добра у нас своего хватает. Конечно, ребятишкам такие фильмы смотреть интересно, а взрослому человеку просто стыд и грех».

Один тракторист взялся счищать с плуга землю, другой мыть трактор, третий что-то разбирать в моторе. Виктор с гордостью кивнул им вслед: «Никого понукать не надо... Правда, бывает иногда по старой памяти закончат одну работу и, пока я не приеду, будут сидеть... Но это все реже случается, работают все как двужильные».

Почти всех ребят из бригады Виктора я знаю. Несмотря на разницу в возрасте — самому молодому, «Андрею-сеяльщику», младшему брату Виктора, 18 лет, а самому старшему 36 лет. Выглядят они все настоящими мужчинами, с чувством собственного достоинства, но и не задирают нос кверху. Мне очень хочется назвать их всех пофамильно, ведь на этих фамилиях — Жираковых, Поломошновых, Бельских — село наше держится. Григорий Белозеров, Леонид Гусляков, Анатолий Рыжаков, Федор Федоров, Александр Оленников, Василий Филиппов.

Снова мы ехали с Виктором по селу в высокой кабине, и он показал мне рукой на поля возле школы: «Тоже мои... Хорошо, что они возле села. Работаешь и чувствуешь, что на тебя смотрят. Поэтому дело идет веселее. Я жене говорю: увидишь, что я плуг отцепляю, — ставь чай. Домой приезжаю, а дочки в один голос: «Папка, ты сегодня часто ломался». — «Откуда, — говорю, — знаете?» — «А стоял ты много...»

Смело могу сказать, что на поле Виктора Филатова сегодня смотрит с надеждой и пониманием не только его семья. В ремонтных мастерских колхоза я неожиданно встретил своего хорошего знакомого. Назову его Пашей. Я удивился: «Ты-то что здесь делаешь?» Родители Паши сроду в колхозе не работали (у нас райцентр, и всяких нужных и ненужных организаций — пруд пруди), да и у него самого всяких современных специальностей полно. Как он сам говорит, «корочками можно стены обклеивать». Потому раньше его в колхоз трактором бы не затащить. Но самое главное, что по характеру Паша из тех русских людей, которым все чего-то не хватает. Именно такие люди были прототипами героев шукшинских рассказов. В поисках высшего смысла жизни Паша исколесил пол-России, разошелся с первой женой. Но, не найдя нигде этого смысла, он вернулся в родное село, видимо, решив, что нет ничего мудрее народа, который давно понял, что «где родился, там и сгодился». Вернулся и, чего теперь греха таить, принялся «топить душу в вине». Однако душа его оказалась настолько жизнестойкая, что и в вине не утонула. Неожиданно Паша влюбился. Да так, что о его любви впору рассказы писать. За этой милой девушкой, назовем ее Даша, многие парни пытались ухаживать. И какие парни! Но всем она давала от ворот поворот. А тут Пашка. Небольшого ростика, особой красотой не блещет, правда, лицо у него характерное, и в глазах есть что-то родниковое, но гулеванить любит, да еще разведенный, алиментщик. Правда, рассказчик он замечательный. Как начнет про свои жизненные приключения рассказывать, так его никогда слушать не устанешь. Но Даша не то что слушать его, но даже смотреть в его сторону не хотела. А Паша словно с ума сошел. Куда она идет, туда и он, словно нитка за иголкой. Видя такое серьезное дело, парни все отстали от девушки. Осерчала она на Пашку: «Что ты ходишь за мной как хвост? Не ходи больше». А Паша в ответ: «Я без тебя жить не могу, выходи за меня». Даша рассерженно топала ножкой и уходила. Но Паша не отставал от нее. Частенько на ночь устраивался под ее окнами. Не разбираясь, что на дворе — лето или зима. Люди сначала насмехались. Мол, совсем мужик гордость потерял. Потом примолкли и стали осуждать Дашу за такие бессердечие и слепоту. И даже родители, поначалу всячески старавшиеся отвадить неподходящего кавалера, считавшие, что своим ухаживанием он только позорит девку, в конце концов дрогнули. Да и какое сердце выдержит, видя

такую любовь не в книжке, а в самой жизни? Паша ведь не один месяц, а несколько лет ходил за Дашей, летом и зимой на лавочке под окнами свою любовь стерег. Короче, покорил он девичье сердечко. Они поженились. Счастливее Пашки я в то время не видал человека. Однако прошло несколько лет, и я вдруг услыхал от него: «Тоска, Серега, берет. Аж веревку взять хочется». Нет, любовь к жене у Паши не прошла, но даже и ее оказалось для него мало. Все-таки его душе было нужно еще что-то.

И вот Паша снова стоит передо мной. На этот раз внешне его неуемность никак не проявлялась. Был он деловит, спокоен.

— Я, Серега, машину эту, — он показал рукой на старенький автомобиль, — из-под забора взял. Все смеялись. Никто на ней больше недели не ездил. А у меня она уже который месяц бегает... Почему в колхоз пошел? Надоело мне глядеть, как люди только урвать стараются, гребут, как курицы, под себя. А колхоз сейчас силу набирает. Поверь моему слову, скоро у нас в райцентре все к нему придут. Жизнь здесь зашевелилась. Да и корма здесь, хлеб, мясо, и деньги можно теперь заработать. Взял я корову-первотелку, четырех поросят, картошки пятнадцать соток посадил да зеленки десять соток... Тосковать мне теперь некогда. А что иначе делать? Скучно жить иначе...

Во время нашего разговора к Паше постоянно подходили шоферы: «Паша, ключ на девятнадцать дай, головку дай, переноску дай...» Паша никому не отказывал: «Возьми на крыле». Почему-то все у него лежало на крыле машины. И ключи, и переноска, да и душа его беспокойная, как мне кажется, лежала там же, на крыле. Паша — человек с крыльями, но жизнь все как-то не дает ему расправить их до конца и взлететь. Я убежден: если снова нашего крестьянина, нашего кормильца, начнут прижимать, если не дадут ему наконец полной воли, тогда Паша и из колхоза уйдет. Да и Виктор Филатов уйдет. Он как-то прямо сказал мне: «Если старая жизнь вернется, я тогда сразу место себе найду. А пока посмотрим». И никакими льготами и рублями их тогда не удержишь. Спросил я Пашу, как он на перестройку смотрит, выйдет ли из нее толк. Он ответил: «Не знаю, Серега... У нас ведь как... Заплачет ребенок — ему сразу игрушку в руки, а перестал плакать — сразу отберут... Не знаю пока...»

Да, наполнить человеческую жизнь высшим смыслом — дело самое трудное и самое долгое. Но отступать нам некуда, надо идти до конца, чтобы люди, у которых есть крылья, наконец расправили их, а у других они, глядишь, вырастут наконец. Ведь для этого мы все затеяли, а не ради того только, чтобы живот накормить да модные одежды на себя надеть?! Разве это цель, достойная человека?!

* * *

Весной я снова собираюсь в родное село. Конечно, сначала пойду к Василисе. А потом... пойду в наш колхоз. Ведь там есть Виктор Филатов, Паша и многие другие. Киты ли они, на которых земля держится, — это покажет будущее, но в любом случае я знаю, что они уже не оставят пустой вспаханную землю. А это не так уж мало для будущего! Хотя только-только у нас крестьянина за человека стали считать и только-только дали ему вздохнуть чуток...

●

НУЖНА ЛИ НАМ СИЛЬНАЯ АРМИЯ?!

МУЖСКОЙ РАЗГОВОР О МУЖСКОМ ДЕЛЕ

Суровый урок преподал нашим доморощенным пацифистам президент Буш в Панаме. В свете напряженной жесткой внешней политики Вашингтона и его ближайших союзников уместно трезво, без иллюзий взглянуть на нашу собственную оборонную состоятельность.

Дискуссии об армии у нас иногда вспыхивают ярким пламенем, а большей частью тлеют горячими углями. Но они уже не затухают, становятся все более критическими, несмотря на то, что с высоких трибун критиков обвиняют в отсутствии патриотизма.

Вообще критиковать армию трудно. Не в силу ее закрытости. Закрытости как раз нет: через армию прошло большинство мужчин, вокруг нас много отставных военных, а на действительной службе находятся наши дети и внуки. Об армии мы знаем достаточно. И способности к историческому анализу и сравнениям не потеряли. Да и деньги наши, народные, привыкаем считать. Но натыкаемся на трудности, связанные с тем, что история государства Российского поставила армию в особое положение. Мы были той нацией, которой приходилось отчаянно сражаться за выживание, не счесть было врагов внешних, от которых

армия оберегала народ. И народ платил ей верой, надеждой, любовью. Между обществом и армией сложился своего рода договор: мы для армии ничего не жалеем, а она — себя не пожалеет. Поэтому и не принято было армию критиковать. Да и сейчас ее критикуют в общем-то по мелочи: крутимся вокруг «дедовщины» и не замечаем более глубинных явлений. А может быть, лишь делаем вид, что не замечаем, что треснул и все более раскалывается тот самый договор между обществом и армией, на котором была основана наша терпимость к армейским делам.

В самом деле, разве мы не понимаем — хотя бы интуитивно, — что армия в определенный момент была поставлена в двусмысленное положение. Последние двадцать лет, до прошлого года, расходы на армию, которые от общества тщательно скрывали (что само по себе нарушает негласный общественный договор), росли непомерно. В конце концов во многом именно они разбалансировали экономику, финансы, социальную политику страны, хотя, казалось бы, армейские руководители могли бы догадаться, что все это неизбежно ударит по самой армии. Так и вышло. Измотал нас Запад в гонке вооружений, и страдают от этого сейчас и общество и армия, не понявшая вовремя, что именно это изматывание есть основная угроза безопасности государства.

Итак, мы создали огромную военную машину, но, как теперь выясняется, проиграли в качестве, а значит — в боеспособности. Сошлемся на компетентные источники.

5 октября 1989 года в «Известиях» заместитель министра иностранных дел СССР В. Карпов заявил: «...флот американский по своему качеству — лучше нашего». Так он ответил и на долго мучивший меня вопрос.

На одном из совещаний в 1980 году в МИД СССР с участием автора рассматривался вопрос о рыбном промысле в районе Западной Сахары. На прилегающие воды претендовало Марокко. И марокканские катера стали арестовывать там советские рыболовные суда. Мы претензий Марокко не признавали, их действия осуждали и думали над ответными шагами. Присутствовали представители Минрыбхоза, МИД СССР и Минобороны. Через полчаса дискуссий между работниками первых двух ведомств наметилась единая точка зрения: поблизости находятся корабли наших ВМФ, пусть они сдвинутся к району инцидентов и произведут впечатление своим грозным видом. И тут подал голос представитель военного ведомства. Четко, по-военному, но внутренне напряженно он сказал, что, поскольку поблизости находятся американские военные корабли, нельзя рисковать даже возможностью столкновения с ними. Все присутствовавшие почувствовали себя обманутыми: зачем же «толкли воду в ступе», если военные не готовы рисковать «даже возможностью»? С того момента и закралась автору крамольная мысль: а нужен ли нам такой огромный военный монстр? Или правильно сказал Петр I: «Победа не от множественного числа войск, но от мужества бывает» *. Царь, он же полководец, в слово «мужество» вкладывал более глубокий смысл — здесь и профессионализм, и самостоятельность, и конечно же, морально-волевой настрой, патриотизм.

А теперь — мнение специалиста из другого рода войск. Известный летчик-испытатель А. Н. Квочур отметил, что «...налет у

* Денисовец П. М., Лобурец В. Е. Здесь слава русского оружия взошла. Харьков, «Прапор», 1984, с. 23.

нашего летчика по сравнению, скажем, с американским значительно ниже», что в военных училищах «мало уделяется внимания культивированию таких привлекательных для молодого человека качеств, как смелость, решительность, самостоятельность» *. Выходит, и здесь мы тоже качественно отстаем от Запада. И еще один вывод напрашивается, но о нем немного позже, а пока посмотрим на некоторые исторические реалии, которым наша армия наследовала.

Одной из главных задач полководца Петр I считал разгром противника «с легким трудом и малой кровью». Развитие этот тезис получил в суворовском принципе: «Тяжело в учении — легко в бою», в сражениях, где россияне побеждали не числом, а умением. За счет высокого профессионализма, а не многочисленностью побеждали русские в войнах. Редко численный перевес был на нашей стороне. Другими словами, в государстве исторически сложилось понимание, что армия не будет без нужды обременять общество: то ли экономически, то ли массовым призывом «под ружье». Сохранялся постоянный оптимальный баланс между потребностями армии и возможностями — материальными и людскими — общества. Это давало неплохие результаты: в новые времена лишь при вторжении шведов в Россию в XVIII веке и французов — в XIX вынужден был народ браться за оружие.

Даже в первую мировую войну, которую, по утверждению некоторых, мы якобы проиграли, армия действовала неплохо. Она удерживала инициативу в 1916 году. В начале года были разгромлены турецкие войска на Кавказе. В марте было проведено наступление на северном участке фронта, в районе Двинска, в июне произошел знаменитый брусиловский прорыв. В январе 1917 года началось наступление с Рижского плацдарма 12-й русской армии. Под ее ударами раскалывалась 10-я немецкая армия. И она избежала разгрома лишь в силу начавшихся внутренних волнений в России. «Русская армия достигла к этому времени, — писал военный историк А. М. Зайончковский, — по своей численности и по техническому снабжению ее всем необходимым наибольшего за всю войну развития» **.

Армия была готова продолжать войну, и она-таки ее продолжила, но... в сражениях другой, гражданской, войны. Чем все это кончилось, известно. Но стоит подчеркнуть, что армия и флот к февральской революции не только сохранили свой потенциал, но и такие перспективы развития, которые могли предопределить иное развитие Европы (если не всего мира). Так, принятая в 1912 году 15-летняя программа развития русского флота предусматривала, что к 1930 году Россия должна была иметь 27 линкоров, 12 линейных крейсеров, 24 легких крейсера, 108 эсминцев и 36 подлодок ***. По сути, Россия должна была стать ведущей военно-морской державой мира. Аналогичные программы были приняты и для сухопутных войск, и для развития новой военной техники. А темп экономического развития страны в 30-летний период до начала войны был самым высоким в мире (Россия в среднем — 5,72 процента, США — 5,2 процента, Германия — 4,5 процента, Англия —

* «Известия», 6. II. 1989.

** Зайончковский А. М. Мировая война 1914—1918. Т. 2, с. 104.

*** Donald W. Mitchell. A History of Russian and Soviet sea, Power, N. Y. 1974, p. 274.

2,11 процента *. Могло сложиться так, что именно Россия стала бы определять будущее Европы и в ней вряд ли нашлось бы место фашизму.

Так не получилось. Первую мировую мы проиграли внутриполитически. После гражданской войны весь российский флот был либо уничтожен, либо продан на слом, а русская армия перестала существовать. Она вначале стала «красной», затем «советской», но.. не «русской». Дело даже не в названии. Гораздо важнее преемственность. Все армии мира развиваются на преемственности традиций, опыта, интеллекта. Изучается и чужое. Цель: в каждый момент своего развития армия должна быть в пике своей формы.

Наша же армия после гражданской войны практически разорвала связи с бывшей русской — царской — армией. Высшее руководство не взяло (не смогло или не захотело) в голову, что русская армия веками развивалась как национальный организм, ее воинское искусство и наука складывались применительно к русскому национальному характеру. Столкновение в гражданскую войну двух русских армий (красной и белой) было явлением из ряда вон выходящим. Произошло дальнейшее развитие не военной науки, а антинауки. Это можно было как-то учитывать, но не развивать дальше. У нас же обучение и воспитание Красной Армии основывалось на опыте гражданской войны. К этому потом добавили опыт гражданской (опять!) войны в Испании, локальные стычки с японцами. Естественно, что, обрубив свои исторические корни, потеряв национальный характер, Красная Армия как бы начала с нуля. Она пошла своим путем: проб и ошибок. Кстати, в этом тогда не было ничего из ряда вон выходящего — ведь и экономика страны отринула опыт царской России и всемирные экономические законы, опыт других, и политическая система сложилась во что-то настолько уникальное, что до сих пор не разберемся.

В рамках упомянутого исторического общественного договора народ по-прежнему ничего не жалел для армии. И он верил, что создает нечто «несокрушимое и легендарное», но... жизнь глубоко разочаровала. Вначале «споткнулись» в Финляндии. То, что могло казаться карательной экспедицией, обернулось кровавой войной. Худо-бедно, наделав массу ошибок, все-таки победили. Опять поверилось, что, может быть, сбой в Финляндии — это случайность. Народ опять убеждали, что если будет война, то «на вражьей земле мы врага разобьем малой кровью, могучим ударом». В это хотелось верить, но сомнения остались. Хотя бы потому, что состояние командных кадров Красной Армии было ниже всякой критики: к началу войны только 7 процентов офицеров наших Вооруженных Сил имели высшее военное образование (в основном моряки), а 37 процентов (!) не прошли полного курса в средних военных учебных заведениях **. Мы уж не говорим о репрессиях, ослабивших командный состав армии, а подчеркиваем низкий образовательный уровень тех, кто, получив поверхностное военное образование, повел за собой солдат на битву с наиболее профессиональной армией XX века — вермахтом.

Основные силы кадровой Красной Армии были разгромлены в первые недели войны. Такого разгрома русская армия не испытывала никогда. Потеря в ходе первой мировой войны 2-й армии генерала Самсонова была в свое время воспринята российским обществом как тяжкое поражение и позор. Но ведь это и в сотой доле несравнимо с поражениями Красной Армии в первые недели Великой Отечественной войны! И как результат — весь советский народ от мала до велика, включая жанщин, был вынужден втягиваться в битвы на своей территории, жертвуя всем — домами и жизнями. Цифры наших потерь на полях сражений мы не любим сопоставлять с потерями противника. С нашей стороны потери — это убитые, умершие от ран и в плену. С их — убитые, раненые, взятые в плен.

Приведем некоторые цифры. Итак: «...Германия выставила против СССР в общей сложности 4600 тысяч солдат и офицеров (в том числе 3300 тыс. человек из состава сухопутных войск)...» «Из 20 млн. советских людей, погибших в Великой Отечественной войне, на полях сражения пало... около 8 млн. солдат и офицеров Красной Армии... а также более 3912 тыс. советских военнопленных» *. А сколько миллионов было покалечено и отправлено в тыл? А какую вообще армию мы выставили против Германии и ее союзников? А сколько же человек немцы потеряли убитыми? Ответ мы со временем получим, но, в общем-то, это и не столь важно. Потери наши явно несопоставимы. Да и вообще — войну выиграл советский, главным образом русский народ, вынесший, по признанию И. Сталина, на своих плечах главную тяжесть войны. (Заметим в скобках, что пристального внимания историков и демографов заслуживают и некоторые «странности» военного времени, когда солдат не отпускали на побывку домой; когда враз брали всех мужчин зрелого возраста одного региона, формировали из них дивизии и бросали те дивизии в самые страшные «котлы» — не могу избавиться от мысли, что в этом просматривается скрытая форма геноцида.)

Подчеркнем еще раз: войну выиграл народ, не жалевший для армии ничего. И опять зададимся вопросом: а сопоставимы ли были армии сторон, вступивших в войну? К 4,6 миллиона человек в фашистской армии и флоте, «обстрелянных» в Европе, добавим: 3712 танков, 4950 самолетов, 47 260 орудий и минометов, 5 линкоров, два небольших авианосца, 5 тяжелых крейсеров, 36 эсминцев, 111 подлодок и 27 торпедных катеров **.

У нас в Вооруженных Силах находилось к началу 1941 года 4207 тысяч человек. За 1939 — 1-ю половину 1941 года было произведено свыше 17 тысяч боевых самолетов, в том числе 3719 — новейших типов Як-1, МиГ-3, ЛАГГ-3, Пе-2, Ил-2; 7,6 тысячи танков, в том числе 1861 типа КВ и Т-34; свыше 80 тысяч орудий и минометов.

ВМФ имел в строю 3 линкора, 7 крейсеров, 59 лидеров и эсминцев, 218 подлодок, 269 торпедных катеров, 2581 самолет и свыше 1 тысячи орудий береговой обороны ***.

Какой напрашивается вывод? Советские Вооруженные Силы по численности и вооруженности не уступали противнику. Для тех поражений, которые Красная Армия потерпела в первый период войны, формальных, так сказать, оснований не было. Народ дал армии все, что мог: военные расходы в 1939 году составили

* Яковлев Н. Н. 1 августа 1914 года. «Молодая гвардия», 1974, с. 117.

** История ВОВ Советского Союза 1941—1945 годов. М., 1965, т. 6, с. 124—125.

* Милитаризм: цифры и факты. М., Политиздат, 1985, с. 70.

** Bekker C. «Hitler's Naval War», N. Y. 1974, p. 372.

*** ВСЭ, 1971, т. 4, с. 388.

25,6 процента, в 1940-м — 32,6 процента, а в 1941 году — 43,4 процента (!) госбюджета *. Мог он рассчитывать на более удачный ход войны? Конечно, если бы он имел армию, которая опиралась на опыт предшествующих поколений. Но... изменилась сама суть армии. Ее возглавили люди, проявившие себя только в гражданскую войну, войну особого рода. Да и все они прославились за счет старого русского офицерства, в большинстве своем ставшем на сторону красных. Этих офицеров использовали, а затем в массе своей уничтожили. И остались ни с чем. Предполагать, что Тухачевский, Уборевич, Егоров были бы более удачливы, чем Буденный, Ворошилов, Тимошенко, — наивно, да и бессмысленно. Они усвоили из гражданской войны один урок: исход сражения решает все-таки количество войск. И действительно, когда с одной и с другой стороны — русские, исход сражения решает превосходство в силах. Вот и процветал (и сейчас пока процветает) количественный компонент, магия цифр: у американцев столько-то войск и вооружений, нам надо больше; у них больше, и у нас — тем более. К тому же считалось, что «пушечного мяса» у нас в достатке. Не жалели людей в репрессиях, так чего же их жалеть в бою...

Необходимо затронуть вопрос о качестве бойца. У нас до сих пор в ходу славословия самопожертвованию. За благо почиталась готовность бойца погибнуть. Но ведь главная цель боя — уничтожить противника, а не погибнуть. Славим тех, кто смело шел на таран. Правильно, в общем-то, хвалим, по-русски это — восхищаться безудержной удалью. Но... непрофессионально. Осуждаем немцев, что у них ни таранов не было, ни амбразуры дзотов грудью они не закрывали. Но ведь за счет самопожертвования компенсировались издержки в организации боя: кто-то что-то не продумал, сделал не так, не обеспечил и т. д. Рецидив этого — перекос уже «нашего поколения», когда делается все для спасения техники даже под угрозой человеческой жизни. Чтобы не нужно было самопожертвования, нужна компетентность на всех уровнях, нужен, как и в каждом деле, высокий профессионализм. Его-то нам всегда не хватало, и не только в армии. И именно поэтому туго идет военно-патриотическое воспитание. Мы поем песню безумству храбрых и оплакиваем погибших героев. Иначе не получается. И даже День Победы все больше смахивает не на праздник, а на день поминовения. Ну а где примеры военного искусства? Искусство в войне пришло попозже, после тяжких поражений, а пока учились, был жизненно нужен и массовый героизм, и самопожертвование.

О воинском мастерстве в Великой Отечественной войне мы кое-что знаем. Известно, например, что наши великие воздушные асы Кожедуб и Покрышкин сбили соответственно 62 и 59 самолетов противника. Результат фантастический, если принять во внимание качество немецких летчиков. У них ведь было 104 пилота, каждый из которых сбил больше 100 наших самолетов. Лучший немецкий ас Хартманн, прибывший на Восточный фронт в октябре 1942 года, успел сбить до конца войны 352 самолета (347 советских и 5 американских). За что и получил от советского трибунала 25 лет, из которых 10 отсидел. Баркхорн сбил 301 самолет; Ралль — 275; Штайнхоф — 176 и т. д. Десять лучших немецких пилотов сбили вместе 2588 самолетов. Невзирая на положение на фронте, немцы готовили летчика в течение двух лет. В военное время. И потом

* Там же.

«обкатывали» в боях очень осторожно. Тот же Баркхорн в первых 100 боях не сбил ни одного самолета *.

Очень тщательно немцы готовили личный состав и в других родах войск. Так, укомплектованные экипажи боевых кораблей совместно обучались не менее шести месяцев (даже в 1945 году!), прежде чем они шли в бой. Это давало отличные результаты.

Мы отстаиваем сейчас право нашего подводника Маринеско на звание Героя Советского Союза. Голосую за это обеими руками, хотя его личный счет потопленным судам (четыре) скромный. Но надо помнить, какой был противник. А какой?

Вначале посмотрим на себя. За годы войны наши подводники (а они да катерники были лучшими в ВМФ — это бесспорно, то есть подтверждается с обеих сторон) потопили 157 судов разных классов общим тоннажем 462,3 тысячи тонн. К этому можно добавить данные, представленные только советской стороной: 165 судов и 576,1 тысячи тонн **. В сумме получим: 322 суднв и 938 тысяч тонн. Напомним, что в войну мы вступили, имея 218 подлодок.

Немцы в 1939 году из 66 боевых подлодок смогли развернуть на коммуникациях лишь 16. Фатально для себя недооценивая подлодки, они сделали традиционную ставку на большие надводные корабли. По ходу войны немцы спохватились, настроили 1170 подлодок, из которых потеряли 968 (630 в ходе операций). Можно представить масштаб боевых действий! Но имеются вот такие данные *** о личных счетах лучших командиров подводных лодок: Отто Кречмер — 44 потопленных судна общим тоннажем 266,6 тысячи тонн, за период с IX.1939 по III.1941; Вольфган Лут — 43 — 225,7 — с I.1940 по X.1943; Эрик Топп — 34 — 193,6 — с VII.1940 по VIII.1942; Карл Ф. Мертен — 29 — 185 — с VI.1941 по V.1943; Виктор Шутце — 34 — 171 — с X.1939 по VII.1941... Хватит иллюстраций: эта пятерка потопила 184 судна тоннажем свыше 1 миллиона тонн. Кстати, и у 20-го в списке лучших — Рейнгарда Харденге — результат впечатляющий: 23 судна — 128,4 тысячи тонн за период с II.1941 по VII.1942. И не зря, наверное, сложилась у немцев традиция, о которой хочется сказать особо. Однажды в перерыве на переговорах между военными делегациями СССР и ГДР, когда участники чаевничали, в комнату вошел наш моряк, на груди которого был прикреплен скромный силуэт подводной лодки. Увидев его, офицеры ГДР встали. Они тут же объяснили, что у немцев отношение к подводникам особое, как память об их героизме и мастерстве. Хорошо это?

Отвечая, будем иметь в виду как то, что Петр I воздавал славу шведам-«учителям», так и вообще традицию — уважать противника за мужество в честном бою. Напомним, что на поле Полтавской битвы стоит памятник павшим шведам, как от их сограждан, так и от россиян. Так уж устроена жизнь: если ты требуешь уважения к себе, то уважай, будь добр, других достойных людей. За последние 870 лет мы привыкли подо все подводить политическую подоплеку, как будто человеческое мужество и боевое мастерство не имеют общезначимой основы. Как, кстати, и нравственность, которая или есть, или ее нет, — она не может вдруг, враз превратиться в политическую категорию. А сложившиеся традиции — это

* Данные приводит В. Шлыков в журнале «Международная жизнь». 1989, № 4, с. 25.

** Емельянов Л. А. Советские подводные лодки в Великой Отечественной войне. Воениздат, 1981, с. 178.

*** Bekker C., op. c., i. t, p. 380.

основа воинского кодекса чести и поведения. Их значение для родов войск и частей трудно переоценить.

Сколько чернил было пролито нашими журналистами, негодующими на то, что армия ФРГ осваивала опыт гитлеровского вермахта. Но, простите, а чей опыт она могла осваивать? Можно понять наше негодование, так как сейчас армия ФРГ по боевой эффективности занимает ведущее место в НАТО. Но именно эту задачу ставил перед ней западногерманский налогоплательщик. За деньги, которые он платит, ему не нужна армия второго сорта.

К чему все это говорится? В. И. Ленин на заре нашего социалистического государства подчеркивал, что пока остается внешняя угроза, «наши шаги к миру мы должны сопровождать напряжением всей нашей военной готовности» *. Речь идет именно о военной готовности, о том, что армия — это прежде всего школа боевого мастерства. И, видимо, этому в армейском укладе должно быть подчинено все, поскольку нам за наши деньги (да простится мне этот меркантилизм) нужны твердые гарантии от внешних напастей.

Некоторые считают, что «армия была, есть и будет школой интернационального воспитания» **. Ради Бога, но... если достигнута главная задача, то есть если армия выведена на качественно мировой уровень. Иначе... больно было читать письмо бывшего воина-«афганца» Ю. Тишакова: «Три месяца перед отправкой в Афганистан... мы, новобранцы, находились в Туркмении... Мы не знали... куда нас потом пошлют, но командование ведь точно знало. Так почему же нас даже стрелять не учили, даже управляться с техникой? Нас учили шагать, отдавать честь, мы зубрили устав, конспектировали (в который раз) ленинские работы, ремонтировали чьи-то квартиры, драили плац. За все три месяца мы только один раз были на полигоне, только один раз стреляли из боевого оружия» ***. А потом их послали добывать воинский опыт, рискуя собственной жизнью. Логика военного периода: тогда необученную молодежь кидали в атаки, и сейчас сойдет. Кстати, с нашими офицерами в Афганистане тоже не все ясно. Читаем: «...каждый пятый, павший в Афганистане, — офицер» ****. Почему? Может, их тоже не тому учили? Или опять-таки делалась ставка на самопожертвование: вы, мол, должны быть рядом с солдатом и погибать вместе с ним. Но ведь гибель офицера ведет к дезорганизации боевых порядков, особенно при нашем непрофессиональном сержантском составе. Безумие — требовать от офицера неприсущих ему действий!

Чтобы завершить афганскую тему, затронем проблему советских военнопленных. Ее моральный, опять-таки жертвенный аспект. В послереволюционный период сложился необычный взгляд на сдачу в плен. Во все века и во всех армиях к плену относились как к несчастью, в которое попадает солдат, честно исполняющий долг перед Родиной. Не считается зазорным сдаться в плен, когда исчерпаны возможности к сопротивлению. Дети военнопленных американцев, кстати, даже имеют преимущества при поступлении в престижные военные училища. В общем, никто не требует, чтобы у солдата перед пленом была одна альтернатива — смерть, и в вину ему плен никогда не ставился, поскольку общество не

* Ленин В. И. ПСС, т. 40, с. 248.
** «Правда», 29.05.89, с. 3, ст. генерала армии А. Д. Лизичева.
*** «Молодая гвардия», 1989, № 8, с. 282—283.
**** «Литературная газета», 12.04.1989, с. 7.

может подозревать честного человека в заведомом предательстве. У нас же искажение произошло (и осталось) с гражданской войны, когда общечеловеческое понятие подменили политическим: перешел от красных к белым — предал. Обратим внимание на слово «перешел», то есть сделал политический выбор. Не от большого ума смешали презренного «перебежчика» с пленным, предателя с жертвой обстоятельств. И пошли калечить судьбу сотен тысяч ни в чем не повинных людей. Сейчас мы возвращаемся к цивилизованной позиции, но, похоже, делаем это по нужде, а не по разумению.

Честные критики нынешних армейских порядков хотят, чтобы армия поставила наконец во главу угла те цели, во имя которых она создана; чтобы в ней не «терялся» человек. Они хотят, чтобы армейское руководство объяснилось с общественностью по вопросам, которые ее беспокоят. Есть в этом что-либо необычное? Нет. Это практика всех цивилизованных стран. Да и сама армия заинтересована в том, чтобы общество ее понимало. А у нас этого не получается. Видимо, армейское руководство надеется, что все обойдется. Иначе мы бы не слышали сентенций, которые вызывают недоумение и протест. Вот чем, например, генерал армии А. Д. Лизичев объясняет «дедовщину»: «Из-за сложностей демографической обстановки... до сих пор призываются молодые люди, имеющие судимости, физические, даже умственные недостатки, «познакомившиеся» с наркотиками и алкоголем» *. Интересно бы узнать, каков процент таких «защитников Отечества»? И нельзя ли без них обойтись? Не хватает людей? Но во многих армиях мира некомплект личного состава. У японцев до 25 процентов, именно потому, что они не призывают людей «второго сорта». Но, скажут, они нам не указ, у них «на одного рядового... приходится почти два с половиной командира» **. Это профессиональная армия. Но вот в ФРГ: ежегодно уклоняются от призыва в бундесвер 77 тысяч человек. И ничего — им находят альтернативные применения.

Так неужели мы бы не смогли наркоманов, пьяниц и дебилов использовать в другом месте? Ведь «одна паршивая овца все стадо портит». Даже без дебилов и наркоманов процесс слияния людей разных национальностей чрезвычайно ответственный, если иметь в виду не «интернациональное воспитание», а боевую подготовку. В 60-е годы натовцы экспериментировали со смешанными экипажами. Но, как мы знаем, из этого ничего не вышло, хотя соединяли высококлассных специалистов — англичан, немцев, французов, бельгийцев, — людей с большой историко-культурной общностью. Не получилось необходимой боевой эффективности. Другой пример — иностранный легион. В нем фактически 60 процентов французов, он профессионален, но, как признают сами легионеры, «в тактическом отношении легион уступает британской армии» ***.

На Западе во главу угла ставится принцип внутригрупповой сплоченности, совместимости членов экипажей. Именно это, считают специалисты, послужило основой психологического превосходства англичан над аргентинцами в конфликте из-за Фолклендских (Мальвинских) островов: «Страх потерять доверие группы действует сильнее всего, позволяет совершать смелые поступки» ****.

* «Правда», 29.05.1989.
** «Известия», 25.10.1989.
*** «За рубежом», 1989, № 20, с. 18.
**** «Зарубежное военное обозрение», 1988, № 1, с. 16.

Изучаем ли мы западный опыт? Или, как и в других сферах общественной жизни, идем своим путем? Но «свое» — далеко не всегда значит лучшее, тем более если оно — «свое», о котором речь ведем — лишь условно связано с нашим прошлым. Чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть на программы высших военных училищ, где считанные часы отводятся на историю военного искусства, на то, что широко развивает человека, заставляет его думать, гордиться воинской профессией.

Развитию кругозора, умению думать, анализировать способствует знание иностранных языков. Совсем не зря офицеры западных армий, как и раньше русской, свободно владеют хотя бы одним иностранным языком. И не случайно корреспондент «Недели» задал начальнику Генштаба товарищу М. А. Моисееву следующий вопрос: «...в век научно-технической революции и информационного взрыва специалист, который не знает хотя бы одного ведущего иностранного языка, не может считаться полноценным. Как поставлено обучение иностранным языкам офицеров и генералов Генштаба?» * Вместо ответа одним словом — «никак», как и подобало бы военному, товарищ М. А. Моисеев «накручивает» газетную колонку в 66 строк, где говорит о чем угодно, но не об изучении иностранных языков. В Генштабе их за ненадобностью не учат. А в армии вообще? Лучше эту тему оставить... Армейцы гордятся тем, что они днюют и ночуют в казармах, им не до иностранных языков, не до развития интеллекта и культуры. Вот и получили в обществе тот интеллектуально и духовно прискорбный образ Советской Армии, который имеем. В этих 66 строках товарищ М. А. Моисеев говорит о необходимости написания истории частей и кораблей. Но, интересно, какие истории могут быть написаны на кораблях с названиями: «Устинов», «Свердлов», «Ворошилов», «Горький», «Дзержинский» и т. п.? У этих названий нет истории. Это не «Россия», «Рюрик», «Громобой», «Аскольд», «Меркурий», «Три Святителя», «Орел» — имена кораблей, покрывших себя боевой славой. А какая история зв названием академии ВМФ именем Гречко? А как увековечено имя Главкома ВМФ в годы войны Н. Г. Кузнецова? Вопросы можно множить, но ответа нет.

Темв воинской гордости — особая. Но вспоминается сюжет из передачи «Служу Советскому Союзу». Был небольшой период (год-два назад), когда эту передачу пытались сделать интересной, жизненной. И как-то показали маневры, на которые прибыл министр обороны СССР товарищ Язов. Подошел он к одному майору и попросил его указать на карте местонахождение его части и поставленную боевую задачу. Майор... не смог. Министр (уже в ином эпизоде) спросил другого офицера — тот же результат. Вопрос: могли ли офицеры гордиться собой? А министр, мог ли он гордиться своей армией? Выводы из этого были сделаны: подобных передач (критических) я больше не видел, и со временем «Служу Советскому Союзу» из-за скукоты стало невозможно смотреть.

Впрочем, мы, кажется, пропустили сержантско-старшинское звено. Может быть, это случилось потому, что его низвели столь низко, что оно стало незаметным. А ведь унтер-офицеры во всех армиях несут на себе главную обязанность по обучению и воспитанию личного состава. К тому же это специалисты во всех узких областях, какие только можно представить. На Западе это звено профессионально.

* «Неделя», 1989, № 18, с. 14.

У нас большое значение придала сержантам война, где им зачастую приходилось в бою командовать взводами и ротами. Да и не только в бою. После войны они долго оставались партнерами и помощниками офицеров. Они были хозяевами казармы. При таких хозяевах «дедовщина», конечно же, не могла иметь власти. Постепенное умаление роли сержантов приводило к власти неформальных лидеров, а затем — «дедов» вообще. Служба для молодежи превращалась в кошмар. Это ударило и по офицерам.

Но ударило их и с другой стороны: терпит эрозию их социальное положение и статус, часть их попросту сокращают. Причем заметим, когда сокращали Госагропром, кроме вреда, нам ничего не давший, о его сотрудниках позаботились специально (постановление Совмина СССР № 332 от 17.04.89 и письмо Минфина СССР № 61 от 06.05.89): при переходе на другую работу им сохранили должностные оклады и ведомственные надбавки. Все за счет бюджета, за народный счет. А увольнение офицеров и прапорщиков? Им такой милости оказано не было. Но почему? Их же от имени государства (нас с вами, уважаемый читатель) пригласили наняться на постоянную службу — защищать Отечество, жертвуя для этого, если надо, жизнью. Был заключен своего рода контракт между человеком и государством. Стороны обязаны его соблюдать. Даже если какие-то военные сейчас оказываются лишними, государство не может их просто уволить. Во-первых, это непорядочно. Во-вторых, недальновидно: подрываются моральные основы армии, что ударяет по ее качеству. Позже все равно придется заняться повышением качества, но... стоить это будет дороже. Главное, однако, в другом. Почему мы не можем глядеть дальше своего носа? В конце 50-х годов у нас был драматический опыт сокращения армии. Мы из него никаких выводов не сделали. И вообще непонятно, почему нельзя жить без драматических акций? Разве армейскому руководству не было ясно, что мы уже давно перебрали самый высший количественный предел численности Вооруженных Сил? Разве нельзя было отрегулировать это плановым естественным путем? Или мы специально увеличили численность, чтобы в один прекрасный день под звуки фанфар заявить о своем миролюбии и односторонне сократить часть Вооруженных Сил? И почему не поняли лет 20 назад, что боевой потенциал армии усиливается не за счет численности, а путем технической модернизации, разработки новых видов оружия. Мы же проматывали национальное достояние в непомерном росте числа солдат, пушек, танков, кораблей — абы числом поболе!

О том, что в армии нам не нравится, говорить можно много. Трудно говорить о том, что нравится. Не только потому, что мало осталось хорошего, но и больно серчают на это большие начальники. Но и молчать нельзя. Нельзя дожидаться, когда доживем до того, что будем призывников отлавливать с милицией. Начальству бы задуматься, почему растет оппозиция службе в армии? Народ плох или ему не нравится эта армия?

Не бодряческие заявления нам сейчас нужны, а серьезный анализ, выводы и реорганизация армейской службы. Это неизбежно. Что удивляет: гражданские товарищи предлагают различные варианты, а армейское начальство отмахивается от этого, как от назойливых мух. И даже деньги стали считать — чего с ними никогда не бывало, — когда стали предлагать внедрение в армию профессионализма. Почему генералы против профессионализма?

Дорого? Но это зависит от концепции — какая армия нам нужна. По концепции можно бы поспорить, но... бесспорно одно: нам нужна армия, соответствующая мировому уровню. Не следует ждать чрезвычайных обстоятельств, как это уже было в ходе войны, когда мы, «осененные образом наших великих предков», нахлебавшись кровью массовых жертв, начали реконструировать армию на дореволюционный манер. И звания офицерские ввели, и погоны, и форму, и суворовские, нахимовские, артподготовительные училища (то бишь кадетские корпуса) создали. И патриотическое воспитание вывели за рамки советского периода. Потом, правда, многое отменили.

Думается, что настало время для диалога армейского начальства с обществом. При назначении товарища Язова на пост министра в Верховном Совете СССР такого разговора не получилось. По реакции народных депутатов мы могли видеть, что общество наше положением дел в армии не удовлетворено. И еще было понятно, что депутаты не очень представляют себе, как выглядим мы в качественном сопоставлении с противной стороной. И еще: у них не было времени, чтобы разобраться и понять, что за те же (а может, и меньшие) деньги мы действительно можем иметь армию на уровне лучших мировых стандартов. Так, может, на это и направим наши усилия, в том числе и через серьезную дискуссию?

Юрий ИЛЬИН,
канд. юридических наук,
зам. руководителя кафедры МВПШ,
выпускник Киевского артподготовительного
и Киевского ордена Ленина
Краснознаменного артиллерийского училищ

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

ПОГОВОРИМ НАЧИСТОТУ

Из писем в редакцию

СУРОВОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Тем, кто ратует за конституционное закрепление в нашей стране частной собственности, не мешало бы крепко задуматься над предостережением министра внутренних дел СССР В. В. Бакатина, прозвучавшим с трибуны II Съезда народных депутатов СССР:

«Может быть, воспитанные на глубоких традициях предпринимательской этики, энергичные, инициативные частники и смогут накормить человека. Но у нас нет такой этики частного предпринимательства, есть мораль жуликов «теневой экономики», и прежде чем предлагать решения фундаментальных вопросов, надо подумать, как обезопасить общество от новоявленных нуворишей» *. Именно так! Легализация частного капитала превратит нашу страну не в Швецию и Швейцарию, как вдохновенно мечтают публицисты и теоретики, близкие к так называемой Межрегиональной депутатской группе, а в Индию или Бангладеш, где «его препохабие» Капитал проявляется в

* «Советская Россия», 1989, 23 декабря. Далее — тот же источник.

азиатско-варварском, попирающем элементарные нормы порядочности и нравственности виде. Не надо забывать, что американские, европейские и японские предприниматели приобрели «цивилизованность» и «культурность» не сразу, а в результате длительной, продолжавшейся в течение многих десятилетий эволюции, вызванной в основном растущим сопротивлением их гнету трудящихся масс, имевших в качестве социальных ориентиров и примеров достижения Великого Октября. Советским нуворишам на такую эволюцию нужен куда более продолжительный срок, а ждать 60—70 лет наш и без того измученный и заждавшийся народ не станет.

Кое-кто из приверженцев «Огонька» и «Московских новостей» уверяет, что утверждения о поднимающем голову в нашем обществе частном капитале якобы преувеличены и сознательно используются для срыва экономической реформы. Послушаем, однако, тов. Бакатина вновь: «По оценкам зарубежных специалистов, СССР входит в число двадцати стран мира с наиболее развитой теневой экономикой. Особенности ее в Союзе определяются административно-командными методами ведения народного хозяйства, многочисленными дефицитами на рынке товаров и услуг, жестким фондовым распределением ресурсов... Наиболее достоверной цифрой общего объема теневой экономики большинство ученых считает 70—80 млрд. рублей. Прогнозируется рост в ближайшие годы до 100—130 млрд.».

Могут возразить, что это всего лишь общие цифры, а в действительности число жуликов и начинающих капиталистов невелико и не угрожает-де основам социализма. Продолжаю поэтому выдержки из доклада: «С 1986 года органами ОБХСС выявлено более миллиона преступлений, в том числе 40 тысяч хищений в крупных и особо крупных размерах... В должностных и хозяйственных посягательствах участвовало 1,2 млн. человек... органами юстиции с 1985 года передано суду 629 обвинений в хищениях, взяточничестве по делам с суммой ущерба более 1 млн. рублей. В том числе у 63 обвиняемых изымалось реальных ценностей на сумму более 1 миллиона.

По оценкам ученых-экономистов, миллионные состояния, приобретенные незаконным путем, имеет гораздо большее число граждан». Можно представить, каково истинное число советских миллионеров, если, по данным того же тов. Бакатина, не выявляется до 95 процентов взяточничества и хищений, а ведь миллионные состояния сколачиваются и другими путями!

Пока мы судили да рядили, создаст ли угрозу социализму появление класса частных предпринимателей, этот класс уже не только «застолбил» свое присутствие во многих сферах экономической жизни, не только подобрался к ее важнейшим рычагам, но и пытается прорваться и в сферу большой политики. Вот что говорил по этому поводу, выступая на II Съезде народных депутатов, Генеральный прокурор СССР А. Я. Сухарев: «Сегодня мы имеем все основания говорить о системе функционирования и воспроизводства нелегального капитала, который пытается обеспечить своим представителям прорыв к рычагам политической власти. Объединившись, торговые мафии, дельцы и предприниматели высокого класса с завидной пробивной силой начали открытое давление на социальные устои общества и права граждан, обостряя дефицит. Создание внушительного подпольного рынка

товаров и последующая легализация, отмывание сотен тысяч и миллионов рублей покоятся на несовершенстве хозяйственного механизма, контрольного и налогового. Но в определенной мере и на системе покрытия в управленческих и правоохранительных звеньях. Складывается альянс преступной среды в экономике с традиционной уголовщиной». Объективные интересы этого альянса довольно энергично и шумно отстаивает прорвавшаяся в высшие органы власти группа «перестройщиков» и «прорабов». Ознакомьтесь, к примеру, с широко рекламируемыми нашими средствами массовой информации выступлениями и требованиями народных депутатов СССР Ю. Афанасьева, Г. Попова, Н. Шмелева, Ю. Черниченко и других, и вы придете к выводу, что у легализующегося, рвущегося к власти капитала есть «свои» люди в высоких сферах. Как и своя общесоюзная политическая партия — парламентская «оппозиция», о создании которой с такой помпой и торжеством заявил Ю. Афанасьев на II Съезде народных депутатов СССР. О республиканских буржуазных партиях, открыто выступающих за реставрацию капитализма и ликвидацию Советской власти, — социал-демократы, христианские демократы и тому подобные «демократы» в Прибалтике, националистические партии в Закавказье и Молдавии, — и говорить не приходится. Конечно, их связь с нарождающимся капиталом, с мафией косвенная, не прямая. Но разве в капиталистических странах эта связь также не завуалирована массой различных обстоятельств?

Самую неприглядную роль в реставрации буржуазной идеологии и настроений играют наши «перестроечные» средства массовой информации и их флагманы — «Огонек» и «Московские новости». Обращусь еще раз к прекрасному докладу В. В. Бакатина: «Негативными факторами, как сдерживающими борьбу с организованной преступностью, так и прежде всего стимулирующими саму преступность, являются деформации в нравственной сфере, падение дисциплины, правовой нигилизм, а также активно насаждаемая последнее время идеология обогащения, вещизма, восхищения «деловыми» людьми и унижающего сочувствия к обычной трудовой жизни, которую иначе, как «нищенская», стало называть немодно».

Что верно, то верно! О человеке труда вся «огоньковская рать» отзывается либо с элитарным пренебрежением, либо с лицемерным, унижающим достоинство рабочего и колхозника «сочувствием» к его «нищенской» жизни. Кумиры отечественных дельцов от журналистики — такие же, без чести, совести, патриотизма и гражданственности дельцы в сфере искусства, «бизнеса», политики. И такая же, как в буржуазной журналистике, патологическая страсть к смакованию изнанки торгашеского мира — проституции, наркомании, преступности, эротики, гомосексуализма и т. п. Правда, без свойственного западным журналистам высокого профессионализма, на своем, примитивно-бульварном уровне, столь восхищающем отечественное, жаждущее «клубнички» и острых ощущений как малообразованное, так и просвещенное мещанство! И все это на фоне прямо-таки «общечеловеческой» тоски по «либерализованному», слегка подмазанному «социалистической» краской капитализму!

Уверен: слишком рано списали мы в теоретический архив ленинское положение о неизбежности обострения классовой борь-

бы в ходе строительства социализма, смещении центра ее тяжести в идеологию и духовно-нравственную сферу. Пока у нас в застойные годы вовсю раздували миф о «нерушимом» «идейно-политическом единстве» общества, восхваляли переродившихся лидеров типа Брежнева или Суслова, сформировался целый класс живущих за счет чужого труда эксплуататоров со своей идеологией, теоретиками и публицистами. Сегодня они, опираясь на захваченный ранее плацдарм, перешли в открытое наступление и сумели захватить влияние над многими средствами массовой информации. А если учесть активную поддержку реставраторам старого многих размагниченных мелкобуржуазных интеллигентов, части обюрократившихся, переродившихся чиновников партийно-государственного аппарата, можно понять истинные размеры опасности, нависшей над социализмом. Тем более что партию, широкие трудящиеся массы по-прежнему усыпляют и убаюкивают сказками о «сплоченности» и «консолидации» всех слоев общества, о необходимости «идти на диалог и компромисс» — сказками, представляющими, по сути, перепев старых иллюзий о «монолитном морально-политическом единстве». Какая может быть «сплоченность» у рабочего, перебивающегося от зарплаты до зарплаты, и перекупщика-спекулянта, наживающего миллионы, каким может быть «консенсус» у дельцов «теневой экономики», ворочающих огромными суммами, и 40 миллионами наших людей, живущих за чертой бедности, какой может быть «консолидация» между коммунистом, выступающим за укрепление социализма, и мелкобуржуазным, националистически настроенным сепаратистом, требующим ликвидации основ социализма и развала Союза?

«Пролетарские революции, — писал К. Маркс, — ...сваливают своего противника с ног как бы для того, чтобы тот из земли всосал свежие силы и снова выпрямился еще могучее прежнего, все снова и снова отступают перед неопределенной громадностью своих собственных целей, пока не создастся положение, отрезывающее всякий путь к отступлению, пока сама жизнь не заявит властно: «Здесь Родос, здесь прыгай! Здесь Роза, здесь танцуй!» Чтобы свалить вновь поднявшегося монстра частного капитала, надо не гоняться за «широтой общественного диалога» и сомнительными аплодисментами враждебных ленинизму «гуманистов» и «свободолюбцев», а твердо стать на позицию рабочего класса и, опираясь на его поддержку и помощь, последовательно и решительно начать укрепление порядка и дисциплины, восстановление и защиту подлинно социалистических ценностей и на этой основе уверенно двинуться вперед.

В. ТИКСИН,
журналист

РАЗБАЗАРИВАЮТ ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

С одной стороны, бумажных денег сейчас в обращении стало больше, чем потребительских товаров, с другой — значительная часть денежной массы не возвращается в госбанк, и как следствие — в нем стало не хватать средств для выплаты зарплаты рабочим и служащим. Госбанк вынужден выпускать в обращение

все новые и новые бумажные купюры. В результате деньги падают в цене — наступает инфляция.

Какой же выход из создавшегося положения? Мне думается: в быстрейшем насыщении рынка потребительскими товарами, в успешной борьбе со спекуляцией, строжайшем контроле над ценами и незамедлительной денежной реформе. Периодический же выпуск в обращение монет из драгоценных металлов, который практикуется в последнее время Госбанком и Минфином СССР, не снимет возникшей проблемы. Это негодный метод изъятия из обращения излишней массы денег внутри страны. Он ведет к еще большему, как, видимо, и было задумано, обогащению доморощенных миллионеров, которые нажили свои капиталы нечестным путем. Позволяет им превращать бумажные деньги в золотые слитки и становиться еще более богатыми. Трудящиеся, создающие материальные ценности — рабочие и колхозники, — не в состоянии купить такие монеты. Да они и не доходят на периферию, как правило, оседают в Москве.

Есть здесь и еще одно соображение. Выпуская монеты из драгоценного металла, Госбанк и Минфин СССР транжирят тем самым золотой запас страны, который должен быть неприкосновенным резервным фондом и использоваться в силу крайней необходимости по решению Верховного Совета СССР. Реализация золота за обесцененные бумажные деньги ведет к истощению резервных фондов, к дальнейшему оскудению государства.

П. ЛОБЫНЦЕВ,
ветеран ВОВ и труда, член КПСС,
г. Павловск Воронежской области

У ОПАСНОЙ ЧЕРТЫ

Трудно, думаю, назвать экономическую, социальную, политическую, нравственную проблему, которая не обсуждалась бы на Съезде народных депутатов СССР. Одна из обсуждаемых проблем меня волнует особенно. Не оказалась бы она забытой при выработке текущей и долгосрочной политики нашего государства.

В выступлениях некоторых депутатов на Съезде приводились такие тревожные факты, как громадные масштабы вывоза нефти (200 млн. т в год) из СССР (Ю. Черниченко), превращение Дальнего Востока в сырьевой придаток Японии (Е. Гаер), закупки у капиталистических фирм на твердую валюту (полмиллиарда рублей в год) опасных для здоровья и окружающей среды ядохимикатов (А. Яблоков), заключение нашими ведомствами международных договоров о захоронении на территории СССР чужих радиоактивных отходов (В. Белов), усиливающаяся в стране волна западной поп-культуры (В. Распутин), растущий внешний долг Советского Союза (Н. Рыжков) и т. д. Если соединить эти факты воедино, то можно увидеть, что они — звенья одной цепи. Цепи экономической, технологической, культурно-духовной зависимости, которой Запад стремится опутать наше Отечество.

Многие депутаты горячо, с болью в сердце говорили о том, что административно-бюрократический центр в лице общесоюзных министерств и ведомств беззастенчиво грабит союзные республи-

ки, превращая некоторые из них, по сути дела, в свои колонии. Депутат О. Сулейменов справедливо подметил, что в роли такой колонии фактически оказалась и большая часть России. Все это верно. Но сегодня существует реальная опасность, что колонией может стать и весь Советский Союз, причем в роли колонизаторов будут выступать уже не наши ведомства-монополии, а транснациональные корпорации (ТНК) Запада.

В последнее время наши средства массовой информации сеют опасную иллюзию, что Запад, выражая поддержку нашей перестройке, готов чуть ли не бескорыстно оказывать помощь в укреплении советской экономики. В связи с этим я напомню: Запад всегда был заинтересован в эрозии социализма, политическом, экономическом, технологическом и духовном подчинении СССР, превращении его в удобный объект эксплуатации ТНК.

Я тоже всей душой за новое мышление, политическую разрядку, мирное сосуществование, международное сотрудничество. Но я против тех иллюзий, распространяемых прессой и повлиявших, видимо, на некоторых депутатов, что происходящее сегодня определенное потепление политического климата в отношениях Восток — Запад, мол, свидетельствует об отказе империализма от своих планов в отношении СССР. От этих планов империализм (особенно американский) не отказывается, и это четко зафиксировано в материалах XXVII съезда КПСС. Мы уже имеем урок 70-х годов, когда наша пресса превозносила так называемый «детант» (политическую разрядку), называя его необратимым процессом. Неужели кому-то сегодня не ясно, что политика «детанта» со стороны США была лишь тактическим маневром, не отменяющим стратегические задачи подчинения СССР?

Быть может, военно-силовые методы политики Запада утрачивают свое прежнее значение, но зато явно возрастает роль экономических, технологических, идеологических, причем зачастую в «мягких», завуалированных формах (поэтому в определенном смысле они даже опаснее, чем военно-силовые).

О том, что Запад сохраняет прежнюю линию на ослабление СССР (вопреки его официальным заявлениям), свидетельствуют многие факты. Так, КОКОМ (Координационный комитет по контролю над экспортом в социалистические страны), действующий под эгидой НАТО, несмотря на все комплименты Запада советской перестройке, явно не собирается «перестраиваться». Так, он не предполагает всерьез пересматривать список ограничений и запретов на продажу Советскому Союзу новейших технологий. Военный бюджет США, перевалявший за 300 миллиардов долларов, тоже кое о чем говорит. Или такой факт: 80 процентов совместных предприятий на территории СССР с участием американского капитала созданы по инициативе «РЭНД корпорейшн». Для справки: «РЭНД корпорейшн» — бесприбыльная консультативная корпорация, действующая в системе министерства обороны США. Этот факт наводит на сомнение в том, что данные совместные предприятия создавались американцами, исходя из соображений «чистой коммерции».

В последние годы появился ряд факторов, объективных и субъективных, облегчающих Западу решение задачи подчинения СССР и превращения его в колонию ТНК. Главный среди объективных факторов — заметное ослабление экономических позиций СССР, обусловленное как общим снижением эффективности общественного производства, так и конъюнктурными и «чрезвычайными» причинами. Так, на Съезде отмечалось, что только за последние три года из-за падения мировых цен на нефть мы потеряли 25 миллиардов рублей в твердой валюте. Десятилетия экстенсивного развития привели к тому, что в конце 80-х годов наша экономика по многим параметрам приблизилась к экономике, типичной для развивающейся страны. Об этом свидетельствует, в частности, цифра, названная в докладе Н. Рыжкова: 60 процентов основных производственных фондов у нас приходится на сырьевые отрасли. Сырьевая направленность экономики еще ярче проявляется во внешней торговле: 80 процентов экспорта СССР — природные ресурсы и полуфабрикаты. Для сравнения отмечу: в среднем по развивающимся странам Азии этот показатель равняется 70 процентам, по развивающимся странам Африки — 90 процентам. Добавлю, что $^4/_5$ всех доходов твердой валюты нам дает вывоз только двух продуктов — нефти и газа. Печальный опыт развивающихся стран показывает, что подобная структура народного хозяйства и внешних экономических связей позволяет Западу успешно втягивать эти страны в сети экономической, политической, культурной зависимости, нещадно эксплуатировать их природные и людские ресурсы.

К субъективным факторам я отношу перекосы в нашей внешнеэкономической политике, делающие страну уязвимой перед натиском ТНК. Так, два с половиной года назад у нас был взят курс на развитие совместного предпринимательства, привлечения иностранного капитала в страну. Однако долгосрочная целенаправленная политика в этой области до сих пор не разработана, и процесс создания совместных предприятий в значительной степени пущен на самотек, что создает угрозу разграбления страны ТНК. В частности, западные корпорации стремятся вкладывать свои капиталы отнюдь не в наукоемкие отрасли, а в разработку природных ресурсов и «грязные производства». Иными словами, существует угроза превращении страны в объект «экологического колониализма».

Начатая в стране децентрализация управления внешнеэкономическим комплексом хозяйства осуществляется таким образом, что, по сути дела, размывается монополия государства на внешнюю торговлю. Это недопустимо, особенно учитывая то обстоятельство, что наша страна в сфере внешнеэкономических отношений с Западом практически «блокирована» ТНК и международными капиталистическими картелями. Так, свыше 70 процентов советского импорта товаров и технологий из развитых капиталистических стран находится в руках или под непосредственным контролем 150 ТНК. Такая же картина и по экспорту. В частности, советский экспорт нефти, нефтепродуктов и газа находится под контролем всего 10 энергетических корпораций Запада.

Используя действие отмеченных субъективных и объективных факторов, Запад за последние годы (особенно за время нашей перестройки) продвинулся заметно вперед в достижении своей вожделенной цели: подчинить СССР, превратить его в свою колонию. Наш национальный суверенитет находится сегодня под угрозой не меньшей, чем в годы интервенции или Великой Отечественной войны. Только нынче речь идет о «тихой», невидимой интервенции.

Сегодня, когда мы закупаем на Западе зерна и продовольствия на 5 миллиардов рублей и каждая третья тонна потребляемого зерна — импортная, никто не может отрицать наличие продовольственной зависимости СССР от Запада.

Еще более серьезна (хотя о ней меньше говорится и пишется) технологическая зависимость. Она проявляется хотя бы в том, что многие отрасли и производства работают уже преимущественно на западном оборудовании, в то время как наше отечественное машиностроение, несмотря на многочисленные заклинания, призывы, партийно-правительственные постановления, неуклонно утрачивает свои позиции.

Угрожающей стала кредитная зависимость. Как отметил на Съезде Н. Рыжков, наш внешний долг в твердой валюте достиг 34 миллиардов рублей. Казалось бы, надо бить в набат. Однако ничего подобного на Съезде не произошло. Более того, на Съезде прозвучали некоторые предложения, способные в случае их реализации только ускорить процесс скатывания нашей державы до положения заурядной колонии.

Скажем, предложение депутата Н. Шмелева о том, чтобы взять на Западе новые кредиты. Если мы позаимствуем 30—40 миллиардов, как неоднократно предлагал Н. Шмелев, то все валютные доходы страны будут уходить на обслуживание внешнего долга. В этом случае мы будем иметь вариант финансовой зависимости от Запада со всеми вытекающими отсюда последствиями: полной дестабилизацией экономики, разорением Отечества, а главное — беспардонным вмешательством империалистических государств в политическую жизнь страны.

На Съезде кто-то из депутатов, характеризуя бедственную экологическую ситуацию в стране, воскликнул: «Отечество в опасности!» Думаю, что данный лозунг еще более уместен в контексте тех тревожных процессов, которые угрожают не только экологической, но также экономической и политической безопасности страны. Если мы в кратчайшие сроки не осознаем всей трагичности этих процессов, не примем чрезвычайных мер по их сдерживанию, то под угрозой могут оказаться не только перестройка и идеалы социализма, но также национальный суверенитет страны.

В. КАТАСОНОВ,
кандидат экономических наук,
Москва

А ШКОЛА ОСТАНЕТСЯ НИЩЕЙ?

Верховный Совет СССР принял закон о бюджете на 1990 год. Многие его статьи впервые стали достоянием гласности. Весь мир наряду с числом наших ракет и танков узнал размеры наших внешних долгов, доходы кооператоров и партийных работников. Однако даже «Учительская газета» не смогла сообщить читателям статьи расходов на народное образование, ограничившись общими фразами вроде: «увеличение» одного, «укрепление» другого, «развитие» десятого. Лишь одна цифра стала достоянием гласности — 1,2 миллиарда инвалютных рублей на закупку вычислительной техники в США. Пока этот вопрос не решен.

Вспоминается первый Съезд народных депутатов, когда на трибуне появился представитель системы образования. Депутат требовал одного: не пожалеть миллиарда на компьютеры для детей — нашего светлого будущего. Вопрос был поставлен достаточно остро — учителя даже удивились такому состоянию проблем: значит, с остальными школьными заботами все будет решено, раз речь пошла о валюте на компьютеры. В самом деле, школа устала от хунвейбинской информатики, когда учить приходится без машин. а немногие наши компьютеры работают из рук вон плохо.

Хочется все же сделать несколько замечаний по этому поводу. На первой же сессии надежды на решение вековых школьных проблем таяли, как первый снег: из 18 затребованных миллиардов получено около одного. Почему же мы настаиваем на этом золотом миллиарде, когда в сельских школах (а их у нас 100 тысяч) не хватает умывальников и кастрюль, не всегда есть стены и «лампочки Ильича», не хватает медсестер, мячей и лыж, тетрадей и пробирок. Масса школ находится в аварийных зданиях.

Быть может, золотой миллиард забросит нас в новое тысячелетие (не так ли в свое время мы думали о химизации и других прорывных проектах)? Концепция информатизации общества, предложенная академиком Д. Гвишиани, и концепция компьютеризации образования, предложенная коллективом сотрудников академика Е. Велихова, опубликованные интервью с депутатами и руководителями народного образования сводятся в общем-то к следующему: поскольку компьютеров становится все больше и больше, то детей нужно со школы учить работе на них; поскольку наша промышленность не в состоянии сделать здесь что-либо толковое, нужно машины купить в США. Практические шаги сводятся к массовой закупке компьютеров фирмы ИБМ десятилетней давности, распространенных во многих странах, но уже снятых с производства в США.

Что касается роли компьютеров в школе, то мировой опыт говорит о нескольких волнах компьютеризации школы. Однако объяснение этого явления не так просто. В самом деле, ни химизация, ни электрификация, ни автомобилизация не оставили заметного следа на базовом образовании в массовой школе. Никто не предлагал поставлять в школу автомобили — да еще импортные — на том основании, что завтра с ними столкнется каждый школьник. В странах, где вроде бы произошла компьютеризация общества, мы не встретим попыток обучения программированию или насыщения школы дефицитными машинами. Подчас опытные педагоги не только не используют компьютер, но и не дают делать этого учащимся. Компьютер сегодня еще ищет свое место в школе. Стоимость электронного оборудования у нас и в США различается в десятки раз — поэтому многие их эксперименты нам просто не по карману. Напомним соотношение «образовательных» бюджетов СССР и США: 40 и 350 миллиардов при бюджете Пентагона в 310 миллиардов. В структуре американской информатики школа играет роль конденсатора для оттока устаревающей техники. При нашем дефиците странно предполагать, что такие машины удержатся в массовой школе.

Здесь кроется первая тайна: контракт на школьные компьютеры проталкивается не учителями, а программистами, понимающими перспективы этого рынка, освоить который сама школа не в

состоянии. Контракт приведет к большому переливу кадров из предприятий в околошкольную орбиту — в самой школе платят мало, а около нее всегда есть спонсоры, шефы и т. д. Попытка повернуть промышленность на американские технологии была предпринята двадцать лет назад, когда было прикрыто производство машин УРАЛ, БЭСМ, МИР — конструкторов Рамеева, Лебедева, Глушкова в пользу все той же фирмы ИБМ. Происшедший тогда перелив миллиардных средств и кадров не дал желаемого результата: стратегические задачи продолжали решаться на отсталой своей технике, интеллектуальный потенциал был растрачен. Мы были отброшены на много лет назад. Авторы новых концепций не объясняют, почему в этот раз что-то будет иначе.

Совершенно очевидно, что на голову школы уже в ближайшем году рухнут сотни тысяч именно отечественных машин: «золотые» машины не рассчитаны на применение в школе ни по стоимости, ни по эргономике, ни по гигиене, наконец. Вы и в зарубежной школе не встретите машин такого типа — они вытеснены более дешевыми моделями, более легкими в обращении. Завтра свое веское слово дадут сказать врачам — и машины попадут в вузы. Уловка проста: разжалобить соответствующие инстанции разговорами о бедных детях, а в результате подкормить вузовские кафедры, которые раньше зарабатывали машины внедрением своих работ на производстве.

Чем это обернется для школы? Расходы на приобретение отечественной техники на текущий год запланированы в размере 1,4 миллиарда рублей, импортной — 1,2 миллиарда. В любом случае они возрастут в несколько раз за счет запчастей, сервиса, программных средств, подготовки кадров и их немедленной переподготовки из-за устаревании техники.

Предлагаемый миллиард — лишь проклюнувшаяся черная дыра, в которую полетят гораздо большие ресурсы — это было на БАМе, в Жигулях, — кстати, академик Гвишиани называется в числе инициаторов покупки завода в Жигулях, что для философа весьма примечательно; правда, интересно узнать мнение других академиков — ведь живы еще многие из творцов советских компьютеров, которые более четко должны понимать, что именно стране остро необходимо купить для выживания. А масштабы воронки можно уточнить: школа покупает класс ЭВМ за 30—40 тысяч (у кооператоров — за 60—70), обслуживание обходится в 7—10 тысяч в год. Расходы на обучение, оплату учителя и т. д. тоже немалые. Год назад ныне покойный академик А. П. Ершов называл цифру расходов на компьютеризацию школы в 40 миллиардов рублей — в дальнейшем эта цифра его преемниками превратилась в более осторожное выражение: «многие миллиарды рублей». Сопоставим ее с выступлением академика Рыжова: сельская школа требует 45 миллиардов рублей. Не правда ли, впечатляет? Иногда шефы снимают финансовые проблемы в городских школах, что сомнительно уже завтра, в условиях хозрасчета. Куда сложнее деревне — ведь это все деньги из колхозной кассы или из кармана арендатора, которые и так едва дышат. Мне приходилось видеть неловкость учителей информатики за свои десятитысячные счета рядом с копейками на музыкальные инструменты в руках своих коллег по школе.

Резонно спросить: а зачем все это? Ответ прост — чтобы дети

не мучились без компьютера, изучая программирование. Спросите: зачем его изучать? Это тайна, которую пока никто не раскрыл.

В Москве проводятся многочисленные семинары фирмы ИБМ. В то же время с другими фирмами разговоры не ведутся, что говорит о политическом характере сделки, а не о школьной проблеме — представители фирмы ни разу не ответили на вопрос о том, как влияют их машины на качество знаний. Этих данных почему-то нет. Впрочем, из практики известно, что этого влияния нет. Можно говорить лишь об укреплении авторитета школы, когда в соседней, такой же, компьютера нет. Не дорога ли цена?

Конечно, машины ИБМ залежались на складах в США. Конечно, мы еще не можем делать такие сами. Фирма, конечно, должна создать новый рынок — для этого ей надо сбыть лежалый товар. Рывок одной страны за счет другой, одной школы за счет другой. Подумаешь, еще одна черная дыра в экономике!.. Ну, нет у школы фондов на дерево для парт, потому что дерево это распилили и вывезли за валюту для компьютеров, — вынули парты из-под деревенского школьника, отберем у него тетрадки и за его счет оснастим лицеи и гимназии, университеты и культурные центры для избранных. Будут «телемосты», будет занятие философам и ядерщикам.

А школа останется нищей.

А. ДЕНИСЕНКО,
Москва

ЛИТЕРАТУРНЫЙ «АРАНЖИРОВЩИК» И К°

«А если гласность, значит нужно говорить всю правду. И прежде всего правду историческую. Обманывать людей на своей собственной истории, воспитывать их на лжи и полуправде — значит никогда и ничего не добиться. Общество, воспитанное на полуправде, безнравственно».

И еще цитата. «Конечно, для меня «Дети Арбата» — книга всей моей жизни. Но стоять на месте я не могу и не буду. Задумана, пишется новая работа — роман, который условно называется так: «1935-й и другие годы...» Написать обо всем, что происходило тогда, очень сложно, психологически сложно, но надо. Раз уж говорить правду, то нужно говорить ее до конца» (Рыбаков А. «Огонек», 1987, № 27).

Казалось бы, что в этом плохого? Да вроде ничего плохого нет. Можно только приветствовать желание рассказать правду. Несмотря ни на что. Вот и начал писатель говорить правду, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Да только правду ли? Кое-кто усомнился в правдивости автора, стал высказывать по этому поводу свои сомнения. Тут же автор «Детей» возмутился, мол, какие ко мне могут быть претензии? Клевещут, дескать, и злобе. Но так уж устроено, что всему приходит конец.

Пришел конец и лжи Анатолия Рыбакова. Оказался сей писатель обыкновенным плагиатором. Впрочем, не совсем обыкновенным. Неординарным, можно сказать. А дело вот какое. Все старо как мир. Написал один человек книгу, а другой ее передрал,

да еще и переврал, исказил многое из «позаимствованного» им произведения.

Речь о книге бывшего советского гражданина А. Орлова «Тайная история преступлений Сталина». На Западе она уже давно библиографическая редкость. Так вот эта книга и стала для Рыбакова, по словам кандидата исторических наук С. Заворотного («Комсомольская правда», 1.07.89.), «в буквальном смысле слова настольной, когда он писал «35-й».

Практически чуть ли не слово в слово переписал писатель 50(!) страниц. Вот до чего доводит непримиримая борьба со «сталинизмом». Спеша поведать читателю правду, автор «Детей» и «35-го» убил двух зайцев одновременно. Во-первых, хоть и таким «оригинальным» способом, но донес-таки «новые» сведения о 30-х годах и подтвердил свою славу одного из наиболее бойких «застрельщиков» перестройки. А во-вторых, помог стране в трудную минуту материально. Ведь, по меткому замечанию С. Заворотного, «и валюта сэкономлена: нет нужды теперь издавать у нас воспоминания Орлова». Вот так. Хочешь знать правду истории — читай не документы и свидетельства очевидцев, а Рыбакова.

Очень своевременно выступила «Комсомольская правда» со статьей С. Заворотного. А то ведь до чего доходило: некий Б. Д. Зелигзон (учитель истории!) на страницах «Огонька» ратовал за обеспечение бумагой для печатания многомиллионным тиражом «Детей» Рыбакова. Но как лопается мыльный пузырь, так смолкла эйфория по поводу «исторического» произведения.

Но вернемся к «35-му». Его автору простого плагиаторства показалось мало. Рыбаков идет на прямую фальсификацию истории. Что же получается? А вот что. Человек, обещавший «сказать правду», правды не сказал. Вспомним, что «обманывать людей на своей собственной истории, воспитывать их на лжи и полуправде — значит никогда и ничего не добиться». Пусть Рыбаков сам определяет, когда и чего он добился.

А пока подведем небольшой итог лжи.

Первое. Пена перестройки подняла наверх целый сонм литераторов, поспешивших сделать паблисити (а попутно и кое-какой капиталец) под шумок борьбы со «сталинизмом». Сейчас эта пена сходит. Здесь все закономерно, так и должно быть.

Второе. Долгое время читатели не имели доступа к материалам и документам, многочисленным свидетельствам очевидцев того, что происходило в стране. Это наша история, это наша общая боль. Но налицо опасная тенденция. ВСЮ правду об этом лихолетье приходится узнавать не из первоисточников, а от людей типа Рыбакова.

Еще раз процитирую С. Заворотного: «Пока мы узнаем горькую правду о сталинщине во многом из вторых рук. Растаскивается по частям книга Орлова. Разворовывается антисталинская публицистика Троцкого... Книги же давно опубликованы на Западе. По этим книгам, а не по романам Рыбакова, изучают нашу историю».

Значит, берется изданная на Западе книга, препарируется, перевирается и под шум и гам выдается как откровение, как некий гражданский подвиг. Естественно, во имя борьбы со «сталинизмом». Лихо выглядит поведение и методы творчества подобных литераторов. Сюда же стоит добавить и М. Шатрова-Маршака с его «Дальше, дальше, дальше...».

Да куда уж дальше! Всему же есть предел. И я тоже, как и автор из «Комсомольской правды», не хочу, чтобы правда о нашей истории доходила до читателей в такой вот «литературной обработке».

И еще об одном хочется сказать. Не о писателе. О журнале «Огонек». Сказать о той беспрецедентной по своему масштабу рекламе, которую организовал творениям Рыбакова журнал «Огонек». Сей журнал приложил немало сил, чтобы представить «Детей» и «35-й» в виде неких шедевров современной литературы. Сейчас интерес к этим романам резко упал. Как гласит русская пословица: «На безрыбье и рак — рыба». Вот таким «раком-рыбой» и оказались и «Дети» и «35-й». А безрыбью, похоже, пришел конец. Опубликованы произведения В. В. Шульгина, принимавшего отречение Николая II, готовятся к публикациям мемуары генералов белой эмиграции. Одним словом, сняты многие табу со многих произведений российских эмигрантов разных лет. Поразному можно относиться к А. Солженицыну и его произведениям. Можно принимать их или не принимать. Можно выражать радость, гнев, возмущение либо удовлетворение. Но ведь существуют определенные рамки приличия, необходимые в цивилизованном обществе. Казалось бы, чего проще: хочешь опубликовать произведение — обратись к автору. Ан нет. Нашим «застрельщикам» перестройки из «Огонька» законы не писаны. Без разрешения автора, даже не уведомив его, команда Коротича ринулась на «золотую жилу» — пиратским образом тиснула в своем журнале рассказ Солженицына «Матренин двор», грубо нарушив при этом статью 480 Гражданского кодекса РСФСР. Но что для В. Коротича закон, когда появилась возможность (пусть даже и воровским методом) сделать капитал на имени писателя и одновременно как бы показать всем — вот мы какие храбрецы, «запрещенного» автора печатаем, в авангарде идем. А чем, спрашивается, рисковали? Да ничем! Ведь запрет с рассказа снят.

Дошло до того, что член редколлегии журнала «Новый мир» выступил на страницах «Литгазеты» с отпором новоявленным «прорабам перестройки», уведомив всех, что права распоряжаться своими публикациями на территории СССР А. Солженицын предоставил «Новому миру».

В неловкое положение попали коротичи, сарновы и иже с ними. Вот так поворот. То защищали «Новый мир» от такой-сякой «Молодой гвардии», а сами его и обворовали. И наверняка ведь знали о правах «Нового мира» на рассказ «Матренин двор». Аналогичный случай произошел у «Огонька» в 1988 году с публикацией повести Г. Вайнера и Л. Словина «Шальная жизнь на темной стороне Луны». Такие вот повадки у этих людей. Своими поступками они сами себя и разоблачили. Потому что невозможно все время обманывать всех. Время все расставляет по своим местам, у людей раскрываются глаза, спадают шоры «огоньковского розлива».

С. КАЗАКОВ,
рабочий,
Ростов-на-Дону

ВЫРВАННАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ

Их немало. Но есть одна, которая имеет (или может иметь) немалую важность для наших размышлений о прошлом и настоящем. Это история одного из столыпинских законов, которые не увидели света, — закона «о еврейском равноправии». Как писал В. А. Маклаков, «евреи... оценили бы это» (Маклаков В. А., «Вторая Государственная дума. Воспоминания современника». Париж, 1942, с. 39—40). Об обстоятельствах конструктивной постановки вопроса писал В. К. Коковцев («Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919». Изд. журнала «Иллюстрированная Россия», Париж, 1933, т. 1, с. 236—239). Он, в частности, указывал на то, что еще Плеве, бывший министр внутренних дел, желая достичь государственной стабильности, беседовал о возможных законодательных инициативах русского правительства с небезызвестным Яковом Шиффом, но столкнулся с непонятной холодностью со стороны последнего.

Столыпин решил посоветоваться с Думой в октябре 1906 года. Сошлись на том, что «каждое ведомство представит в самый короткий срок перечень ограничений, относящихся к предметам его ведения, с тем чтобы Совет Министров остановился на каждом законодательном постановлении и вынес определенное решение относительно объема желательных и допустимых облегчений».

По всей видимости, Столыпин возбудил вопрос с ведома государя, и «работа была исполнена в очень короткий срок». Итог ее содержится в «Особом журнале Совета Министров за 1906 г.» (Спб., Гостипография, 1906).

Законопроект озаглавлен так: «О пересмотре постановлений, ограничивающих права евреев». Документ начинался следующими словами:

«Совет Министров почитает долгом откровенно высказать, что обнародование рассмотренного законопроекта, следует ожидать, вызовет неодобрение и, может быть, даже резкую отповедь со стороны некоторых общественных кругов (...), в данном случае возможно ожидать проявлений неудовольствия со стороны самых различных общественных слоев и отдельных лиц... Как бы ни были велики трудности проведения в жизнь программы означенного сообщения, все же программа эта должна быть исполнена. В противном случае правительство может навлечь на себя нарекания, что оно не осуществило обещанных им преобразований, и тем самым заслуженно поколеблется к нему доверие благомыслящей части общества».

Далее следовали конкретные предложения, которые призваны были снять определенную остроту еврейского вопроса «впредь до общего пересмотра законодательства о евреях». Документ обширный и подробный, он касается практически всех сфер общественной жизни и проникнут как уважением к законам государства, так и к нравственным законам. Юридически и «человечески» это был знаменательный законопроект, способный снять общественную напряженность и стать одной из гарантий мирного эволюционного развития России, о котором мечтали такие люди, как Столыпин или Менделеев.

Существовало два варианта принятия законопроекта как закона: «в чрезвычайном порядке» (то есть в соответствии со статьей 87-й Основных законов, дававшей правительству право в периоды «междудумья» и думских каникул издавать законодательные акты без предварительного обсуждения в Думе) или обычным порядком (через Думу).

Выбор варианта был предоставлен царю.

10 декабря «Журнал Совета Министров» вернулся от Николая II к Столыпину. Царь писал: «Петр Аркадьевич. Возвращаю вам журнал по еврейскому вопросу не утвержденным. Задолго до представления его мне, могу сказать, и денно и нощно, я мыслил и раздумывал о нем. Несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу, внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы и не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала. Потому и в данном случае и намерен следовать ее велениям.

Я знаю, вы тоже верите, что «сердце царево в руцех божиих». Да будет так.

Я несу за все власти, мною поставленные, перед Богом страшную ответственность и во всякое время готов отдать ему в том ответ.

Мне жалко только одного: вы и ваши сотрудники поработали так долго над делом, решение которого я отклонил...»

В тот же день Петр Аркадьевич ответил Николаю II обширным письмом, суть которого заключалась в испрашивании резолюции в том смысле, что глава государства не возражает против «второго варианта», а именно — разрешения поднятого Советом Министров вопроса общим законодательным порядком.

«Простите мне, ваше величество, но я знаю, чувствую, что вопрос этот громадной важности», — писал в заключение Столыпин.

Николай ответил на другой день: «Из предложенных вами способов я предпочитаю, чтобы резолютивная часть журнала была переделана в том смысле — внести ли вопрос в Думу или разрешить его в порядке ст. 87.

Это самый простой исход...»

Однако усилия Столыпина, поддержанные государем, свели на нет думские деятели, проявившие ту же «холодность» к разумному разрешению взрывоопасного вопроса, что и глава «Б'най Б'рит» Яков Шифф.

Ни II, ни III, ни IV Думы «не нашли времени» обсудить столыпинский законопроект.

Поддержка означала бы признание за «реакционером» и «антисемитом» Столыпиным исторической роли инициатора в разрешении вопроса, который должен был считаться неразрешимым в условиях самодержавия. Ну а провал законопроекта вскрыл бы за личиной думских либералов дешевых политиканов-парламентариев (от французского «парле» — говорить).

Это тотальное замалчивание объективно послужило «оправданием» убийце Столыпина Мордке Богрову, который в день казни сказал в беседе с раввином Алешковским: «Передайте евреям, что я не желал причинить им зла, наоборот, я боролся за благо и счастье еврейского народа» («Новое время», 13 сентября 1911 г.).

В киевской «Речи» между тем рассказывалось (7 сентября) о том, что евреи — в панике, из Киева «отправляются двойные поезда во всех направлениях», о том, что «Союз Михаила Архange-

ла выпустил воззвание, в котором призывает своих членов, а также других лиц сохранять на улицах строгий порядок и восстанавливать таковой в случае малейшего его нарушения».

А днем раньше газеты России облетела весть: «Киев. В 10 час. 12 минут Петр Аркадьевич тихо скончался. В истории России начинается новая глава».

Средства на памятник Столыпину решили собрать по всероссийской подписке, но собрали за три дня в одном Киеве. Через год он был установлен. После февральской революции разрушен. После Октября чуть было не установили на том месте (Столыпин в завещании написал: «Похороните меня там, где меня убьют») памятник его убийце, но в 1923 году установили памятник Марксу, который был разрушен в годы войны.

Думается, эта давняя история ясно показывает методу, которой вольно или невольно следуют нынешние норинские и корсунские, поднимая провокационную суету вокруг так называемого антисемитизма в поруганной России.

Елена БИЛЕБРУК,
г. Жуковский

АНТИСЕМИТИЗМ— СИОНИСТСКОЕ ПУГАЛО

(Оценка читателями выступления т. Корсунского Б. Л. на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС, 1989 г.)

НАДО ВЫЯСНЯТЬ, А НЕ ОБВИНЯТЬ

Первый секретарь обкома КПСС Еврейской автономной области тов. Б. Л. Корсунский в своем выступлении на сентябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС обвинил журнал «Молодая гвардия» и «Наш современник» в том, что они якобы «открыто пропагандируют антисемитизм». Решившись на такое обвинение, уважаемый Б. Корсунский не учел, что сам термин «антисемитизм» является ненаучным и безграмотным. Ибо происходит в корне своем от слова «Сим» — имени одного из сыновей мифического Ноя, от которого по идее «ближневосточных мудрецов» ведет свое начало среди других народов и народ еврейский.

Но в семью «семитов» входят и арабы. Они, как наиболее многочисленный народ, имеют не меньшее право называться таковыми, чем еврейский народ. Следовательно, всякий унижающий достоинство арабов, ведущий против них борьбу может называться «антисемитом». И эта «честь» в первую очередь принадлежит сегодня правительству Израиля и сионистской части еврейского населения. Таким образом, уважаемый товарищ Корсунский перепутал адрес, и «открытую пропаганду антисемитизма» ему следовало прежде всего адресовать правительству Израиля и мировому сионизму.

Коммунисту-атеисту Б. Корсунскому не к лицу пользоваться библейской религиозной терминологией, которая проникла «в мировые научные круги» стараниями все тех же «библейских сил», которые разглагольствуют о мнимом «антисемитизме» русского народа и забывают целый ряд исторических фактов, говорящих об обратном, об актах «антируссизма».

Разве не русский народ допустил у себя после 1917 года систему, в руководстве которой было более 70 процентов представителей еврейского народа? Разве это «проявление антисемитизма»?

Ситуацию 20-х годов в России повернем мысленно в сторону Израиля. Представим аналогичную ситуацию на коренной территории израильского народа и что в кнессете 70 процентов ключевых постов занимают приехавшие откуда-то русские или арабы, проживающие на этой территории. Вряд ли израильский народ примирился бы с таким положением вещей, даже если бы это совершалось «во имя мировой революции» и «под знаменем интернационализма».

Между тем представители еврейского народа не только занимали ключевые посты в РКП(б), но еще имели Еврейскую секцию в РКП(б) («Евсекцию») и Еврейскую коммунистическую партию, а русский народ в рамках Российской Коммунистической партии не имел ни своей русской секции, ни своей русской Коммунистической партии, как не имеет ее и до сих пор. О каком же «антисемитизме» русского народа может идти речь?

Еврейская коммунистическая партия и Еврейский коммунистический союз молодежи разместили свои ЦК в Зарядье, рядом с Кремлем — святыней русского народа, а Свердлов, Троцкий, Каменев, Зиновьев и другие жили в самом Кремле.

Разрешили бы в Иерусалиме, у «Стены плача», создать, скажем, штаб-квартиру «Союза русского народа»? Конечно, нет. Где же тут «антисемитизм» русских как нации?

В 20—30-е годы были ограблены русские храмы и монастыри, и десятки тысяч из них разрушены или превращены в места «мерзости и запустения» армией разрушителей, которых воспитывали журналы «Безбожник» и «Воинствующий безбожник» под редакцией Минея Израилевича Губельмана (под псевдонимом Емельяна Ярославского) и других.

Разве русский народ предъявил счет организаторам этого «Всероссийского Погрома»? Нет, не предъявил. О каком же «антисемитизме» может идти речь?

В 20—30-е годы были уничтожены миллионы русских, украинских и белорусских крестьян стараниями не только одного Сталина, но и тех, кто приложил руку к организации и исполнению этого злодеяния; в частности Яковлев (Эпштейн) был наркомом земледелия того времени, а Л. М. Каганович — секретарем ЦК по сельскому хозяйству: последний и ныне здравствует, находясь на персональной государственной пенсии.

Разве русский и другие народы предъявили счет организаторам и исполнителям этого геноцида? Нет, не предъявили. Более того, эти народы собирают деньги на памятник — «Мемориал» жертвам — палачам, погибшим от созданной ими же системы. Где же здесь «антисемитизм» российских крестьян и русского народа?

Нет, тов. Корсунский, неглубоко Вы копнули историю, боясь задеть корни беззакония.

С началом войны из областей, куда вступали фашисты, в первую очередь эвакуировали евреев. Все это говорит о том, что **в русском народе не было враждебности к еврейскому народу как таковому, да и не может быть, ибо отождествлять еврейский народ с преступниками из его среды так же безнравственно и глупо, как отождествлять немецкий народ с фашизмом и Гитлером.**

И те, кто пытается называть «антисемитизмом» разоблачение преступлений и преступников, прекрасно понимают, какую ширму они ставят, прикрывая организации, имеющие эгоистические, элитарные цели носителей идей «национальной исключительности».

Еще В. И. Ленин видел опасность «национальной исключительности». Он писал: «...сионистская идея совершенно ложная и реакционна по своей сущности...» (ПСС, т. 8, с. 72). Еще более определенно высказывался Г. В. Плеханов: «Бундовцы — непоследовательные сионисты — стремятся утвердить Сион не в Палестине, в пределах Российского государства» (Соч., т. 13, с. 165. Москва, 1926).

Надеемся, что тов. Б. Корсунский не станет обвинять этих авторов в «открытой пропаганде антисемитизма»?! Между тем Ленин и Плеханов оказались правы. После февральской революции сионисты предложили Керенскому создать свои вооруженные силы, так называемый «еврейский легион» в 100 тысяч человек под флагом шестиконечной звезды.

В конце мая 1917 года в Петрограде проходил VII Всероссийский съезд сионистов. Съезд сионистской организации в России мог уже тогда «совратить» Россию на «свой путь развития». Он потребовал предоставления евреям права самоуправления и создания еврейского «общероссийского ваада», то есть государства в государстве. Показательно, что на выборах в Учредительное собрание за сионистские партии голосовало 75 процентов евреев западных областей России.

После Октября «Бунд» со своими идеями «Всероссийского сиона» почти всем составом «влился» в РКП(б), и Российская компартия получила «весомое пополнение». После чего и началось то, что называлось «борьбой с великодержавным шовинизмом» — погромные призывы и действия в отношении русской культуры, русской истории, российского хозяйства...

2 мая 1918 года на конференции международной сионистской организации «ЦЕИРЕ ЦИОН» было заявлено: «социализм стоит сионизму поперек дороги» и «социализм и сионизм... два элемента, друг друга совершенно исключающие». Интересно, как тов. Б. Корсунский может прокомментировать эти заявления? И какому «взаимоисключающему» началу он отдает предпочтение? 17 декабря 1989 года Би-би-си сообщило, что в Москве с 18 по 23 декабря будет проведена «общесоюзная конференция всех еврейских организаций СССР, на которой будет обсуждаться и проблема сионизма». Уж не поставлен ли был на повестку дня вопрос о «Всероссийском вааде», как при Керенском? Или теперь сионизму и социализму «по дороге»? Или последний все еще стоит поперек пути сионизма? От ответа на этот вопрос зависит будущее страны и мира. И что получится из гибридизации социализма и сионизма? «Социал-сионизм»? Может быть, тов. Корсунский ответит и на этот вопрос?

Трудно считать «антисемитизмом» и такую ситуацию, когда национальность, имеющая 0,69 процента населения в стране, составляет между тем в Союзе писателей — 14 процентов, среди музыкантов — 23 процента, врачей — 14 процентов, а докторов и кандидатов наук — 44 процента! То есть практически определяет уровень и направление науки, искусства, медицины, культуры. И то, что по всем этим показателям страна стремительно отстает от стран Европы и Америки, говорит только о великом терпении и добродушии русского народа, а совсем не об «антисемитизме».

Парадоксальность ситуации очевидна. Чтобы обсудить пути, которые привели к этому положению, с учетом того тупика, куда заведена страна, надо, чтобы в этом обсуждении активно дискутировали все участники этой коллизии, в доброжелательном и конструктивном духе, с учетом исторических путей, ошибок, промахов, преступлении всех, кто был причастен к этому, без ярлыков и взаимных оскорблений.

В публикациях «Молодой гвардии» и «Нашего современника» речь идет только о последовательной борьбе именно за равноправие евреев во всех сферах жизни и за пропорциональное представительство всех наций страны в администрации, прессе, телевидении и культуре. Более того, нужно помочь еврейскому народу написать его национальную историю советского периода, которую, видимо, из-за стеснительности никак не могут написать вот уже 70 лет. Надо помочь и русскому народу написать его национальную историю советского периода. В тех же целях следует создать при университетах изучение истории русского и еврейского народов и курсы изучения истории народов других национальностей.

Надо помочь еврейскому антисионистскому комитету в его трудной работе по разоблачению сионизма и создать республиканские и городские антисионистские комитеты на широкой интернациональной основе.

Следует провести на телевидении серию телепередач на тему «Сионизм, Организация Объединенных Наций и народы мира». Одновременно провести телефестиваль с показом еврейской национальной музыки, живописи, архитектуры и других произведений национальной еврейской культуры, если таковые будут представлены.

Помочь антисионистскому комитету провести серию дискуссий с оппонентами о целях и практике сионизма.

Провести телемосты между Москвой и Тель-Авивом о положении евреев в СССР и положении арабов в Палестине, о роли мирового сионизма в экономике, политике и культуре мира.

Неплохо было бы, если бы тов. Корсунский выступил инициатором таких обсуждений совместно с «Молодой гвардией» и «Нашим современником». Это положило бы начало, как теперь говорят, поискам консенсуса и справедливого устранения разногласий.

С. ЖДАНОВ,
профессор,
Москва

НУЖЕН ЗАКОН О ДЕСИОНИЗАЦИИ

По поводу обвинения журналов «Молодая гвардия» и «Наш современник» в антисемитизме, которое сделал на сентябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС первый секретарь обкома КПСС Еврейской автономной области тов. Корсунский, хочу сказать следующее. Бесполезно объяснять ему, что выражают те или иные публикации в названных журналах. Его меньше всего интересует истинный их смысл. Ведь свои обвинения первый секретарь обкома партии Еврейской автономной области, судя по тому, какой пост он занимает, не может бросать по «легкомыслию». Если уж человек такого ранга наводит тень на плетень, то делает это не без расчета.

«Чужая душа — потемки», — говорят русские люди. Так что, прежде чем сказать, чего он добиался, попробуем разобраться в явлении, именуемом «антисемитизмом», — в том смысле, в каком его применил Б. Корсунский. Французский публицист Пьер Демерон писал: «Чтобы раз и навсегда покончить с чересчур удобным обвинением в антисемитизме, к которому сионисты прибегают по любому поводу и выдвигают его к месту и не к месту против тех, ...чьи симпатии на стороне слабых и угнетенных, а не всесильных угнетателей, надо твердо уяснить себе, что самим сионистам абсолютно безразлично, достаточно ли обосновано подобное обвинение. Главное для них — это то, что оно имеется и что его можно применять как надежный инструмент, обезоруживающий противника прежде, чем он успеет выставить какие-либо доводы против. А если называть вещи своими именами, антисемитизм в руках сионистов — это один из методов расистской идеологии и интеллектуального терроризма, призванного обрабатывать сознание людей в нужном сионизму направлении... Чтобы стать обладателем ярлыка антисемита, в наше время достаточно лишь иметь собственное мнение относительно Израиля... достаточно лишь не соглашаться слепо с доводами исключительно в пользу Израиля и не считать евреев неприкосновенным табу...» (Демерон П. «Я обвиняю Израиль». Париж, 1968).

А вот что писали в Польше в 1968 году, после неудавшегося антисоциалистического переворота: «Они не гнушаются применять самые грязные приемы... Оказанное им противодействие объясняют «бешеным антисемитизмом». Пугалом антисемитизма они пользуются при каждом возможном случае... Мы боролись и будем решительно бороться с любыми проявлениями национализма, расовой ненависти, но и не позволим шантажировать нас пугалом антисемитизма. С помощью этого пугала инспираторы эксцессов хотели дискредитировать акцию против организаторов политических авантюр, назвав ее антисемитскими действиями. Мы решительно выступаем против антисемитизма, но не позволим распространять у нас сионистскую деятельность и пропаганду. Не позволим также, чтобы сионисты искали для себя убежище, обвиняя других в антисемитизме» (Цитата из книги В. Бегуна «Вторжение без оружия». М., 1979).

Высказывания подобного рода есть и в нашей печати. Например, у публициста В. Большакова: «Любое выступление против сионизма сионистская пресса злонамеренно квалифицировала как «антисемитское». Это, конечно, сказалось на восприятии антисионистских выступлений мировым общественным мнением и на работах советских исследователей»; и В. Семенюка: «Обвинение в антисемитизме превратилось в руках сионистов в мощное оружие реализации своих далеко идущих целей, в средство запугивания... своих политических противников». Как в воду глядел и главный редактор «Молодой гвардии», когда говорил корреспонденту «Правды»: «Кое-кто, навешивая и пугая ярлыком «антисемит», стремится оградить себя от справедливой критики, утверждая в этом плане свою исключительность. Это, в частности, давнее и испытанное оружие сионизма» («Правда» от 3 сентября 1989 г.).

Вчитываясь в эти цитаты, становится ясным: по утвержденному сионистами правилу «антисемитским» называется любое упоминание о еврее или евреях в нехвалебном для них контексте. То есть, как выражался известный сионистский лидер В. Жаботинский, имея в виду Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, — они не создали образа «положительного еврея» — значит, антисемиты! Этим же ярлыком, кстати, «заклеймены» Г. Державин, М. Салтыков, Н. Лесков, историки Д. Иловайский и Н. Костомаров, крупнейшие публицисты В. Розанов, М. Меньшиков, А. Шмаков, великий русский поэт С. Есенин и даже А. Чехов — вообще почти все русские литераторы вплоть до В. Белова, В. Пикуля, Ю. Кузнецова... А теперь вот с высокой трибуны в этот, прямо скажем, почетный ряд зачислены и авторы журналов «Молодая гвардия» и «Наш современник», позволившие себе сказать о месте, занимаемом некоторыми евреями в нашей жизни.

Что же получается: хотел он того или нет, но Б. Корсунский следовал на Пленуме установлениям сионистов. Разжигая русофобские настроения, пугая советских граждан жупелом «антисемитизма», они пытаются протащить сейчас в нашей стране закон об антисемитизме. В 1918 году такой закон уже принимался. Какими бедами это обернулось для русского народа, чего это ему стоило — известно. Теперь вот вновь навязывается дикий, бесчеловечный, преступный закон в качестве «достижения» перестройки. Нет ничего циничнее и абсурднее, чем предлагать ввести его в стране, народ которой спас евреев от тотального уничтожения в войну, за победу в которой заплатил десятками миллионов жизней!..

Что можно предложить в качестве альтернативы? Ради сохранения русского народа пора подумать о принятии закона о десионизации, об упразднении привилегированного положения евреев. Только в этом случае мы будем застрахованы от повторения трагедий и страшных потерь недавнего прошлого.

С. ЦАРЕВ,
художник,
Ростов-на-Дону

ПРИСЛУЖИВАЯ РАСИЗМУ!

Я давний читатель вашего журнала, читаю его с большим интересом и пользой для себя. Однако никогда не видел в публикациях «МГ» того, что увидел тов. Корсунский. Очень жаль, что он бросил в адрес журнала обвинения бездоказательно. Очень странно и то, что такое выступление вообще прозвучало на Пле-

нуме ЦК КПСС. Еще более странно, что оно не получило там отпора со стороны коммунистов.

А может быть, тов. Корсунский считает «антисемитскими» публикации, в которых показана роль отдельных евреев в нашей истории? В таком случае, не могу понять, почему не поднимается волна возмущения, например, в Грузии, по поводу многочисленных и разнообразных разоблачений деятельности Сталина, грузина по происхождению?

И еще хотелось бы сказать об одном. Во многих средствах массовой информации пугают сейчас советских людей антисемитами и антисемитскими настроениями. Да только вот убивают грузин, армян, азербайджанцев, турков-месхетинцев не «антисемиты». Не для того ли, чтобы отвести подозрения от тех, кто стоит за спиной их убийц, навешивается на патриотов этот ярлык?

Ф. АЛЕКСАНДРОВ,
г. Южно-Сахалинск

* * *

До каких пор русскую интеллигенцию будут называть антисемитской? Ведь мы знаем, к чему привел закон об антисемитизме 1918 года, когда даже за слово «еврей» расстреливали на месте. Сколько невинной крови было тогда пролито, главным образом русской. Наверное, цель, которую преследует тов. Корсунский, обвиняя журналы «Молодая гвардия» и «Наш современник» в антисемитизме, состоит в том, чтобы вернуть силу этому закону, оправдать его введение в наши дни.

С. ВЕЛИЧКО,
г. Новороссийск

* * *

В речи на сентябрьском (1969 г.) Пленуме ЦК КПСС первый секретарь обкома КПСС Еврейской автономной области Б. Л. Корсунский сказал: «В понимании коммунистов и трудящихся Еврейской автономной области перестройка в сфере национальных отношений означает утверждение в жизни действительного равноправия и действительно равной ответственности народов, независимо от их численности, за прогресс своих республик, областей и округов, за общий прогресс нашей советской федерации». Правильные, что и говорить, слова произнес Борис Леонидович, но лучше бы, на мой взгляд, он их не говорил. Ведь многие, услышав его речь, прикинули: сколько проживает евреев в его области, какое количество из них коммунисты, много ли среди евреев рабочих, колхозников? А прикинув, вполне резонно отметили, что равноправием наций в Еврейской автономной области и не пахнет...

Рассказывая о нуждах области, Корсунский требует для евреев, которых в Биробиджане и его окрестностях, поверьте сибиряку, раз-два и обчелся, и театр, и школы, и детсады. То есть стремится искусственно обособить в области небольшую группу людей, предоставить ей дополнительные привилегии. Не знаю, как прореагировали на эти слова жители Еврейской АО, но мне кажется, что евреи в нашей стране, в том числе и под началом Корсунского, и так живут не хуже никого и в дополнительной заботе нуждаются меньше, чем любой другой народ.

В речи на Пленуме Корсунский поучает правительство и партию: «Не считаем правильным и решение правительства, направленное на удовлетворение требований бастующих товарами народного потребления». Иными словами, не считает бастующих полноценными гражданами.

Неприятны в его речи были и голословные обвинения в «антисемитизме» редакций журналов «Наш современник» и «Молодая гвардия». По моему мнению, сделано это было для того, чтобы настроить ЦК КПСС против названных изданий, помешать журналистам доносить слова правды до читателей.

С. ТЕЛЕНКОВ,
член КПСС с 1961 года,
Камень-на-Оби

* * *

Антисемитизм, под которым обычно подразумевается враждебное отношение к евреям, по сути, одна из форм расизма. Поэтому обвинение журнала «Молодая гвардия» тов. Корсунским очень серьезно, и меня поражает та легкость, с которой оно было произнесено (и где!) на Пленуме ЦК КПСС, состоявшемся в сентябре 1989 года.

Что можно сказать по сути высказывания тов. Корсунского? Оно, по моему мнению, провоцирует межнациональную рознь в стране. Создавая миф об антисемитском журнале, тов. Корсунский накаляет обстановку вокруг и без того очень сложного русско-еврейского вопроса.

Со своей стороны, оценивая работу «Молодой гвардии», я, как постоянный подписчик и читатель издания, считаю: публикации «МГ» очень патриотичны. Патриотизм же — это та сила, которая не раз помогала выстоять в лихую годину нашему народу.

А. ЗЫРЯНОВ,
г. Алма-Ата

* * *

Прочитал в «МГ» открытое письмо тов. Корсунскому и вот о чем вспомнил. У нас, в Магнитогорске, два года работают татарский и башкирский культурные центры. Есть в области также немецкие и еврейские подобные сообщества. Русские не препятствовали в становлении этих содружеств, наоборот, оказывали им помощь. Прошлой же осенью собралась у нас группа активистов по созданию и русско-славянского культурного центра, и мы ожидали, что долг платежом будет красен. Но не тут-то было. В Магнитогорске такое началось! И письма «наверх», и угрозы в наш адрес, и разгромные статьи в местной газете, и «общепринятые» ярлыки... И это при том, что Устав русско-славянского КЦ самый

«лояльный», что в его правление входят народные депутаты СССР и даже член ЦК КПСС.

Спросите, какая связь с событиями в Магнитогорске и клеветой тов. Корсунского в адрес «Молодой гвардии»? И в том и в другом случае русские осмелились вспомнить о том, что они великий народ со славной историей и культурой. И в том и в другом случае их тут же обвинили в антисемитизме.

В. ТИМОФЕЕВ,
И. ПАНТЕЛЕЕВ,
г. Магнитогорск

* * *

Глубоко взволнованы «Открытым письмом тов. Б. Л. Корсунскому». Это достойный ответ высокопоставленному руководителю, ответ, написанный к тому же блестящим, талантливым пером, в лучших традициях русской журналистики. Разумеется, после публикации подобных материалов вас будут запугивать и, может быть, преследовать. Вам будет нелегко, но пусть ваше мужество укрепит сознание того, что за вами стоят миллионы русских людей, которые вас любят и не дадут в обиду.

В. ШАРОВ,
член КПСС,
В. МАТВЕЕВ,
член КПСС,
Москва

* * *

Вы в своих публикациях пишете только о евреях, как будто других малочисленных народностей у нас нет...

Судя по вашим публикациям, выходит, что революцию делали почти одни евреи, репрессии проводили тоже почти одни евреи. Вы даже точно сообщаете, сколь много среди евреев врачей, музыкантов, писателей и даже просто грамотных. Но разве у нас для кого-то нет возможности учиться, существуют какие-то ограничения на получение образования? В выигрыше, пишете вы, сейчас те, «кто хитрее и беспринципнее устраивают свои дела». Но разве для того, чтобы стать великим музыкантом, Ойстраху понадобилась хитрость, а не талант?

КИСЕЛЕВА,
ветеран труда,
КИСЕЛЕВ,
ветеран войны и труда,
г. Ярославль

* * *

Аргументация ваша, на мой взгляд, не выдерживает критики. Так, в упрек Корсунскому вы приводите цифры уровня высшего образования среди наций, ущемляющие, на ваш взгляд, самолюбие других советских народов: на 1000 человек лиц с высшим образованием у азербайджанцев — 53, у армян — 125, у украинцев — 52, у русских — 76, у евреев — 434...

Но разве это можно поставить в упрек евреям? Нет и нет! Народ, который менее чем сто лет назад был еще ограничен «чертой оседлости», за такой короткий срок стал лидером в интеллектуальной жизни общества! Такой интеллектуальный подвиг заслуживает уважения, а не осуждения.

Вина некоторых евреев не в том, что они лидируют в интеллектуальной жизни, а в том, что при их интеллектуальной гегемонии мы подошли к катастрофе.

В. ВАШКЕВИЧ,
г. Рига

* * *

Мы, читатели вашего журнала, требуем суда по делу о клеветническом заявлении на сентябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС первого секретаря обкома партии Еврейской АО Корсунского в адрес «Молодой гвардии».

Семья ПИЧУГИНЫХ
(пионер, два комсомольца, два члена КПСС),
п. Тучково,
Московская обл.

* * *

В 11-м номере журнала «Молодая гвардия» я прочитал критические замечания по поводу выступления на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС первого секретаря обкома КПСС Еврейской автономной области тов. Б. Л. Корсунского о том, что он вместо того, чтобы поддержать журнал, который мужественно защищает наши национальные и социалистические интересы, нашу славную историю, разоблачает сионистов, обвинил его в антисемитизме, причем бездоказательно и голословно. На мой взгляд, Б. Корсунский иначе поступить и не мог. В Хабаровском крае я проживаю с 1958 года и ни разу не встречал в местной печати и не слышал здесь ни одной лекции о сущности и вреде сионизма. В конце 1984 года решил выяснить в отделе пропаганды Хабаровского крайкома КПСС причину пробелов в идеологической работе. Мне объяснили, что лекторы категорически отказываются просвещать людей в этом направлении.

Что же касается выражения тов. Корсунского о так называемом «еврейском вопросе», то он существует более 2000 лет. Еще почти 150 лет назад Карл Маркс в работе «К еврейскому вопросу» рассказывал о еврействе, его идеологии и религии. Забыли наши идеологи эту работу, не упоминают ее. А следовало бы.

С. АНИСИМОВ,
г. Комсомольск-на-Амуре

* * *

Хочу присоединиться к мнению тех, кто солидарен с позицией, высказанной в «Открытом письме тов. Б. Л. Корсунскому» («МГ», № 11, 1989). Журнал «Молодая гвардия» — это журнал простых трудовых людей, нельзя допускать, чтобы в его адрес звучала клевета.

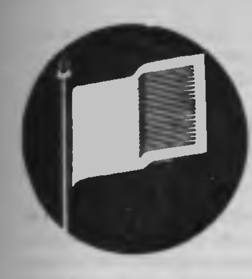
Наши недруги, разумеется, не перестанут «наводить тень на плетень». Ведь иначе любая антинародная деятельность, в том числе и сионистов, не сможет оказаться в тени, высветиться перед читателями. Очень жаль, что этого не понимает или не хочет понимать человек столь высокого ранга, коммунист, обязанный стоять на интернациональных позициях, а не отстаивать, как получилось, клановые интересы определенной группы лиц. На мой взгляд, Б. Корсунский должен принести извинения и редакции журнала, и его читателям.

М. ПЕРОВСКИЙ,
Москва

* * *

Возмущен клеветническим заявлением первого секретаря обкома КПСС Еврейской автономной области тов. Б. Л. Корсунского в адрес «Молодой гвардии». Клеветнику следовало бы знать, что ваш журнал один из немногих, который стоит на защите завоеваний социализма, дает достойный отпор тем, кто пытается грязью обливать нашу партию, комсомол, Вооруженные Силы, подрывать единство нашего государства. Публикации «Молодой гвардии» для нас, армейских политработников, например, — большое подспорье в политико-воспитательной работе, в пропагандистской работе против идеологических диверсий.

Г. НАДУДА,
майор, пропагандист политического отдела войсковой части

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Николай ФЕДЬ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ЛИТЕРАТУРЕ?

Мы погибли, если бы не погибали.
Фонтенель

СОН В РУКУ, ИЛИ СТРАСТИ «АПРЕЛЯ»

Мне спился сон... Вообще-то я редко вижу сны, а если вижу, то к утру ничего не помню — все забывается. Но этот глубоко врезался в память.

А приснилось вот что: будто я присутствую на каком-то очень ответственном заседании и никак не могу взять в толк, что происходит... Ба, это же собрание комитета «Апрель» ППП («Писатели в поддержку перестройки») — дошел до моего сознания смысл звучащих речей, резолюций и манифеста. Но к чему это мне? Я не член этой организации, никто меня не звал сюда. Зачем мешать добрым людям? Однако уйти не удалось. Я почувствовал на себе пристальный взгляд председателя собрания. Он, не скрывая, а упор разглядывал меня. Я смешался.

— Что вы скажете нам о своей бездуховности?! — вдруг вскричал он, и я от неожиданности вздрогнул. Все повернулись в мою сторону. — Вы, собственно, кто такой и почему здесь? Впрочем, это не имеет значения, — и он снисходитель-

но улыбнулся. — Вы хотя бы понимаете, — напирал председатель, — что наше общество уже не в одном поколении поражено тяжелым недугом бездуховности?

— Позвольте, — начал я, — мне кажется, сетование на саморазрушение — в известной мере риторический прием тех, кто не саморазрушается, а, напротив, по горло занят разрушением других. Вы не находите? А разрушение душ, как известно, делается многими изощренными способами: клеветой, обманом, тихим удушением идеалов и совести и т. д. Одним и тем же орудием, в зависимости от того, в чьих руках оно находится, дух или укрепляется, или же подтачивается. Газетная полоса, экран, театральная сцена, грампластинка, телевизионная передача — вот виды многообразного духовного арсенала воздействия, которыми стремятся безраздельно властвовать многоликие «прорабы перестройки».

Оратор пропустил мимо ушей мою реплику.

— А следовательно, — продолжал он, заглядывая в лежащий перед ним машинописный текст, — общество поражено тяжелым недугом безнравственности, безответственности, безжалостности и многими другими «осложнениями» этой болезни, деформирующей человека и среду его обитания...

Надо ли говорить, что все это повергло меня в уныние. Я мысленно взглянул на себя со стороны и узрел нечто, как выразился Приставкин, отягощенное безнравственностью, безответственностью, безжалостностью, — и сверх того деформированное.

— В трибунал его, — бесцветно проскрипел голос справа.

«Пропал, ни за что пропал», — лихорадочно стучало в мозгу. Страх сковал члены мои, кажется, я окончательно пал духом. И били по барабанным перепонкам обрывки фраз: «в смерти многих писателей впрямую повинен Союз писателей», «наше воистину проклятое прошлое», «по сути перестали быть интеллигентами», «наладить отношения с московским Народным фронтом», «нация не помнит себя», «тихое удушение», «железный организм союза», «сколько загублено, изведено, споено живых (?) талантов» и т. д. и т. п. О боже, даже зачастившие в последнее время в СССР эмигранты «третьей волны», похоже, более сдержанны в своей неприязни, чем московские активисты из «Апреля», озабоченные, как они уверяют, судьбой «демократических преобразований в обществе». Что это — парадоксы нынешнего смятения умов?

— Помилуйте, — я начал приходить в себя. — Если вам угодно в присутствии столь почтенной публики все эти недостатки приписать мне одному, воля ваша. Но чтоб столь жестоко судить обо всем обществе...

— Совершается событие, на мой взгляд, необычайное, — провозглашал председатель Анатолий Приставкин. — Мы говорим: человек в опасности, если он бездуховен. Он опасен и обществу, и самому себе. От него нет защиты, его надо лечить.

Зал торжественно молчал.

Но в меня уже вселился бес.

— Допустим, вы правы. Но человек — это общество. Стало быть, поскольку болен и опасен для окружающих человек, значит, больное и опасное общество для других народов. Согласны? Однако в этой вашей идее, простите, нет ни грана оригинального, своего. Это неуклюжее следование утверждениям наших зарубежных «доброжелателей», особенно из клана эмигрантов «третьей волны»: они из кожи вон лезут, лишь бы на весь мир прокричать, будто Россия, наш социалистический строй являются рассадником (Россия, разумеется, вечным рассадником!) тоталитаризма и деспотизма, угрожающим всему человечеству... Нехорошо, будем откровенны, получается... Но вернемся в лоно нашего, как вы говорите, деформированного, безнравственного и бездуховного общества. И все-таки: может быть, кто-то еще остался, как вы остроумно выразились, «недеформированным» либо не совсем, так сказать, «конченым» человеком, которого не надо опасаться и нет надобности лечить? А? Вот, скажем, вы, Анатолий Игнатьевич, простите за дерзость, неужто вы отмечены печатью «безжалостности» и «бездуховности» или же, не дай бог, тоже «конченый»?

Приставкин на мгновенье задумался и недоверчиво посмотрел на меня. В зале воцарилась мертвая тишина.

— А я лично таковым себя не считаю, — изрек он, насупившись.

Присутствующие зашевелились, загалдели.

— Выходит, наше общество еще не задохнулось от смрада, как вы изволили заметить, бездуховности и безнравственности. Оно живет, ежели обитают в нем светлые умы, существуют глубокие кладези чистоты душевной и опять же мудрые и неподкупные наставники вроде вас, Анатолий Игнатьевич, и десятка-другого ближайших сподвижников ваших.

Председатель комитета скромно опустил очи свои:

— Движение «Апрель» получает все больший размах. На сегодняшний день около 400 московских писателей стали членами «Апреля». Среди них — А. Адамович, Б. Можаев, А. Рыбаков, А. Вознесенский, В. Дудинцев, Ф. Искандер, Б. Васильев, В. Кондратьев, Б. Окуджава, Ю. Карякин, Н. Ильина, И. Грекова, Т. Толстая, А. Гельман, Е. Попов, А. Черниченко, С. Каледин, В. Корнилов. Заявления о желании войти в «Апрель» сделали Евг. Евтушенко, Р. Рождественский, В. Коротич, С. Аверинцев. Заявили о своем решении вступить в «Апрель» и участвовать в его деятельности побывавшие недавно в Москве Н. Коржавин, В. Войнович, Л. Копелев, А. Синявский.

После этого сообщения Приставкин посмотрел очень значительно в мою сторону, показав, по слову Гоголя, во всех чертах лица своего и в сжатых губах такое глубокое выражение, какого, может быть, и не видано было на человеческом лице, разве только у какого-нибудь слишком умного министра, да и то в минуту самого головоломного дела.

Зал взорвался аплодисментами.

— В «Апреле» цвет нации? Превосходно!.. Но нет ни одного художника слова, которым гордится русская литература. Согласны?

Приставкин потемнел лицом и заговорил о другом.

— Все силы Союза писателей уходили на борьбу с писателями. В смерти многих писателей впрямую повинен Союз писателей. Он оказался организацией, непригодной для реального осуществления перестройки в литературном деле. Мы говорим о рашидовщине и коррупции, но разве ее нет у нас... Необходимо распустить существующий СП СССР и создать несколько союзов, объединяющихся вокруг определенных изданий. Например, цент-

ром одного из таких союзов может стать журнал «Знамя», кто-то пожелает объединиться вокруг «Юности». На здоровье — объединяйтесь! В Москве состоялось организационное собрание писателей, выступающих в защиту перестройки. Впервые в рамках Союза писателей организован свой «народный фронт», который объединит все здоровые силы перестройки. Мы хотим протянуть руку всем «фронтам», ибо они наши учителя и наши союзники. В том числе — Народный фронт Латвии.

Я сделал отчаянное усилие привлечь внимание писателя Приставкина к вопросам художественного творчества.

— Было бы несправедливо и неразумно отбрасывать все позитивное, что происходит в нашей литературе (критический пафос, публикация ранее неизвестного, приход к читателю ряда эмигрантских изданий и т. д.). При всем при том ей, в общем, присуща некая поверхностность, языковая неряшливость, шаткость и неопределенность в оценках важных явлений и тенденций социальной действительности. Как вы считаете?

Очень хотелось бы узнать, почему современные писатели уклоняются от создания впечатляющего образа современника, обладающего высокими гражданскими и нравственными качествами. Оскудела нива человеческой жизни? Человек измельчал? Но ведь наши люди каждодневно проявляют самоотверженность, благородство и бескорыстие. Жизнь никогда не была однозначной и легкой, а «престранное созданье человек» (Байрон) всегда стремился к лучшему. Так что же, современного писателя покинуло высокое дыхание великих мастеров, верящих в непреходящее значение искусства?

Однако председатель невозмутимо продолжал:

— Не надо забывать: плюрализм мнений неизбежно приведет к плюрализму действий. Поэтому главный призыв нашего учредительного собрания: давайте действовать! От слов к делу. Если не мы, то кто? Если не сейчас, то когда?

Весьма энергичный стиль сей тирады, составленной, однако ж, из чужих, затертых от долгого и частого употребления словесных блоков, показался мне неинтересным. А вот название рабочей группы — группа «быстрого реагирования» — вызвало грустную улыбку: право, совсем оскудело воображение известных писателей, то бишь членов инициативной группы, если пользуются они лексиконом пентагоновских стратегов, обращаясь «ко всем деятелям культуры и науки». И вдруг стало смешно: а не собирается ли «Апрель» сформировать из оных деятелей подразделение «быстрого реагирования» по типу и подобию американских войсковых соединений?

«А почему бы и нет? — неожиданно подумалось. — Писательский кооператив «быстрого реагирования» — тоже идея. Если ничего путного не выходит из-под индивидуальных перьев, то, может, попробовать сочинять сообща...» Но я тут же с негодованием отбросил прочь эту кощунственную мысль. И спросил:

— Как вы оцениваете состояние перестройки?

— Перестройка пробуксовывает, и не только оттого, что несовершенны политические и экономические реформы. Они, конечно, несовершенны, но общество... поражено тяжелым недугом бездуховности. Человек бездуховен. Его надо лечить, — был ответ.

— В таком случае некому доводить дело до конца?

— Мы это сделаем, — дружно загудели учредители независимого общественного комитета «Апрель», — если в обществе, открытом для правды и истины, будут восстановлены в правах абсолютные (?) общечеловеческие ценности, если интеллигенция — не «прослойка» и не «надстройка», но цвет нации — займет свое место в социальном процессе... Мы не должны быть ни с народом, ни для народа. Мы — народ.

— Правильно ли я понял: устами «Апреля» интеллигенция объявляет себя народом, то есть единственной реальной силой общества? Тысяча извинений, но не слишком ли это тесно соприкасается, корректно выражаясь, с теорией трубадуров русофобии, в основе которой лежит концепция элиты, «избранности»? Приведу лишь два примера. Сегодня в России, вещает Горский (псевдоним), существует «противоречие между творческой элитой и оболваненными и развращенными массами, агрессивными по отношению к свободе и высшим культурным ценностям». Проще говоря, элита, а на языке «Апреля» — «интеллигенция», «цвет нации» держит на себе весь груз социально-политических преобразований. Да-с... А вот как глаголет оголтелый Г. Померанц, укрывшийся в джунглях антисоветизма Запада: «Масса может заново кристаллизоваться в нечто народоподобное только вокруг новой интеллигенции». Не здесь ли истоки смысла апрельских терминов «цвет нации», «мы — народ»? К тому же за всеми декларациями «Апреля», не обижайтесь, стоят личные интересы группки людей. Вы стараетесь убедить простаков, что только творческая интеллигенция способна двигать перестройку — и не просто интеллигенция, а ее элитарная часть, точнее, «цвет нации». Помилуйте: откуда же взяться этому, так сказать, «цвету», если все общество, как уверяете, погрязло в страшных пороках, если его изнутри разлагают тяжкие недуги? Более того, если общество, в котором мы живем, бездуховно и безнравственно, то, следовательно, бездуховен, безнравственен и этот самый «цвет нации». И почему вы столь высокомерно отодвигаете в сторону трудящиеся массы и партию, по инициативе которой, как известно, начато обновление общества?

В таких словах я высказал присутствующим свои соображения. Зал недовольно загудел. Председательствующий нахмурился и зашептался с президиумом.

— Люди искусства, — наконец сказал он, — должны иметь право выдвигать любые альтернативы, помогающие перестройке и демократизации общества, если они даже не совпадают с установками партии, тем более что эти установки не раз и не два менялись. Я думаю...

Но о чем думает Приставкин и что означает «главный призыв» ППП «Давайте действовать!», я так и не узнал, ибо внезапно проснулся.

«Привидится же черт знает что...» Я осмотрелся: на ковре у кровати кипа книг и бумаг, а сверху, свернувшись калачиком, дремлет кот-мурлыка. Осторожно вытаскиваю из-под него смятую газету. «Московский литератор». 17 марта 1989 года. На внутреннем развороте заголовки материалов: «Создан комитет «Апрель», «Манифест комитета», «Выступление Анатолия Приставкина», «Обращение учредителей независимого общественного комитета «Апрель»... Вот, оказывается, причина моих сновидений.

Бесспорно, литература всегда являлась предметом пристального внимания идеологов. У одних литераторов это вызывает по-

вышенный интерес к политике, других приводит к сектантской защите автономии искусства, заставляет выводить за скобки социальные проблемы, абсолютизируя принципы, присущие литературе. Такой подход является выражением либеральной тенденции, которая, в силу необходимости поощрять свободное предпринимательство, способствовала развитию в буржуазном обществе культуры меньшинства, противопоставляя его культуре большинства. Если верно, что буржуазия XIX века согласилась с принципом «Искусство для искусства», служившим для охраны от беспокойного и потенциально мятежного духа передовой интеллигенции, то, видимо, отвечает действительности и то, что и в XX веке она, буржуазия, проявила известную терпимость к художественному творчеству, хотя бы в некоторых пределах.

Но за последние десятилетия в мире слишком много изменилось. Люди, связанные с либеральной традицией, с трудом могут следить за логикой развития мира, особенно если они отдают себе отчет в том, что это развитие во многом регулируется механическими и бесчеловечными производственными нормами промышленного общества. Современники являются не только свидетелями, но и действующими лицами тотального революционизирования общественной жизни, которая, как и все процессы коренных изменений, несет с собой и известные потери — приносит в жертву то, о чем люди испытывают тоску. Поэтому писатель, отказывающийся от гуманистической озабоченности судьбами человека, в конце концов теряет свои качества художника, а его творчество становится мистификацией, неправдой.

Именно на этот путь стал «Апрель». В его манифесте и протоколах декларируется: «Мы народ» (!), тут же предается анафеме наша история, а далее объявляется о безотлагательном намерении лечить наше общество (уж не с помощью ли медикаментозных средств?). Словом, «Апрель» предложил жонглировать политической терминологией, изобретая новые формы идеологической борьбы.

Жестокой борьбы, судя хотя бы по приставкинскому интервью латвийской газете «Советская молодежь» (27 марта 1989 г.).

«— А почему вы думаете, что Распутин — «гуманистически настроенный»? — строго спрашивает Приставкин и тут же сам и отвечает: «Распутин и Белов выступали на недавнем пленуме СП в Рязани, и их позиции во многом соотносятся с антиперестроечными устремлениями».

Сильно выражается Анатолий Игнатьевич, ох, сильно. Прямо Демосфен, но злой. Не будем, однако, прерывать его. «На каком-то этапе так называемые писатели-деревенщики, — обобщает Приставкин, — сыграли свою действительно огромную роль в осмыслении реальной жизни и обновлении литературы. Они превосходно знали окружающую их действительность и как умели (?) показывали ее людям. Но времена меняются... «деревенская» проза себя изжила».

Какая подкупающая прямота и какая сила мысли и фантазии: антигуманисты, антиперестройщики, кризис творчества. Но и этого руководителю «Апреля» мало. И он тут же, не моргнув глазом, противопоставляет русских писателей Западу, лишает их внутренней культуры и выдвигает серьезное политическое обвинение. Бить так бить — вот его принцип, как у Бухарина. «Писатели, представляющие эту литературу, переживают кризис, и, может быть, именно этот кризис привел их на а н т и п е р е с т р о е ч н ы е р е л ь с ы, — говорит он убежденно. — Чем это объяснить? Возможно, все дело в дефиците внутренней культуры, без которой нельзя оставаться убежденным сторонником демократических преобразований, ориентированных на современную культуру, от которой мы были долгое время отгорожены. Эти писатели видят в западной культуре вред для нашей культуры, ее самобытности». Таков он, «гуманистически настроенный» Анатолий Приставкин, в чем мы еще не раз будем иметь возможность убедиться.

А сейчас спросим: где, когда читал либо слышал Приставкин от Белова или Распутина об их враждебности к западной культуре? Ответа нет и не будет, потому что это плод разгоряченного приставкинского воображения.

И все-таки послушаем одного из «обвиняемых» — Валентина Распутина. В одной из статей середины 1989 года («СК», 27 мая) писатель приводит суждение И. Киреевского о том, что все споры о превосходстве Запада или России, о достоинстве истории европейской или нашей и тому подобные рассуждения принадлежат к числу самых бесполезных, самых пустых вопросов, какие только может придумать празднолюбие мыслящего человека. В самом деле, что за «польза нам отвергать или порочить то, что было или есть доброго в жизни Запада? Все прекрасное, благородное, христианское по необходимости нам свое, хотя бы оно было европейское, хотя бы африканское...» Это то самое, что и мы сейчас говорим, пишет Распутин. Ни искусство, ни общественная мысль, ни даже общественная жизнь не должны и не могут замыкаться в одних лишь национальных стенах без вреда для себя. Поскольку искусства разных народов, имея собственные берега, развиваются, питая и обогащая друг друга: «В единых берегах какой-то транснациональной культуры существовать не может, она выродится в нечто искусственное и деланное, в нечто электронно-машинное и агрессивное, способное не воодушевлять, а подавлять, не обогащать, а изнурять, способствовать не любви, а стадности. Почему, спросите вы, она должна непременно выродиться в подобное чудовище? Да потому, что нигде, ни в какой стороне не может она иметь корней, ей не о что будет опереться, все добрые, питающие ее начала высохнут и окостенеют, ценности, идущие на распродажу, вытеснят из нее все природное и гуманное. Национальная собственность на культуру не может быть отменена. В древности на Руси наказывали: «Помяните одно: только коренью основанье крепко, то и древо неподвижно; только коренья не будет — к чему прилепиться?!»

Где же тут «отгороженность» от мировой культуры, чем нас только что стращал председатель «Апреля»? Нет ее и никогда не было. Приставкину и невдомек, что «почвенники», столь высокомерно третируемые им, гораздо ближе к мировой культуре (они сами ее созидатели!), нежели «горячие прорабы перестройки», к которым он, бесспорно, причисляет и себя.

Нас блистательно отучили самостоятельно мыслить и говорить правду в полный голос. Микробы этой болезни больно присосались, разумеется, не к кулькам и пакетам, полвека посылаемым современной богиней изобилия клану избранных, а прежде всего к душам людей.

Симптоматично, что среди нынешних особенно ретивых «прора-

бов перестройки» больше всего представителей того круга людей, который не несет в себе ничего ярко выраженного национального, а стало быть, общечеловеческого. Им нужно общество, государство, земля, как бактериям среда обитания, как прожорливому стаду пастбище. Их стремление — жить обособленно от общества и государства, а там хоть трава не расти. Вся их болтовня о том, что якобы пробил час слияния самобытных культур разных народов в одну культуру, всех литератур в одну литературу, всех искусств в одно искусство, всех национальностей в одну национальность — советскую, таит в себе коварное намерение разрушить многовековое наследие народов, лишив их исторической памяти.

Пожалуй, стоит напомнить любителям абстрактных категорий, что они не только не оригинальны, но и реакционны по своим устремлениям. Не имеет значения, что за этим стоит — невежество или злой умысел; важно то, что это широко пропагандируется и выдается за истину. Но все это уже было — в другую эпоху — и имело другую цель и назначение. В связи с этим позволю себе привести одно глубокое высказывание. Ф. Энгельс писал в свое время: «Мы знаем теперь, что... царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии, что вечная справедливость нашла свое осуществление в буржуазной юстиции, что равенство свелось к гражданскому равенству перед законом, а одним из самых существенных прав человека провозглашена была... буржуазная собственность» (т. 19, с. 190). История не столько учит, сколько предупреждает: из своего времени пытаются выпрыгнуть те, кто не в ладах с обществом или со своей совестью.

С ослаблением державы на поверхность жизни всплывают всевозможные авантюристы и проходимцы, неистовые разоблачители, лицемерные публицисты и подозрительные правдолюбцы. К концу восьмидесятых для этого создались весьма благоприятные условия. И вот результаты: слова, утратившие свой смысл, рвущий барабанные перепонки стократ усиленный техникой визг безголосых бардов и бесконечные передачи о прелестях американской демократии вперемежку с митинговыми воплями. Все это несносным потоком льется из хриплых репродукторов, напоминая собою роботов, назначение которых терзать ум и грудь беззащитных жертв безумной цивилизации. Как верно замечено, хлеба и зрелищ — вот что исподтишка записали сейчас на знаменах перестройки. Со зрелищами все в порядке: идет открытая пропаганда секса, насилия, освобождения от всяких нравственных норм. А если будем иметь еще и хлеб, приобретенный в полном ассортименте распродажи народных богатств и национального достоинства России, то совсем недалеко будет и до повторения судьбы Древнего Рима.

С течением времени деятелей «Апреля» все сильнее захватывает идея отрицания многих важнейших завоеваний нашей семидесятилетней истории, якобы принесшей обществу лишь страдания, потери и соскальзывание к пропасти бездуховности. К этому, как и следовало ожидать, прибавилось и нечто более агрессивное. 15 сентября 1989 года («Мос. лит.») совет «Апреля» «обнародовал свою позицию» по национальному вопросу. Набор слов и терминов, долженствующих подчеркивать особую «смелость» и высокую интеллигентность «борцов» за демократию, все тот же: «расправа», «шовинизм», «антисемитизм», «подстрекательство», «репрессии», «палачи» и т. п. Зато здесь впервые открыто провозглашена и печатно зафиксирована настоящая суть «Апреля» — это непримиримость к созидательным действиям и антирусскость. Не случайно заявление совета «Апреля» заканчивается лозунгом-призывом: «Единого русского шовинистического фронта не будет!» Это символ разрушения. Это откровенная спекуляция на сложной экономической и политической ситуации, на обострившихся межнациональных отношениях в стране.

Да, национальный вопрос ныне — один из наиболее острых и тревожных. Он — средоточие кричащих социальных, экологических, правовых и экономических противоречий. В нем тесно переплелись история и современность, человек и общество, наконец, культура и идеология. Это учитывает и «Апрель». Неожиданно общество столкнулось с новой опасностью. «Трибуна первого Съезда народных депутатов, который по своей сути должен был быть съездом консолидирующей силы, порой кое-кем превращалась в трибуну для проповеди национального мещанства, — говорит депутат из Белоруссии Г. Тарнавский. — И я не считаю нужным скрывать свою тревогу. Уважая право каждого депутата на свою позицию, я не могу не высказать недоумение, которое вызывают некоторые выступления, построенные так, что острие ярких красочных фраз нацелено против единства Советского Союза» («Правда», 8 июля 1989 г.).

Но есть тут главный, стержневой вопрос — русская нация. Отношение к России конца XX столетия, будущему России — это не только речь о судьбе ее народа. Но, если придерживаться исторического взгляда, речь о путях развития всего человечества, о судьбе мировой цивилизации. Вот почему: анализируя состояние современной литературы, мы не вправе уклоняться от данной проблемы.

При подходе к освещению национального вопроса более чем неуместны административные методы, групповая истерия, равно как интеллектуальный экстремизм и журналистская всеядность. К сожалению, иные литераторствующие экономисты и историки, беллетристы и публицисты не принимают это в расчет. Это относится и к Владимиру Бондаренко с его материалом «Кризис нации?» («ЛР», 7 июля 1989 г.). Имеется в виду кризис русской нации, или, как он уточняет, «нации на к р а ю г и б е л и» (здесь и далее разрядка моя. — *П. Ф.*). «Сегодня, — вступает в тему критик, — многие говорят о кризисном состоянии общества. Я бы выделил намечающийся — самый страшный (!) кризис — кризис русской нации». Откуда это известно ему? Дак он иногда отправляется за пределы столичной заставы на лоно природы, признается, разговаривает с молодыми инженерами, сельскими жителями и даже с «российскими учителями». Так что ему доподлинно известно о «размывании русского национального сознания, в с е х э л е м е н т о в (?) р у с с к о с т и».

Не успела просохнуть типографская краска этих «откровений», как тут же засуетился некто Поэль Меерович Карп из «Книжного обозрения»: «Вот бы сперва поразмыслить, почему недостает любви к России у ее коренных жителей, а после уж спрашивать, почему порой нет любви к ней у других. Русские уходят из России в Латвию и другие республики... Не от того ли они уходят, что

груз дважды особой роли русского народа — и в составе СССР, и в составе РСФСР — оказался ему непомерно тяжек и обременил непримиримыми противоречиями национальное самосознание». Все эти «размышления» — за чертой интеллектуальной бедности.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что Бондаренко искренне верит в свою непогрешимость и, конечно, мнит себя защитником исчезающей русскости от тех, кто сеет в народе «разрушительные, нигилистические идеи». Хочется верить в добрые его намерения, но какой добротный горючий материал подбросил он в затухающий костер тех, кто спит и видит, как Россия лишилась «всех элементов русскости». Какой торжествующий гвалт поднимут они в связи с этим его «открытием». «Ага! — возопиют они, — наконец-то русские тянут лапки кверху, сами признавая свое полное вырождение, свою близкую гибель». Тщетны надежды!

К сожалению, с легкостью необыкновенной жонглирует ваш критик серьезнейшими проблемами, в постановке которых заложены и однозначные ответы в его манере же: «Существует ли сегодня русская интеллигенция, озабоченная проблемами своего народа, формирующая «русскую идею» в современном мире? Существует ли русское крестьянство со своими обрядами, своим экономическим и нравственным укладом? Существует ли, наконец, русская духовная мысль?» Согласно логике автора статьи всего этого не существует.

Видимо, несравненно ближе к истине такое утверждение: русская интеллигенция не просто существует, она, несмотря ни на что, живет радостями (да, радостями и надеждами, без которых невозможно бытие!) и тревогами своего народа; да, есть и будет русское крестьянство, хотя ему и не обязательно иметь «свой экономический уклад»; не оскудела русская мысль, хотя и снизился ее уровень по известным причинам. А сверх того — существует могучий язык, художественная культура, живет великое духовное наследие — и это несмотря на тяжелейшие испытания и трагические периоды истории, выпавшие на долю русского народа.

«Россия бедна»... Верно. Но кто в этом виноват? По свидетельству, скажем, ученого Г. Литвиновой, больше всех внося наряду с Украиной и Белоруссией в общесоюзный бюджет, Российская Федерация по многим социальным показателям в сравнении с другими республиками находится на одном из самых последних мест. Труд русских крестьян намного дешевле ценится. Даже Москва — столица СССР (и РСФСР одновременно) — по развитию социально-культурной инфраструктуры в седьмом десятке городов страны. Что уж говорить об остальных городах и весях...

Тем временем все настойчивее заявляет о себе русофобская истерия среди определенных экстремистски настроенных групп и объединений. Кое-кто пытается свалить все беды на русский народ, отождествить прегрешения сталинизма с Россией. Прошу прощения у читателя за мерзость, которую мне приходится цитировать. В информационном бюллетене Народного фронта Латвии «Пробуждение» («Атмода») от 12 июня 1989 года черным по белому написано: «Вряд ли следующие строки из только что изданного у нас романа Томаса Гифорда «Леденящий ветер» являются антисоветчиной: «...Гитлер, каким бы он ни был, еще не величайшее зло, от которого было бы невозможно исцелиться. А вот коммунистическая Россия — это такое наказание, такая чума, какой мир до сих пор не видывал» («На что уповаем?»).

Поэтому нетрудно понять пафос выступления писателя Валентина Распутина на Съезде народных депутатов СССР, в котором сквозит боль и тревога за судьбу России: «Шовинизм и слепая гордыня русских — это выдумка тех, кто играет на ваших национальных чувствах... я размышляю: а может быть, России выйти из состава Союза, если во всех своих бедах вы обвиняете ее и если ее слаборазвитость и неуклюжесть отягощают ваши прогрессивные устремления? Может, так лучше? Это, кстати, помогло бы и нам решить многие проблемы, как настоящие, так и будущие».

Нет, это не кризис русской нации. Это кризис антисоциалистической структуры, обескровившей русский народ, как, впрочем, и многие другие народы СССР. Нравственный и духовный потенциал России огромен, и вскоре, будем надеяться, он проявит себя в действии. Это известно всему свету. Кроме, разумеется, самозваных «демократических сил», так называемых «граждан мира» и прочих подобных. Ибо, как ерничает «Книжное обозрение», «кастрату недоступны радости любви».

Из уроков правды литераторы призваны сделать для себя самые серьезные выводы. Прежде всего речь идет об историзме мышления, о более смелых, глубоких и, скажем так, ответственных подходах к действительности. Непростое это дело, конечно. В одном из писем (10 января 1936 г.) Александр Фадеев с грустью отмечал: «Как подумаешь, сколько у нас талантливых людей в литературе и какая литературка убогая! Почему же? а) Никто не знает действительности; б) Таланты в большинстве стихийные, то есть неумные; в) Все мы, включая детей самых интеллигентных родителей, дико необразованны (сравни любого с Горьким, с Ролланом!); г) Всеобщая леность литераторов. Я тоже «ленив», потому что работаю нахрапом, а потом бросаю на месяцы, увлеченный пестротой и радостями жизни (мнимыми, конечно)...» С тех пор прошло полвека, много, как говорится, воды утекло, а благородное фадеевское беспокойство продолжает стучать в сердцах серьезных писателей...

Иногда в мрачную ткань повествования нашего критика врываются (вопреки его воле) нотки комического — и это несколько разряжает обстановку. Вот это место в статье «Кризис нации?»: «Само по себе существование так называемой «московской группы» на Съезде говорит...» О чем? Ни за что не угадаете, и не пытайтесь. Так вот: это самое существование говорит: «...о тревожном состоянии *русской общественной жизни*». Вы только представьте себе: Гавриил Попов со своими фракционными угрозами Съезду и русская общественная жизнь, Межрегиональная группа со своей особой программой — и русская общественная жизнь, вчерашний преуспевающий партийный функционер Ельцин, зело недовольный сегодня партией, — и русская общественная жизнь... Разве это не смешно?

Итак, «московская группа»... Но Москва — столица СССР, а не только РСФСР. К тому же Москва — многоплеменный город. Это могут подтвердить те же Г. Попов, Р. Медведев, равно как Е. Евтушенко, А. Гельман, Г. Боровик, Б. Васильев и другие не менее модные ученые, писатели и артисты. Справедливо ли из

«московской группы» напрямую выводить русскую общественную жизнь, ставить знак равенства между ними? Кажется, это напоминает вывеску свифтовской ярмарочной лавки: «Здесь показывают величайшего в мире слона, за исключением его самого».

Пожалуй, отмеченные здесь «монологические речения», вплоть до утверждения якобы отсутствия у русских «национальной объединяющей идеи», вполне уместно было бы отнести за счет современного брожения в обществе. И вряд ли стоило придавать этому особое значение. Ведь о чем только не пишут, чем только не стращают честной народ. Многие возмущаются, иным кое-что нравится, а большинство равнодушно терпит.

Что же вынудило меня взяться за перо? Слишком уж хитроумное и, как представляется, далеко не безобидное заключение литератора В. Бондаренко. Разве можно согласиться с тем, что русская «нация на краю гибели»? Или поверить, что к русским неуклонно растет «неуважение всех наций»? А как прикажете понимать следующее утверждение: «...насмешливо-презрительно-снисходительно-боязливое отношение всех народов страны к русскому народу»?

Подобные вещи выкрикивают с перепугу перед оборотнями собственного «я». Хотя нельзя сбрасывать со счетов и теперешнее состояние нашего общества. Умен не сам человек, умна окружающая его среда, сказал древний мудрец.

Конечно, могут сказать: автора «Кризиса нации?» обуревали высокие чувства и благородные патриотические устремления.

Возможно. Спорить не буду. Но, говорят, благими намерениями вымощена дорога в ад...

КОЕ-ЧТО О «БИОЛОГИЧЕСКИХ» ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТАХ

Нет, мы не уклонились от нашей главной темы. Рассмотренная национальная проблема самыми тесными узами связана с состоянием нашей современной литературы.

На пленуме Союза писателей СССР (1987 г.) драматург Виктор Розов, как всегда, выспренне восклицал: «Перестройка мне очень по душе! Г. Бакланов сегодня говорил о том, что он первый раз живет в такой свободной для литературы атмосфере... Сидишь и думаешь: как хорошо жить, как хорошо вообще существовать!..»

Бакланову-то и Розову жаловаться на неблагоприятную для них литературную атмосферу прежних десятилетий? Прости и помилуй их, господи!

Но любимец театральных критикес В. Розов не желает больше ограничиваться уютным светом рампы — он жаждет быть оракулом: «И последнее. Вопрос очень сложный — национальный вопрос. Друзья мои, наше государство, многонациональное, и если мы не будем жить дружно в своей собственной стране, как же мы будем дружить с народами всего мира?» Это присказка, а сказка впереди. Драматург продолжает: «Во мне, воспитанном сразу после революции, чувство интернационализма — мое биологическое свойство. Я, например, не могу произнести слова: «Я горжусь тем, что я русский!» А что скажет узбек! Татарин скажет: «Я горжусь тем, что я татарин...» Все гордятся своей национальностью, хотя заслуг в этом ни у кого нет... И потому сейчас, когда на этой почве возникло брожение, мы, писатели, должны не только не дать ему разрастись, а всеми силами его ликвидировать».

Ликвидировать национальное достоинство? Браво, Розов! В конце XX века никто на подобное еще не решался из стана «демократов»...

После этого кажутся детским лепетом его стенания типа: «У меня ощущение такое: нас призывают к человеческой жизни, очень сложной и трудной, порой мучительной, но нам говорят: не живите пещерной жизнью! А была и пещерная жизнь. Я хочу, чтобы вы жили человеческой жизнью».

Скромное желание. Настолько скромное, что претензии литератора Л. Жуховицкого кажутся ересью: в современных, мол, условиях писателю остается «лишь традиционная должность пророка». Поэтому для него «перестройка — фантастически трудная внутренняя работа, в результате которой писатель становится способным на конструктивное пророчество». Не потому ли ныне в литературе сплошь оракулы, то бишь пророки, и обидно мало настоящих писателей, А «биологическим интернационалистам» ничего не стоит (как свидетельствуют 20—30-е годы!) «не только не дать... разрастись, а всеми силами... ликвидировать» чувство национального самосознания, национальной гордости и национального достоинства. И, как мы знаем, действительно ликвидировали.

Это, однако, не мешает некоторым сочинителям, не гордясь тем, что «я русский», подчеркнуто крикливо причислять себя к русской литературе, говорить о себе: «Я русский писатель». Особенно, как известно, настаивают на этом «биологические интернационалисты». Пора, кажется, внести в это ясность.

По каким признакам судить о принадлежности писателя к национальной литературе? Язык? Безусловно, это важнейший признак, если, конечно, имеется в виду живая разговорная речь, а не книжный язык либо — упаси бог! — язык современных средств информации. Надо усвоить и передать дух языка. Идейная позиция? Но как часто претерпевает она поразительные метаморфозы или является удобной ширмой для политической спекуляции (сколько обнаружилось ныне литературных праведников и храбрецов, так же «искренне» и «убежденно» творивших во время оно на Сталинскую премию, как ныне «честно» и «покаянно» трудятся в поте лица своего на перестройку!). Национальная традиция? Бесспорно, важнейший признак духовной культуры автора. Что еще? Реализм, то есть глубокий социальный и психологический анализ? Несомненно. При всем этом необходима настоящая преданность чему-то, вера во что-то (добро, справедливость, общественный идеал, в бога, в дьявола, в человека), из которой исходил бы автор. (А они-то отсутствуют у наших нынешних ювеналов). Стало быть, язык, тематика, традиция и идейная позиция — увы! — еще не позволяют литератору утверждать: «я русский писатель» или «я французский писатель», либо «я грузинский писатель» и т. д. Для того, чтобы таковым быть, необходима еще и сыновняя любовь к народу своему и родине, а равно нераздельность духовной жизни с судьбой нации. Только по таким признакам можно уверенно судить о принадлежности писателя к художественной культуре того или иного народа. Только это дает ему право на титул настоящего художника — все остальное суесловие.

Не забыли ли мы о «демократически настроенных» лидерах «Апреля»? Не дай бог! Впрочем, это и невозможно по случаю их бурного саморазвития и крикливой саморекламы. 6 октября 1989 года состоялось общее собрание этого «независимого движения», подтвердившее линию на дальнейшую дестабилизацию нашей общественно-литературной жизни. Открыл собрание, как водится, глава движения. Будущие биографы Анатолия Приставкина, вероятно, будут восторженно писать об этой речи, как о наиболее редкостной, забавной и изумительной из всех, каковые на протяжении митинговой деятельности им произнесены. Он сказал: «...неприятелей у нас с первых минут нашего существования оказалось много, и среди них такие могущественные, как аппарат (или аппараты) Союза писателей, как чиновники Госкомиздата (ныне — Госкомпечати), как работники высших партийных органов... Ну, конечно, среди всех неприятелей враг номер один — это общество «Память» во всем своем многообразии». Надо сказать, в последние дни Приставкин явил доселе невиданную и неслыханную неустрашимость. Вот кто, подумалось, способен назвать «клевретов» «Памяти». И точно: в их «числе — окололитературные сынки, графоманствующие мальчики-боевики, сотрудничающие в газете, принадлежащей Московской писательской организации. Их имена незначительны, никому не известны, и вряд ли всю их оголтелость можно было бы принимать всерьез, если бы за их спинами не маячила мрачная, почти средневековая фигура их идеолога, их крестного отца из Союза писателей РСФСР».

Диву даешься, какому-то зловещему природному остроумию оратора! А какой набор слов: «враг номер один», «мальчики-боевики», «клевреты», «средневековая фигура их идеолога»... Хорош лексикон лауреата Госпремии по литературе! Несомненно одно: прошлое оставило нашему обществу немало мрачных страниц и одна из них — деморализация человеческой личности, что особенно резко проявляется в конце восьмидесятых в злобе, групповых амбициях, мстительной мелочности и холуйстве перед всем, что ни есть там, за бугром. Наш случай тому подтверждение. «Нас поддерживали, — с просветленным ликом сообщает лидер «Апреля», — и такие из уехавших писателей, как Копелев, Войнович, Гладилин, вступили в наш «Апрель», а недавно мы получили вырезку из газеты, где нас приветствуют и поддерживают писатели Бродский, Владимов, Зиновьев и Максимов. Один американский бизнесмен из Калифорнии — Иоанн Вефель — написал в своем письме к нам: «Как только я услышал о группе «Апрель», решил с вами связаться, даже наивно обратился в советское консульство в Сан-Франциско. Я не говорю по-русски (лишь несколько слов), никогда не был в вашей стране, но, как многие западные люди, я поражен всеми событиями, которые сейчас у вас происходят. По-моему, группа «Апрель» — лучшее воплощение духа гласности в Советском Союзе, даже больше, чем Пен-клуб. Я не могу вам предложить рекламу и гонорары, которые бы вам предложили крупные нью-йоркские издатели, но я могу вам предложить свою искреннюю помощь и поддержку...»

Иногда стыдно за Анатолия Игнатьевича, а подумаешь — становится обидно за человека: сколько физических сил и энергии тратит попусту, обливаясь желчью недоброжелательности. И нет, пожалуй, выхода из создавшейся ситуации. А ведь мог бы сочинить что-нибудь, конечно, не так чтоб уж очень художественное, однако ж с собственным заголовком хотя бы... А так, гляди, износит себя в ненависти. Жаль!

Злые языки говорят, что Приставкин неоригинален в своей неприязни к русским писателям. Приводят даже примеры. В начале 1989 года в издании регионального центра при ГК ВЛКСМ — «Реклама, информация, маркетинг» (г. Набережные Челны) — в одном из номеров опубликованы фрагменты выступления некоего Градского, поющего под гитару чревовещателя. Вот некоторые из его вещаний: «Распутин говорит: «Великая русская литература — самая духовная в мире!» Да что он, с ума спятил?! Ну как можно такие вещи бредовые говорить?» Нахальный апломб невежды? Но далее он изрекает следующее: «Но не надо забывать о том, что басни Крылова до Крылова написал Лафонтен. А до Лафонтена Эзоп. Просто мы этого не знаем — много времени прошло. Мы — страна, которая создалась как культурная единица намного позже других стран. Ни одного жанра у нас не придумали. Ни одного музыкального инструмента русского нет, за исключением жалейки. Баян и гармошка — из Византии, балалайка — не русский инструмент. Смешно об этом говорить. А это говорит писатель. В таком случае он либо дурак, либо провокатор, либо ничего не понимает». (По Приставкину, Распутин антигуманист, антиперестройщик, с «дефицитом внутренней культуры».) «Ну, так надо книги почитать, — наставляет Градский Распутина. — А что получается: этот человек говорит, а народ ему верит, потому что он талантливый писатель. Многие его вещи мне нравятся. «Прощание с Матёрой», например». Распоясавшийся хам продолжает: «Но надо же отдавать себе отчет. Пушкин драл Байрона? Драл. Лермонтов драл Байрона? Драл. Ну и что тут такого? Все свои замечательные сказки Пушкин как писал? Брал десять бутылок шампанского и за два дня писал сказку».

Прочитав подобное, доверчивый читатель может утешиться тем, что якобы в таком духе ныне принято болтать о всех писателях. Придется озадачить его. Откроем газету «Московский литератор» от 9 октября 1987 года. В статье о Мандельштаме Рюрика Ивнева находим такие слова: «У Мандельштама не было ни мелких радостей, ни мелких бед. В нем была какая-то сверхъестественная чистота души и подсознательное стремление принести себя в жертву... Его путеводная звезда находится не в небе, а в его сердце и оттуда испускает свои лучи, не всем видимые, но ощущаемые... Мандельштам неоспоримо является великим поэтом нашей эпохи... Духовная чистота как бы выпирала из всех пор его организма... Он всегда был особенным человеком, к которому нельзя применять обычные мерки. Он был поэтом, в котором каждая буква этого слова была большой... большим, ни с кем не сравнимым поэтом, даже среди несравнимых. Он был уникальной личностью... во всем мире не было и не могло быть похожего на него человека. И не было такого поэта, с которым его можно было бы сравнить» и т. д. и т. п. Улавливаете разницу в характеристиках Пушкина и Мандельштама?

Поэтическое наследие Осипа Мандельштама, несомненно, заслуживает добрых слов. А почему классика и современная русская литература в лице ее лучших представителей вызывает столь оскорбительные нападки и великую свирепость со стороны град-

ских и приставкиных? Однако не будем торопиться с ответом. К этому вопросу мы еще вернемся в ходе анализа конкретных явлений общественно-литературной жизни.

А сейчас продолжим прерванный необходимыми уточнениями разговор. Не буду отвлекаться на описание ужасающей кутерьмы либо изложение остроумных словопрений выдающихся членов «Апреля» — частично они изложены на страницах «Московского литератора» (13 октября 1989 г.). Важнее другое: общее собрание «Апреля» приняло обращение к Генеральному секретарю ЦК КПСС и Председателю Верховного Совета СССР. Сие послание весьма показательно для деятельности комитета, поэтому приведем его здесь полностью.

«Уважаемый Михаил Сергеевич!

Собрание московских писателей — участников движения в поддержку перестройки «Апрель» считает необходимым сообщить о том, что оно решительно отмежевывается от позиции секретариата правления Союза писателей РСФСР в связи с выступлением товарища Корсунского на недавнем Пленуме ЦК КПСС, так как мы разделяем тревогу товарища Корсунского относительно потока погромных антисемитских выступлений журналов «Наш современник», «Молодая гвардия», еженедельника «Литературная Россия».

Секретариат правления Союза писателей РСФСР в телеграмме, посланной на ваше имя, под видом защиты патриотических сил и критики явлений русофобии на самом деле подогревает нездоровые явления межнациональной розни, направленной на срыв перестройки. Телеграмма секретариата СП РСФСР ни в коем случае не выражает позиции всех московских и российских писателей.

Принято на общем собрании комитета «Апрель» («Писатели в поддержку перестройки»), состоявшемся 6 октября 1989 года в Центральном Доме литераторов.

(Текст телеграммы подписали свыше трехсот писателей)».

Естественно, секретариат Союза писателей РСФСР не стал отвечать на угрюмые инсинуации апрельцев, зато «Литературная Россия» поместила заметку от Редакции под названием «Провокация». «Хотелось бы, — с возмущением писала газета, — взглянуть в глаза тем безымянным сочинителям из комитета «Апрель», которые составляли телеграмму на имя руководителя страны с клеветническими измышлениями по поводу «Литературной России» («Моск. литератор» от 13/X—89 г.). Что же в этих глазах, кроме темной злобы? Дважды присутствующая на собраниях «Апреля» поэтесса Татьяна Глушкова рассказала участникам ноябрьского (1989 г.) пленума СП РСФСР: «Сидеть на их собраниях страшно: там — беснующиеся, потерявшие облик человеческий люди, которые с пеной у рта произносят чудовищные слова ненависти к России и русским» («Литературная Россия», 1989, 1 декабря).

Что это: гражданская война в литературе?

Вопрос этот тревожно прозвучал несколько лет тому назад и с той поры все отчетливее осознается нашей литературой как следствие ее критического состояния. К концу восьмидесятых он уже отражал действительное положение литературного процесса.

ГРУППОВЩИНА ИЛИ БЕСОВЩИНА?

Проблема гражданской войны в литературе стала признанной неотвратимой реальностью, когда вслед за политическими акциями «Апреля» со страниц многих печатных органов на современника обрушилась лавина откровенно тенденциозных заявлений, коллективных писем и требований в связи с публикациями журнала «Октябрь».

Особенно преуспел на этом поприще главный редактор «Октября» Анатолий Ананьев. В обличительных посланиях, направленных в газеты и журналы, в секретариат Союза писателей СССР и РСФСР, он неожиданно явил миру некоторые редкостные, а равно хитроумные стороны своего дарования, приносящие, как он полагает, великую пользу государству и отечественной беллетристике.

И все-таки, если бы подобные сочинения вышли из-под пера какого-нибудь рядового члена Союза писателей, а не редактора столичного издания, вряд ли стоило начинать этот разговор. К чему, да и зачем? Ныне пишут, вещают по телевизору, митингуют все, кого фортуна отметила своим перстом как «горячего прораба перестройки». Счастливчики! Недавно один из таких тиснул довольно-таки проникновенные строки: «Скину штаны, отращу густо шерсть, стану диких баранов есть...» А что — и отрастит, и обнажится до полной срамоты. В стиле времени потому что. Ведь сколько раз в сутки показывают на голубом экране, в кино, на театре и эстраде это самое, правда, без густой шерсти, но в натуральном виде — и ничего! И насчет поедания диких баранов совсем даже неплохо придумано — что-то вроде рацпредложения в духе наиболее напористых экономических пророков наших.

Нет, только представьте себе: пишущие в рифму, а вслед за ними все остальные труженики пера — всякие там полуклассики, коих нынче хоть пруд пруди, знаменитые, популярные и опять же лауреаты разные — все переходят на подножный корм, то есть собственноручно ловят, потрошат, жарят и едят исключительно диких баранов. Дак это ж экономия съестного провианта в особо крупных размерах, можно сказать, всенародная борьба с дефицитом!..

Меж тем предмет нашего разговора иного плана. Строго говоря, речь идет не о поэтических вольностях периферийного пиита, а о хорошо взвешенных и глубоко продуманных сочинениях, подписанных ответственным лицом московского журнала, и, стало быть, о политической, общественной и эстетической позиции, какову он, как ни крути, выражает.

И все-таки некоторое время я колебался — писать или не писать обо всем этом. Хотелось думать, что и публикации в «Октябре», и несколько истеричные и экзальтированные выступления в печати его редактора отражают мнение небольшой группы литераторов и добросовестно обслуживающих ее интеллектуалов из славной и, разумеется, неподкупной когорты философов и критиков...

Как вдруг в защиту публикаций «Октября» развернулась мощная кампания: выступил известный своей нетерпимостью к любым проявлениям здравого смысла и порядочности «Апрель» («Мос. лит.» от 16 сент. 1989 г.), а на страницах «Литературной газеты» появилось грозное Заявление исполкома русского (?) со-

ветского ПЕН-центра (13 сент. 1989 г.) и прозвучал (30 авг. 1989 г.) голос двух депутатов, резко обостривших проблему. В воздухе запахло порохом. Действительно, по оперативности откликов, по энергичному тону заявлений и высказываний стало ясно, что дело это далеко не простое, даже весьма сложное, ибо отражает сильное брожение умов не только в бедной изящной словесности нашей.

Однако не будем забегать вперед. Вслушаемся в то, что говорил Даниил Гранин в самом начале этой истории: «На днях в писательском Доме творчества в Комарово мне с возмущением показали напечатанное в «Литературной России» письмо, где писатель Ананьев и возглавляемый им журнал «Октябрь» обвиняются в русофобии». Далее следует оценка случившемуся: «Разумеется, это их, авторов письма — неписателей, право сообщать в секретариат российского союза о своих подозрениях. И зачем эдакое выносить на страницы органа творческой организации, многим членам которого — не сомневаюсь в этом! — стыдны подобные наветы. Видимо, в расчете, что мы промолчим, сделаем вид, что не заметили» (здесь и далее разрядка в цитированных текстах моя. — Н. Ф.). Кажется, в этом монологе слишком превалирует презрение к инакомыслию. Отчего бы это? Кто знает. Хотя, если в каждом несогласном видеть противника, то другого отношения и быть не может, ведь о противнике следует писать с насмешкой и презрением — или ничего не писать. Но не будем отвлекаться.

Читал ли Гранин названное выше письмо или довольствовался тем, что ему «с возмущением показали»? Бог весть. Но то, что беллетрист с порога отметает все его доводы, квалифицируя как «подозрение» и «наветы», прозрачно намекая на решительные действия (мы (?), мол, не промолчим, не сделаем вид, что не заметили), настраивает на размышления... Особенно если учесть напористое заявление его собеседника (как подчеркнуто в газете, единомышленника) М. Бочарова. «Опять «охота на ведьм», — вскричал он. — опять выискивают очередных (?) «врагов народа»?» Гранинское мы не промолчим и бочаровское опять выискивают явились своеобразным кличем к открытой конференции — и, опустив забрала, «демократические силы» устремились вперед. Так, 22 сентября 1989 года в «Книжном обозрении» появился материал за 31 подписью, смысл которого: «Не сметь! Мы — сила». И то верно: на смену анонимок пришли коллективные письма. Гримасы гласности? А озаглавлен упомянутый коллективный циркуляр так: «Очень простое предложение: в союзе с издательством, а не под пятой ведомства». А кем подписана эта «простота»? О, не спрашивайте. Иные имена я не решаюсь произнести всуе. Может, позже, если соберусь с духом, и то вряд ли...

Что бы там ни было, история с публикациями журнала «Октябрь» высветила болевые точки нашей современной литературно-политической жизни. Поэтому есть смысл рассмотреть это более обстоятельно.

Пришло, стало быть, время обратиться к письму «тройки», «неписателей», «граждан», «доносителей» и т. д., как его авторов уничижительно именуют защитники «Октября». С чем категорически не согласны, что волнует, возмущает и настораживает

И. Р. Шафаревича, В. М. Клыкова и М. Ф. Антонова? Последовательная антирусская позиция журнала. Это особенно явственно проявилось, пишут они, в публикации фрагментов пасквиля Абрама Терца (А. Синявского) «Прогулки с Пушкиным», скандально известного своим кличем: «Либо миру быть живу, либо России»; это и печатание повести Василия Гроссмана «Все течет», главный пафос которой в показе ущербности русского народа, наконец, анонсирование предполагаемой статьи А. Янова, одного из наиболее свирепых сегодняшних русофобов...

И тут редактор «Октября» ударил в набат. Боже правый, как он засуетился! Нет, он не спорил, не доказывал, не анализировал. Он обличал! За несколько дней успел (или сумел, как хотите называйте) «довести к сведению» и обнародовать около дюжины заявлений, бесед, писем, в которых, как говорится, стер с лица земли активно действующих и выжидающих удобного момента начать действовать русофилов, запретителей и прочих злокозненных «потрясателей» нового мышления, попутно высказав оригинальные мысли о «противоречиях русского характера», об опасности возрождения «мышления репрессивного» и, само собой, о «несправедливо поруганном русском писателе Синявском», о том, чтобы непременно «дать народу почитать Янова» и о многих-многих других, не менее важных, занимательных, а равно удивительных вещах.

Как посягательство на святыню воспринял А. Ананьев критические замечания в адрес повести Василия Гроссмана «Все течет» и воспылал желанием «поговорить по существу». Что ж, похвальное намерение — поговорим без лишних эмоций, спокойно, рассудительно.

Естественно, здесь возможны неодинаковые подходы. Они сразу же и определились. Если послушать Ананьева (о чем мне уже приходилось писать), то Гроссман-романист самую малость ниже Льва Толстого (подозреваю, что этим он решил просто оказать любезность классику), зато выше М. Шолохова, А. Толстого, Л. Леонова и М. Горького.

Но есть и иная точка зрения: Гроссман талантливый писатель, думающий и многое видящий. Но по ряду причин не реализовавший свои творческие возможности, ибо где-то потерял себя, разуверился и озлобился (а это самое страшное для честного автора). И принял бурление «общечеловеческих» страстей за историческую правду.

Все это в конечном счете негативно отразилось на художественном мастерстве последних работ писателя. Они в ряде случаев фрагментарны, передко слог их перяшлив, композиция разорвана, слово же часто-густо слепо — без душевного тепла, без цвета и без внутреннего пространства. А рядом куски, созданные твердой рукою мастера, освещенные неординарной мыслью.

Нет, не удел историка и философа, а поприще литератора уготовила судьба Гроссману. Поэтому не вина, а беда, что он изменил своему дарованию... Не случайно «Все течет» вызывает недоумение, разочарование, а нередко раздражение. Темные места и противоречия превалируют здесь.

За что и зачем? Вот вопрос, который сопровождает на протяжении чтения всей повести, так и не находя своего разрешения. Зачем переиначивает автор на свой лад (с явным уклоном недоброжелательности) историю России, революцию? Что за

этим скрывается? Не много стоит и его суждение о Ленине: «...убил ради захвата власти самое святое, что было в России, — ее свободу» (хотя в произведении муссируется тезис о тысячелетнем рабстве русских); ответствен Ленин и за «бешеный национализм людских масс, лишенных свободы и человеческого достоинства» и т. д. И здесь же гимн Троцкому: «блестящий», «бурный», «великолепный», «почти гениальный Троцкий». Каково?

Впрочем, это уже и не литература, а некие идеологические постулаты, выраженные слишком прямолинейно. Тут язык искусства уступил место расплывчатым политическим декларациям. В связи с этим позволю себе немного раздвинуть рамки данной темы. Какая примечательная особенность поражает читателя в произведениях великих писателей Древнего мира или эпохи Возрождения, классиков XIX века либо талантливых авторов современности? Меняющееся лицо времени, на котором лежит печать политики. Чаще всего политика и литература перемешиваются друг с другом. Именно поэтому идейная борьба в литературе не может не отражать политического климата в обществе на определенном этапе его развития, а равно состояния сил, борющихся за торжество тех или иных социально-экономических тенденций, за власть.

Достаточно мельком взглянуть на литературную карту, чтобы лишний раз убедиться в этом. Нынешнее время показывает, что решительным политическим противостоянием обычно предшествует известная «культурная оппозиция», толкущаяся в предбаннике большой политики. И что же? На этот вопрос впечатляюще отвечает Станислав Говорухин. Он рисует такую картинку: после V съезда Союза кинематографистов, когда власть в кино захватила команда Климова, «постепенно люди съели сами себя, опустились, растворились... Все устроились. После V съезда кто-то сказал: «Вперед!» — и я тоже побежал. Побежал, отказался от многого. Бегу, смотрю — а тех, кто кричал, уже нет». Бежал, значит, бежал «Вперед!» наш автор и бац — оказался у пустого корыта: «Возвращаюсь назад, а они все устроились. Один — в совместном предприятии, другой — в совместной постановке. У одного квартира в Лос-Анджелесе, у другого — в Париже. До такого — бе-зумства! — старый секретариат не доходил». Безумство ли это? Скорее — главная цель («побежали», «растворились», «устроились»), у р о в е н ь, и д е а л жаждущих власти, теплого местечка и распрекрасной заграницы. Что им искусство! Результаты налицо: «Мы вступили в прогрессивную стадию развития всех наших болезней... Интересно, конечно, во что все это выльется, знаете, хочется посмотреть агонию...» («ЛГ», 8 окт. 1989 г.).

В литературе «развитие наших болезней» протекает в иной форме. Вспомним хотя бы искрометный спич В. Коротича, произнесенный им по случаю его исторического вояжа по Прибалтийским республикам. Выступая перед активистами Народного фронта Латвии, он, в частности, заявил: «Когда я сегодня думаю о Латвии, я понимаю, что никогда в ней не было столько достоинства и силы, как сегодня. Я понимаю, что я уже никогда не буду счастливым, если будете несчастны вы. И я понимаю, что вы никогда не будете свободны, если не буду свободным я. Я знаю, что процесс борьбы за демократию — наш общий процесс. Те, кто сегодня пробует закрыть рот вам, они пробуют выступить

и против линии Горбачева... Я всегда буду смотреть на вас, и до тех пор, пока вы будете сильными, буду силен и я. До тех пор, пока мне будет трудно, я всегда буду находить в вас опору. И я думаю, что великий язык Латвии, великая душа Латвии — бессмертны. Спасибо вам за ту силу, которую вы сегодня подарили мне». Пусть человек важничает и принимает картинные позы. Хотя тут и впрямь можно запутаться в публицистических кружевах и пестроте вздора. Однако завистники и злопыхатели не преминут узреть в его монологе нечто большее, а именно: некий призыв к конфронтации носителей «великого языка Латвии» с русскоязычным населением республики. Пустое! Впрочем, не обращайте особого внимания на подобные намеки, а задайтесь вопросом: разве этот литпублицист не постиг в совершенстве методы политической борьбы, коли уже с пятого захода сумел завладеть депутатским мандатом, объявив себя на радостях «собакой перестройки»...

Таких примеров немало. Да что там политические притязания литературных посредственностей! Взгляните на официально признанных. Даже заголовки некоторых лауреатов госпремий, именуемых средствами массовой информации выдающимися и известнейшими, вызывают горький смех. Идет грабеж классиков среди бела дня, и никто не решается положить предел бесстыдному обворовыванию великих тружеников литературы, которым стоили огромных трудов каждая строка, каждое предложение, каждое слово. Нынешние же популярные, роящиеся около ЦДЛ и Литфонда, до того обленились, что не хотят дать себе труда придумать даже сносный заголовок для собственного сочинения. Хватают у Пушкина, у Горького, у Толстого, у Лермонтова и скорее волокут в газету, в журнал, в издательство. Благо уровень иных редакторов и издателей не выше сапога. Вот и слетают с ротаций «Дети Арбата», лишенные историзма и подлинных художественных достоинств (после «Детей солнца»), «После свадьбы» (вспомни «После бала»), а то и строкой «Зари плодительного счастья», «Ночевала тучка золотая»... Воистину, велики людские притязания, а силы ничтожны. Смешно, конечно...

Надо ли говорить о том, что нельзя отождествлять актуальность, политическую злободневность литературного сочинения и его эстетические ценности, художественность.

Да, бывают периоды, иногда затяжные, когда в писательских репутациях литература едва ли принимается в расчет. И тогда правят бал лживая мудрость и пустяковая беллетристика. Хотя идеологические схватки в литературе проходят чаще всего в форме эстетических споров, поисков правды, отстаивания истины. Разве не таковы по преимуществу лозунги сегодняшних литературных группировок? Посмотреть — так сплошь борцы за прогресс и истину, все, как один, неподкупные народолюбцы и правдолюбцы. Заметьте, однако, что каждое такое направление в литературе понимает правду по-своему, а стало быть, утверждает и отстаивает с в о ю правду.

Бесспорно, что в повести «Все течет» Гроссман тоже отстаивает какую-то свою правду — и это вполне естественно. Вот она, его правда: «...русская душа тысячелетняя раба... развитие России оплодотворилось ростом рабства... где же пора русской свободной, человеческой душе? А может, и не будет ее, никогда не на-

станет... Пора понять отгадчикам России, что одно лишь тысячелетнее рабство создало мистику русской души...»

Как же оценивает эти утверждения Ананьев? Судя по его последним публикациям, он полностью их разделяет. Более того, пытается приписать гроссмановские идеи нашей классике. Он так и пишет: «Я не знаю, как бы отнесся В. Гроссман, будь он вместе с нами, к упрекам и обвинениям тройки, но, думаю, мог бы с недоумением сказать, что в упоминании рабства, хотя и тысячелетнего, и вообще в обращении к тому страшному, по реальному в нашей исторической действительности злу не совершил открытий; к той теме обращались (и не раз!) многие крупнейшие писатели и XVIII, и XIX, и XX веков...» Поразительно! Тут приходится решительно вступиться за доброе имя Гроссмана, оградить его от подобных наветов. Ведь автору «Все течет» приписывается то, что было глубоко чуждо ему: он слишком ценил, любил и понимал великую русскую литературу, чтобы пытаться противопоставить ее своему народу.

Когда читаешь такие откровения, начинаешь размышлять о человеческом беспамятстве, о нашей леностн, суетности мира сего — да мало ли куда занесет тебя оскорбленная мысль... Зачем и кому нужна вся эта грубая неправда, это стремление противопоставить нации друг другу, оскорбляющее и тех, о ком написано, и самого сочинителя?

Взглянем на скрижали истории. Во все времена и у всех народов можно встретить гениальных поэтов, честных и трудолюбивых граждан, великих мыслителей, мудрых государственных деятелей и вместе с тем — подлецов, предателей, шкурников, грабителей и христопродавцев. И нет такого народа, который был бы наделен особенной тупостью, а другой — лишь разнообразием талантов. А теперь обратим взоры на наш век. Та же картина. Но если верить Гроссману и, не дай бог, следовать его логике, получится: наследники тысячелетнего рабства дали миру, скажем, гениального Жукова, а свободные и одаренные — палача в звании маршала Ягоду (Гершель, Ягуда, Иегуда)... К чему это может привести — страшно подумать. Настало время более ответственно анализировать факты и события и делать серьезные выводы из исторических уроков, сознательно и настойчиво возвращаясь к где-то утерянной нами человеческой сущности...

Непрерывный процесс обновления — возникновение и уничтожение, восхождение от низшего к высшему — такова диалектика развития в природе и общественной жизни. В произведениях искусства эта диалектика находит свое чувственно-образное выражение. Сложность проблемы не в том, что человек, одержимый порою несбыточными желаниями, обрекает себя на страдания, а в отсутствии желаний как таковых. Подлинное искусство призвано изображать не аксессуары повседневной жизни, но человека во всех его ипостасях. Герой, а равно произведение в целом, полноценны тогда, когда находят отзвук в людских сердцах, когда несут в себе силу жизни, а стало быть, веру и надежду. Высокое укрепляет дух, а мелкое, суетное — закрепощает его.

ЖИЗНЬ И МНЕНИЯ АНАТОЛИЯ АНАНЬЕВА, БЕЛЛЕТРИСТА

Что же происходит сегодня? При удручающем увеличении числа сочинителей средней руки настоящих писателей становится

все меньше. Есть лауреаты всех мастей, растет поток многотиражных книжиц с портретами и без, но редки крупные дарования, в произведениях которых действительно отразился бы век и современный человек. Одновременно мощный дестабилизирующий маховик в литературе набирает силу, угрожая как истинной культуре, так и любой системе общественных идеалов. В чем это конкретно проявляется? В многомиллионном тиражировании авторов, сочинения которых, как правило, не обладают сколько-нибудь серьезными художественными достоинствами, но пропитаны иронией к духовным и нравственным ценностям России, к революционным завоеваниям народа (социализм и ленинизм, победа в Великой Отечественной войне и т. д.). Проявляется это и во всемерной поддержке (критиками, публицистами) подобных авторов и их позиции, а также в очернении советского образа жизни с одновременным навязыванием молодежи духовного ширпотреба Запада. Человеческое достоинство, патриотизм, национальная гордость подменяются здесь рекламой мелкобуржуазных идей, политика — политиканством, отечественное — истошным гвалтом «граждан мира». В художественной практике уже в наши дни это дает свои горькие плоды — пожалуй, никогда раньше искусство (литература, театр, кино) не переживали столь тяжелого кризисного состояния.

В калейдоскопе жизни присутствует не только современность, но и история. Надо ли забывать о том, что между временем, когда народ управлялся воображением, принуждением и обещанием «прекрасного будущего», и временем, когда он вступает в полосу демократических преобразований бывает весьма сложный и полный неожиданностей период. Природа общества такова, что еще долго после того, как оно поймет несоответствие старых форм жизни и ее нового содержания, оно не решается открыто освободиться из-под их власти и, вынуждаемое силой обстоятельств и привычки, живет как бы двойной, то есть лицемерной жизнью, внешне одобряя то, с чем уже не может смириться его внутренняя убежденность. «Когда народ вступает в этот период, то подобный образ действий становится до того общим, что лицемерие, можно сказать, организуется в систему, — писал английский ученый в конце XIX века Д. В. Дрэпер. — Иногда в этом плачевном состоянии живут целые общества».

Даже после того, как идеи, исчерпавшие себя, перестают пользоваться общественным уважением, их политическая сила переживает силу умственную и производит то печальное состояние лицемерия, о котором говорилось выше. «В цивилизованной жизни, — продолжает Дрэпер, — общество всегда неизбежно должно двигаться вперед в законных формах, и этих форм нельзя избегнуть без больших несчастий. Избавить слишком внезапно общество от узды старых идей не значит дать ему свободу, но толкнуть его на путь политического бродяжничества, и потому великие государственные люди допускают и даже предписывают правила, внутреннее значение которых исчезло и разумное основание которых подкопано. Истина достигает полного действия постепенно и не вдруг; она сначала действует на разум, и влияние ее остается чисто умственным и индивидуальным; она расширяет потом свою область и производит нравственный контроль, преимущественно посредством общественного мнения, и, наконец,

приобретает физическую и политическую силу... В один день нельзя заставить народ подчиниться новым идеям».

Осмысление трагизма современного состояния мира, постановка острых вопросов времени и одновременно вера в высокое назначение человека — вот главная задача писателя. Ибо в наше время у человечества появилось много новых забот и тревог, связанных с сохранением жизни на земле, с обострением сырьевой, энергетической, продовольственной, экологической и других проблем глобального масштаба... Ныне стало гораздо сложнее жить человеку. В этих условиях особое значение обретает настоящее искусство, которому всегда были чужды идеи, разрушающие человека.

Конечно, состояние современного мира объясняется рядом причин как субъективного, так и объективного характера. Но главное — это углубление общественных противоречий, шатания в идеологии и политике, размывание нравственных устоев общества. Отсюда утрата веры в яркую и животворную идею, потеря чувства приобщенности к высоким идеалам. Писатель восьмидесятых оглушен частой сменой общественного настроения и бесконечных крутых и не приносящих ощутимых результатов перемен; он подавлен надвигающимся ростом глобальных проблем, угрожающих жизни всего живого; опустошен и травмирован при виде того, как доброта, благородство, искренность, чувство прекрасного покидают человека — и уже властно и грубо заявляют о себе низменные инстинкты... И все-таки писатель (речь идет о настоящем писателе!) должен сдюжить, выстоять, не изменять высокому искусству; он не вправе пасовать перед трудностями либо наклоняться вровень с обществом в его темных или сомнительных явлениях...

Но как выстоять, как сдюжить художнику слова, если его захлестывают мутные волны глухого недоброжелательства, если из храма высокого искусства изгоняются жрецы истины и красоты, а их места распродаются властолюбивым активистам?

Как это произошло с театром и кино. Горькую правду говорит по этому поводу талантливый актер и режиссер Сергей Бондарчук. «Сегодня в кино художественность подменена конъюнктурой, обнажилась тенденция, которая в истинном произведения всегда спрятана. Из кино ушла образность, оно, как плакат о вреде курения, не лечит, не волнует. Все забыли, что такое с и л а и с к у с с т в а. Вот Черных, бойкий продюсер, он радеет за кооперативы, а для меня пойти в кооператив — это позор! Почему я должен посвятить себя заколачиванию денег или прокатывать свои фильмы, как авторы «Воров в законе»? А новая система кинопроизводства к этому толкает. Черных не знает, что такое коллектив, в котором люди 30 лет вместе. У нас в объединении, единственном на «Мосфильме», есть «райская группа» — мы опекаем старейших режиссеров, всю жизнь бескорыстно работавших. Тем, кто рассчитывает успех на компьютере, это, по-видимому, ни к чему. Они хотят быть нужными перестройке, обогнать других, сказать что-то первыми; результат — кино, которое мы имеем».

И Сергей Федорович поясняет, какое же искусство имеем и кто им заправляет: «На одном из московских фестивалей к Ивану Семеновичу Козловскому, с которым мы дружны, подошел журналист: «Иван Семенович, как вы могли бы охарактеризовать

состояние сегодняшнего кино?» Тот говорит: «Бя-да!» В союзе все делается для себя и для своих. Критика во главе с Деминым своих старается не трогать. Секретарь поставил — хороший фильм, близкий человек или пострадавший — хвалят. Э т о н е г р у п п о в щ и н а, э т о б е с о в щ и н а! Вы спрашиваете, как я отношусь к составу союза? Я отвечу притчей, которую когда-то рассказал Никите Михалкову. «Раб провинился, его определили в зловонную яму, он сидит на жаре в 45 градусов по шею, вокруг мухи, букашки. Прохожий увидел, что он мучается, подошел — согнал мошкару. Тот посмотрел на него и взмолился: «Что ты сделал!» — «Я облегчил тебе страдания». — «Зачем?! Новые прилетят — они же голодные!..» («ЛГ» от 8 ноября 1989 г.)

Нет, не случайно все, кому дорога наша духовная культура, с беспокойством говорят о чрезвычайно сложной и тревожной литературно-политической и идеологической ситуации, которая, будучи вплетена в нарастающую борьбу главных общественных сил, продолжает активно влиять на реальную действительность. И это в тот период, когда демонтаж, деформация, ломка ряда важнейших социальных и национальных институтов представляют собой угрозу политическому и моральному здоровью народа...

В этих условиях обществу далеко не безразлично, в чьих руках находятся средства информации. Речь идет, в частности, о границах и пределах самостоятельности главного редактора издания. Кое-кто стремится поставить печать, радио, телевидение над обществом. Симптоматично, что в последних монологах А. Ананьева из «Октября» именно эта тема присутствует постоянно. Непонятно только, почему он брюзжит едкой иронией по отношению к оппонентам: «...у нас (!) возникает вопрос: разве в секретариате СП РСФСР уже вновь появились запретные «черные списки» писателей. Тогда почему они не обнародованы, дабы редакции не совершали сей «тяжкий» грех и не переступали черту «недозволенного» или, на худой конец, прислали бы эти списки тайно, что ли, как делали прежде, с припиской: «Для руководства, секретно, хранить в сейфах»?»

Сей остроумный, как представляется Ананьеву, вопрос следует отнести к нему же, поскольку он, можно сказать, одна из одиозных фигур в составе Союза писателей. Или, может быть, он сложил с себя секретарские и прочие «руководящие полномочия»? Отнюдь! «Черные списки» понадобились ему для компрометации любой системы контроля над изданиями, для утверждения в печати принципа: что хочу, то и ворочу. Такова тактика и стратегия тех, кто, прикрываясь лозунгами гласности и перестройки, потихоньку берет бразды правления в свои руки.

В нашем случае дело не в том, ч т о печатать или не печатать, а в том еще, г д е печатать и к а к относиться к вышедшему в свет. Это совершенно разные вещи, на что не обращают должного внимания издатели. Нет слов, ныне следует публиковать как можно больше. Вопрос — г д е? Наиболее талантливое, безусловно, в периодических изданиях, что поднимет, так сказать, планку для всей литературы; остальное, менее ценное в художественном отношении, но несущее в себе интересный познавательный материал, — в сборниках и книгах. Но есть масса скучных, вздорных и даже недоброжелательных к нам опусов. Как быть с ними? Пусть решают любители скуки, звонких метафор и склок. Нравится — иди плати за издание и читай на здоровье.

Например, Ананьев увлечен Синявским и Яновым. Хорошо, похвально, где-то даже в духе времени. Так почему бы не тиснуть писания оных за свой кошт, сохранив государственные (читай — народные!) средства и бумагу. Тогда не нужно бы ему лицемерно прикрывать свои личные — и ближайших единомышленников — симпатии высокими словами о гражданском долге и даже об ответственности перед, представьте себе, будущими поколениями.

Посему мыслящим современникам не кажется странной или запоздалой ананьевская любовь к упомянутым деятелям. По его понятиям — это геркулесы мысли, где-то духовные наставники наши, однако ж «выброшенные... поруганные... Россией (!) брежневско-сусловской». Короче, мученики, притом в некотором роде святые.

Да и я хорош! По причине глубокого уважения к редкому по нашим временам эпистолярному дару Ананьева начал нести моральные убытки, слушая об этих, как он с великой болью в сердце говорит, живущих «с ярлыком антисоветчика». О моральных убытках я упомянул не для красного словца. После самоотверженной устной и письменной ананьевской защиты оных от наскоков и «критических окриков» злокозненных сил, предстающих то в облике секретариата Союза писателей РСФСР, то под личиной крупных ученых, я подумал: «Что же это такое получается? Тут, понимаешь, народ «на краю гибели», «самый страшный кризис — кризис нации» (В. Бондаренко) наступает, поскольку «наше общество уже не в одном поколении поражено тяжелым недугом бездуховности», — мы же, «цвет нации», «по сути, перестали быть интеллигентами» в то время, как супостаты из лагеря антиперестройки уповают на «наше воистину проклятое прошлое» (из манифеста независимого комитета «Апрель»).

Меж тем, как видно из заявлений А. Ананьева, стало достоверно известно, что по заграницам неприкаянно кочуют из одной капстраны в другую некогда у нас пребывавшие светочи науки, мастера художественного слова, и эти самые, ну, которые мастаки на туманные рассуждения, ага — философы. И, говорят, не спят они и пищи не принимают, а все умственно соображают, соображают, как бы это нас, окаянных, из тьмы-тьмущей на светлый путь жизни человеческой выволочь».

И только об этом подумал, как немедленно обложился сочинениями двух названных выше «писателей» и «ученых» — и стал читать, читать... Вскоре я понял, что пал жертвой своей излишней доверчивости, ибо ничего мало-мальски серьезного в их писаниях, кроме амбициозной суеты вокруг поднятого кверху собственного пальца да какой-то щиплющей ненависти к нашему строю, к России и всему светлому и доброму, что еще где-то существует в этом забытом всевышним мире нашем, — нет. Скука вперемежку с высокомерием новоявленных пророков царят здесь...

Может, лучше поговорить о важном и интересном? Ну, скажем, о взгляде Ананьева на русскую литературу XIX века. Это, пожалуй, будет любопытно и для читателей «Октября». Александр Сергеевич Пушкин. При имени его забьется сильнее сердце каждого из нас. По словам Гоголя, «это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет». Пушкин неисчерпаем, неувядаем, необъятен. Он раскрыл глубину русской души. Пушкин «дал смелость русскому писателю быть русским» (А. Островский). И, пожалуй, ни в ком так полно и многогранно не отразилась, не отозвалась Россия с ее прошлым, настоящим и грядущим, как в нем. Его язык и слог и поныне остаются недосягаемой блистательной вершиной. И отрадно сознавать, что у нас есть такая гордая вершина, есть маяк, светящий отчизне к всему честному. История России обязана Пушкину не меньше, чем Ломоносову.

Что же наш беллетрист? У него свое отношение к великому поэту, свои идеалы и эстетические вкусы — он исходит желчью из-за того, что «Прогулки с Пушкиным» Абрама Терца названы в письме трех авторов «скандально известным пасквилем». Согласен, характеристика не из приятных. Но как прикажете понимать и оценивать писанину, где литературный пигмей пытается унизить гения России, ее честь и славу, а четырнадцать лет спустя под восторженные всхлипы иных московских литераторов он же и бахвалится этим? Пошло и низко! Вот, к примеру, каким рисуется внешний облик Пушкина: это «болонка (такая шустрая, в кудряшках)»; у поэта «черная обезьяноподобная харя». Оказывается, находятся люди, которые оправдывают подобную гнусность. И это тоже: «Молодой поэт в амплуа ловеласа становится профессионалом. При даме он вроде бы как при деле... кто же соблюдает серьезность с барышнями, один звук которых тянет смеяться и вибрировать всеми членами. Сам объект воспевания располагал к легкомыслию и сообщал поэзии бездну(?) движений... На тоненьких эротических ножках вбежал Пушкин в большую поэзию и произвел переполох...»

Известно, что сразу же после выхода «Прогулок» в свет (1976 г.) книга получила в зарубежной прессе достойную отповедь (статьи А. Солженицына, С. Жабы, рецензия в «Вестнике РХД» и др. Наиболее четкое отношение к ней, выразившее общее мнение, сформулировано писателем и публицистом Романом Гулем в статье под характерным названием — «Прогулки хама с Пушкиным»).

Что же Терц? Дак, говорит, «толпа способна... ожесточаться и жаждать крови» («КО», 1990, 26 января): «Что еще меня огорчило и насмешило в этой реакции — это неумение читать художественный текст. В книге «Прогулки с Пушкиным» я писал панегирик Пушкину и объяснялся в любви к Пушкину. А это приняли за издевательство над Пушкиным. Просто потому, что текст необычно написан и любовь к Пушкину выражается другими словами, чем это принято... А «Прогулки с Пушкиным», если угодно, написаны против всех. В защиту одного Пушкина». Хорош — нечего сказать.

Тут, однако, нельзя пройти мимо вопроса, который является чрезвычайно важным в сегодняшних литературно-политических спорах и выходит далеко за рамки не только «Октября», но и литературного процесса вообще. Ананьев в сильном волнении восклицает: «Ему (Терцу. — Н. Ф.) инкриминируют также фразы: «Либо миру быть живу, либо России» и «Россия-сука». Он не инкриминирует, нет. Напротив! При этом первую фразу он не рискнул печатно отстаивать, а на второй решил взять реванш, так сказать, наголову разгромить и повергнуть в прах своих супротивничков.

И, как увидим, совершил неприличный для своего возраста, чи-

на и звания акт, именуемый в научных словарях как стриптиз. Вот до чего может доиести самоуверенность! А если по-серьезному, то у него это выглядит так: «Россия-сука»... за этой фразой скорее боль, тоска, отчаяние — и любовь». Слышите — любовь! Но дальше — больше. «То есть, — развивает свою мысль беллетрист Ананьев, — он хотел бы остаться в России, но он выброшен. И на помойку, а не в прекрасный мир Запада». В мировоззренческом плане Ананьев и Терц — одно лицо.

Понимаю, что совершаю большой грех, но мне придется разочаровать извлекателя мифического смысла из однозначных слов. Сам Терц иного мнения о своем отъезде за границу. Извольте открыть известный трепетно-нежиой «любовью» к России журнал «Континент», выходящий в Париже. Своей собственной дланью Синявский начертал по случаю своего отбытия из России: «Когда мы уезжали, а мы делали это под сурдинку, вместе с евреями, я видел, как на дощатом полу грузовика подпрыгивают книги по направлению к таможне. Книги в связке, как лягушки, и мелькали названия: «Поэты Возрождения», «Салтыков-Щедрин». К тому времени я от себя все уже отряс». Видите, дорогой читатель, все отряс, то есть смахнул с башмаков пыль страны бывшего своего проживания, и все кануло в Лету. «Но они прыгали, и прыгали, и прыгали... Книги тоже уезжали, — восторженно продолжает Синявский. — Я только радовался... Мы уезжали навсегда. Все было кончено и забыто...»

Хорошо, если б тот же Ананьев потрудился со товарищи доказать, что этот «гимн эмиграции», этот «апофеоз бегства» (Р. Шафаревич) и есть, как он утверждает, не что иное, как любовь к «России-суке». Таким образом, была бы оказана большая услуга нашей литературно-художественной общественности и удовлетворено любопытство широкой читательской публики.

А мы пока познакомимся с размышлениями на сей счет Александра Солженицына. «Уроженцы России, — читаем в третьем томе его собрания сочинений. — живущие в России, обвиняют ее так, будто сами они в этой грязи не варятся и чисты, ни к чему отношения не имеют... антипод раскаяния — очень сейчас распространено это в советской общественности и в советской так называемой третьей эмиграции. Это — обвинять Россию и даже поносить Россию — без чувства совиновности, без признания своей собственной доли в этой вине. Чрезвычайно характерно недавно это прорвалось в первом номере «Континента» — Синявский в своей статье буквально написал следующее: «Россия-сука, ты еще ответишь и за это!» В данном случае речь идет о еврейской эмиграции в наше время. Но это частный пример. А все выражение — сын говорит матери: «Россия-сука, ты еще ответишь и за это!» И за это, значит, и еще за многое другое ты ответишь! Даже во всей истории русского самооплевывания такого выражения я не помню».

Нынешние остряки-«демократы» уверяют, что у Синявского какая-то несокрушимая любовь к России. Какая тут, к дьяволу, любовь! Ненависть, дикая злоба — и ничего больше. Странно, очень странно получается: для русских писателей — сие выражение ненависти, а для редактора «Октября» — любви. Отсюда и его почти клятвенные причитания: «...вступаться за Синявского придется, может, и не однажды... но мы (?) считаем своим гражданским долгом вступиться за доброе имя однажды несправедливо поруганного русского (?) писателя Синявского».

Не ослышался ли я? «Гражданский долг вступиться» за того, кто стремится изобразить нас врагами рода человеческого, утверждая, что «для единства русской нации взят на вооружение «православный фашизм», что «русский национализм противостоит сегодня... демократии и Западу», что, наконец, русское национальное самосознание представляет «угрозу миру» (см. «Письма из Мюнхена». — «Литературная Россия» от 20 окт. 1989 г.)? Может, нашему герою-беллетристу пришла охота шутить, потому как он отчаянный весельчак и балагур? Если это так, то почему столь серьезно (об этом нам еще придется вести речь) поддерживают его единомышленники, иные из которых вообще лишены юмора? Тут и там, за бугром. Что их роднит? И что, к примеру, имеет в виду главный редактор «Знамени» Г. Бакланов (прославившийся публикацией и остроумным комментарием к подметному письму провокатора Норинского), когда пишет: «А та, прямо скажем, травля, которая развернулась (?) в отношении (!) журнала «Октябрь» и его главного редактора фронтовика А. Ананьева, — это нечто постыдное...»? Обратим внимание на изящество мысли: не Пушкина травят, а, простите, Ананьева... Причуды нашей юной гласности?

МЕЧТЫ, ДАЖЕ НАДЕЖДЫ «УДУШИТЕЛЕЙ РОССИИ» И...

Сегодня в Россию все чаще наезжают бывшие ее жители, особенно эмигранты так называемой «третьей волны». И что же, хоть один из них казал радость несказанную (как бывает при возвращении блудного сына в отчий дом), слезы умиления, растроганности при виде некогда родных мест? Сколько ни читал их речей, как ни вглядывался в лица — ничего такого не заметил. Напротив! Требуют особого к себе почтения за «страдания», словом, за сытую и престижную жизнь за кордоном, куда так рвались. И при этом презрительно щурятся, поучают, покрикивают — точь-в-точь как наши домашние «прорабы перестройки», то бишь рыбаковы, евтушенки, коротичи вкупе с ананьевыми. Иногда выплескивается и такое:

Когда-нибудь придется возвратиться.
Назад. Домой. К родному очагу.
И ляжет путь мой через этот город.
Дай Бог тогда, чтоб не было
со мной
Двуострого меча...

Так пишет Иосиф Бродский, вспоминая «этот город» — Ленинград. Будем же помнить, что дело может дойти и до «двуострого меча».

Ведь иные «инженеры человеческих душ» все чаще заходят слишком далеко в своих призывах. «Раньше, как известно, были «черные списки», — муссирует Ананьев свою излюбленную тему. — Однажды попавший туда не печатался больше, даже если он сочинил безобидную сказку для детей. Боюсь, что эта тяга к «черным спискам» опять возрождается. Скажем, писатель Янов живет с ярлыком антисоветчика. Неважно, что он

написал — а его не опубликовали и никто его не читал, — и вновь возмущение «с той стороны» — как смеет рекламировать этого автора «Октябрь»? Опять «как смеет...» А я считаю, что надо дать народу почитать Янова».

Ну, что тут поделаешь: снова говорит этот человек высоким штилем и снова говорит неправду. Янова «не публиковали, и никто его не читал»?! Да Янов, будучи членом редколлегии «Молодого коммуниста», печатался во всей центральной прессе, «воспитывая» трудящихся в «патриотическом духе». А потом, как бывает, тихо-мирно вдруг выехал по израильской визе в Америку. И тогда читали, и сейчас читают, потому что он поднял такую антисоветскую и антирусскую истерию, что пришлось исследовать корни этого — увы! — не единичного по нынешним временам случая.

Полюбопытствуйте хотя бы обстоятельной рецензией Ст. Китайского на его книгу «Русская идея и 2000-й год» в «Литературном Иркутске». Автор изобличает мошеннические приемы Янова, идущего в фарватере оголтелой русофобии Г. Померанцева, Б. Шрагина, Терца — Синявского и иных подобных. Амплуа Янова — советы Западу, как разделаться с Россией. Оптимальный вариант — оккупация. Хотя, признает он, «это предприятие грандиозной, можно сказать, исторической сложности». Есть и другие варианты, но все они сводятся к одному: найти средства, не упустить удобный случай, чтобы удушить Россию. «Западу необходима точная, продуманная и мощная стратегия, способная повлиять на исторический выбор России, — разглагольствует сей сочинитель «безобидных сказок для детей». — Этот момент наступил сейчас, в ядерный век, перед лицом ее развертывающегося на наших глазах национального кризиса».

«Безобидные сказки для детей»? Увы, обыкновенная провокация, призыв к действию по принципу Синявского: «Либо миру быть живу, либо России».

Поэтому не будем делать вид, что это интеллектуальные игры, благородные литературные препирательства, полет фантазии тонких поэтических натур и прочее в этом роде. О, нет! Это борьба. Жестокая политическая борьба со своими правилами, целями и непредсказуемыми последствиями...

А может быть, кое-кто решил, что никакой борьбы уже нет, что с социализмом кончено и пришел час счастливой жизни под единым идеологическим флагом? Вполне возможно. К счастью, есть и другие убеждения! Видный советский ученый-экономист Л. И. Абалкин пишет: «Сегодня в моде рассуждения о том, что человека якобы не интересует, как называется общество, в котором он живет. Ему лишь важно, чтобы работа хорошо оплачивалась, а на заработанные деньги можно было купить все, чего хочется. И это выдается за новое, свободное от идеологических шор мышление.... Но разве в этом смысл жизни? Разве хлебом единым жив человек? Никогда — ни в прошлом, ни в будущем — человеку не будут безразличны социально-политические условия его бытия, природа общества, в котором он живет и которое оставит детям.

Социализм не выдумка кабинетных ученых и политических прожектеров. Социалистический выбор выстрадан веками мучительного поиска выдающихся мыслителей, подкреплен революционным порывом миллионов людей труда. В нем воплощена мечта об обществе, в котором, не будет социального гнета, эксплуатации и рабской зависимости от сильных мира сего» («Правда» от 11 ноября 1989 г.). Стало быть, впору ратовать за консолидацию внутренних сил, а не за их размежевание и противоборство.

Передо мной упомянутый в начале этой статьи коллективный труд (иначе не назовешь!) тридцати одного в защиту публикаций «Октября» и его главного редактора. О, это любопытная политическая демонстрация «любителей изящной словесности». А проще — тоска по тем временам «застойного периода», когда малиновый звон ученых регалий, высоких званий и правительственных наград повергал в священный трепет простых советских тружеников, а власти предержащие услужливо выдавали мнение «светочей мысли» за глас истины и, само собой, народа. А глас сей — чего греха таить! — звучал нередко как призыв к расправе с инакомыслящими. Слава труду, прошла, кажется, эта пора. Но поди ж ты, кое-кто уповает на ее возвращение. Вот и в названном материале — вместо доказательства — угрозы, вместо выяснения истины — навешивание ярлыков и нагромождение политических обвинений.

Впрочем, тут нет ничего удивительного, если во главе списка авторов послания в «Книжное обозрение» стоит имя некоего мифического ученого, но реального директора института и народного депутата СССР Юрия Афанасьева, в быстром темпе изобличившего консервативные силы в лице Политбюро ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР, затем в сильных выражениях заклеймившего низкий уровень новоизбранного депутатского корпуса, наконец призвавшего закрыть «Правду» якобы за ложь и дезинформацию советского общества и заодно реабилитировать Троцкого, Ягоду и Берию....

Надо ли после этого удивляться, что, чувствуя за собой «сильную руку», «реформатор», а вкупе с ним большинство из подписавших письмо не остановятся перед такой малостью, как подстрекательство к «свободе» (от кого?) коллектива журнала («мы ожидаем поступка от всего коллектива «Октября»), или грубыми оскорблениями русских художников слова. Вот, к примеру, что они пишут: «...в руководстве СП РСФСР процветают командно-приказные методы, групповая нетерпимость, личные интересы выдаются за общенациональные, общенародные, общепартийные, органы печати насильственно превращаются в рупоры черносотенных «идей»... хотят присвоить себе монополию на русский патриотизм». Доказательства? Их нет. Зато сколько угодно недоброжелательства.

А ведь подписано сие академиками, народными депутатами, людьми, принадлежащими к ученому сословию и художественной элите. Есть среди них, прошу прощения, даже «Главный Интеллигент страны», в миру председатель фонда культуры и академик-филолог, но и он туда же: в омут ненависти, в трясину политиканства... Оторопь берет, в глазах рябит при созерцании имен титулованных особ. И все-таки, если начистоту вести разговор о нравственных недугах общества, видимо, следует начинать его с них — иных академиков, режиссеров театров и литераторов. За что получили звания и должности? В какое время? Честны ли перед народом?..

Вот стиль их наветов на СП РСФСР, оставляющий нехороший след в душе: народ «упорно уводят на гибельный путь сражений

с очередным внутренним врагом, чей образ состряпан монопольщиками патриотизма, радеющими о каких-либо угодно интересах, кроме народных».

Согласитесь, что такое заявление группы людей с большими политическими возможностями — дело не простое. Тем более что оно выдержано в духе и слоге 30-х годов. Так при чем тут «народные интересы»?

Есть, правда, здесь и нечто оригинальное, характерное для конца 80-х годов. Это грубое противопоставление одного автора всей русской литературе. «Октябрь», — читаем, — даже публикацией только двух произведений В. Гроссмана сделал неизмеримо больше для понимания русской истории, горькой правды крестьянства, истоков духовной силы народа, чем все, вместе взятые, члены всех расширенных секретариатов правления СП РСФСР». Такого, пожалуй, еще не было; честное слово, как-то стыдно читать подобное. Даже устроители «варфоломеевских ночей» в литературе конца 20-х — начала 30-х годов авербаховцы и те печатно не заходили столь далеко в своих злонамерениях... Словом, у журнала «Октябрь», а следовательно, у Синявского, Янова и Ананьева есть свои плакальщики и защитники.

Не удивляйтесь, я не случайно поставил имена этих трех авторов рядом. Почему? Объяснимся.

Читали ли вы роман «Скрижали и колокола» Анатолия Ананьева? Сочиненьице так себе — серенькое, аморфное, скучное. Одолеть его не менее трудно, чем голыми руками сдвинуть с места глубоко взросший в землю валун или сжевать прошлогоднюю еловую шишку. Хотя есть в этом сочинении и нечто весьма любопытное. Это необычайные словопрения о России и ее истории, о русских писателях и славянофильстве, о дореволюционном крестьянстве и «злополучных» колхозах. Остановлюсь на одной-двух из названных проблем — этого вполне достаточно для представления о способе их решения, а равно об остроте и направлении ума нашего беллетриста.

Вы, дорогой читатель, конечно, помните, сколько было потрачено оппонентами слов для выяснения, прав или не прав был Синявский при оценке великого русского поэта и хорошо или дурно поступил Гроссман, настаивая на рабской сущности русских, и т. д. Оказывается, в «Скрижалях и колоколах» речь идет, по сути, об этих же вопросах. Как же решаются они здесь? Как писали в рыцарских романах, со всею возможною правдивостью и необыкновенным способом. Собственно, читатель никогда не поймет причин преклонения Ананьева перед «прекрасным Западом» и вкусившими от его прелестей яновыми и синявскими, если не заглянет в «Скрижали и колокола».

Один из его героев, Игорь Максимович, так комментирует «Бесы» Достоевского: «...и кто только не пишет сегодня о великом предназначении русского народа и России. Так вот, что касается первого пути, то есть поголовного и всеобщего освинячивания, не знаю, не берусь судить, хотя, думаю, надо было бы присмотреться к пророчеству (?), но относительно второго, которому, как я понял, поклоняетесь и вы, могу сказать, что никто и никогда не отводил русскому народу и России некой особой роли, кроме как быть задницей Европы». И, чтобы на этот счет у внимающих ему присутствую-

щих не осталось никаких сомнений в определенности его позиции, уточняет: «Задницей Европы, то есть тем мягким местом, и которое можно было бы постоянно пинать. И пинают кому не лень столетиями и будут пинать, пока стоит мир, потому что иначе нельзя» («Октябрь», 1989, № 1, с. 93).

Возможно, герой-повествователь что-нибудь возразил против этого монолога, в просторечии именуемого словоблудием? Нет, он ничего не сказал, ибо «не знал, что предпринять», а потом переключился на другие темы. Между тем образ героя-повествователя и автора романа — идеологические близнецы.

В другом месте герой-повествователь провозглашает: «...на кого же и жаловаться за состояние жизни, как не на самих себя, что не смогли выработать (за века, за века!) ни гордости в себе, ни смелости, ни желания и способности всем народом и разом пойти на риск и заставить считаться с собой и своими интересами». И далее как бы доводит до логического конца разглагольствования упомянутого выше Игоря Максимовича: «Если Достоевский в свое время призывал к «оздоровлению корней», то есть восстановлению нравственности у народа, то, надо полагать, корни эти были больны. Или по крайней мере нравственность была в таком состоянии (ведь любой народ в конце концов можно довести до свинства), что всем и поголовно надо было самоочищаться».

Так что же хуже для русского народа: «теория» гроссмановского тысячелетнего рабства или ананьевское «всеобщее и поголовное освинячивание» и перспектива «быть задницей Европы»? А каково мнение на этот счет «Главных Интеллигентов страны», то бишь авторов приведенного выше группового письма? Ведь пропагандируя антирусские идеи публикаций «Октября», Ананьев и его приверженцы одновременно защищают идеи того же главного редактора журнала, поскольку те и другие совпадают в своих существенных моментах. Скажем, о славянофилах написано Ананьевым до неприличия неграмотно и цинично, так что сам Янов может позавидовать ему. Далеко ему до ананьевского «афоризма» о славянофильстве: «Оно — как сосуд с ядом: за внешней привлекательностью и красивой оболочкой таятся страдания и смерть».

Вслед за А. Гроссманом (правда, в довольно примитивной форме) Ананьев твердит о рабской сущности русских, их исторической подозрительности и духовной пассивности, а сверх того (опять же русских, но уже наших современников!) объявляет, «что народ потерял нравственность, развратился», что ему присуща «национальная амбициозность», что мы переживаем общее истощение и упадок духа и т. д. и т. п. Боже, как этих русских еще земля на себе держит! Правду сказать, подобные пассажи редко встретишь даже на нынешнем нашем бойком публицистическом рынке. «...на протяжении более полутора столетий, — рассуждает герой-повествователь романа «Скрижали и колокола», — мы только и делаем, чтобы возбудить в русских людях (и имею в виду, разумеется, славянофильство) ненависть (!) ко всему европейскому, а теперь уже и заокеанскому: и к политике, и к экономике, и особенно к культуре, которая, мы уже не можем представить себе, чтобы не опустошала и не развращала людей, хотя, к слову сказать (а в дальнейшем попытаемся поговорить и основательнее), не с тайной ли завистью, не с мучительной ли

болью смотрим мы на обилие товаров и яств на загнивающем Западе, смотрим и удивляемся уровню (!) их нравственности, вытекающей из уровня и стабильности жизни?» Ах, эти русские! Они «всегда полны подозрительности, непонимания и глухоты».

И еще один пассаж, характерный для ананьевского сочинительца: «...давайте посмотрим на дело с предельной реалистичностью и скажем себе, что для нас важнее — национальная ли (и довольно сомнительная) амбициозность и аскетическое, с куском хлеба, квасом и луком существование, или та, в достатке и с крепкими семьями (и нравственностью в них), жизнь, о которой пока что дано только мечтать, наблюдая ее у других народов и государств?»

Нет, это не капризы игривого воображения — это мировоззрение.

И автор должен благодарить бога за то, что его мало кто читает. Иначе все нелестные читательские эпитеты, предназначенные клеветникам России, выпали бы на его долю... И поделом!

Невеселые думы роятся в голове при встрече с подобными сочинителями. Кто за всем этим стоит? Кому это выгодно? Почему мы позволяем унижать нашу историю, нашу честь и достоинство? Что с нами происходит?

А чем объяснить засилье посредственностей в литературе? Современный беллетрист, порхающий по поверхности жизни, — это же пигмей на котурнах, мнящий себя великаном. Он нападает на мелочи жизни и беспощадно преследует их: тщеславие дворников, самонадеянность дураков и честолюбие болванов. Словом, он унижает то, что низко, умаляет то, что мало, повергает на землю то, что уже корчится во прахе, — и все это делает с большим апломбом и самоуверенностью, даже не подозревая, что люди страдают, тоскуют, надеются, что есть такие понятия, как «долг», «истина», «совесть», «родина», «добро», есть высокие идеалы и надежды, без которых нет истории рода человеческого... Но что ему до этого? Его амбиции сбрасывают человеческое достоинство в омут пошлых представлений о жизни и смысле человеческого существования.

Не знаю, как литературные умники, а я после соприкосновения с подобными «шедеврами» чувствую себя скверно — как будто добровольно просидел несколько часов в темном и душном склепе. Выбравшись на свет божий, хочется скорее забыть об этом, как о дурном сне, и, глотнув свежего воздуха, вспомнить, что цель настоящего искусства — звать к высотам духа. Это свойство в равной мере характеризует и комедии Аристофана, и «Аппассионату» Бетховена, и «Фауста» Гёте, и «Войну и мир» Льва Толстого, и «Тихий Дон» Шолохова. Именно благодаря искусству мы познаем внутреннюю логику бытия, ощущаем свою причастность к поступкам, мыслям, страданиям и надеждам не только наших современников, но и тех, кто жил тысячелетия тому назад. И становимся добрее, терпимее и благороднее...

Немного оттаяв душой, снова погрузимся в день нынешний. Дело не в одном субъекте, но и в объективной реальности. Нельзя это не учитывать. Наше общество, по сути, раскололось на тех, кто, отстаивая наш духовный и нравственный опыт, борется за разумный переход на новые рельсы социальных преобразований (укрепление дисциплины, повышение производительности

труда, бережное отношение к революционным страницам истории, усиление правопорядка, рост экономического потенциала и т. д.); и тех, кто противится подобным мерам, видя в таком подходе крушение своих иллюзий, крах своих далеко идущих политических притязаний, — им нужен сиюминутный эффект, незамедлительные решительные меры, отвечающие их экстремистским устремлениям. Однако в клокочущем обществе есть мощная сила — это рабочий класс и колхозное крестьянство, которые пока держатся в стороне от противостоящих друг другу названных выше сторон. В конце концов они будут вынуждены занять свое место в социальной жизни — и от этого будет зависеть многое, если не все.

...И ШАЛОСТИ «ПРОРАБОВ ПЕРЕСТРОЙКИ»

Нельзя составить верное представление о тех или иных общественных процессах без четкого понятия о личных качествах участников этих процессов. О достоинствах человека судят не по тому, что он о себе мнит, а по делам его. А как поступают иные литераторы? Тот же главный редактор «Октября»? Шаткость воззрений, неискренность и несдержанность в высшей степени присущи ему. Он любит взбивать эмоциональную пену там, где уместен серьезный подход, нередко впадает в истерично-оскорбительный тон и скор на политические обвинения. Не будем далеко ходить за примерами, а возьмем его письмо в «Литературную Россию», о котором уже упоминалось выше. В первом же абзаце показал он свой «характер». Читаем: в «...обвинительном письме тройки (прошу извинить, что употребляю это понятие «тройка», напоминающее об известных судилищах, но письмо действительно-таки подписано тройкой, да и по тону и характеру обвинения весьма симптоматично)...» Подобных примеров размашистых политических характеристик у него много. А ведь напиши кто-нибудь подобное о нем — какой поднимется шум (как это демонстрируется сегодня!), и будет учинен гвалт на всю Москву, да что там Москву — на весь Советский Союз. И, видимо, в связи с этим еще долго будут идти жалобы (личные, коллективные, от имени и по поручению) — в общественные организации, Председателю Верховного Совета, в ЦК КПСС...

Меж тем Ананьев продолжает сыпать удары, наносить обиды, угрожать. «Сочинители обвинения» — это он кажет пальчиком из «Книжного обозрения». (Замечу в скобках, что среди «этих» «сочинителей» — ученый с мировым именем.) А со страниц «Лит. газеты» (13 сент. 1989 г.) он обвиняет оппонентов в том, что они якобы стремятся «втянуть журнал «Октябрь» в групповые распри, разжигая недоверие и вражду», подбрасывают «жареные факты». В 34-м номере «Недели» наш «правдолюбец» вошел в такой, простите, раж, так рассвирепел, что это начало смахивать на непристойную кухонную свару. В буйстве своем забыл, что времена-то нынче совсем другие: «Похоже, эти «патриоты» пытаются возродить так называемые «черные списки» писателей...», — витийствует он, размахивая кулачком. — «Вся эта история — очередная подтасовка» ... «грозное письмо за тремя подписями вызвало в памяти незабвенные «тройки» сталинского времени...» и т. д. и т. п. Дались ему эти «тройки» и «черные списки». Ну были, да сплыли, шут с ними. Сам-то небось не безгрешен.

Каюсь, одно время занимал меня вопрос: откуда, отчего это

у нашего героя такая, прошу прощения, внутренняя жестокость при горячей руке его, да и стиль какой-то вроде обвинительный. Тут как бы одних писательских дарований маловато, нужен какой-то другой опыт, чтоб, значит, уметь безжалостно — кого, как и когда это самое... Чтобы не утомлять читателя, приведу только один факт.

Сегодня Ананьев иначе не называет Александра Солженицына, как «выдающийся наш современник». И не дай бог усомниться в этом кому-нибудь на мгновение ока, а пуще всех «патриотам» из неугодных ему изданий! Нет, зная крутой нрав «благородного защитника» Александра Исаевича, не позавидуешь этим бедолагам... Всегда ли, однако, столь ревносто оберегал он доброе имя писателя Солженицына? Но лучше, если ответит на вопрос он своими устами. А мы послушаем.

Итак, 1974 год. «Литературная газета» от 30 января и презрительные и высокомерные слова тогда еще молодого, полного сил, кипучей энергии и радужных надежд беллетриста. На горизонте соблазнительно блистало, сверкало, словом, маячило «прекрасное будущее». Его, Ананьева, будущее, которое действительно вскоре наступило и продолжается до сегодняшнего дня.

Но тогда это светлое будущее надо было завоевывать, приближать. И он денно и нощно, как мог, приближал и завоевывал... благосклонность так жгуче презираемой им ныне «брежневско-сусловской» системы. И появилась в означенной выше газете статья, пышущая гневом, презрением и высокомерием (близкая по духу, стилю и решительным выражениям сегодняшним). А озаглавлена она так: «Расстленная душонка». Это Солженицын, значит.

Чувствуя полную безнаказанность и радостно предвкушая сладкую жизнь (о, наш обличитель отступничества надолго ее, как говорят в Одессе, заимел!), он беспощадно бил писателя в самое сердце, «...кто он, помнит ли, на какой земле родился, во имя чего извергает хулу на все, что его окружает?» — звенел, как натянутая тетива, голос сегодняшнего праведника и «прораба перестройки»... Так защищал Ананьев «брежневско-сусловский» режим от писателя Солженицына. Тогда Александр Исаевич был для него «растленной душонкой», а сейчас «выдающийся наш современник»; в те годы он хулитель всего, «что его окружает», «литературный власовец», а ныне — «его надо публиковать целиком... все, что создал...».

Шалун, право, этот Ананьев!

Однако типичный для своей среды, поэтому и уверен, что любые шалости сойдут с рук усилиями спаянной когорты единомышленников. Иные шалости сочтут невинными, другие предадут забвению, за третьи же, будучи пойманным с поличным, можно покаяться — простят! Как недавно: «Я приношу глубочайшие извинения Андрею Дмитриевичу Сахарову и Александру Исаевичу Солженицыну» («ЛГ», 13 сент. 1989 г.). И все кончилось наилучшим образом, а Сахаров с удовольствием подписал письмо в защиту Ананьева. Несмотря на то, что эти «глубочайшие извинения» последовали после изобличения в двурушничестве. Но, как говорится, свои люди — сочтутся.

И все-таки не угнаться ему за шалостями «хорошего парня» (Л. Брежнев) Евг. Евтушенко. Он, как бы это покорректнее сказать, изворотливее, что ли. Само собой, и воображение не в пример ананьевскому. И вообще, кто из современных популярнейших может изобразить хотя бы такое: «Будущий автор «Наследников Сталина» в ранней юности совершенно искренне (как был «совершенно искренне» в ладу с последующими властелинами. — Н. Ф.) писал стихи, восхваляющие Сталина... Если бы Сталин не умер и н пришел бы к антисталинскому мышлению, то конец мой был бы однозначен — расстрел или лагеря. Если бы я продолжал писать ему оды или в случае прихода к власти Берии стал бы лауреатом Бериевской (!) премии, то физически я бы остался жив, но как поэта меня бы не было»? Вызывать тень палача небезопасно, твердит молва. Но фанаберия сильнее страха!.. Объясняя свои политические шалости, бравый стихотворец интимно поведал всему миру: «Было ли это моим двурушничеством, хамелеонством? Нет, это было развитием личности. К счастью, мое личное развитие совпало с историческим развитием».

Современный философ назвал подобный абсурд «венерическими фантазиями». Признаться, поначалу мне показалось, что такое неожиданное сочетание слов слишком уж отдает медицинской терминологией. И только по прочтении интервью Роя Медведева в «Алтайской правде» (13 авг. 1989 г.) я понял, что философ в чем-то даже очень прав. Медведев воздает должное, как он считает, порядочности, мужеству и нравственному максимализму поэта Евтушенко, а заодно прозаику Г. Бакланову вкупе с бывшим партийным функционером А. Беляевым. Ибо каждый из них якобы страшно, по тайно, в глубинах души своей, ненавидел и презирал застойный период, однако ж купался... в лучах официального почета и славы. Вот что делало «наше проклятое прошлое» с людьми! Трагизм положения Бакланова и Евтушенко, оказывается, усугублялся еще и тем, что им приходилось (по крайней мере в общественной жизни) искусно притворяться, то есть быть, мягко говоря, неискренними, жить двойной моралью... «И Евтушенко в годы застоя не был обойден славой... И я думаю, что Евтушенко был неискренен как раз в годы застоя, а сегодня искренне хочет перемен», — увернет Медведев. Бакланов тоже не был обделен славой в условиях застоя, но был «вынужден (?) к пим приспособляться и сейчас отказывается (!) от двойной морали». Хороши же «прорабы перестройки», суть существования которых — ложь и лицемерие! Не забыть бы и третьего члена этой весьма достойной компании: «В годы застоя Беляев руководил в ЦК КПСС сектором литературы: он вроде бы (!) не боролся открыто с брежневским режимом. Но сейчас он главный редактор газеты «Советская культура», и это один из основных рупоров и двигателей перестройки в области культуры».

Рой Медведев оказался человеком весьма проницательным, если он столь верно сумел уловить затаенную неискренность, двойную мораль трех светил перестройки в сфере литературы — Евтушенко, Беляева, Бакланова. Скажи об этом кто-нибудь другой — не поверил бы. А Медведеву верю — он ведь сам из таких...

Увы, сегодня всех нас удручает отсутствие твердых убеждений у людей, которым, как говорится, на роду написано иметь оные, — у писателей, ученых, политиков. Зато есть у них сильно развитый инстинкт мимикрии да умение приспосабливаться, быть на плаву при любых колебаниях стрелок политического барометра, то есть находиться в струе текущего момента. Поэтому, изменись завтра

же теперешняя неопределеная, зыбкая ситуация (а она не может не измениться — это всем ясно, тут и там, за бугром), и тотчас побегут они — как бегали не раз встарь — с покаянными лицами и подобострастно протянутыми руками к подножию «сиятельных вершин», выпрашивая новые награды, звания и премии, каковых, кстати молвить, у них намного больше, чем у тех, кто кормит, одевает и охраняет страну.

В прошлом изрядно наследившие на паперти литературной и общественной жизни, нынешние «прорабы перестройки» в области культуры снова изворачиваются и лгут. Будучи уличенными в политическом блуде, они лицемерно хнычут: «...я, принужденный к послушанию, в унисон с другими подписывал угодные властям письма...» Полноте! Кто поверит, что эти неистовые дяди, то бишь «инженеры человеческих душ», до макушки засыпанные деньгами, орденами, премиями, должностями и прочими атрибутами «сладкой жизни», были «принуждены к послушанию»? Никто этого фарисейства не простит. Сегодня ананьевы все так же «в унисон с другими» подписывают письма, оплевывают Россию и ее духовную культуру, взамен получая официальный почет, деньги, депутатские мандаты и прочее. Кто же, извиняюсь, теперь «принуждает» их «к послушанию»? «Историк» Ю. Афанасьев? «Апрель»? Советский ПЕН-центр? Кто?

Фанаберия, цинизм и лицемерие — вот качества, делающие ананьевщину удобной для всех смутных времен. Назову вещи своими именами: за всем этим скрывается духовно-нравственное убожество и отсутствие национальной гордости. Ананьевщина — увы! — правит бал в современной литературно-художественной жизни, порождая серость, скуку, бесперспективность. И демонстрирует перед «сиятельными вершинами» тихое послушание, а на деле — рвется к власти.

Это с предельной отчетливостью проявилось в случае с «Октябрем», когда на публикацию «Литературной России» (тираж 160 тыс.) обрушился шквал яростных нападок десятка изданий тиражом более 30 миллионов экземпляров. Этот факт, кроме всего прочего, говорит о жестких условиях «безгласности» в литературе. После случившегося ни у кого не осталось сомнений, что противостояние литературных группировок достигло своего апогея. Оба направления четко сформулировали свои мировоззренческие программы. Теперь с полным правом можно утверждать — они не совпадают по всем главным идейным, общественным, эстетическим и художественным установкам. С течением времени раскол между ними катастрофически углубляется...

Лучший вид оптимизма — это трезвый взгляд на вещи.

* * *

Русская литература на перепутье. Куда устремит она свой бег: к великой и спасительной истине, вдохновляясь любовью «к родному пепелищу», как завещали титаны отечественной культуры? Или соблазнится холодным блеском общечеловеческих идей, презрев свое национальное достоинство? А может быть, дрогнет под прицельным огнем недобрых разрушительных сил?

Как бы то ни было, мы не вправе оставаться безучастными сторонними наблюдателями.

●

А. ОГНЕВ

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

В последнее время, если верить целому ряду сообщений в печати, проявила себя чрезвычайно опасная болезнь в нашей общественной жизни, требующая экстренных мер. Она заключается якобы в том, что русские превозносятся за счет других народов, принцип интернационализма третируется, все больше плодится таких людей, которые любуются всем «русским» и отвергают все чужое и особенно западное, выступают с позиций великодержавного шовинизма и оголтелого антисемитизма. В. Оскоцкий весьма сожалеет, что в журнальную публикацию «Жизни и судьбы» В. Гроссмана не вошла специальная публицистическая глава об антисемитизме, он непоколебимо убежден, что «антисемитские поветрия в пору действия романа начинали обретать в обществе все более устойчивый, корректируемый и направляемый, инспирируемый и стимулируемый характер». Ч. Гусейнов безапелляционно заявил: «Антисемитизм — он есть в нашем обществе, а мы делаем вид, что не замечаем этого позорного явления, и не разбираем причин, в силу которых оно у нас возникло».

Неужели на самом деле русские с их

всемирной отзывчивостью, с их способностью отдавать другим народам «последнюю рубашку» вдруг стали проявлять шовинистические настроения? Если такое действительно обнаружилось, то тогда следовало бы искать причины этой столь не характерной, совершенно чуждой для русских болезни. (Однако ни Ч. Гусейнов, ни В. Оскоцкий даже на истоки такой болезни не указывают.)

Достоевский считал — вслед за Чаадаевым и Белинским — всечеловечность сущностью русского народа — «общеслужение человечеству», впримирение идей и наций на основе братской любви, «даже в ущерб иногда собственным и крупным ближайшим интересам». Прошло свыше века, как были сказаны эти слова, но они остаются справедливыми и в наше время, говорят о характерных особенностях русского национального характера.

28 января 1989 года «Советская культура» опубликовала письмо А. Горшкова из города Шадринска, в котором он выражает сильнейшее беспокойство за судьбу языков малых народностей — кетов, ижорцев и др., ищет пути их возрождения: «Сам я рабочий, русский, и, наверное, кто-то скажет: что же тогда лезть тебе не в свое дело, без тебя разберутся? Но ведь время не ждет, проблема эта может в ближайшее время решиться сама собой и трагически для некоторых народов — их просто не будет. С некоторыми народностями мы уже опоздали — их или нет уже, или не будет в ближайшие годы». Право же, трудно понять нам, русским, когда депутат Верховного Совета СССР, председатель Союза художников Латвии Джемма Оттовна Скулме, услышав, что социальные проблемы накопились не только в Латвии, заявила: «А какое нам горе, что вы запустили Россию?!» Вот и такая благодарность, оказывается, может быть за постоянную помощь русских другим народам...

Русский народ сейчас в большой беде, и она — в экономическом разорении деревни, разрушении сформированного многими столетиями уклада сельской жизни, обмелении народных истоков культуры, что отразилось губительно на нравственности, привело к распространению пьянства и преступности. Разрушена вера в идеалы, как отметила М. Ганина, «в деревне убиты древние взаимосвязи, опорочены национальные песни, пляски, уничтожается язык, уничтожен традиционный быт». Русское Нечерноземье, центр русской нации, подверглось такому опустошительному разорению, какого не было, пожалуй, за всю русскую историю. Жизнь там такова, что люди уезжают в другие места, туда, где она лучше. Современное население Смоленской области составляет только 60 процентов от довоенного. Немногим лучше положение в Калининской (Тверской) области, в которой численность населения продолжает сокращаться. В полной ли мере оценили руководители нашей страны тот факт, что, как утверждают демографы, если не изменится демографическая политика в стране, если не улучшится положение с семьей, если не увеличится рождаемость, то через поколение численность русских сократится вдвое? В печати же встречаются в связи с этим слишком «спокойные» заявления: «Ну и что же? Ничего страшного в этом нет. Вот нас немного, а мы живем».

Удивительная дискриминация царит до сих пор по отношению к работникам культуры, живущим в российской периферии. Сравните: сколько денежных средств тратится на культуру в

Эстонии и сколько — в Калининской области, где нет даже своего издательства. По населению Эстония и Калининская область равны, а возможности отличаются как небо от земли. Когда писатель из одной автономной республики стал мне жаловаться на плохие издательские возможности и сказал, что у них всего лишь около сотни писателей, то я неосторожно сообщил, что у нас условия намного хуже, в области всего лишь 18 членов Союза, а населения у нас чуть ли не в два раза больше (неужели мы, русские Нечерноземья, так бездарны?). И в ответ услышал непререкаемое заключение: «Вы шовинист». Мое желание понять, в чем же суть моего шовинизма, осталось без ответа.

Русский человек щедр, помогает другим народам, нередко не считаясь с тем, что это мешает удовлетворить его собственные острые нужды. И кто, как не русские, в своей истории как бы следовали призыву Анны Ахматовой: «У своего ребенка хлеб возьми, Чтобы отдать его чужому». Но стоит задуматься над письмом П. А. Петрушина из Пятигорска: «В Карачаево-Черкесии... проживает около 400 тысяч человек, причем половина из них — русские. Другая половина — карачаевцы, черкесы, ногайцы. По данным прошлой переписи, 98,5 процента из них считает русский язык вторым родным. И практически для 5—7 тысяч человек издаются в Черкесске четыре газеты формата «Правды». Само собой разумеется, что они на дотации. За счет кого? То же самое и с радиовещанием. Ставрополь для трех миллионов человек вещает в сутки около 2,5 часа, Черкесск для аудитории значительно меньшей — почти 5 часов. А каждая минута в эфире денег стоит. Такого расточительства богатые американцы себе не позволяют. И никто по этому поводу не говорит, что таким образом ущемляются чьи бы то ни было национальные интересы. Нет, я не против газет и радио на национальных языках. Но ко всему надо подходить разумно. А у нас все делается из широкого государственного кармана». Стоит учитывать, какой народ, какая республика, какая область наполняет этот «государственный карман», каков их вклад и каковы их расходы. Станет ли такой подход в наше время нарушением справедливости?

Не очень дальновидная экономическая и культурная политика пагубно отражается и на самих малочисленных народах. Народный писатель Каракалпакии Т. Каипбергенов отметил, что «излишняя «забота» о национальных кадрах как раз и приводит к национальному бедствию», ибо она «взращивает семена национального иждивенчества».

2 марта 1989 года эвенкийский писатель А. Немтушкин писал в «Литературной России», что «пора прекратить иждивенчество».

И вот мы, русские, оказываемся виновными в том, что у многих народов есть ряд нерешенных социальных и культурных проблем. Нас обвиняют, что мы строим «свое благополучие на несчастье других», и это делается «открыто и массированно» (Распутин В. Знать себя патриотом. — «Правда», 1988, 24 июня). Выходит, мы так усиленно создавали себе привилегированное положение, что по числу лиц с высшим образованием на душу населения русские оказались даже среди народов РСФСР (то есть в собственном доме) на 16-м месте в городе и на 19-м в селе, уступив в полтора раза недавно бесписьменным бурятам, якутам!

В России пятнадцать архитекторов из ста тысяч населения, а

в Прибалтике и Грузии — «по сорок человек — преимущество их в градостроительном и архитектурном своеобразии очевидно» («Советская Россия», 1989, 19 марта). У нас «на тысячу гектаров пашни всего только один километр дорог с твердым покрытием. В Эстонии... почти десять километров» («Советская Россия», 1989, 11 марта).

На долю русского народа возложили такую огромную, ставшую сейчас непосильной обязанность помогать всему и всем, какую он уже не может тащить на себе. Его так долго и усердно утюжили и мордовали, что это порой приводит к тем самым эксцессам, какие очень встревожили и наводят панику на тех, кто привык воспринимать русский народ как послушный, неприхотливый, нетребовательный, безропотно выполняющий то, что требовали от него верхи и сидящие на теплых местах радетели бескомпромиссного интернационализма.

Доктор исторических наук С. Рогов и кандидат исторических наук В. Носенко в статье «Что сказал «А» и что сказал «Б» («Советская культура», 1989, 9 февраля) на полном серьезе заявили, что за последние 20 лет «десятки тысяч евреев отказались от советского гражданства и выехали кто куда, в том числе и в Израиль». Одной из причин, вынуждающих покидать родину, по мнению авторов этой публикации, стало то, что у евреев «возникли проблемы с получением образования и трудоустройством. <...> Ограничения, конечно, были негласные, но действовали они в основном безотказно».

С. Рогов и В. Носенко очень недовольны тем, что в 70-е годы сократилось количество студентов-евреев в вузах. Отметим: в 1970 году на 20 граждан еврейского происхождения был один студент, а «в целом же по стране в 1970 году один студент приходился на 53 человека, считая и евреев и неевреев» (Антисоветизм на службе империализма. М., 1976, с. 235). В 1971 году «один еврей — научный работник приходился на каждые 32 человека от общей численности еврейского населения в стране», а если иметь в виду все «население страны в целом, то один научный работник приходится на каждые 241 человек» (там же). Так что же произошло, когда «в 70-е годы в два раза сократилось количество евреев — студентов высших учебных заведений, уменьшилась традиционно высокая доля евреев среди специалистов» («Советская культура», 1989, 11 марта): нарушение или неизбежное, хотя пока и частичное, восстановление справедливости?

М. С. Горбачев говорил, что «еврейское население, составляя 0,69 процента от всего населения страны, представлено в ее политической и культурной жизни в масштабах не менее 10—20 процентов» («Правда», 1985, 2 октября).

Надо быть глухим и слепым, чтобы беззастенчиво кричать, как это делают некоторые авторы, о нарушении справедливости по отношению к евреям в СССР. Пусть лучше кто-нибудь нам объяснит: на каком основании евреи должны занимать привилегированное положение в нашей стране? Тем, что они талантливы, умеют отлично работать?

Действительно, люди еврейской национальности могут с полным правом гордиться многими вышедшими из их среды выдающимися политическими деятелями, учеными, писателями, артистами. Действительно, они могут и умеют хорошо работать. Горький, неоднократно критикуя русских за склонность к пассивности, безалаберности, анархичности, не раз высоко отзывался о еврейской нации. 2 июня 1918 года он писал в газете «Новая жизнь»: «Еврей почти всегда лучший работник, чем русский, на это глупо злиться, этому надо учиться... если некоторые евреи умеют занять в жизни наиболее выгодные и сытые позиции, это объясняется их умением работать». Но необходимо сознавать, что и у русских талантливых людей не меньше, чем в иных нациях, а чтобы работать лучше, русских надо поставить в равное положение со всеми другими народами страны и прежде всего дать им образование, в том числе и высшее. Русские должны занять свои места в редакциях русских журналов и газет, места в издательствах, на телевидении, в Академии наук. Этот процесс небезболезненный. Он может сопровождаться взаимными национальными обидами, но чтобы избежать их, ввести процесс в цивилизованные, достойные современного культурного человека формы, необходимо хорошо осознавать конкретную историко-общественную реальность, учитывать сильные и слабые стороны национальной психологии. Мы должны говорить правду, объяснять ее людям. Лишь тогда мы сможем избежать серьезных общественных эксцессов и сохранить, упрочить взаимопонимание как между русскими и евреями, так и между всеми народами.

Общеизвестно, что лучше всего, если борьбу против национализма, шовинизма, сионизма, антисемитизма будут вести люди прежде всего той национальности, у которой проявляются признаки этих болезней. Здесь требуется особый такт, ибо мне, русскому, говорить о недостатках другой нации крайне неудобно и даже, как свидетельствуют публичные выступления, газетные и журнальные статьи, опасно: такой разговор может усугубить, обострить непонимание, это может быть истолковано как проявление великодержавного шовинизма. Но как быть, если охотников критиковать, и, как мне представляется, чаще всего несправедливо, русский народ находится сейчас довольно много, на него пытаются взвалить все беды, случившиеся с нашей страной за 70 лет существования Советской власти, а вот нет, или почти нет тех, кто критиковал бы, как это сделал украинский писатель Б. Олейник 25 ноября 1988 года в «Правде», «своих соплеменников за националистические грехи». Академик АН Латвийской ССР В. Штейнберг заметил: «У нас в Латвии в печати такое встречается столь же редко, как в природе альбиносы» («Советская культура», 1989, 2 февраля).

Сейчас все большую актуальность приобретает проблема критического отношения к своей нации. В 1896 году М. Горький отмечал привычку «русского человека ругать себя на все корки». Еще раньше Чехов посчитал «неопределенное чувство вины» типично русским чувством. Острая национальная самокритика очень характерна для многих выступлений М. Горького, для статей и произведений А. Твардовского, В. Шукшина, Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина и ряда других русских писателей. Это является отражением глубинных черт русского национального характера.

С этим качеством следует соотнести и связать общеизвестную особенность нашего народа, заключающуюся в том, что «восхвалением самих себя по-настоящему русские никогда не «хворали» (Д. Лихачев). Конечно, в скромности заключается моральная сила и чистота русского народа, но вместе с тем следует признать

справедливой мысль о том, что эта скромность переходила порой все границы. И не с этим ли связано то, что русские нередко с преувеличенным восторгом относятся ко всему иностранному и недооценивают то, что создается на нашей национальной почве? И не потому ли это так, что на Руси столетиями насильно внедрялось чрезмерное предпочтение чужестранного?

Автобиографический герой в рассказе В. Астафьева «Ловля пескарей в Грузии» (1986) встретился с неуважительным отношением к себе и посчитал нескромным давать отпор, реагировал на это чисто по-русски: «...я, как и всякий русский человек, упорно надеющийся пронять современное общество покладистостью характера, смирением неприхотливого нрава, окончательно решил больше не утруждать собою Дома́ творчества». Вот так: нахамили тебе, беззаконно обошлись, а ты протестуешь только тем, что больше не используешь свои законные права.

В феврале 1900 года Горький писал А. П. Чехову: «Это ужасно трагично, что все русские люди ценят себя ниже действительной стоимости. Вы тоже, кажется, очень повинны в этом». Такое суждение он неоднократно высказывал в последующие годы.

Как мне кажется, некоторая часть евреев ведет себя несколько по-иному. В марте 1907 года Анна Ахматова написала С. В. Штейну: «Напишите, какого у вас в кружке мнения об Давиде Айзмане. Его сравнивают с Шекспиром, и это меня смущает. Неужели будем мы современниками гения». Жизнь показала, что было явно преувеличенным восторженное мнение о новом гении. Д. Айзман в действительности оказался третьестепенным писателем. Но не секрет: и в наше время эффектная реклама создается подобным «величайшим» гениям писателям и в то же время целенаправленно снижают, допустим, значение и ценность русской «почвеннической», как ее иронично называют, поэзии.

Недостаточность национальной самокритики, более развитая активность, хорошо организованная взаимовыручка, великолепное умение показать товар лицом, способность перехватить «своих», организовать им рекламу, все это помогает определенному слою евреев в борьбе за верховенство в различных сферах культуры. А если бы посмотреть, сколько среди работников киноискусства семейных кланов, каков их национальный состав? Если это обнародовать, какая занимательная картина обнаружилась бы! Немногим, как Шукшину, удалось прорваться к этому неприступному Олимпу. Но зато сколько бездарностей, весьма близких к арбатским детям, пристроилось там, используя родственные и национальные связи. Не в этом ли одна из причин того очень неприглядного явления, о котором писал в «Советской России» 3 августа 1988 года кинорежиссер В. Трегубович: «Мы... «залезаем» в карман народа, государства, тогда как кино во всем мире дает доход и пользуется дотацией только в малых странах. У нас же 200 с лишним миллионов потенциальных зрителей — и... убыточное кино! Из 150 художественных картин, выпускаемых в год, примерно 110—120 — «никакие».

Конечно, с антисемитизмом, где бы то ни было и в какой бы форме это ни проявлялось, надо вести решительную борьбу, но вести ее надо честно и открыто, не оскорбляя русских писателей, русских людей, не приписывая им антисемитизм в тех случаях, в каких нет и намека на него, и не разжигая тем самым недобрые чувства по отношению к евреям. Как-то неловко становится за писателя Д. Грапина, который пишет 21 июня 1988 года в «Советской культуре»: «А этот бойкий молодой критик делает себе карьеру при махрово-черносотенном журнальчике; подтасовывает факты, чтобы обелить проработчиков Твардовского». Такие оскорбительные, бездоказательные заявления не способствуют улучшению национальных отношений в стране.

Странные завихрения создаются в печати вокруг общества «Память», в которой якобы одни фашисты. Ни с кем из ее членов я не встречался, не был ни на одном ее собрании, не читал ее манифестов, но замечаю: чем больше поносят ее, тем больше появляется случаев явно некорректной полемики с нею, откровенных фальсификаций, где доказательства подменяются озлоблением. Создается впечатление, что кому-то очень хочется раздуть имевшиеся, наверное, в самой жизни экстремистские выходки со стороны отдельных людей (нет ли среди них таких провокаторов, как пресловутый Норинский?) и представить такие факты как свидетельства широкого распространения антисемитизма среди русского народа.

В последние годы начинает просыпаться русское национальное сознание, и, видимо, это «способствовало» тому, что со страниц печати стали обвинять русских — все настойчивее и истеричнее — в шовинизме и антисемитизме. Н. Анастасьев узрел в статье М. Лобанова, напечатанной в четвертом номере «Нашего современника» за 1988 год, упор «на национальную исключительность», и его весьма беспокоит, что «эта позиция нашла сторонников в широких слоях общества», и в этом он видит «самую серьезную угрозу духовной перестройке общества». То, что Н. Анастасьев понимает под «национальной исключительностью», представляет собой заботу о русской литературе, о ее национальных истоках, и в этом надо видеть не угрозу перестройке, а мощный стимул революционного преобразования нашего общества, восстановление истинно нравственных ценностей, настоящую заботу о духовном хлебе нашего народа.

Грубую брань вместо критики использовал М. Золотоносов в статье «Вышел критик из тумана... К вопросу о том, как мы спорим о культуре» («Литературное обозрение», 1988, № 11). Не утруждая себя доказательствами, он определил, что М. Любомудров по национальному вопросу «занял позицию, близкую к экстремистам из общества «Память», что у него «пустая голова», «антиисторизм соперничает с безнравственностью».

Газета «Советская культура» 16 апреля 1988 года сообщила, что ленинградская организация СТД РСФСР приняла решение избавиться от М. Любомудрова как члена этого союза. Что же ему инкриминируется? Ни больше ни меньше, как шовинистические идеи: «Он все время намекает на засилье в русском советском театре чуждых ему художников нерусской национальности», бездоказательно-де обвиняет в создании «некой касты, которая якобы преследует цель разрушения русской культуры». Но когда в наше время революционной перестройки прибегают к откровенно административным мерам — снять с работы, исключить, — когда не могут без фальсификации, без наклеивания ярлыков доказать правоту своих далеко идущих обвинений, когда во что бы то ни стало хотят заткнуть рот тем, кто пытается критиковать неприкасаемых деятелей театра, то, право же, все это может приводить к мысли о существовании «некой касты», которая хо-

рошо организована и которой чужды демократические формы поведения. Вместе с тем следует подчеркнуть, что Секретариат СТД РСФСР оставил М. Любомудрова членом союза, фактически признав, что грубые политические обвинения в его адрес лишены реального смысла.

4 июня 1988 года в «Советской культуре» М. Ульянов опубликовал статью «Во имя истины», в которой, на словах ратуя за терпимость, культурную отзывчивость, обрушил на М. Любомудрова, обратившегося в газету с письмом, оскорбительные выпады и заменил ими необходимые доказательства: ему важен-де скандал, а не истина, «он жаждет геростратовых лавров», «этими лаврами он украсился с головы до ног», «его имя среди театральных людей давно стало одиозным и нарицательным». Вот такую низкую культуру полемики демонстрирует сам председатель правления СТД РСФСР! Но смею надеяться, что, возможно, он отойдет от такой манеры вести дискуссию, ведь на встрече в ЦК КПСС с деятелями науки и культуры 6 января 1989 года он говорил, что его потрясла «озлобленность, с которой борются люди с другими точками зрения».

Доказывая суждения о «геростратовом подвиге» Любомудрова, М. Ульянов приводит факт публикации им на страницах «Книжного обозрения» высказывания К. С. Станиславского, который всматривался в «корни опасной болезни», заключающейся в том, что в Москве «большинство театров и их деятелей — не русские люди, не имеющие в душе зерен русской культуры». Конечно, можно спорить, стоило ли публиковать эту запись, а затем при рассмотрении творческого наследия Станиславского предупреждать, что многие его мысли «и сегодня звучат остросовременно». Тонкий, деликатный вопрос затронут здесь, и его не решить только тем, что сделаем вид, будто его вообще не существует.

Сейчас в искусстве идет довольно заметное разрушение народного идеала семьи. Народная нравственность дискредитируется по многим направлениям, происходит развращение и отрыв молодого поколения от национальных святынь. В киноискусстве, театре, живописи и литературе разрушаются русские национальные традиции, шельмуется верность отчей земле, семье, издеваются над совестью, скромностью, целомудренностью и стыдливостью, воспитывается презрительное отношение к русской музыке и русскому танцу, все большее распространение получает порнография. Американский преступник Банди перед казнью сказал: «А порнография может добраться до каждого ребенка, вырвать его из семьи. Она вытащила меня 20—30 лет назад, и, как бы мои родители ни были преданы мне, как бы ни оберегали, нет защиты от подобного влияния в обществе, которое терпит это. <...> я провел немало лет в тюрьме и встречал людей, как и я, совершивших насилие. И все без исключения они были захвачены порнографией, все без исключения находились под ее влиянием» («Советская культура», 1989, 11 февраля).

Можно хорошо понять читателей, требующих «вырезать порнографические эпизоды из фильмов «Маленькая Вера» и «Меня зовут Арлекино». С. Селиванова из Тамбовской области предсказывает: «Я уверена, пройдут годы, и все схватятся за голову. Разве в западных странах улучшилась нравственность после того, как там все разрешили?»

Недавно В. Распутин напомнил, что в 20-е годы «патриотизм

как сознание народа заклеймен и втоптан в грязь». «Слово «патриот» считалось чуть ли не синонимом слова «белогвардеец», слово «память» ассоциировалось с дикостью и невежеством. Но когда встал вопрос, быть или не быть стране, когда потребовалось спасать ее от фашизма, за ним, обруганным, пошли и поклонились. Другого выхода не было». Творческое начало отмечает в патриотизме Д. С. Лихачев и заключает: «Патриотизм — это благороднейшее из чувств. Это даже не чувство — это величайшая сторона и личной, и общественной культуры духа, когда человек и весь народ как бы поднимаются над самими собой, ставят себе сверхличные цели».

Патриотизм, корневое начало, народ, родина, Россия — к этим важнейшим понятиям стягиваются многие нити художественных исканий современных писателей.

В рассказе В. Тендрякова «Охота» («Знамя», 1988, № 8) писатель Юлий Маркович Искин не может смириться с популярностью Есенина, поэта «почвеннической» закваски. Самое же тяжелое и самое унизительное то, что «стихи и романы русских классиков, революционные лозунги, культура и политика, собственная совесть и государство — все изо дня в день, из года в год требовало от Юлия Марковича преклонения перед народом», «перед теми, кто пашет и стоит у станков, лишен образованности, но зато сохранил первозданную цельность». И как пережить, если «в последнее время слово «народ» получило новый заряд святости в сочетании со словом «русский». Никуда не денешься, приходится признать, что такие, как Клавдия, которая вынесла на своих плечах многолетний изнуряющий труд в деревне, откуда она в конце концов уехала в город, спасаясь от голодной смерти, многое, если не все, сделала, чтобы остановить врага во время войны, и Юлий Маркович в припадке благодарности говорит ей: «Не господу слава, а тебе, Клавдия. Таким, как ты, которые кору жрали, а хлебом кормили и фронт, и тыл, и нас, захребетников-интеллигентов. Выносливости твоей слава, простая русская баба. Спасибо, что сама выжила и миру жизнь вернула...» Бедный Юлий Маркович, который «не ел лепешек из толченой коры, не мерз в окопах... не мог сказать сейчас русской бабе Клавдии: «Нас с тобой побратала жизнь». Честная простая Клавдия с ее бездонным терпением «олицетворяла русский народ», а недавно Сталин заявил, что он «наиболее выдающийся... руководящий народ». Хорошо, что Клавдия, «не испорченная самомнением, по простоте своей неиспорченной души не подозревала о собственном величии». Но вот ее дочь Раиса, с «каменно тупыми скулами», совсем иная. Очень расчетливая, цепкая, без всяких нравственных устоев, она на лесозаготовках стала любовницей «выгодного» женатого человека, около которого кормилась, а потом, используя милосердное чувство Юлия Марковича и его жены, перебралась в Москву и приютилась в его квартире. И вот эта самая Раиса написала гнуснейшую анонимку на сердобольного Юлия Марковича: он-де «принимает у себя дома подозрительных людей, которые ему жалуются на Советскую власть. ...снабжает их деньгами на тайные цели. ...в разговорах хвалит русскую нацию, а как на деле, то ненавидит. Простую русскую женщину, которую он у себя держит в прислугах, выпихнул на кухню, а сам живет в двух комнатах...»

Как проистекает из рассказов, облава на космополитов, развер-

нувшаяся по всей стране, началась сверху, но взрастившие ее корни, оказывается, чуть ли не в крови у русских, особенно деревенских. Пусть Раиса «наглядно русской... не казалась», но она же порождена исконной деревянной Русью. Лицемерная, наглая, циничная, она даже не пошевелилась, когда гонимый, затравленный Юлий Маркович не требовал, а просил ее уйти из его квартиры. Эта туповатая деревенская женщина, у которой нет ни ума, ни таланта, ни красоты, выжила совестливого писателя из собственной квартиры. Но ведь есть еще мать ее, Клавдия, которую он мысленно возвышал за то, что она русская. Но и она в глубине души считает, что он «не тот, кто способен оценить все русское». В ее светлых, бесхитростных глазах он заметил «обжигающую неприязнь», циничную по своей сокровенной сути укоризну: «...ты же сам мне все время только и втолковывал, что вы-де, русские, ...не чета нам всем, миром кланяться нам должны». А тут еще грузин Сталин, «великодержавный шовинист», после победы над Германией поднял тост за здоровье русского народа, объявил его «наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза», и неосмотрительно посчитал, что у русских «имеется ясный ум, стойкий характер и... терпение».

Но самое главное-то в другом: русские-де, повально заражены антисемитизмом. В рассказе известный поэт М. Светлов пускает в ход остроту: «Я, право, понимаю русских — почему не любят евреев, но не могу понять — почему они любят негров». Получается, Светлов не понимал всечеловечности русской души и считал истиной то, что русские «не любят евреев», и даже понимал, почему. Однако сам автор Тендряков «любил далеких евреев наряду с неграми», позднее он «столкнулся с ними и немного разочаровался — слишком уж обычны...». Но такое отношение к евреям у В. Тендрякова — исключение... Обратите внимание на другого героя, на коренного москвича Васю Малова, студента Литинститута, участника войны с пробитой осколком головой, который стал грозой евреев, биологически их ненавидел, помешался на борьбе с безродными космополитами.

Национальная самокритика в этом странном произведении переходит в клевету на русский народ. Прочитав рассказ, думаешь: Тендряков ли его написал? Во всяком случае, он сам знал, что этот рассказ еще не завершен, идеологически не выверен, что публиковать его еще нельзя без существенной доработки, в такой редакции он может послужить тем кругам, которые заинтересованы в разжигании антисемитских настроений.

В конце рассказа приводится как реальный якобы документ заявление доктора философских наук, профессора МГУ И. С. Нарского, в котором тот изо всех сил доказывает, что он не является в действительности «польским евреем», он-де чистокровный русский. Какой страшно эффектный документ, свидетельствующий об ужасном распространении антисемитизма в нашей стране! Впрочем, был ли он на самом деле? Не подброшен ли специально этот документ? Давайте вспомним: ведь недавно в Ленинграде судили А. Норинского... Фамилии похожи... И нет ли здесь похожего в использовании приема — публикации заявлений провокационного характера от имени русских людей? И печатаются они в том самом «Знамени», которое распространило клеветническую анонимку и не сочло нужным извиниться перед своими

читателями за то, что оно ввело их в заблуждение. На встрече с калининскими писателями член редколлегии «Знамени» Ю. С. Апенченко, отвечая на мой протестующий вопрос, сказал, что работники журнала не чувствуют за собой никакой вины, ни перед кем извиняться не намерены, что они в общем-то знали, что им прислали фальшивку, но они решили ее опубликовать, чтобы найти анонимщика. Здесь остается только развести руками...

Ст. Рассадин в «Московских новостях» требует создать новый Гимн Советского Союза, потому что в нынешнем есть неприемлемые для него, Рассадина, слова: «Сплотила навеки великая Русь». Объясняя появление одного из стихотворений Д. Алтаузена, где он говорил о своем желании разрушить памятник Минину и Пожарскому, отрицая историческую значимость их подвига, А. Макаров напоминает о богохульных стихах С. Есенина, о том, что «само понятие патриотизма было сильно подмочено». Но кто же изо всех сил старался (и в наше время старается) подмочить идею патриотизма? Никто не найдет в творчестве Есенина антипатриотических мотивов. Главной бедой ряда своих собратьев по поэзии он считал то, что у них «нет чувства Родины».

Все творчество Есенина пронизано благоговейным отношением к России, своей милой родине, и гонители русской культуры, не простив ему этого, яростно преследовали его поэзию, издевательски называли его кулацким бардом, всячески стремились не допустить ее к широкому читателю, ошельмовать ее в его глазах. Сколько времени его не издавали, не изучали, запрещали упоминать в школах! Столь же ревностно преследовали и других поэтов — Н. Клюева, С. Клычкова, П. Васильева. На VI съезде Советов СССР А. Безыменский объявил «стихотворными мертвецами» «кулацких поэтов типа Клюева и Клычкова» и разглагольствовал в победном раже: «Товарищи, кулацкая Расеюшка-Русь не скоро сдастся, ибо успехи наши, успехи Союза ССР будут измеряться степенью ликвидации образа того врага, которого заключает в себе понятие «Расеюшка-Русь».

«Расеюшка-Русь» повторяю я снова,
Чтоб слова такого не вымолвить ввек.
«Расеюшка-Русь» — растреклятое слово
Трехполья, болот и мертвеющих рек.

Но прошло не так уж много времени, и Отечественная война воочию показала ретивым похоронщикам «Руси», что без нее-то многим народам невозможно было избежать гибели или рабства. Тогда стало особенно ясно, что нельзя громить врага, не опираясь на славные традиции русской армии, на то лучшее, что есть в русском национальном характере. И. Эренбург утверждал: «Русский народ — первый в нашей семье, потому что он первый на переднем крае свободы». Ольга Берггольц клялась: «Мы победим, клянусь тебе, Россия, От имени российских матерей». П. Коган восклицал: «Я патриот. Я воздух русский, Я землю русскую люблю».

Когда в годины войны стремительная угроза стала очевидной, отчетливо осязаемой для всех народов СССР, тогда уходило в сторону все наносное и эгоистическое, тогда сама трагическая атмосфера жизни заставляла вспомнить с благоговением и надеждой о русском народе, о его истории. Слова надежды, связанные

с выдающейся ролью России, появились в статьях многих публицистов (отнюдь не только русских) до выступлений И. Сталина.

Американский советолог Абрам Ярмолинский высмеивал прославление подвигов Александра Невского, Дмитрия Донского, Михаила Кутузова, Александра Суворова, Козьмы Минина, Дмитрия Пожарского, со злорадной издевкой писал об орденах А. Невского, Суворова и Кутузова. Он увидел в этом слабую сторону нашей общественной системы: народ пришлось призывать сражаться не за плоды социалистической революции, а за отчую землю. Следует заметить, что насильственная коллективизация, репрессии, голод 1932—1933 годов снизили у немалого количества людей веру в справедливость нового общественного мироустройства в нашей стране.

Чудовищные издержки «классовой борьбы» подрывали жизнеспособность нации, ее возможность сокрушить захватчика, и потому в годы войны крайне необходвмым стало национальное единство, а это требовало отбросить в сторону междоусобицу, все то, что разъединяло людей по классовому признаку.

Сейчас об Отечественной войне подчас читаешь такое, что только диву даешься. Воспоминания Н. Берберовой напечатаны сразу в журналах «Октябрь» и «Вопросы литературы». Никак не пойму, зачем нужно было публиковать их одновременно в двух журналах? Не пойму, зачем без всяких комментариев печатается этакое: «...в первые месяцы советско-германской войны сотни советских бойцов без боя перешли к немцам... в один и тот же день были сданы Севастополь и Кронштадт».

Наше время явственно обнажило и сильные и слабые стороны нынешней литературной жизни. Уже не раз справедливо писали о низкой культуре дискуссий. Поражает то, как легко некоторые литераторы используют ярлыки и оскорбления, не подтверждая свои обвинения никакими доказательствами. Чего стоят такие заявления В. Коротича в интервью Би-би-си (радиопередачи 6—7 марта 1989 года): «В «Нашем современнике» печатаются мракобесные критики... Алексеев, Проскурин уничтожали Твардовского, стирали с лица земли всех себе неугодных».

11 марта 1989 года Е. Евтушенко в «Советской культуре» обратил внимание на слова из моей статьи, опубликованной в восьмом номере «Молодой гвардии» за 1988 год: «...пусть скажут, когда творчество Мандельштама играло значительную роль в литературном процессе? Когда оно доходило до широкой массы народа, отражало его глубинные интересы и чаяния?» Как поступит истинный высоконравственный интеллигент, если он решительно не согласен с высказанной здесь мыслью? Он должен предположить, что у каждого есть право на свое собственное мнение, на свою оценку любого писателя, на критическое отношение даже к такому автору, которого ты то ли безумно любишь, безмерно восхваляя его, то ли хочешь просто продемонстрировать перед всеми свою любовь к нему и тем самым нажить себе дополнительный нравственный капитал. Встретив показавшуюся ему неверной оценку, он бы постарался без недостойной брани опровергнуть несправедливые утверждения. Евтушенко же посчитал процитированные им слова «циническим пассажем» и заявил, что «эта риторическая фигура неождановщины безнравственна потому, что поэзия Мандельштама, замученного в

лагерях, была долгое время запрещена и физически не могла «доходить до широкой массы народа». Выходит, Евтушенко в общем-то вынужден согласиться с тем, что поэзия Мандельштама никогда не играла значительной роли в литературе, не доходила до широкой массы народа, не отражала его глубинные интересы и чаяния. Возразить по существу ему нечего, и он пустил в ход ярлыки.

А как же быть с тем, что поэзия Мандельштама была действительно запрещена какое-то время и, как подчеркивает Евтушенко, просто не могла дойти до широкой народной массы? Но вспомним поэзию Есенина, которую тоже запрещали и не издавали, но она была жива в народной памяти, его песни пели, его стихи переписывали от руки, учили наизусть, они согревали солдатские сердца на фронте — это я могу сказать как участник войны. А вот о Мандельштаме ни я, ни мои товарищи по окопам ничего не слышали. И если Мандельштам так и остался поэтом лишь для избранной публики, а не для широкого читателя, какими, например, стали истинно народные писатели М. Исаковский и А. Твардовский, то в этом вина не зловредных критиков. Чтобы осмыслить суть этого явления, надо, как говорится, зрить в корень, попытаться лучше понять особенности идейно-эстетической системы поэта и художественного восприятия народа.

Неприкрытое озлобление против инакомыслящих, ярлыки вместо доказательств, непонимание того, что у других людей могут быть иные ценностные идеалы, связанные с исконно русской национальной традицией, — вот чем характерна разнузданная агрессивность Евтушенко.

1 марта 1989 года «Литературная газета» сообщила, что на Пастернаковских чтениях выступил А. Кушнер и заявил, что для него и людей его поколения любовь к поэзии Пастернака «была не просто свидетельством порядочности. Человек, не способный ощутить прелесть его стихов, становился чуждым духовно».

Мне кажется, что Пастернак — большой русский поэт, заслуживающий самого искреннего нашего уважения, — сам бы в силу своей честности и нравственной щепетильности осудил бы неумеренные восторги его творчеством, настойчивые попытки поставить его выше всех поэтов XX века. На Пастернаковских чтениях А. Вознесенский объявил, что духовной альтернативой Сталину был Пастернак. Е. Евтушенко недавно написал: «Пастернак, воспевающий подвиг «незамеченности», стал в мире, пожалуй, самым знаменитым русским поэтом XX века, превзойдя этим даже Маяковского». Роман «Доктор Живаго» показался ему «слишком традиционным и даже скучным», в нем «слаб эпилог, автор слишком наивно организует встречи своих героев», но все равно он «представляет собой этапное явление для истории русской и мировой литературы», это «роман самый значительный в XX веке». Вот так! Не больше и не меньше... «Тихий Дон» теперь не в счет. Приведем еще одно высказывание: «Умер Б. Пастернак. И сразу стало ясно, что от нас ушел гениальный художник, последний поэт современности». А мне кажется, что большим поэтом был М. Исаковский и великим — А. Твардовский, которых, кстати сказать, высоко ценил Б. Пастернак.

Сейчас ведется массированное наступление против истинно народных основ нашей поэзии, против авторов, вышедших из крестьянской среды, так или иначе мешающих распространению

авангардистских течений. Симптоматично высказывание Ю. Архипова: «Твардовский, при всех его громадных, выдающихся заслугах перед нашей литературой, все же заметно подмял, подчинил своему вкусу целый пласт литературы, направив ее в русло сермяжной простоватости» («Вопросы литературы», 1988, № 11, с. 85), ему недоступно-де было судить о таких поэтах, как Н. Заболоцкий, которого он распекал при случае.

С. Аверинцев в «Юности» и «Книжном обозрении» без всякого смущения обронил как само собою разумеющееся, не требующее никаких доказательств: «Исаковский или Долматовский заполняет собой колоссальную пустоту, образованную искусственным отсутствием целого ряда других лиц». И эту мысль как истину подхватывает Е. Добренко в статье «Превратности метода» («Октябрь», 1988, № 3). Но какой же надо использовать критерий в оценке художественного творчества, чтобы приравнять М. Исаковского к Е. Долматовскому? Как свидетельствует А. Кондратович, А. Твардовский считал Исаковского замечательным поэтом, протестуя против того, что крестьянский поэт «простенький, даже примитивный», он утверждал: «Исаковский тоньше и, если угодно, интеллигентнее многих интеллектуальных, философичных, насквозь городских поэтов. <...> Именно Исаковский вернул нашей поэзии песню, в общем-то утраченную русской литературой где-то еще в начале века, а скорее — еще в конце прошлого века. За одно это ему в ножки надо поклониться». Если бы Исаковский не появился в советской поэзии, то — страшно подумать — какая действительная пустота бы образовалась, насколько духовно беднее мы бы стали!

Русские и евреи жили в согласии и дружбе многие столетия, сообща преодолевали трудности, строили новое социалистическое государство, и чтобы не портились отношения между ними, нам надо стремиться лучше понять друг друга, особенности национального склада души. Когда говорят об антисемитизме, очень давних еврейских погромах, о борьбе с космополитами, о процессе над врачами, то тем, кто очень пылко возмущается этими явлениями, необходимо помнить и о тех страшных потерях русского, украинского и других народов не без активного и весьма «результативного» участия целого ряда евреев-руководителей. В годы гражданской войны Горький отмечал, что среди евреев, как и других народов, есть такие, которые могут своим поведением вызвать недобрые чувства к ним. Он писал, что Зиновьев, Володарский и некоторые другие евреи «упрямо забывают, что их бестактности и глупости служат материалом для обвинительного акта против евреев вообще» («Новая жизнь», 1918, 2 июня).

Русским надо помнить об особой национальной ранимости небольших по численности народов, об их болезненных переживаниях даже при самом малом намеке на ущемление каких-то их прав. Надо понимать особенности их национальной культуры, например, как мне представляется, большую тягу писателей и художников еврейского происхождения к авангардистским течениям в искусстве. В свою очередь, им надо учитывать, хоть немного чувствовать русскую боль, связанную с уничтожением тысяч деревень, памятников культуры, глубинных основ русского народного искусства, обостренную любовь к родной «почвеннической» стихии, нашу склонность прохладно принимать авангардистскую живопись и формалистические выверты в литературе. Им надо не считать каждую неудачу в художественном творчестве, критику в их адрес обязательной отрыжкой антисемитизма. Не надо думать, что, создавая образ Бриша в романе «Все впереди», В. Белов стремился опорочить всех евреев. Побольше бы национальной самокритики... Можно восторгаться русскими поэтами еврейского происхождения, но не надо приходить в ярость, бросаться ярлыками, оскорблять тех, кто поставит Твардовского и Исаковского выше Пастернака и Мандельштама. Для одних ближе, роднее одни писатели, для других — другие. Не стоит впадать в истерию, если чья-то оценка не понравится. Не будем считать оценки Евтушенко, Вознесенского, Рассадина, Сарнова истинами в последней инстанции, пусть они не думают, что их мнение обязательно для всех. Дайте нам право думать по-своему, в этом и проявится подлинная нравственность и настоящая интеллигентность.

Наконец следует помнить, что сионистские организации специально провоцируют антисемитские настроения, что они используют любой повод, чтобы кричать о преследовании евреев. Не надо литературную, идейно-эстетическую борьбу переводить в национальный аспект. И не надо исследователей и критиков, выступающих против сионизма, превращать в антисемистов, как это сейчас нередко делается. Нам — в крупном историческом плане — следует думать, как жить дальше.

●

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

ОБАЯНИЕ КИНОКОММЕРЦИИ?

Сергей Соловьев, автор знаменитых «Ста дней после детства», попытался сделать совершенно коммерческий, заведомо прибыльный фильм. Начав свою кинодеятельность с весьма неудачной картины «Егор Булычов и другие» по пьесе известного советского писателя, борца с духом буржуазности, Максима Горького, режиссер путем долгих проб и ошибок нашел, наконец, свое истинное призвание — коммерческий кинематограф, рассчитанный на молодого зрителя. От «Ассы» ощутимо веет «скромным обаянием буржуазии»: фильм «сделан красиво» и с таким расчетом, чтобы удовлетворить самые разные запросы.

Этакий торт «наполеон», о котором грезили на страницах «Искусства кино» наши кинокритики «застойного» времени. Есть здесь «шикарная» жизнь подпольного промышленника-нувориша (С. Говорухин) с юной искательницей приключений (Т. Друбич); есть чистая сентиментальная любовь, вспыхнувшая между нею и не менее юным рок-музыкантом по кличке Бананан (С. Бугаев по прозвищу «Африка», как сказано в титрах). Избиение в отделении юного рок-интеллигента хулиганом, организованное милицией, сменяется модными ныне насмешками над военным мундиром (один из мафиози, переодевшись в форму майора авиации, буянит в ресторане под иронически-издевательскую рок-песенку с припевом «ВВС»); тяжелая работа уголовного розыска по поимке советских мафиози (в роли одного из сыщиков — сам С. Соловьев) перемежается картинками, изображающими жуткие нравы мафиози (здесь и самоубийство некоего лилипута, и гибель несчастного Бананана, вздумавшего соперничать с нуворишем).

Венчает все эти красивые ужасы с банями, теннисом и шампанским сцена убийства промышленника-мафиози его недавней возлюбленной, мстящей за смерть своего второго возлюбленного (то есть Бананана). Снята сцена, как и весь фильм, прекрасно — гостиничный номер-люкс, мягкий свет, красивая Т. Друбич в неглиже с огромным пистолетом в руке, выстрелы, удивление в глазах жертвы. И вот уже С. Говорухин красиво лежит в залитой кровью ванной вместе с розами, предназначавшимися возлюбленной, а задумчивая мстительница слушает записанную на кассете песенку Бананана. Чувствительные представительницы слабого пола не выдерживают — зал рыдает, милиция на экране оперативно начинает расследование убийства, Бананан поет.

Рок-музыка царит в фильме — самые известные «группы» согласились участвовать в первой советской профессионально сделанной картине, открыто заявляющей и прославляющей существование отдельной, самостоятельной «молодежной культуры»: особые одежды, прически, жаргон, манера общения, музыка и т. п. Постановщик не льстит молодым, он «прямо, по-стариковски» говорит им об их особости и «культурной самобытности». Постоянное включение в действие концертных «рок»-номеров (действие с этой целью часто переносится в ресторан) усиливает «исключительность» фильма в глазах как юных поклонников снимающихся в нем «групп» и исполнителей, так и великовозрастных сторонников «коммерциализации» кинематографа.

О «коммерции» следует поговорить особо. Ведь выпуск «Ассы» на экран предварялся невиданной ранее у нас рекламой: огромные настенные календари, плакаты, майки с надписью «Асса», телевизионные рекламные ролики с поющей блондинкой, счастливо обзаведшейся темной косой на затылке, — трудно перечислить все то, что было задействовано. Жаль, что картина не была представлена на проходившем в сентябре 1988 года I Всесоюзном фестивале коммерческого кино в Одессе. Можно себе представить, в какой восторг привели бы участников фестиваля, скажем, бесстыдные (по их собственным словам) полуобнаженные фигуристые девчушки с... надписями «Асса» на всяких интересных местах или... «лезгинка» тех же девчушек в ресторанном зале с выкриками «Асса!» и в сопровождении барабанов какой-нибудь «группы повышенного риска»...

Но что тут судачить, хороша ложка к обеду. Со скоропортящимися продуктами всегда незадача — до ужина не все заготовленные блюда удается сохранить в первозданной свежести. Огромный портрет Брежнева, мимо которого проскакивают герои, приятно щекотал бы нервы всесоюзного зрителя еще в прошлом году, когда «застойного лидера» не очень-то поминали. Сегодня, когда фильм пошел широким экраном (задержавшись не по вине режиссера), этот эпизод уже «не играет». Да и «сладкой жизнью» подпольного промышленника сегодня так, как год назад, уже никого не удивишь — мы «про мафию» уже начитались, мы «воров в законе» мало знаем. Теперь нам это подавай.

Да и некоторые «специфические» темы С. Соловьев не

осмелился затронуть в «Ассе», опасаясь, видимо, испортить свой торт «наполеон» специями — делался-то фильм в самом начале перестройки. Всем, например, известно, что слова «рок-культура» и «культура наркотиков» — синонимы, что расцвет «психоделического» и «кислотного» рока на Западе сопровождался не только «секс-революцией», но и «наркореволюцией», широким распространением героина и ЛСД. Дело не только в том, что Джон Леннон употреблял наркотики с подросткового возраста и всю жизнь (своему сыну Джулиану он предложил их попробовать в двенадцать лет), но и в том, что сами песни тех же «Битлз» и всех иных «групп» несли на себе печать наркотического сознания («Lucy in the sky with diamonds», «Day tripper» и многие другие), что сами рок-ритмы воздействуют на сознание подобно наркотикам.

В фильме, одной из тем которого является «рок-культура» как таковая, мир наркотиков, к сожалению, не нашел достойного воплощения. Я далек от того, чтобы укорять С. Соловьева в необразованности по части «рок- и секс-революции», связи их, скажем, с сатанинскими культами — это общее место всех западных исследований по «рок-культуре» и даже статей в «их» периодике. В следующем фильме, надо думать, он сможет сделать деньги и на наркотической теме. Ведь «коммерциализация» нашего кинематографа продолжается.

Хорошо бы только, увлекшись приносящей пока прибыли «джигитовкой», наши кинобоссы не позабыли окончательно о том, что их зрители достойны развлечений более высокого порядка.

Александр КРЫМЦЕВ

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

Разговор о новой книге краснодарского критика В. Канашкина «Очарование человека» * я начну с «конца» ее. В заключительной главе автор показывает, как в 20-х годах шла борьба за русского (и шире — «национально окрашенного») человека, как создавались ложные стереотипы и дальнобойные программы, плоды которых мы пожинаем уже не одно десятилетие, и конца этой горькой жатве не видно. В неприятии традиционных типов русского человека, его духовно-нравственных и культурных ценностей, в желании переделать его до основания сошлись А. Луначарский и Н. Чужак, А. Безыменский и П. Коган, Ю. Либединский и И. Эренбург и многие другие. В. Канашкин приводит любопытные предложения, выдвинутые П. Коганом еще в 1925 году, когда Сталину навряд ли подобные мысли приходили в голову: «...при помощи власти созидать безвластие, посредством насилия — свободу, путем войны — братство».

* Канашкин В. Очарование человека. Краснодарское книжное изд-во. 1988.

Кубанский критик на стороне тех писателей, которые, не поддаваясь общему настроению (выраженному в «Ливонской войне» И. Сельвинского так: «Завидую любому, кто не русский»), выступили в защиту национальных традиций. С. Есенин, Н. Клюев, П. Орешин, И. Катаев, И. Макаров, С. Малашкин, И. Касаткин, предвидя великие переломы, выразили тревогу и боль русского народа, по-разному воплотили в своем творчестве заветный идеал русской литературы — очарование человеком.

В отличие от авторов, которые, по словам Ф. М. Достоевского, «всегда видят русский прогресс единственно в самооплевывании», В. Канашкин с «позиций сердца» исследует народные характеры, представленные в творчестве современных прозаиков: Ф. Абрамова, М. Алексеева, В. Астафьева, В. Белова, В. Распутина. В «Канунах» В. Белова В. Канашкин справедливо обращает особое внимание на нравственную неоднородность персонажей как одну из главных причин неоптимистической трагедии в романе. Правда, думаю, нужно более определенно сказать о тех явлениях, которые способствовали тому, что игнахи сопроновы и меерсоны (звенья одной цепи, ее разные уровни) оказались и остались наверху, при нагане и печати. Речь идет и о застойных временах, когда процветали генетические родственники Сопронова и Меерсона, например, Михаил Бриш («Все впереди») и ему подобные — люди с особой системой духовно-нравственных ценностей, клан избранных, желающих моделировать поведение «прокаженных». В отличие от В. Лакшина и некоторых других исследователей кубанский критик указывает на принципиальную основу расхождений, противостояния, противоборства Бриша и Иванова. Трагизм «Все впереди» создается не столько «обилием «невероятных катастроф», смертей, всякого рода катаклизмов», сколько общей атмосферой безысходности и беспросветности, отсутствием сил, готовых достойно сражаться со злом.

В главе «На развороте полярных сил» В. Канашкин обзорно рассматривает творчество многих писателей и деятелей культуры — Э. Рязанова, Б. Окуджавы, Н. Михалкова, Ж. Бичевской, В. Лебедева-Кумача, С. Михалкова, В. Каверина, Б. Пастернака, В. Инбер и других. Продолжая разговор, начатый в книге «На пути к себе», критик поясняет и уточняет свою позицию, противостоящую распространенной точке зрения, согласно которой народность или автоматически присуща художникам в силу их «советскости», или определяется его популярностью.

Большое место в книге занимают заметки о М. Лобанове и А. Ланщикове, В. Чалмаеве и Ф. Кузнецове, Ю. Суровцеве и И. Дедкове. Критика критики — двойное зрение, выражающее, может быть, наиболее наглядно мировоззрение и позицию автора.

В. Канашкин не скрывает своих, условно говоря, симпатий и антипатий, что не мешает ему быть объективным в оценках и трезвым в суждениях. При характеристике авторов, близких ему по духу, он не сбивается к застольному тосту, пытается выявить

не только достижения. Так, автор книги четко определяет эволюцию В. Чалмаева в 70-е годы, вызванную «рядом суровцевских и озеровско-гринбергских директив-инъекций», приведших к «некоему благоразумному равновесию».

Мужество поступка и мужество мысли всегда были присущи творчеству М. Лобанова. И не случайно именно он является ключевой фигурой в заметках В. Канашкина о современной критике. М. Лобанов говорил правду и в 60—70-е годы, и в начале 80-х. Статья «Освобождение» в журнале «Волга» переполнила чашу терпения сильных мира сего, и критика пытались его отлучить от литературы, как сделали это годом ранее с Ю. Селезневым... Не вышло, к счастью. И сама книга В. Канашкина доказывает, что у М. Лобанова сегодня есть не только единомышленники, но и соратники.

Юрий ПАВЛОВ

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 16.01.90. Подп. в печ. 20.02.90. А02750.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага кн.-журнальная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 19,6.
Тираж 725 000 экз. Заказ 424. Цена 80 коп.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.